

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА

Факультет
государственного
управления

270 МГУ
1755 2025

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ЭЛЕКТРОННЫЙ ВЕСТНИК

PUBLIC ADMINISTRATION
E-journal

ISSN 2070-1381

107
2024

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

Издатель:

Факультет государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Главный редактор:

Никонов В.А. — доктор исторических наук, декан факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Редакция:

Петрунин Ю.Ю. — заместитель главного редактора, доктор философских наук, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

Сухарева М.А. — ответственный секретарь, кандидат экономических наук, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

Федько М.В. — редактор, кандидат филологических наук, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

Рибрикова А.Г. — технический редактор, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Редакционная коллегия:

Никонов В.А. — доктор исторических наук (МГУ, Москва, Россия);

Петрунин Ю.Ю. — доктор философских наук (МГУ, Москва, Россия);

Акаев А.А. — доктор технических наук, академик РАН (МГУ, Москва, Россия);

Барабашев А.Г. — доктор философских наук (НИУ ВШЭ, Москва, Россия);

Воронов А.С. — доктор экономических наук (МГУ, Москва, Россия);

Глазьев С.Ю. — доктор экономических наук, академик РАН (МГУ, Москва, Россия);

Григорьева Н.С. — доктор политических наук (МГУ, Москва, Россия);

Гулямов С.С. — доктор экономических наук (Агентство статистики, Ташкент, Узбекистан);

Гурский В.Л. — доктор экономических наук (БИП, Минск, Беларусь);

Кудина М.В. — доктор экономических наук (МГУ, Москва, Россия; МГУ-ППИ, Шэньчжэнь, Китай);

Леонтьева Л.С. — доктор экономических наук (МГУ, Москва, Россия);

Лившин А.Я. — доктор исторических наук (МГУ, Москва, Россия);

Нарбут Н.П. — доктор социологических наук (РУДН, Москва, Россия);

Певная М.В. — доктор социологических наук (МГУ, Москва, Россия);

Пушкарева Г.В. — доктор политических наук (МГУ, Москва, Россия);

Селезнева А.В. — доктор политических наук (МГУ, Москва, Россия);

Смакотина Н.Л. — доктор социологических наук (МГУ, Москва, Россия);

Смотрицкая И.И. — доктор экономических наук (Институт экономики РАН, Москва, Россия);

Соловьев А.И. — доктор политических наук (МГУ, Москва, Россия);

Сухарева М.А. — кандидат экономических наук (МГУ, Москва, Россия);

Танрыверди М. — PhD (Стамбульский университет, Стамбул, Турция);

Тимофеев А.Ю. — доктор исторических наук (Институт новейшей истории, Белград, Сербия);

Федорова М.М. — доктор политических наук (Институт философии РАН, Москва, Россия);

Федько М.В. — кандидат филологических наук (МГУ, Москва, Россия);

Феррейра К. — PhD (Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия);

Чжао Ли-ли — доктор юридических наук (Шаньдунский университет науки и технологий, Циндао, Китай);

Яковлева А.Ф. — кандидат политических наук (ИМЭМО РАН, Москва, Россия).

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре как сетевое издание (свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Эл № 77-6880 от 10 апреля 2003 года и Эл № ФС77-56592 от 26 декабря 2013 года).

Международный стандартный серийный номер журнала **ISSN 2070-1381**.

Издание входит в систему РИНЦ на платформе eLIBRARY.ru (сублицензионный договор № 19-10/09 от 12 ноября 2009 года). Журнал входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются Высшей аттестационной комиссией России (ВАК РФ) при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по экономике, социологии, и политологии (с 22 октября 2010 года).

Журнал выходит 6 раз в год. Все номера находятся в свободном доступе на сайте: <https://spajournal.ru>.

Статьи журнала доступны в открытом доступе на основании принятой Лицензии Creative Commons: **Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0)**.

Адрес редакции: 119992, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, каб. А-701. Тел.: +7 (495) 930-85-71.
E-mail: e-journal@spa.msu.ru

Founding Organization:

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M.V. Lomonosov Moscow State University.

Publisher:

School of Public Administration Lomonosov Moscow State University.

Editor-in-chief:

Vyacheslav A. Nikonov — DSc (History), Dean of School of Public Administration, Moscow, Russia.

Editorial staff:

Yury Y. Petrunin — Deputy editor-in-chief, DSc (Philosophy), School of Public Administration, Moscow, Russia;

Maria A. Sukhareva — Executive Secretary, PhD, School of Public Administration, Moscow, Russia.

Maria V. Fedko — Editor, PhD, School of Public Administration, Moscow, Russia.

Anastasia G. Rebrikova — Layout editor, School of Public Administration, Moscow, Russia.

Board of Editors:

Vyacheslav A. Nikonov — DSc (History), Dean of School of Public Administration (MSU, Moscow, Russia);

Yury Y. Petrunin — DSc (Philosophy) (MSU, Moscow, Russia);

Askar A. Akayev — DSc (Technical Sciences), Academician of the Russian Academy of Science (MSU, Moscow, Russia);

Alexey G. Barabashev — DSc (Philosophy), (HSE, Moscow, Russia);

Sergey Yu. Glazyev — DSc (Economics), Academician of the Russian Academy of Sciences (MSU, Moscow, Russia);

Natalia S. Grigorieva — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Saidakhror. S. Gulyamov — DSc (Economics) (Statistics Agency, Tashkent, Uzbekistan);

Vasiliy L. Gursky — DSc (Economics) (BIP, Minsk, Belarus);

Marianna V. Kudina — DSc (Economics) (MSU, Moscow, Russia; MSU-BIT, Shenzhen, China);

Lidiya S. Leontieva — DSc (Economics) (MSU, Moscow, Russia);

Alexander Y. Livshin — DSc (History) (MSU, Moscow, Russia);

Nikolay P. Narbut — DSc (Sociological Sciences) (RUDN, Moscow, Russia);

Maria V. Pevnaya — DSc (Sociological Sciences) (MSU, Moscow, Russia);

Galina. V. Pushkareva — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Antonina. V. Selezneva — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Natalia V. Smakotina — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Irina I. Smotritskaya — DSc (Economics) (Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia);

Alexander I. Solovyev — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Maria A. Sukhareva — PhD (MSU, Moscow, Russia);

Mustafa Tanriverdi — PhD, (Istanbul University, Istanbul, Turkey);

Aleksej Yu. Timofejev — DSc (History) (Institute for Recent History, Belgrade, Serbia);

Aleksandr S. Voronov — DSc (Economics) (MSU, Moscow, Russia);

Maria V. Fedko — PhD (MSU, Moscow, Russia);

Maria M. Fedorova — DSc (Political Science) (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia);

Kelly de Souza Ferreira — PhD (PUC Campinas, Campinas, Brazil);

Alexandra F. Yakovleva — PhD (IMEMO RAS, Moscow, Russia);

Li-li Zhao — DSc (Law) (Shandong University of Science and Technology, Qingdao, China).

The journal is officially registered by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation.

International serial number of the magazine is **ISSN 2070-1381**.

“E-journal. Public Administration (Russia)” is included into RISC (Russian Index of Scientific Citation) and a Higher Attestation Commission (VAK) list.

The journal is published 6 times a year. All issues are available on the website: <https://spajournal.ru>.

The articles published in the journal are available on the basis of Creative Commons: **Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0)**.

Address: 119992, Moscow, Lomonosovskiy prospekt 27/4, room A-701. Telephone: +7 (495) 930-85-71.
E-mail: e-journal@spa.msu.ru

Содержание

Председательство Российской Федерации в БРИКС в 2024 году

Никонов Вячеслав Алексеевич

Саудовская Аравия — новый участник БРИКС 7

Ленков Илья Николаевич; Осипов Владимир Сергеевич

Трансформация международной финансовой системы: роль платформы BRICS Bridge..... 39

Экономические вопросы управления

Иванова Маргарита Валерьевна

Новые возможности развития венчурного рынка России для обеспечения технологического суверенитета 50

Кичигин Олег Эмильевич

К вопросу о классификации институциональной ренты как социально-экономической категории рентных отношений: методологический аспект..... 62

Насырова Светлана Ирековна

Креатосфера человекоориентированной экономики: концептуальные основы управления 77

Никоноров Сергей Михайлович; Куликова Анастасия Николаевна

Плавающая атомная теплоэлектростанция как драйвер устойчивого развития городов Арктики (на примере Певека) 90

Панова Екатерина Андреевна

Факторы, влияющие на технологическое развитие малых и средних промышленных предприятий..... 102

Правовые и политические аспекты управления

Алаудинов Апты Аронович

Роль частных военных компаний и добровольческих формирований в военном конфликте на Украине как части гибридной войны коллективного Запада против России..... 115

Григорьева Наталия Сергеевна; Чубарова Татьяна Владимировна

Международная передача знаний в контексте политического процесса: роль причинных механизмов..... 135

Чень Сыли; Михайлова Ольга Владимировна

«Сияние жемчужин»: возможности и перспективы участия женщин в общественно-политической жизни в современном Китае 152

Хлопко Антон Павлович

Эволюция структуры органов ОДКБ в контексте трансформации военно-политической обстановки на постсоветском пространстве 161

Региональная экономика

Вареник Мария Сергеевна

Влияние научной и инновационной активности на ВРП регионов России: корреляционно-регрессионный анализ..... 171

Сергеев Степан Сергеевич

Особенности пространственной трансформации регионов Российской Федерации 181

Стратегия цифровой экономики

Петрунин Юрий Юрьевич

Коллизии методологии и эпистемологии в науке о данных 194

Социология управления

Зайцева Татьяна Вячеславовна

Квалификационный и компетентностный подходы на государственной гражданской службе: квалификация как базис, компетенция как цель 206

Contents

Russian 2024 BRICS Chairmanship

Vyacheslav A. Nikonov

Saudi Arabia as a New Member of BRICS 7

Илья N. Lenkov; Vladimir S. Osipov

Transformation of International Financial System: The Role of BRICS Bridge Platform 39

Economic issues in administration

Margarita V. Ivanova

New Opportunities for Developing Russian Venture Market to Ensure Technological Sovereignty 50

Oleg E. Kichigin

On the Issue of Classification of Institutional Rent as a Socio-Economic Category of Rent Relations: Methodological Aspect 62

Svetlana I. Nasyrova

Creatosphere of Human-Oriented Economy: Conceptual Foundations of Management 77

Sergey M. Nikonorov; Anastasiia N. Kulikova

Floating Nuclear Power Plant as a Driver for the Sustainable Development of Arctic Cities (on the Example of Pevek) 90

Ekaterina A. Panova

Determinants of Technological Development in Small and Medium-Sized Industrial Enterprises 102

Legal and political aspects of public administration

Apty A. Alaudinov

The Role of Private Military Companies and Volunteer Formations in the Military Conflict in Ukraine as a Part of the Western Hybrid War against Russia 115

Natalia S. Grigorieva; Tatiana V. Chubarova

International Knowledge Transfer in the Context of Political Process: The Role of Causal Mechanisms 135

Chen Sili; Olga V. Mikhaylova

“Shine of Pearls”: Opportunities and Prospects for Women’s Participation in Socio-Political Life in Modern China 152

Anton P. Khlopko

Evolution of CSTO Bodies’ Structure in the Context of Transformation of Military and Political Situation in the Post-Soviet Space 161

Regional economy

Maria S. Varenik

Impact of Research and Innovative Activity on Russian Regions' GRP: Correlation and Regression Analysis 171

Stepan S. Sergeev

Peculiarities of Spatial Transformation of the Russian Federation Regions 181

Digital economy strategy

Yuriy Yu. Petrunin

Collisions of Methodology and Epistemology in Data Science 194

Sociology of management

Tatiana V. Zaytseva

Qualification-Based versus Competency-Based Approaches in the Public Service: Qualification as a Foundation, Competency as a Goal 206

Председательство Российской Федерации в БРИКС в 2024 году
Russian 2024 BRICS Chairmanship

УДК 930.85

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-7-38

Саудовская Аравия — новый участник БРИКС

Никонов Вячеслав Алексеевич

Доктор исторических наук, декан факультета государственного управления, SPIN-код РИНЦ: [3908-7388](https://elibrary.ru/3908-7388),
Nikonov@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

В статье анализируется политическое, экономическое и религиозное развитие Саудовской Аравии и ее роль в региональной и мировой политике. Утверждается, что Королевство Саудовская Аравия представляет собой влиятельную державу Ближнего Востока, центр исламского мира и энергетическую сверхдержаву, одну из трех современных стран, имеющих название в честь правящей династии — саудитов. Исследуется история различных государственных образований, с древности существовавших на территории современной Саудовской Аравии, созданной только в 1932 году. Особое внимание в статье уделяется происхождению ислама, деятельности пророка Мухаммеда и арабским завоеваниям. Подчеркивается, что в течение первых веков своей истории ислам доминировал на мировой политической сцене, в культуре и международных отношениях. Проводится анализ периода египетского и османского господства на Аравийском полуострове, создания и функционирования первого и второго Саудовского государства в XVIII-XIX веках, а затем и Королевства Саудовская Аравия, его взаимоотношений с Великобританией и США в новейшее время. Отдельно рассматривается роль нефтяного и религиозного фактора в истории этой страны, а также основные особенности ее современного политического и экономического развития. Изучается активность государства на региональном и глобальном уровне, анализируются основные аспекты сотрудничества официального Эр-Рияда с новыми центрами силы, включая Российскую Федерацию. В результате анализа делается вывод, что сегодня Королевство Саудовская Аравия стремится стать ведущим игроком Ближнего Востока и в этом качестве занять значимое место на мировой арене.

Ключевые слова

Королевство Саудовская Аравия, пророк Мухаммед, ислам, арабские завоевания, нефть, арабо-израильский конфликт, «арабская весна», российско-саудовские отношения.

Для цитирования

Никонов В.А. Саудовская Аравия — новый участник БРИКС // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 107. С. 7–38. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-7-38

Saudi Arabia as a New Member of BRICS

Vyacheslav A. Nikonov

DSc (Historical Sciences), Dean of School of Public Administration, Nikonov@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article analyzes the political, economic and religious development of Saudi Arabia and its role in regional and world politics. It is claimed that the Kingdom of Saudi Arabia is an influential power in the Middle East, the center of the Islamic world and an energy superpower, one of three modern countries named after the ruling dynasty — the Saudis. The author explores the history of various state entities that have existed in Saudi Arabia since ancient times. The article pays special attention to the origin of Islam, the activities of the Prophet Muhammad and the Arab conquests. It is emphasized that during the first centuries of its history, Islam dominated the world political scene, culture and international relations. The analysis of the period of Egyptian and Ottoman rule on the Arabian Peninsula, the creation and functioning of the first and second Saudi states in the 18-19 centuries, and then the Kingdom of Saudi Arabia, its relations with the United Kingdom and the United States in modern times. The role of the oil and religious factors in the history of this country, as well as the main features of its modern political and economic development, is considered separately. The activity of the state at the regional and global levels is studied, the main aspects of official Riyadh's cooperation with new centers of power, including the Russian Federation, are analyzed. The author concludes that today the Kingdom of Saudi Arabia is striving to become a leading player in the Middle East and thus take a significant place on the world stage.

Keywords

Kingdom of Saudi Arabia, Prophet Muhammad, Islam, Arab conquests, oil, Arab-Israeli conflict, Arab spring, Russian-Saudi relations.

For citation

Nikonov V.A. (2024) Saudi Arabia as a New Member of BRICS. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 107. P. 7–38. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-7-38

Дата поступления/Received: 23.10.2024

Введение

Королевство Саудовская Аравия (КСА) — одна из наиболее значимых стран Ближнего Востока, энергетическая сверхдержава. Это огромная по площади страна — 2 150 тысяч кв. км, где проживает 37 млн человек; ВВП составляет больше 1 трлн долл. КСА неуклонно повышает свою роль на международной арене, являясь членом G20 и щедрым донором.

Саудовскую Аравию часто называют «Страной двух святынь», имея в виду Мекку и Медину — два главных священных города ислама. Коран называет Мекку «Матерью городов», «Страной мусульман», «Местом, очищающим от грехов». Сердце Мекки — Кааба, «место, окруженное почетом и уважением». Кааба — старейший, как гласят арабские предания, храм на земле, расположенный «точно под небесным тронном Господа». Пресветлую Медину (Йасриб в прошлом), по тем же преданиям, заложил, разбив там свой шатер, Йасриб ибн Кабиа, внук Арима, сына Сима, сына Ноя. Главная святыня Медины — Мечеть Пророка. В ней захоронены Пророк Мухаммед и праведные халифы Абу Бакр и Умар [Сенченко 2020, 441, 445].

Кроме того, королевство, на территории которого располагается штаб-квартира Организации исламского сотрудничества (ОИС), играет ведущую роль в мусульманском мире.

Из глубины тысячелетий

Ученые достаточно единодушны в том, что человек разумный покинул свою прародину в Африке именно через Аравию, откуда распространился на большую часть Евразийского континента [Дартнелл 2022, 51]. Как высчитали ученые, примерно 70 тысяч лет назад *Homo sapiens* перебрался из Восточной Африки в Аравию [Харари 2018, 21–24; Уэйд 2019, 19–20].

В V – начале IV тысячелетия до н. э. нижнемесопотамские субареи создали особую, убеидскую археологическую культуру. Ее носители овладели знаниями выплавки меди и расселились на пространстве от Центрального Загроса через Верхнюю Месопотамию и Сирию к Средиземному морю, а также в Северо-Восточной Аравии, включая Бахрейн [Немировский 2011а, 72].

Самые ранние письменные упоминания об Аравии принадлежат шумерам. В их сказаниях Земля Дильмун представала как единственное место на Земле, сохранившееся после Великого потопа в своем «первозданном виде, чистом и непорочном». Именно там жил Зиусудра, шумерский Ной. Посещал Дильмун в поисках цветка бессмертия и Гильгимеш, легендарный властелин блистательного Урука (конец XXVII – начало XXVI в. до н. э.). Правда, следует заметить, что Дильмун связывают с современным Бахрейном, а не с Саудовской Аравией [Сенченко 2020, 14].

Территория Саудовской Аравии — историческая родина арабских племен, которые первоначально обитали на северо-востоке, а во II тысячелетии до н. э. заняли весь Аравийский полуостров.

С начала I тысячелетия до н. э. на юге Аравийского полуострова существовали Минейское и Сабейское царства, в качестве их транзитных торговых центров возникли древнейшие города Хиджаза — Мекка и Медина. Хиджаз в переводе с арабского языка значит «преграда». В сводах «аравийской старины» Хиджаз — «пояс раздела», отделяющий приморский край Верхней Аравии от плоскогорий.

Первым царем Хиджаза предание называет Джурхума, брата Йараба, первого владыки Древнего Йемена. Оба они были сыновьями Кахтана (библейского Иоктана). Согласно преданиям племен Южной Аравии, потомки Йараба ибн Кахтана, памятуя о своем великом предке, основавшем первое великое царство в Йемене, прозвали одно из мест их обитания Землей Йараба (Ард ал-Йараб) или просто Араба, а людей, проживавших там, — арб-эль-Араба, то есть людьми рода Йараба.

Когда Йараб заложил в Йемене первое царство, его брат Джурхум переселился со своим кланом в Хиджаз и осел в районе Мекки. Долгое время джурхумиты управляли Меккой, пока ее не отбило пришедшее из Йемена племя бану хузаа, уступившее впоследствии город племени бану курайш [Сенченко 2023, 433–435].

Ветхозаветные тексты начиная с X в. до н. э. и греческие ученые середины I тысячелетия до н. э. уже знают широкую общность «арабов» в целом от Синая до Евфрата.

Арабские племена упоминаются во многих ассирийских и вавилонских текстах. Так, в надписях, датированных временем ассирийского царя Салманасара III (правил в 858–824 до н. э.) рассказывалось о его победе над коалицией царей Сирии и Палестины, на стороне которых сражались и племена кочевников из «земель арабов» в количестве «одной тысячи на верблюдах» [Сенченко 2020, 16].

Ассирийцам хорошо были известны таймиты, потомки Тайма, которые проживали на северо-востоке Хиджаза. Через их земли пролегал торговый караванный путь между Мединой и Ад-Дума. Ассирийские цари Тиглатпаласар III (правил в 745–727 до н. э.) и Синаххериб (705–680 до н. э.) [Сенченко 2023, 436] получали дань с Таймы.

Саргон II (722–705 до н. э.) одним из первых среди владык Ассирии стал формировать из вассальных ему кочевых племен Аравии охранные сторожевые посты у «границ с пустыней», а также военизированные отряды караванщиков для обеспечения безопасности торговых путей из Ассирии в Египет и обратно. Именно благодаря помощи арабов царь Асархаддон в 671 г. до н. э., «собрав верблюдов со всех покоренных им земель арабов и нагрузив на них кожаные емкости с водой», смог пересечь песчаные просторы пустыни и продвинуться в Египет [Сенченко 2020, 16–17].

Трижды вторгнулся в Хиджаз во время своих походов в Аравию в 659–657 гг. до н. э. ассирийский царь Ашшурбанипал. Зачинщиков мятежа в Хиджазе он приказал приковать к столбам за руки и ноги цепями, содрать с них кожу и отправить в кожевенные мастерские в Ниневию [Сенченко 2023, 455].

В конце VII в. до н. э. Ассирия пала, уступив Вавилону свое место сверхдержавы Древнего Востока. Оставили свой след в истории Аравии два выдающихся правителя Вавилона — Навуходоносор II (605–562 до н. э.) и Набонид (555–538 до н. э.), последний царь Нововавилонского царства.

Навуходоносор II вторгся в Хиджаз. Часть его населения «с насиженных мест изгнал», многих обратил в рабство и увел в Вавилон. Набонид целых десять лет посвятил завоеваниями в Северной Аравии [Дандамаев 2011, 310]. В 552 г. до н. э. он сделал Тайму своей резиденцией, действуя в завоеванных им землях Верхней Аравии огнем и мечем. Он надругался над властелином Дедана, казнил правителя Таймы.

Персидский царь Камбиз (правил в 530–522 до н. э.) во время своего успешного похода для завоевания Египта также смог успешно пересечь пустыню благодаря помощи, оказанной ему арабами.

Потомки Исмаила, которых аравийцы именуют порой хаджаритами в честь Хаджар, матери Исмаила, основали блистательную Герру, крупный перевалочный центр морской и караванной торговли Древнего мира. Историки и географы античности отзывались о Герре как о «городе грез, пристанище торговли и ремесел». К исмаилитам принадлежат такие легендарные племена Аравии, как ал-мудар, ал-аназа и бану курайш. Из племени ал-аназа происходит род Аль Сауд, правящий в Королевстве Саудовская Аравия. К племени бану курайш, господам доисламской Мекки, принадлежал Пророк Мухаммед [Сенченко 2023, 436–439].

Мекка — это древнейший религиозно-культурный, культурный и торговый центр Аравии. Торговые караваны, снаряжавшиеся мекканскими купцами, ходили в Йемен, Петру и Пальмиру, в Византию и Персию. Название Макораба произошло (вероятно) от слов «макан» и «рабб» (Господь), что значит «Место Господне» или «Дом Господа» на земле», отмеченное сброшенным с небес Священным Черным камнем. У арабов Древней Аравии Кааба считалась центром Земли [Там же, 471–472].

Древнеарабская политеистическая религия носила в основном родовой характер: культ осуществлялся жреческими родами (как и у древних евреев). «Ведущими божествами были Астар на Юге, Аллаху («Бог», высшее божество) и Душара (бог грома и плодородия, реальный управитель мира) у набатеев, а также лунный бог, известный в разных регионах под разными именами» [Немировский 2011b, 280].

Греки, а затем и римляне делили Аравию на три части: Пустынная Аравия (*Arabia deserta*) — песчаные пустыни к югу от Пальмиры до самого полуострова; Счастливая Аравия (*Arabia felix*) — собственно Аравийский полуостров; Каменистая Аравия (*Arabia petraea*) — первоначально только область города Петры на северо-запад к египетской границе, а позднее вся область. Грекам известны были лишь берега полуострова, поэтому они считали эту страну плодороднее, чем она была в действительности. Геродот утверждал: «А на юге самая отдаленная из населенных стран — это Аравия. И ни в одной другой земле, кроме Аравии, не растут ладан, мирра, касия, кинамом и ледан. Все эти благовония, за исключением мирры, арабы добывают с трудом... Вся земля Аравийская благоухает божественным ароматом»¹.

Большой интерес к Аравии проявил Александр Македонский. Пока его войска были заняты осадой Тира, Александр совершил поездку в Аравию на гору Антилибан. Но пробыл там только десять дней, оставив борьбу с арабами и завоевание Аравии на будущее [Олмстед 2022, 542].

Это будущее пришло на склоне дней Александра. Он начал готовиться к походу «против аравитян», поскольку, как сообщал Арриан, «многочисленные племена их одни только из тамошних варваров не слали к нему в Вавилон послов своих с дарами, не выказывали ни смирения, ни покорности». Александр полагал, что его слава покорителя величайших царств и народов мира и победа над племенами «Острова арабов», в чем он нисколько не сомневался, а также свобода и самостоятельность, «оставленные им в управлении земель их по их же законам», сделают его не только кумиром аравитян, но и их божеством. Судьба, однако, распорядилась иначе. За три дня до начала экспедиции Александр Македонский скончался [Сенченко 2020, 83].

Попытки подчинить себе земли Аравии предпринимали правители Древнего Рима, у которого существовали и торговые связи с Аравией. Несколько караванных трас связывали юг Аравийского полуострова — главный источник благовоний и специй для Средиземноморья — с Римом и Парфией [Кошеленко 2011, 651].

В первые годы правления Октавиана Августа его легаты попытались завладеть Эфиопией и Счастливой Аравией. «Они зашли почти на тысячу миль к югу от тропика, но знойный климат скоро принудил завоевателей возвратиться назад и послужить охраной для миролюбивого населения этих далеких стран» [Гиббон 2022, 6]. Во внутреннюю Аравию ни греки, ни римляне не вступали. Экспедиция Элия Галла при Августе в 25 г. потерпела неудачу.

Начало эпохе славы и величия Римской империи на Востоке положил император Траян (правил в 98–117 гг.). Он покорил Nabateyское царство, и в 106 г. Аравия Каменистая, или Nabateyская, образовала римскую провинцию Аравию². Именно тогда наступил расцвет Пальмиры — древнего города в северо-западной Сирии на торговых путях между Востоком и Западом.

¹ Геродот. История. СПб.: Азбука-Аттикус, 2018. С. 252, 255.

² Любкер Ф. Иллюстрированный словарь античности. М.: Эксмо, 2005. С. 91.

От императора Каракалы Пальмира получила статус римской колонии. Ее правительница Зенобия, воспользовавшись ослаблением Римской империи, объявила в 267 г. о независимости Пальмиры и в течение нескольких лет захватила часть Месопотамии, Сирии, Аравию и Египет. Пальмира стала метрополией Востока. Зенобия воевала против Рима, однако ее войска были разбиты императором Аврелианом в 272 г. [Уколова 2011, 663].

Арабы становились все более заметной силой на исторической арене, превращаясь из объекта мирового исторического процесса в его активный субъект. «Завоевание Востока арабами началось не при Магомете. Задолго до него жившие в пустыне племена просочились на окраины византийского и персидского миров, пользуясь слабостями двух этих империй для бесшумного и незаметного проникновения. Этот процесс оставался незаметным: кочевники появлялись небольшими группами на краю пустыни и постепенно обживались на окультуренных землях, так что в один прекрасный день сасанидский или византийский губернатор обнаруживал, что управляет не персами и греками; что под его началом оказываются одни семиты», — писал Р. Груссе [Груссе 2022, 80].

Возросшее арабское влияние материализовалось в возникновении двух оформленных эмиратов: один, династии Лахмидов, образовался в Хире, на правом берегу Евфрата и зависел от Персидской империи; другой, Гассанидов, появился в Хуране и Белке и подчинялся Римской империи. Арабы, обитавшие на рубежах Персии и Византии, представляли для обеих империй «резервуар военной силы» с богатым опытом ведения боевых действий в пустыне. Византийцы использовали Гассанидов для защиты своих границ от Персии, а персы точно так же использовали Лахмидов против Византийской империи [Там же, 80–81]. Причем правившие в эмиратах Лахмидов и Гассанидов династии Насридов и Джафнидов уделяли первостепенное внимание не только военной подготовке своих армий, но и содержанию своих дворов по образу и подобию дворов властителей Персии и Византии. Роль вассальных «пограничных арабов» как инструмента политики Персии и Византии заметно возросла в VI в. в период острого соперничества Константинополя и Ктесифона.

Царство Лахмидов просуществовало до 602 г., когда персидский царь Хосров II Парвиз (591–628) за пугавшую его самостоятельность и инициативность в «выделенных ему уделах арабов» пригласил царя Нуамана V в Ктесифон, где он был с почетом встречен, а потом растоптан слонами [Сенченко 2020, 75–79]. Но вскоре арабское племя Бакр наголову разгромило лишившуюся союзников (Лахмидов) персидскую армию в битве при Зу-Каре, на правом берегу Нижнего Евфрата. Эта битва, носившая сугубо локальный характер, «открыла арабскому миру слабость огромной империи Сасанидов. Пришел час ислама» [Груссе 2022, 82]. И арабов.

В. Ирвинг писал об арабе: «Он бы легок и худ, но мускулист и деятелен, способен переносить значительную усталость и трудные переходы. Он был умерен и даже воздержан, обходясь малым количеством пищи, и притом самой простой. Его ум, как и его тело, был легок и подвижен. Он обладал интеллектуальными свойствами семитской расы, тонкой проницательностью, остроумием, быстротой соображения и блестящим воображением. Он воспринимал все быстро и горячо, но у него часто менялось настроение. Можно было быстро увлечь красноречием и очаровать прелестью поэзии. Говоря на языке очень богатом, слова которого сравнивались с жемчужинами и цветами, он был оратором по природе; но он восторгался больше пословицами и остроумными изречениями, чем последовательной логической речью, и был склонен выражать свои мысли в восточном духе — нравоучительными баснями и притчами» [Ирвинг 2018, 13]. Традиция устного арабского рассказа восходит к далеким доисламским временам, когда кочевники Аравии из поколения в поколение передавали предания о межплеменных войнах и других событиях бедуинской жизни [Фильштинский 2008, 326].

Обособленное положение арабов, обширные пустыни служили защитой от завоеваний врагами, а их внутренние раздоры, недостаток общих политических и религиозных уз были причиной их рассеянности. Арабы не представляли опасности как завоеватели, поскольку были разделены, в том числе и по религиозному признаку.

Центральным пантеоном идолов племен Аравии во времена джахилии (язычества) являлась Кааба. Этих идолов насчитывалось 360 — по одному на каждый день в году. Племена Древней Аравии — вначале только Хиджаза, а потом и других земель — ежегодно стекались к Каабе для исполнения религиозных ритуалов [Сенченко 2020, 456]. «Ежегодно четыре месяца посвящены были путешествию для поклонения Каабе, и никакое насилие, а тем более никакая война в это время не дозволялось. Враждовавшие племена складывали свое оружие, снимали наконечники с пик, в полной безопасности следовали по самым опасным пустыням и в одеждах богомольцев толпами входили во врата Мекки. Тут они в подражание ангелам семь раз обходили вокруг Каабы, прикасались и целовали таинственный “черный камень”, пили и делали возлияния при источнике Замзем в память своего предка Измаила и, исполнив все остальные обряды, безопасно возвращались домой, чтобы снова взяться за оружие и вести войны» [Ирвинг 2018, 24–25].

Но на Аравийском полуострове распространялись и монотеистические верования. Так, иудейская вера рано проникла в Аравию, хотя и в адаптированном виде, однако многие из ее обрядов, церемоний и традиций прижились в этой земле. Когда Палестина была опустошена римлянами, а Иерусалим взят и разрушен, многие евреи искали убежища в Аравии.

Христианская вера тоже имела последователей среди арабов. Апостол Павел в своем Послании к Галатам говорил, что он, вскоре после того как призван был проповедовать среди язычников, «пошел в Аравию» (Гал 1, 17).

С середины IV в. существенные изменения претерпевала традиционная религия Южной Аравии. Это совпало с объединением всего юго-востока Аравийского полуострова под властью Химьяра, влияние которого распространилось также на Западную и Центральную Аравию вплоть до широты Мекки. Под влиянием иудаизма и христианства в Химьяре отходят на второй план древние божества, вытесняемые неперсонифицированным божеством Рахманан («Милостивый»). Распространение рахманизма, сочетавшего в себе черты как иудаизма, так и христианства, также создавало почву для утверждения в Аравии ислама [Бухарин, Немировский 2011, 398]. «Но настало наконец время, когда враждующие арабские племена объединились одной верой и воодушевились одной общей задачей; явился общий пророк, сплотивший эти разрозненные части, вдохновивший их одной смелой и восторженной идеей и двинувший этих титанов пустыни потрясать и пересоздавать земные царства» [Ирвинг 2018, 16–17].

Пророк Мухаммед и ислам

Основоположник ислама Мухаммед (Мохаммад, Магомет) — выходец из знатного, но обедневшего рода из племени курейшитов. По словам видного британского востоковеда П. Мэнсфилда, «он был человеком гения и вдохновения, который помог изменить историю человечества, — факт, признаваемый далеко не только той пятой частью человечества, которые придерживаются основанной им веры» [Mansfield 2013, 14].

Мухаммед воспитывался в доме хранителя Каабы. Церемонии и обряды, совершившиеся в священном храме, с раннего детства наложили свой отпечаток на мальчика, направили его на религиозные размышления, вскоре поглотившие его всецело [Ирвинг 2018, 25].

Он был хорошо образованным человеком, знавшим религиозные учения и политические порядки соседних государств. А. Тойнби подчеркивал серьезное влияние на его взгляды опыта

Византии: «В общественной жизни Римской империи времен Мухаммеда были две особенности, которые могли произвести особенно глубокое впечатление на сознание аравийского наблюдателя, поскольку в Аравии обе они полностью отсутствовали. Первой особенностью был монотеизм в религии. Второй особенностью были закон и порядок в управлении. Дело жизни Мухаммеда состояло в переносе обоих этих элементов общественного устройства “Рума” на местную аравийскую почву и в объединении арабизированного монотеизма и арабизированной империи в едином институте — всеобъемлющем институте ислама» [Тойнби 2009, 414]. Он начал с самого себя. «Им владела твердая вера во всемогущество Бога и последний суд, но убеждение, переполнявшее его собственное сердце, было настолько сильным, что нашло способ излиться вовне. Он чувствовал, что должен показать свет и путь своим братьям, которые брели ощупью во тьме, и тем самым спасти их от заблуждения» [Велльхаузен 2024, 6].

Мухаммед основал в Мекке небольшую общину и начал проповедовать свои взгляды. Он привлекал на свою сторону друзей, родственников, рабов, но его цель заключалась в том, чтобы привлечь всю Мекку к себе, к своему роду бану хашим и мутталиб, к своему племени — курайшитам. Как араб он испытывал к роду и племени (то есть к народу) такие же чувства, которые мы можем испытывать только к ближайшим домочадцам [Велльхаузен 2024, 7–8]. Мухаммед был глубоко убежден в своем посланничестве. Именно он должен проложить ясный путь сквозь путаницу верований и преданий к чистому и духовному поклонению единому истинному Богу взамен идолопоклонства.

Его религиозная деятельность началась примерно на сороковом году жизни — в 609–610 годах. Мухаммед проводил много времени в аскетических бдениях в пещере на горе Хира близ Мекки, где ему явился архангел Джабраил (известный христианам под именем Гавриил), который начал открывать Мухаммеду текст хранящейся под небесным престолом Аллаха Книги (Корана) и от имени Аллаха возложил на Мухаммеда обязанность сообщать своим соотечественникам повеления Всевышнего. Мухаммед стал проповедовать, но это вызвало сопротивление со стороны купеческой олигархии Мекки, изгнавшей пророка из города. Мухаммед со своими сподвижниками переселился в Медину, и день этого переселения (хиджра), 22 сентября 622 г., положил начало мусульманскому летосчислению.

В Медине — вместо убежища и защиты, которых он только и искал, — Мухаммед встретил почитание, повиновение как властелину и оказался окружен всевозрастающей и воинственной толпой последователей [Ирвинг 2018, 206–207]. И именно Медина стал центром зарождавшегося арабского государства.

После семи лет отсутствия он вернулся в Мекку, но не как прощенный изгнанник, а как господин. В январе 630 г. армия мусульман, насчитывавшая около 10 тысяч человек, взяла город почти без боя. В Мекке Пророк Мухаммед проследовал к Каабе и очистил Храм от символов язычества. Все рисунки на стенах Храма стерли. Выйдя из Каабы Мухаммед сказал: «Пришла истина и исчезла ложь; поистине ложь исчезающая!» [Сенченко 2023, 478].

В 630-е годы Мухаммед смог подчинить себе всю Аравию, привлекая все больше приверженцев и действуя огнем и мечом, и стал главой нового теократического государства. За десятилетие правления он лично возглавил или организовал войска для 80 крупных и мелких сражений [Велаяти 2011, 23–24]. В. Ирвинг писал: «Если он и жаждал всемирного господства, то господства веры; что же касается временной власти, возраставшей в его руках, то он пользовался ею без всякого тщеславия и не употребил ни малейшего усилия, чтобы сделать ее наследственной в своей семье» [Ирвинг 2018, 208].

Ислам перенял очень многое из догматики как иудаизма, так и христианства. Уже в первых строках Корана можно обнаружить многочисленные ссылки на книги Ветхого Завета и Евангелие. В то же время ислам — это четко оформленная и разработанная религия с собственными положениями и принципами, опирающимися на Коран и Сунну (свод высказываний Мухаммеда, первое время передававшихся устно и записанных только в VIII–IX веках). Обычно эти принципы излагают в виде 6 «столпов веры» (основ догматики) и 5 или 6 «столпов ислама» (основ вероисповедной практики).

Первый и главный из столпов веры — вера в Аллаха, единого Бога, творца всего сущего, и отождествление его с единственной истиной. «Аллах есть истина, а то, что вы призываете помимо Него, — ложь», — записано в Коране (Сура 31. Лукман. Аят 29). Самый страшный грех для ислама — многобожие, под которое подпадает и христианство с догматом о триединстве Бога. Ислам — религия однозначно монотеистическая.

В исламе нет привычных для христиан институтов церкви и священства. «В нем нет ни непререкаемого авторитета в догматике, ни авторитета первосвященника, ни собора, устанавливающего догму» [Корбен 2015, 22]. Имамом, то есть предстоятелем, предводителем общности мусульман, может быть любой человек, которого сами верующие выберут из своей среды. «Людей писания», коими считались иудеи, христиане, зароастрийцы и сабии (иракские мандеи, харранская община в Месопотамии), не принуждали принимать ислам, но случаи добровольного обращения в религию победителей были весьма частыми.

Золотой век арабской цивилизации

В течение первых веков своей истории ислам доминировал на мировой политической сцене, в культуре и международных отношениях. Новое вероучение обещало победы, и они стали приходиться — причем над древними, дотоле непобедимыми империями: Византийской и Сасанидской, чьи обширные владения перешли под власть мусульман.

С 632 по 661 г. Медина являлась резиденцией халифов и столицей Арабского халифата, охватившего практически весь Аравийский полуостров. Арабские завоевания начались при халифе Абу-Бакре (632–634) с захвата пограничных территорий в Сирии и Вавилонии. В Вавилонии арабы в 633 г. отобрали у Сасанидов Хиру.

Ко времени правления второго халифа Умар ибн аль-Хаттаба (634) относится правило, согласно которому в Хиджазе (сегодня — в Медине и Мекке) не имеют права проживать немусульмане. В Палестине 30 июля 634 г. арабы разгромили византийскую армию при Аджнадейне, в сентябре 635 г. капитулировал Дамаск. Византийский император Ираклий, выйдя из оцепенения, отправил в Сирию восьмидесятитысячную армию, которую арабы 20 августа 636 г. разгромили на берегах Ярмука, восточного притока Иордана. Эта победа принесла арабам два крупнейших города Северной Сирии — Алеппо и Антиохию. Персидскую империю Сасанидов арабы стремительно завоевали, одержав победы в битвах при Кадисии в 637 г. и при Нихавенде в 642 г.

Мусульманские повести о завоевании Египта начинаются легендой о том, как Амр ибн аль-Ас впервые узнал о его богатствах на базарах Иерусалима. После чего лично обсудил с халифом Умаром план вторжения в Египет и получил его одобрение. Амр выступил с силами от 3500 до 4000 человек, которые были собраны из разных племен, прежде всего из племени акк, обитавшего в Йемене. В Египте арабам помогло то, что они встретили поддержку коптского населения, недовольного властью византийцев. Александрия была сдана без боя 29 сентября 643 г., что увенчало завоевание всего Египта и окончание там тысячелетия греко-римского правления. «Падение этого города, считавшегося второй столицей эллинизма, имело резонанс, сопоставимый с тем, который восемь веков спустя вызвало падение Константинополя» [Груссе 2022, 83–84].

В чем был секрет военных побед арабов? Как писал Х. Кеннеди, «арабские армии не знали новых военных технологий, недоступных их врагам, и побеждали не численным перевесом, но они обладали некоторыми чисто военными преимуществами. Самым важным из них была мобильность... Их армии передвигались без обоза. Кажется, каждый воин возил провиант при себе: покупал, крал или добывал иным способом.... И люди, и животные бедуинов были привычны к очень скудному пропитанию и к ночевкам под открытым небом в других условиях. Пустынники обычно путешествовали ночью, когда воздух бывал прохладнее, и можно было ориентироваться по звездам. Заметим, что... арабы проявили искусство ночных сражений. Мобильность давала им возможность отступить в пустыню, скрыться, перегруппироваться после поражения или застать врага врасплох» [Кеннеди 2010, 451–452].

Качество руководства мусульманскими армиями также было очень высоким. Элита городов Хиджаза, в основном из курайшитов и союзных племен, поставляла чрезвычайно способных командующих. Халид ибн аль-Валид в Сирии, Амр ибн аль-Ас в Египте и Саад ибн Аби Ваккас в Ираке — все они были выдающимися военачальниками.

Важным фактором успеха были и сравнительно легкие для побежденных условия сдачи. Арабские командующие обычно соглашались гарантировать безопасность жизни и имущества побежденных, их религиозных учреждений в обмен на выплату дани и обещание воздерживаться от враждебных действий по отношению к мусульманам [Там же, 451–454].

Однако со временем внутри самого халифата начались серьезные распри: четвертым праведным халифом — после убийства Усмана — в 656 г. стал двоюродный брат и зять Пророка Али ибн Абу Талиб, первый ребенок, принявший ислам. Однако его власть не признал Омейяд Муавия ибн Абу Суфьян, избранный наместником Сирии во времена Умара. Верблюжья битва между ними в 656 г. и столкновение при Сиффине в 657 г. не разрешили конфликт. Разлад, возникший в умме, уже никогда не будет преодолен и станет основой будущих столкновений между сторонниками Али — шиитами — и суннитами, а также так называемыми хараджитами, которые резко противопоставили себя и тем, и другим. Убийство Али в 661 г., совершенное одним из хариджитов, сталкивает «праведный» халифат в хаос и приводит к власти — без учета формального порядка — новую династию Омейядов.

Муавия, который правил с 661 по 688 г., строил свой халифат, опираясь на опыт управления Сирией, в которой он завоевал доверие своих подданных, включая христиан и иудеев. Абд аль-Малик Абд аль-Малик в 690-е гг. чеканит первые арабские монеты: золотую (динар), серебряную (дирхам) и медную (филс), вдохновленные византийскими и сасанидскими образцами. Он также открывает доступ в войско, в котором ранее доминировали арабы-йеменцы, арабам северных племен. Омейяды занялись масштабными архитектурными проектами: Абд аль-Малик построил в Иерусалиме великолепную мечеть Купол Скалы. Подлинно монументальный облик, соответствующий устремлениям Пророка, халифат приобретает при сыне аль-Малика аль-Валиде I (668–715 гг.)³.

Арабские воины начали заселять завоеванные местности почти сразу после завоеваний. Но при этом они почти всегда селились отдельно от местного населения. «Это в значительной степени смягчало неизбежные трения между армией победителей и местным населением, поскольку им не приходилось встречаться на узких улочках» [Кеннеди 2010, 454–455].

Важнейшей военной операцией стало пересечение мусульманами под командованием Тарика ибн Зияда Гибралтарского пролива и их проникновение на Пиренейский полуостров. Одержав победу над вестготами, они заняли больше половины полуострова и оттуда зашли даже на территорию современной Франции, где в 732 г. их остановил Карл Мартелл в битве при Пуатье⁴. В VIII в. арабы

³ История Средневековья: энциклопедия под редакцией У. Эко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. С. 73–75.

⁴ Там же. С. 75–76.

вместе с новообращенными в ислам берберами завоевали Испанию, Португалию, под властью арабоязычной элиты оказались Афганистан, Узбекистан, Туркменистан, Южный Пакистан. Вместе с тем восстание берберов в 740-743 гг. приводит к фактическому отпадению от халифата западных территорий Северной Африки, оставляя за ним лишь городские области и побережье. Крах Омейядов был вызван восстанием иранских шиитов в Хорасане, куда еще в эпоху Муавии было выслано 50 тыс. семей, поддерживавших Али [Велльхаузен 2024, 249]. Успех был подкреплён убийством в Египте Марвана II, последнего доблестного, но неудачливого халифа из династии Омейядов⁵. Им на смену пришел халифат Аббасидов (750–1258) — потомков Аббаса ибн Абд аль-Мутталиба, дяди пророка Мухаммеда. В 762 г. халиф Ал-Мансур заложил камень в основание своей новой столицы на реке Тигр — Багдада.

К середине VIII в. империя мусульман достигла границ, в которых более или менее стабильно сохранилась в течение 300 лет. Величина и численность населения халифата была близка к параметрам Римской империи периода рассвета, соперничать с ним на планете в то время мог лишь Китай династии Тан [Кеннеди 2010, 442].

В IX веке аравийские войска захватили Сицилию, вторглись в Италию, осадили Остию и Рим. Исламские страны на несколько веков перехватили контроль над традиционной мировой торговлей. «Это была самая передовая экономическая сила мира, которая вела торговлю на обширнейшей территории Азии, Европы, Африки, вывозила рабов из Южной Африки и ввозила шерсть в Европу» [Бернстайн 2014, 65].

В истории известны и другие примеры стремительного завоевания — империи Александра Македонского или Чингисхана. Но на покоренных ими территориях сейчас не говорят на греческом или монгольском. Арабское завоевание отличалось непреходящим влиянием. Многие из покоренных народов приняли ислам, а на Ближнем Востоке и в Северной Африке перешли и на арабский язык, который станет там родным. Только Испания, Португалия и Сицилия вернутся к первоначальному состоянию [Кеннеди 2010, 8–10, 14].

Именно во времена Халифата сложилась арабо-мусульманская культура. «Всякий мусульманин был в первую очередь членом общемусульманской общины, а уже потом — жителем того или иного города, провинции, выходцем из той или иной этнической группы... Литературный арабский язык как бы “денационализировался”, стал восприниматься не только как язык завоевателей, но в первую очередь как язык общей культуры. Всякий образованный мусульманин — иранец или тюрк, житель далекой Андалусии или Индии — стремился овладеть языком священного Корана и обширной богословской литературы» [Фильштинский 2008, 299–300].

Средневековые арабы высоко ценили красноречие, знание Корана и поэтической традиции. Основу этой традиции составила устная поэзия, создававшаяся еще в древности в среде кочевников-бедуинов Аравийского полуострова. Она стала общим культурным достоянием арабизированных и исламизированных народов Азии и Африки. На протяжении тысячелетия (с VIII по XVIII вв.) жители Аравии, Ирака, Сирии, Египта, стран Магриба и мусульманской Испании творили поэзию, следуя древнеарабским поэтическим канонам. Образовалась и распадалась исламская империя, а средневековые поэты считали произведения своих языческих предшественников непревзойденными образцами и подражали им в композиции и стилистических приемах [Там же, 319–320].

При Аббасидах ислам стал интернациональной религией, а Халифат из арабского стал общемусульманским. Эпоха могущества халифата Аббасидов закончилась в середине IX в., после чего начался процесс его дробления. «Арабы не сразу перестали быть правящей нацией. Арабская культура, наука и производство продолжали идти вперед и достигли небывалых успехов... Но они

⁵ Там же. С. 76.

сделали это в качестве отдельных государств. Сердцем империи был халифат. Когда сердце охватил паралич, империя арабов навсегда сошла с исторической сцены» [Глабб 2024, 519].

Но что же сами арабы и их родина — Аравийский полуостров? «Прежняя родина арабов стала настолько варварским местом, что туда уже нельзя было безопасно совершать паломничество. Арабские племена уже не были основой теократии, они полностью утратили свои привилегии. Мавали получили освобождение, различия между арабами и мусульманами неарабами исчезло. Свергнутый со своего исключительного положения, которое изначально опиралось на закон войны, арабизм перешел в мирную гражданскую сферу и стал международным культом, участие в котором принимали все мусульмане. Основопологающей частью культа была религия, и арабская религия не разрушилась с арабским народом, но продолжала наращивать силу» [Велльхаузен 2024, 345]. Ну а сама Аравия и святые места ислама в Хиджазе становились заложниками игры внешних политических сил. Меккой и Мединой теперь правили местные шерифы. Но центр политической власти исламского мира находился уже в другом месте.

За время первого столетия своего господства шиитская династия Фатимидов (909–1171 гг.) с помощью войн и дипломатии установила свою власть над Сирией, большей частью Магриба, Аравией. В 960 г. аль-Муизз добился признания власти Фатимидского халифата над Меккой и Мединой и установления опеки над святыми местами в Хиджазе.

Но постепенно Фатимиды утратили и ту область, в которой возникла их династия, — Северную Африку. Хиджаз, находившийся формально по-прежнему под властью Фатимидов и имевший огромное значение для поддержания их религиозного авторитета, в конце XI в. управлялся местной династией, претендовавшей на происхождение от пророка Мухаммада. Хиджаз обрел фактически полную независимость [Фильштинский 2008, 203, 208–209].

Под властью Египта и Турции

С XIII в. практически весь Аравийский полуостров оказался под властью Египта, где в борьбе против монгольского нашествия утвердилась мамлюкская династия. В 1261 г. ее основатель кипчак (половец) Бейбарс в торжественной обстановке провозгласил халифом одного из уцелевших во время вторжения монголов в Багдад представителей династии Аббасидов аль-Мустансира. В свою очередь, Бейбарс был провозглашен султаном Египта, Сирии, а также Хиджаза и Йемена и всего, чем он «овладеет в ходе будущих завоеваний». Бейбарс объявлялся политическим главой всего исламского мира.

Поскольку монголы перерезали традиционные пути паломничества в Мекку и Медину, дорога в Хиджаз, как и снабжение священных городов, проходила теперь через Египет. Бейбарс присвоил себе титул «Хадим аль-Харамайн» («Слуга двух священных городов»). Оказавшись на вершине власти, Бейбарс в 1269 году совершил паломничество в Хиджаз.

Среди постоянно менявшихся на султанском престоле мамлюкских предводителей выделялся Барсбай (1422–1438 гг.). Добиваясь усиления своего влияния в священных городах Аравии, он запретил египтянам отправлять из Каира священное покрывало для Кааба (кисву). Хиджазские правители поспешили воспользоваться возникшим конфликтом для обретения некоторой автономии. В ответ Барсбай расположил в Мекке мамлюкский гарнизон и взял под жесткий контроль весь Хиджаз, оставив за шерифами независимость лишь во внутригородских делах [Фильштинский 2008, 273, 275–276, 289].

С династией мамлюков в Египте покончил турецкий султан Селим I (1512–1520 гг.), добавивший в Османскую империю Сирию, Египет и Хиджаз, присвоив к своему титулу султана официальный титул Служителя и Хранителя Мекки и Медины. Он также стал гарантом

паломнических маршрутов. К 1574 г. Османская империя султана Селима II окончательно завоевала Аравийский полуостров, что сделало Селима правителем величайшей исламской империи в мире. Впервые после возникновения ислама арабами стали править из неарабской столицы [Роган 2022, 33–34].

Лишь в годы правления слабого султана Махмуда I (1730–1754 гг.) арабы начали предпринимать первые попытки воссоздания собственной государственности. Самыми влиятельными арабскими семьями в Хиджазе и Неджде являлись тогда Сауды и Рашиди.

В 1744 г. в центре Аравийского полуострова правитель города Ад-Дирийя Мухаммад ибн Сауд и исламский проповедник Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб объединили силы для создания эмирата Эль-Дирийя, известного также как Первое саудовское государство (1744–1818 гг.) [Сенченко 2024, 31]. Этот союз, заключенный в XVIII в., заложил фундамент правящей по сей день династии Саудов [Hourani 2013, 256–258].

Ваххабизм существует в рамках хаибализма — наиболее жесткого ортодоксального мазхаба (толка) суннизма. Он возник как протест против Оттоманской империи, которая возмущала аравийское население своей роскошью, распутством, отступничеством от канонов ислама. Ваххабиты рассматривали Коран в качестве высшей ступени знания, не допускающей интерпретаций, что объективно превращало ваххабитов в противников большинства мусульман, придерживающихся различных мазхабов [Мелихов 2016].

В период с 1744 г. до смерти Мухаммада Ибн Сауда в 1765 г. распространение ваххабизма было ограничено оазисами в районе Неджд в Центральной Аравии. Только в конце 1780-х годов он добрался до османских границ на юге Ирака и Хиджаза [Роган 2022, 83]. К моменту смерти аль-Ваххаба, скончавшегося в 1792 году, были созданы все условия для создания государства, в основе которого лежало его учение, а во главе стоял племенной вождь — Абд аль-Азиз бин Мухаммед бин Сауд [Финкель 2010, 564].

Наместник Мекки Галиб организовывал карательные экспедиции против ваххабитов и их племенных союзов, но его воины часто переходили на сторону противника. Призывы о помощи к османским губернаторам Сирии и Ирака, а потом и к Стамбулу остались без внимания. В 1798 г. армия Галиба была разбита, и ему пришлось уступить обширные территории ваххабитам.

Военные победы «неверного» Наполеона Бонапарта в Египте в 1798 г. еще сильнее снизили авторитет османского султана-халифа как защитника святых мест и лидера мусульманского сообщества и утвердили ваххабитов в их стремлении защитить истинный ислам. В марте 1803 года саудовский эмир Сауд бин Абд аль-Азиз напал на Хиджаз и в апреле без сопротивления вошел в Мекку. Ваххабиты установили новые порядки: шелковые одежды и курение были запрещены, мавзолеи разрушены, купола сняты. Ваххабиты оставались в Мекке всего несколько месяцев, после чего вернулись в Неджд.

А в 1806 г. саудиты решили окончательно отвоевать провинцию Хиджаз у Османской империи и присоединить ее к своему быстро расширявшемуся государству со столицей в Ад-Дирийе. Паломники из Османской империи лишились доступа в священные города. Оттуда традиционно под музыку отправлялись два официальных паломнических каравана — из Каира и Дамаска. Во главе каждого верблюды везли махмал — богато украшенный палантин, в котором находилось покрывало для Каабы. Музыка, богатые дары, украшения для святыни Кааба — все это, по мнению ваххабитов, нарушало «чистоту» ислама и попало под их запрет [Роган 2022, 85].

Сауд бин Абд аль-Азиз заменил в пятничных молитвах имя султана на свое собственное. Это поставило под сомнение не только способность османского государства защитить свои территории, но и религиозную легитимность османского султана как защитника веры и священных городов ислама [Сенченко 2024, 53].

Об отправке войск из Стамбула в Хиджаз речи не шло: для столь масштабной кампании османам не хватало ни финансовых, ни военных ресурсов. Поэтому Порта требовала активных действий от своих наместников в Багдаде, Дамаске и Каире. Нашелся только один человек, способный мобилизовать необходимые силы для разгрома ваххабитов и восстановления власти османского султана в Хиджазе, — пришедший к власти в Египте в 1805 г. Мухаммед Али [Роган 2022, 86–87]. К 1813 г. ему удалось отвоевать Мекку и Медину у ваххабитов. Сын Мухаммеда Али Ибрагим-паша был назначен главнокомандующим вооруженными силами в Хиджазе. В 1818 г. он захватил столицу саудитов Аль-Дирийа (ныне пригород Эр-Рияда) и сровнял ее с землей. В качестве вознаграждения Ибрагима назначили губернатором Хиджаза [Финкель 2010, 586–587].

Абдулла ибн Сауд, саудовский правитель, был отправлен в Египет, где его встретили с честью, а затем в Стамбул, где его вскоре казнили. Первое Саудовское государство пало, просуществовав 73 года [Mansfield 2013, 57–58]. Впрочем, движение ваххабитов под главенством сына Абдуллы шейха Турки совершило нападение на египетский гарнизон в Эр-Рияде, и в 1824 г. выступления против египтян и турок вылились в настоящее восстание. Завершилось оно изгнанием египетских гарнизонов и провозглашением Турки эмиром Неджда. Так появилось Второе Саудовское государство (1824-1891) со столицей в Эр-Рияде [Сенченко 2024, 116].

После того, как египетские войска в 1840 г. окончательно ушли из Аравии, Турки в 1843 г. вновь начал покорение аравийских земель. Однако его государство не достигло таких размеров и влияния, как первое государство Саудидов. После смерти Фейсала (сына Турки) в 1865 г. оно погрязло в междоусобицах и прекратило свое существование [Долгов, Прусская 2014, 553–554].

Какое-то время Абдул Рахман, третий внук Турки, номинально правил Эр-Риядом под властью соперничавшей династии аль-Рашидов. Но в 1891 г. его выслали из страны вместе со всей семьей, включая его сына Абдул Азиза, будущего Ибн Сауда, который часть пути провел в седельной сумке верблюда. Абдул Рахман и его семья скитались два года, проведя несколько месяцев с племенем кочевников в пустыне. В конце концов династия Сабахов, правившая в Кувейте, дала им прибежище [Ергин 2019, 309].

В конце XIX в. Аравийский полуостров стал предметом интереса для России. Особое место среди российских исследователей Хиджаза принадлежит штабс-капитану Генерального штаба Российской империи А.А. Давлетшину, направленному в Аравию в 1898 г. с заданием изучить религиозно-политические аспекты паломничества. А.А. Давлетшин, выпускник курсов восточных языков Главного штаба, сам мусульманин по вероисповеданию, хорошо знал Коран, бегло говорил по-арабски и имел возможность беспрепятственно передвигаться по Хиджазу, бывать в Мекке и Медине. Выводы и соображения Давлетшина легли в основу мер для упорядочения передвижения мусульман-паломников из России в Святые земли ислама. Давлетшин закончил военную карьеру в звании генерал-майора, на должности начальника Азиатского отдела Генерального штаба Российской империи, был председателем Российского мусульманского благотворительного общества и главой комитета по постройке Соборной мечети в Санкт-Петербурге.

Характеризуя бедуинов Хиджаза, А.А. Давлетшин указывает, что «они несколько не подвержены влиянию времени»; живут по заветам предков и законам пустыни; что само слово «Аравия» для них свято, ибо ассоциируется с памятью о предках, их славой и доблестью. Бедуины, писал он, «физически сильны, выносливы и ловки». Поскольку их племена враждуют, «бедуины всегда при оружии». В руках у каждого «длинное кремневое и фитильное ружье, или копье; на спине — сабля или меч»; за широким поясом — пистолет и нож, а на самом поясе «принадлежности для хранения пороха и свинца»⁶.

⁶ АВПРИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д.5308. Отчет штабс-капитана Давлетшина о командировке в Хиджаз. СПб., 1899.

Жилище бедуина — шатер. Домашней утвари в нем немного. По углам расставлены верблюжьи седла. Вдоль стен разосланы окрашенные в разные цвета «подстилки-овчины», используемые для сна и отдыха. У входа стоят «турсуки для воды». Любимое блюдо бедуина — финики с маслом и, конечно, кофе, который обязательно подадут гостю. Характерная черта бедуина — «любовь к свободе», гостеприимство и верность данному слову [Сенченко 2023, 444–445].

Создание Саудовской Аравии

Первый король Саудовской Аравии Абдул-Азиз ибн Абдуррахман Аль Сауд с юных лет получил строгое религиозное воспитание, жил спартанской жизнью, с юности освоив военное искусство и навыки выживания в пустыне. Когда его семья пользовалась гостеприимством в Кувейте, турки подговорили Рашидитов, традиционных врагов Саудитов, напасть на Кувейт, находившийся под защитой Великобритании. В качестве отвлекающего маневра эмир Кувейта направил двадцатилетнего Ибн Сауда отнять у Рашидитов Эр-Рияд, выделив ему 30 беговых верблюдов, 30 винтовок с патронами и 200 золотых риалов. На стороне Саудов выступили многие шейхи Неджда, сочувственный отклик они нашли у ряда шейхов Эль-Катифа, Катара, Бахрейна и Договорного Омана [Сенченко 2024, 205–206]. Ибн Сауд провел небольшой отряд через пески, но его первый натиск был отбит. Со второй попытки Ибн Сауду удалось ночью ворваться в город и убить правителя из семьи Рашиди. В январе 1902 г. его отец провозгласил 21-летнего юношу правителем Неджда и имамом ваххабитов. Так началась вторая реставрация династии Саудитов.

В 1904 г. Рашиди обратились за помощью к Османской империи, которая ввела свои войска, но на сей раз турки потерпели поражение. В течение последующих лет, ведя одну военную кампанию за другой, Ибн Сауд стал признанным правителем Центральной Аравии и лидером Ихвана («Братство») — воинственного религиозного движения, которое обеспечило Ибн Сауду множество преданных солдат. В 1912 г. он подчинил себе весь регион Неджд.

В 1915 г., заключив с Великобританией союзный договор, Ибн Сауд начинает экспансию. Закрепив за собой район Эль-Хасы, он разбил Шамарский эмират и захватил его столицу Хаиль. Натолкнувшись в попытке захватить Хиджаз на британский ультиматум, Ибн Сауд меняет направление захватов и присоединяет южное княжество Асир. В 1920 году, используя материальную поддержку британцев, Абдул-Азиз окончательно разбил Рашиди.

На конференции правителей арабских владений в Кувейте в 1923 г. Британия потребовала от Ибн Сауда отказаться от завоеваний. В ответ на его отказ Британия разорвала союзный договор, но Ибн Сауд продолжил экспансию. К декабрю 1925 г. войска Ибн Сауда захватили Хиджаз. В январе 1926 г. после соборной молитвы в Великой мечети Мекки Ибн Сауд был провозглашен королем Хиджаза, а династия Саудитов стала хранительницей святынь ислама. Таким образом, в 45 лет Ибн Сауд оказался хозяином Аравии, установив власть Саудитов над девятью десятыми Аравийского полуострова [Ергин 2019, 309–310].

В 1926 году Саудовская Аравия получила первое дипломатическое признание — со стороны СССР. Великобритания также была вынуждена признать новое государство и подписать с ним договор о дружбе. В свою очередь, Ибн Сауд отказался от продолжения экспансии против британских протекторатов на полуострове [Mansfield 2013, 208–211].

Интересные заметки о Хиджазе того времени оставил К.А. Хакимов, первый дипломатический агент и генеральный консул Советской России в Джидде в 1924–1928 гг.: «Основная масса населения Хиджаза — кочевники-бедуины; занимаются исключительно скотоводством. Земледелие развито в Таифе, Медине и немногочисленных оазисах. Площади, годные для обработки, находятся во владении шарифа». Была там и российская диаспора. По подсчетам Хакимова, жительствовало

тогда в Джидде и Мекке: «1) башкир и татар из Поволжья и Урала — около 10 семейств; 2) туркестанцев и бухарцев, в том числе хивинцев — 10–50 семейств; дагестанцев — 5–6 семейств» [Цит. по: Сенченко 2023, 448–449].

В 1932 г. владения Ибн Сауда были объединены в одно государство, которое получило название Саудовская Аравия. В течение 1930-х годов Ибн Сауд решал задачу снижения зависимости страны от Британии за счет налаживания новых внешнеполитических связей. Были подписаны договоры с Германией (1929 г.), Италией (1933 г.), налаживались контакты с СССР. Советские дипломаты К. Хакимов и Н. Тюрякулов, возглавлявшие дипмиссии, организовали поставки из СССР продовольственных товаров и топлива. Им удалось установить доверительные отношения с Ибн Саудом. Саудовцы называли их «красными пашами».

С началом Великой депрессии поток паломников в Мекку иссяк. Между тем именно паломники были основным источником доходов короля, а возможность раздавать племенам субсидии была одним из важнейших факторов объединения владений Ибн Сауда. Возможно, в недрах королевства скрываются значительные природные ресурсы — такую идею ему подал в 1930 г. бывший чиновник Индийской колониальной администрации, занимавшийся торговлей в Джидде и принявший ислам, Гарри Филби — отец знаменитого разведчика Кима Филби.

В 1932 г. нашли нефть в Бахрейне, что повысило интерес ко всей Аравии. К маю 1933 г. проект договора о концессии между американской нефтяной компанией Social и Саудовской Аравией, к удовольствию короля, был готов [Ергин 2019, 311, 314, 316]. Впрочем, США не спешили укреплять свои позиции в этой стране. Несмотря на неоднократные призывы Social, администрация Ф. Рузвельта отказывалась открыть дипломатическое представительство, не видя в этом необходимости. И именно в это время случился разрыв отношений между СССР и Саудовской Аравией. В 1930-е гг. они и так ухудшались из-за усиления в Советском Союзе антирелигиозной кампании. А после расстрела Хакимова и Тюрякулова (по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации) Ибн Сауд дал понять, что не примет других послов. В ответ на это Москва по инициативе М.М. Литвинова «подвела советскую дипломатическую миссию под сокращение штатов». 13 апреля 1938 г. ЦК ВКП(б) принял постановление об «упразднении полпредства СССР в Саудовской Аравии». 11 сентября сотрудники миссии СССР покинули страну.

Вскоре — в январе 1939 г. — Саудовская Аравия установила дипотношения с Германией. Немецкая дипмиссия, как докладывали в Лондон британские дипломаты, стала «опорным пунктом гитлеровской пропаганды среди местных арабов и мусульман-паломников» [Сенченко 2024, 407, 409].

Что же касается Вашингтона, то только в 1939 г. посол США в Египте был аккредитован и в Саудовской Аравии, а в 1942 г. там открылась постоянная дипломатическая миссия с одним сотрудником [Ергин 2019, 317].

Вступление самой Америки в войну повлекло за собой в 1942–1943 гг. переоценку значения Ближнего Востока. В Вашингтоне пришли к стратегическому выводу, что Соединенным Штатам необходимо взять под контроль и разрабатывать «экстратерриториальные» (зарубежные) нефтяные запасы, чтобы снизить добычу собственного сырья, законсервировать внутренние ресурсы для будущего, гарантируя тем самым безопасность Америки [Там же, 426, 427].

В 1944 г. была создана Arabian-American Oil Company (Aramco), деятельность которой зависела от воли Аль Сауда, который вправе был расторгнуть концессионный договор. Поэтому администрация компании оказывала давление на государственный департамент США с целью активизации двусторонних политических связей. Итогом стало провозглашение Аравийского полуострова и Персидского залива зоной «особых интересов» Соединенных Штатов, предполагавшее

развитие саудовско-американских отношений и в военной области [Мелкумян 2024, 62]. Тем самым США вступали в конфликт с Великобританией, давно имевшей обширные нефтяные и политические интересы на Ближнем Востоке. 18 февраля 1944 г. британский посол лорд Галифакс встречался в Белом доме с Рузвельтом, который продиктовал схему раздела Ближнего Востока: «Персидская нефть ваша. Нефть Ирака и Кувейта мы поделим. Что касается нефти Саудовской Аравии, то она наша» [Ергин 2019, 433].

Черчилль писал Рузвельту 20 февраля 1944 г.: «Спор по поводу нефти был бы плохой прелюдией для нашего грандиозного совместного предприятия, ради которого мы идем на огромные жертвы... В некоторых кругах здесь опасаются, что Соединенные Штаты намерены лишить нас наших нефтяных ресурсов на Ближнем Востоке, от которых, помимо прочего, зависит все снабжение нашего военно-морского флота»⁷. Рузвельт отвечал, что, хотя Черчилля беспокоит американская заинтересованность ближневосточной нефтью, он слышал, что англичане «поглядывают» на американские запасы в Саудовской Аравии⁸. Черчилль писал Рузвельту 4 марта: «Очень Вам благодарен за Ваши заверения в том, что Вы не бросаете завистливых взоров на наши нефтяные промыслы в Иране и Ираке. Позвольте мне в свою очередь заверить Вас, что мы совершенно не собираемся покушаться ни на ваши интересы, ни на вашу собственность в Саудовской Аравии»⁹.

Возвращаясь с Ялтинской конференции в феврале 1945 г., Рузвельт остановился в Египте, где взшел на борт американского эсминца «Квинси». Вскоре к нему пришвартовался другой американский корабль («Мэрфи») с почетным гостем Ибн Саудом на борту. Для короля Саудовской Аравии это был первый выезд за пределы королевства. Он поднялся на борт «Мэрфи» несколькими днями ранее в сопровождении 48 человек [Ергин 2019, 436]. Как иронизировал биограф Рузвельта Дж.М. Бёрнс, «он прибыл на борт корабля в Джидде вместе со своими коврами, овцой, шатрами, ведрами с древесным углем, святой водой и свитой родственников, охранников, камердинеров, дегустаторов и прислуги церемониального чаепития» [Бёрнс 2024, 587]. Рузвельт и Ибн Сауд провели вместе более пяти часов. Рузвельта интересовали историческая родина евреев в Палестине, нефть и послевоенное устройство на Ближнем Востоке. Ибн Сауд хотел обеспечить американское присутствие в Саудовской Аравии после войны как противовес британскому влиянию, которое он считал неизменной угрозой своему правлению. Рузвельт и Ибн Сауд остались довольны друг другом. Единственный вопрос, по которому они не договорились, — создание еврейского государства в Палестине, против чего король категорически возражал.

Вопрос об Израиле грозил обрушить только что начавшееся партнерство. Американская поддержка еврейского государства, сказал Ибн Сауд президенту США Г. Трумэну, будет смертельным ударом по американским интересам в арабском мире. Король мог отозвать концессию, но не сделал этого: «Арамко» была основным источником его доходов, а тесные отношения с Соединенными Штатами — основной гарантией территориальной целостности и независимости страны.

Пока шла арабо-израильская война в Палестине, в Саудовской Аравии продолжались лихорадочная разработка нефтяных месторождений и строительство нефтепровода Tapline. В ноябре 1950 г. саудовская нефть потекла на терминал в ливанском Сидоне на Средиземном море. Транспортируемая по этому трубопроводу нефть надолго станет главным источником энергии в Западной Европе [Ергин 2019, 437–438, 442, 444, 459–460].

Советский Союз предпринимал попытки восстановить отношения с Саудовской Аравией, но они оказались тщетными. Причин этого было несколько: «во-первых, конечно же, обида Эр-Рияда на поведение Москвы в связи с закрытием советской дипломатической миссии в Джидде. Во-

⁷ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М.: ТЕРРА, 1995. С. 502.

⁸ Там же. С. 517.

⁹ Там же. С. 523.

вторых, произраильская позиция Москвы... СССР, как известно, поддержал план раздела Палестины, а в мае 1948 г. установили дипломатические отношения с Израилем... Более того, в мае 1949 г. во время состоявшейся в Джидде закрытой встречи Ибн Сауда с представителем президента США, король по собственной инициативе заговорил о коммунистической угрозе Арабскому Востоку и призвал Вашингтон к совместным действиям по защите от этой угрозы всего исламского мира» [Сенченко 2024, 425].

В октябре 1950 г. Трумэн написал Ибн Сауду: «Я хочу напомнить Вашему Величеству те заверения, которые неоднократно давались ранее, в том, что Соединенные Штаты заинтересованы в сохранении независимости и территориальной целостности Саудовской Аравии. Любая угроза Вашему королевству будет немедленно воспринята как угроза Соединенным Штатам». Д. Ергин замечает, что «это был невероятный союз — бедуинов и тexasских нефтяников, традиционной исламской автократии и современного американского капитализма. Однако этому союзу было суждено выжить» [Ергин 2019, 461].

Естественно, Саудовская Аравия желала больше денег от нефтяной концессии. И добились пересмотра первоначальной формулы. После сложных переговоров «Арамко» и Саудовская Аравия подписали новое соглашение: теперь доходы делились в соотношении 50:50. «Что касается американского правительства, то оно удовлетворило насущную потребность Саудовской Аравии и других стран в увеличении доходов, чтобы поддержать дружественные режимы и послевоенный нефтяной порядок» [Там же, 465, 479, 481, 483].

В американской обойме

Абдул-Азиз скончался в 1953 г. от сердечного приступа во сне. У него насчитывалось более 300 жен. Он оставил 34 признанных им сына от 14 матерей. По воле отца его сыновья продолжали править королевством: престол наследовался ими по старшинству. Сформировалась естественная очередность престолонаследования, соблюдавшаяся благодаря разнице в возрасте между сыновьями: старший сын короля родился в 1900 г., а младший — в 1947 г. На трон взошел Сауд, самый старший на тот момент по возрасту сын. Но в 1958 г. он был вынужден передать непосредственное руководство страной своему брату Фейсалу (наследному принцу), оставив за собой политическую власть. Фейсал, занимая пост премьер-министра, предпринял решительные меры по модернизации государственной системы и ликвидации наиболее одиозных пережитков. 7 ноября 1962 г. декретом правительства было отменено рабство.

В 1964 г. семья заставила Сауда отречься от престола, он покинул страну, признав Фейсала законным монархом. С тех пор корона передавалась от брата к брату, а сыновья Абдул-Азиза вместе решали, кого из старших братьев назначить наследником. Самыми влиятельными были сыновья, входившие в «семерку Судайри» (так называли сыновей Абдул-Азиза от любимой жены Хассы ас-Судайри), но другие сыновья не переставали мечтать о том, что в один прекрасный день подойдет и их очередь [Хоуп, Шек 2024, 37–38].

Внешняя политика Саудовской Аравии этого периода характеризовалась активностью на Ближнем Востоке и расширением внешнеполитических связей за пределами региона. Отношения с арабскими соседями не всегда были гладкими: в ходе гражданской войны в Северном Йемене Саудовская Аравия и Египет оказались по разные стороны баррикад, первая поддерживала монархистов, второй — республиканцев. Отношения были нормализованы только летом 1970 г. В отношении арабо-израильского конфликта КСА заняла последовательную антиизраильскую позицию. Важнейшим инструментом давления выступала нефть. Так, в 1967 г. Саудовская Аравия на три месяца прекратила поставки нефти странам, поддерживавшим Израиль.

Заметно усилилась роль религиозного фактора в общественной жизни страны. Первоначально король Фейсал поднял тему ислама в качестве противовеса идее «арабского социализма» Г. Насера в годы гражданской войны в Йемене. Вместо светских лозунгов арабского национализма официальный Эр-Риад выдвинул идею союза исламских государств. В 1969 г. Саудовская Аравия приняла активное участие в создании Организации исламской конференции (ОИК, ныне — Организация исламского сотрудничества), объединившей тогда 25 мусульманских стран. Целью ОИК было объявлено обеспечение «исламской солидарности в социальной, экономической и политической сферах», а также борьба с неокOLONIALИЗМОМ и поддержка Организации освобождения Палестины.

К 1970-м гг. КСА стала крупнейшим в мире экспортером нефти. Это позволило провести ряд социальных реформ и модернизировать инфраструктуру. Во время войны 1973 г., когда стало известно о предоставлении США военной помощи Израилю, страны ОПЕК приняли решение о сокращении добычи нефти на 10%, что привело к резкому скачку ее стоимости. Подобные согласованные действия нефтепроизводящих стран привели к серьезному росту их силы и влияния в мире [Мейер 2018, 530].

25 марта 1975 г. король Фейсал был убит, на престол вступил его брат Халид (1975–1982 гг.), однако из-за его слабого здоровья фактическое управление осуществлял наследный принц Фахд, впоследствии ставший королем (1982–2005 гг.).

Саудовской Аравии в 1980 г. удалось полностью выкупить «Арамко», которая стала национальной компанией. В 1988 г. королевским указом была создана новая компания Saudi Arabian Oil Company (Saudi Aramco), которая взяла под свой контроль активы компании и ее управление. Ее штаб-квартира была перенесена в Дахран [Мелкумян 2024, 62]. Этот факт, однако, не привел к охлаждению саудовско-американских отношений [Мейер 2018, 530]. Королевство имело, во-первых, огромное значение для Вашингтона как основной источник импортируемой нефти, доходы от продажи которой во многом оседали в американских банках и на фондовых рынках (до 1 трлн долларов в начале XXI века); и во-вторых, стратегическое значение как место для базирования войск и флота и обеспечения доступа к американским военным базам в Катаре, Кувейте и Бахрейне [Hollingsworth, Mitchell 2010, 79–81]. В 1990–1991 гг. КСА вошла в состав антииракской коалиции и разрешила разместить на своей территории коалиционные войска.

Укреплению американо-саудовских связей способствовала координация действий двух стран по противодействию Советскому Союзу в Афганистане. Операцию осуществляли США (координировал ее лично директор ЦРУ Уильям Кейси), Пакистан, Саудовская Аравия, Франция, Египет, ряд других государств. «Вашингтону хотелось показать, что весь мусульманский мир сражается против Советского Союза плечом к плечу с афганцами и их американскими благодетелями. А саудовцы увидели в этом возможность для пропаганды ваххабизма и избавления от своих собственных разочарованных радикалов. Никто из участников игры не понимал, что у добровольцев есть и свои планы, а их ненависть к Советам впоследствии обернется против американцев и против их собственных правителей» [Рашид 2003, 180].

Силы моджахедов возглавлял палестинец Абдалла Аззам, который был штатным сотрудником Лиги исламского мира (фактически это министерство по делам религии Саудовской Аравии), но затем руководство перешло к Усаме Бен Ладену. Через арабский экспедиционный корпус в Афганистане прошло не менее 15 тысяч человек, 5 тысяч из которых были саудовцами. Саудовские приверженцы радикального ислама воевали в Афганистане, Боснии, Чечне. Вместе с тем для бен Ладена и его последователей не меньшим злом, чем Советский Союз, выступали и Соединенные Штаты. В первую очередь из-за поддержки Израиля и из-за присутствия американских войск («неверных») в самой Саудовской Аравии — на земле святынь ислама. В 1990-е годы террористическим атакам на территории Королевства подвергались американские военные объекты [Hourani 2013, 472–473].

Саудовская Аравия осталась вне зоны арабской «оттепели». Властям удалось сохранить политическую и социальную стабильность, в основе которой многие годы лежало сочетание трех основных факторов. Во-первых, доходы от экспорта углеводородов, которые давали возможность устранять реальные и потенциальные очаги социального недовольства. Во-вторых, власть поддерживала союзнические отношения с охранительными религиозными кругами и лидерами племенных кланов. В-третьих, национальная безопасность гарантировалась западными державами, в первую очередь США [Федорченко 2019, 62].

Современная монархия

Саудовская Аравия — одно из трех современных государств, имеющих название в честь правящей династии — Саудитов (наряду с Иорданским Хашимитским Королевством (где у власти находится династия Хашимитов) и княжеством Лихтенштейн (владение князей фон унд цу Лихтенштейн)).

Саудовское государство изначально строилось как абсолютная теократическая монархия. В системе государственной власти существует распределение полномочий между двумя центрами силы — политической и религиозной элитами. Династия Саудитов, представленная более чем 5 тысячами членов королевской семьи, контролировала вооруженные силы и службы безопасности, внешнюю политику, экономику, положение на местах. К ним примыкает племенная аристократия. В то же время религиозная сфера, во многом идеология, судопроизводство относятся к сфере компетенции потомков основателя ваххабизма Мухаммеда ибн Абдель Ваххаба — семьи Аш-Шейх и близкой к ней прослойки богословов-улемов. Очевидна главенствующая роль короля в этой системе — он как глава государства носит титул малика (короля) и имама (духовного лидера), а также титул «Хранителя двух священных мечетей» [Там же, 62–63].

В 1992 г. в КСА принят Основной низам (порядок) правления, в соответствии с которым конституцией КСА являются Коран и сунна. Согласно «Основам системы власти Королевства Саудовская Аравия», «власть принадлежит сыновьям короля — основателя государства Абдель Азиза Абдель Рахама аль-Фейсала Аль Сауда и сыновьям его сыновей. Самый достойный из них для правления приносит присягу на Книге Всевышнего Аллаха и сунне Его Пророка, да благословит его Аллах и приветствует.... Король избирает наследного принца и смещает его своим указом... Высшей инстанцией всех видов власти является король» [Донцов, Чурилина 2006, 154–160].

В 2005 г. на престол вступил новый король Абдалла. Был реализован ряд реформ в области образования, создан Верховный суд, расширен состав Совета улемов (высшая религиозная инстанция). В 2011 г. женщины получили право голосовать на муниципальных выборах, в 2013 г. впервые вошли в состав Консультативного совета.

В 2011 г. в ходе «арабской весны» в КСА начались протесты шиитского меньшинства, которые жестко подавлялись.

23 января 2015 г. после кончины Абдаллы королем стал его брат Салман бен Абдель Азиз¹⁰. К этому времени большинства сыновей первого короля уже не было в живых, а тем, кто еще был жив, исполнилось не менее 70 лет. Представители третьего поколения Саудитов дождались возможности претендовать на трон. Правда, была одна проблема: никто не знал, как определить, кто из сотен внуков Абдул-Азиза больше других достоин престола. Король Абдалла попытался решить эту проблему. В 2006 г. он создал Совет верности (или Совет присяги), в который вошли все еще живые сыновья Ибн Сауда, а также его внуки, чьи отцы скончались, или недееспособны, или не желают принять трон. По состоянию на 2019 г. Совет состоял из 34 членов: 4 сына основателя, 29 его внуков

¹⁰ БРИКС 2024. Справочник ТАСС. М.: ТАСС, 2024. С. 233

и 1 правнук [Федорченко 2019, 64]. Они должны были выбирать наследного принца, который станет правителем после смерти короля, и следующего претендента на престол, занимающего второе место в очереди.

Сыновья Абдаллы, как и он сам, хорошо понимали, что Салман, самый влиятельный из «семерки Судайри», хитроумный управленец, одним из наследников трона захочет сделать своего шестого, молодого амбициозного сына Мухаммеда [Хоуп, Шек 2024, 38–39]. Его попытались было отодвинуть от трона с помощью интриг, тем более что и конкуренты обладали миллиардными состояниями. Но... Король Салман, которому к началу правления было 79 лет, почти сразу начал готовить почву для обеспечения преемственности власти. Сначала он снял со всех занимаемых постов детей своего покойного брата Абдаллы. Затем Салман назначил своего племянника 56-летнего Мухаммеда бен Наифа наследным принцем, а своего сына Мухаммеда (ему тогда было всего 29 лет) заместителем наследного принца, которому также доверил пост министра обороны, и он стал самым молодым министром обороны в мире [Федорченко 2019, 64].

В июне 2017 г. король сменил и наследного принца, назначив Мухаммеда бен Сальмана своим наследником. Это решение поддержал 31 из 34 членов Совета присяги. Ну а дальше... Как говорит сам Мухаммед, именно книги, особенно труды Черчилля и сочинение Сун-цзы «Искусство войны», научили его, как «оборачивать сложности в свою пользу» и как «из наличия противников извлекать выгоду» [Сенченко 2024, 625].

Поздним вечером 3 ноября 2017 г. бригады рабочих появились на всех девяти этажах столичного отеля Ritz-Carlton. Они высверлили замки в 200 номерах, сняли там шторы и демонтировали двери в ваннные комнаты. Несколько апартаментов класса люкс были переоборудованы в комнаты для допросов. За несколько дней были арестованы около 50 человек, в основном королевских кровей. В следующие несколько недель в эту гостиницу и другие охраняемые здания в Эр-Рияде доставили еще более 300 человек. За задержаниями стоял созданный по указу короля Салмана Комитет по борьбе с коррупцией. Генеральный прокурор заявил, что ему поручено вернуть 100 млрд долл., присвоенных с помощью воровства и коррупции, процветавших в стране в течение последних десятилетий. Хотя аресты самых богатых и влиятельных государственных деятелей проводились по приказу короля, их идейным вдохновителем был именно Мухаммед. Американские журналисты так описывают эти события: «Пугающий контраст между “Давосом в пустыне” и отелем, превращенным в тюрьму, радикально изменившую судьбы фантастически богатых людей, сделал ноябрьские репрессии самым удивительным событием новейшей истории бизнеса и политики. Впервые столько миллиардеров, гигантов финансовой индустрии, способных перевернуть мир, мгновенно лишились свободы и состояний. Сейчас, когда всех задержанных освободили (после того, как те передали властям свои активы стоимостью в десятки миллиардов долларов), стал понятно, что эти события стали дебютом Мухаммеда бен Салмана на политической сцене... Когда облако пыли рассеялось, оказалось, что Мухаммед полностью контролирует армию, полицию, разведку и правительство. Кроме того, с помощью государственных холдинговых компаний он прибрал к рукам доли во многих крупных саудовских фирмах. Да, он не король, но это не помешало ему стать одной из самых влиятельных фигур не только на Ближнем Востоке, но и во всем мире» [Хоуп, Шек 2024, 26, 28, 31–32].

Тогда же наследный принц провозгласил курс на «умеренный сбалансированный ислам, открытый к миру и ко всем религиям, всем традициям и людям»¹¹. А в конце ноября 2017 г. на саммите в Эр-Рияде 40 мусульманских стран договорились о создании коалиции для борьбы

¹¹ Saudi Arabia's Spring, at Last // The New York Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2017/11/23/opinion/saudi-prince-mbs-arab-spring.html> (дата обращения: 11.09.2024).

с международным терроризмом во главе с Саудовской Аравией, пожелавшей избавиться от репутации спонсора исламистов и составить конкуренцию на этом благодородном поприще Ирану, России и их союзникам в регионе¹².

Концентрирующая власть элитная группа во главе с Мухаммедом бен Салманом опирается на модернизированные слои городского населения [Кузнецов 2023, 19]. При этом не спешит предоставить им политические права, рассматривая демократию как опасность. «Согласно ее законам, Саудовская Аравия должна проводить муниципальные выборы раз в четыре года. Но Мухаммед бен Салман, правитель де-факто, рассматривает их как скользкий склон, который может привести к требованиям подотчетности и представительства. Никто не осмеливается спросить его, почему он отклоняется от расписания»¹³.

Саудовское общество никогда не было монолитным. Внутренние конфликты проходят по целому ряду линий: саудиты — внесистемная оппозиция в лице радикальных ваххабитов; либералы — консерваторы, суннитское руководство — шиитская община [Федорченко 2019, 63]. Вместе с тем возможности для протестов, мягко говоря, ограничены.

Долгое время Саудовскую Аравию рассматривали как государство-рантье, экономика которого во многом сводилась к распределению нефтяной ренты, что позволяло не устанавливать налогов, обеспечивать бесплатное образование и здравоохранение, субсидировать цены на воду, бензин и электричество, стипендии для обучения за рубежом и привлекать рабочую силу из-за рубежа. В 2014–2015 годах доходы от нефти упали на 40%. Резко сократились и расходы, что создало серьезное социальное напряжение¹⁴. Это поставило перед властями Саудовской Аравии задачу структурной перестройки экономики, что стало важной составной частью общей стратегии «Видение 2030».

В январе 2023 г. министр иностранных дел Саудовской Аравии Фейсал бен Фархан Аль Сауд на Всемирном экономическом форуме в Давосе заявил, что его страна намерена стать самой быстрорастущей экономикой в мире. Громкое заявление министра стало свидетельством уверенности властей королевства в прочности своего экономического фундамента. В Саудовской Аравии давно отказались от идеи добывать как можно больше нефти. Энергетический сектор сохраняет свое значение «станового хребта» экономики, но растет значение нефтепереработки и нефтехимии. Королевство захватило заметную часть мирового рынка нефтепродуктов, причем в значительной степени за счет масштабных проектов нефтепереработки и нефтехимии в Восточной Азии, особенно в Китае.

Происходящая переориентация мировой энергетики с углеводородов на возобновляемые источники энергии вовсе не пугает нефтяников Аравии. В мае 2022 г. министр энергетики КСА эмир Абдель Азиз бен Салман назвал сценарий «нулевых выбросов углеводорода» для достижения целей устойчивого развития «Ла-ла-лендом». Вместе с тем в КСА ставится задача снижения ежегодных выбросов CO₂ и увеличения производства электроэнергии за счет возобновляемых источников. Власти также рассчитывают завершить за 10–15 лет процесс диверсификации экономики, превратив ее из нефтяной в многоотраслевую с ведущей ролью сферы услуг — туризма, торговли, финансов.

Предложены огромные проекты «городов будущего» на побережье Красного моря, где начинается создание промышленных предприятий, туристических объектов, жилых кварталов

¹² Исламская коалиция против исламского государства // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/11/28/5a1bf2609a794752e8f91615> (дата обращения: 11.09.2024).

¹³ The Middle East faces a series of sham elections // The Economist [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/the-world-ahead/2023/11/13/the-middle-east-faces-a-series-of-sham-elections> (дата обращения: 11.09.2024).

¹⁴ Time to sheikh it up // The Economist [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/leaders/2016/09/08/time-to-sheikh-it-up> (дата обращения: 11.09.2024); Gulf budget deficit expected to hit \$153bn in 2016 // Gulf Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gulf-times.com/story/514407/gulf-budget-deficit-expected-to-hit-153bn-in-2016> (дата обращения: 11.09.2024).

с использованием самых современных технологий. В Саудовской Аравии в 2024 г. было уже больше 12 тысяч вышек 5G, поставленных во многом с помощью китайских IT-специалистов. Одновременно национальная нефтяная компания Saudi Aramco создала совместное предприятие с американской корпорацией Google.

Для развития экономики Саудовской Аравии существуют и очевидные ограничители. Одним из них является дефицит воды. Ее потребление в четыре раза превосходит имеющиеся возобновляемые водные ресурсы, что приводит к их ускоренному истощению. Проблема решается разными способами: от экономии водных ресурсов и внедрения современных технологий ирригации до опреснения морской воды. В странах Аравийского полуострова находятся, по разным оценкам, от 57 до 70% от всех опреснительных мощностей мира.

Еще одна проблема саудовской экономики — нехватка квалифицированной рабочей силы. В настоящее время благодаря усилиям Мухаммеда бен Салмана она решается за счет более широкого привлечения женщин на рабочие места. Тем самым осуществляется процесс «саудизации» рабочей силы и замены мигрантов, потенциально ненадежных в политическом плане, на собственных работников. Поставлена цель снизить долю иностранцев до 25% рабочей силы [Яковлев 2023, 27, 35–36].

Саудовская Аравия в глобальном мире

Террористические акты в США 11 сентября 2001 г. были восприняты саудовским руководством как угроза национальной безопасности. Среди террористов, которые совершили этот теракт, большинство составляли саудовские граждане, высланные из страны за антиправительственную деятельность. Королевство поддержало начатую США в 2001 г. войну с терроризмом. Даже принятие Конгрессом США в 2016 г. закона «Правосудие против спонсоров террористического акта», согласно которому родственники жертв террористических актов 11 сентября 2001 г. могли обращаться в суд с иском к правительству Саудовской Аравии о выплате им компенсаций, не стало причиной для резкого охлаждения отношений с Америкой [Мелкумян 2024, 63].

События «арабской весны», за которыми многие увидели руку Вашингтона, привели к масштабной дестабилизации всего региона Ближнего Востока и заставили задуматься о пересмотре своих традиционных подходов во внешней политике, изменили восприятие в КСА политики США. Снижение с начала 2010-х гг. вовлеченности Соединенных Штатов в ближневосточные конфликты на фоне усиления позиций Ирана породило сомнения относительно приверженности Вашингтона своим обязательствам как гаранта безопасности. Протест вызывали безразличие администрации Б. Обамы в отношении свержения египетского президента Х. Мубарака, готовность Вашингтона «ослабить давление на Иран» и подписание иранской ядерной сделки. Особое возмущение вызвал отказ Вашингтона принять меры в ответ на удары йеменского движения «Ансар Алла» по территории КСА [Тюкаева 2024, 50–51]. Напротив, президент Д. Трамп свой первый зарубежный визит в 2017 г. нанес именно в Эр-Рияд. В саудовском руководстве с одобрением встретили решение Трампа выйти из ядерной сделки с Ираном. В марте 2018 г. наследный принц бен Сальман посетил США с официальным визитом.

Убийство журналиста газеты The Washington Post Дж. Хашогги в здании саудовского консульства в Стамбуле в октябре 2018 г. вызвало резкую критику в Соединенных Штатах, где встал вопрос о нарушениях прав человека в Саудовской Аравии. Реакция администрации Трампа была относительно мягкой, однако после прихода к власти администрации Дж. Байдена в 2021 г. вопрос о нарушениях прав человека в Саудовской Аравии вновь всплыл и стал основанием для запрета на поставки Саудовской Аравии некоторых видов вооружений [Мелкумян 2024, 63–64].

В ответ лидеры Саудовской Аравии все более явно демонстрировали, что не готовы терпеть чей-либо диктат или воспринимать чьи-либо упреки. Показательными были ответные заявления Мухаммеда бен Сальмана об ответственности США за пытки иракских заключенных в тюрьме Абу Грейб [Тюкаева 2024, 50–51]. Наследный принц также напомнил, что саудовские инвестиции в США составляют 800 млрд долл. И добавил: «Вы не должны вмешиваться в наши внутренние дела, они касаются только нас, саудовцев. Если вы уверены, что ваши ценности, ваши социальные стандарты должны быть приняты всеми, вы можете добиться этого без оказания давления. Давление не работает. Оно никогда не работало в отношении нас, саудовцев...»

США поспешили выровнять свой курс в отношении КСА. В ходе официального визита Дж. Байдена в Эр-Рияд в июле 2022 г. в совместной декларации страны подчеркнули необходимость укреплять «стратегическое партнерство, служащее интересам правительств и народов королевства и США» [Мелкумян 2024, 64]. Вместе с тем, когда Байден попросил увеличить добычу нефти для снижения цен на нее, Саудовская Аравия подтвердила, что намерена принимать решения о сокращении добычи нефти самостоятельно [Яковлев 2023, 38].

Сотрудничество Саудовской Аравии и США охватывает такие сферы, как безопасность, космос, торговля, финансы и высокие технологии. США являлись и остаются главным поставщиком вооружения для саудовской армии. Наиболее масштабные соглашения в области военно-технического сотрудничества подписаны в 2017 г. во время визита президента Д. Трампа. Госдепартамент США в августе 2022 г. одобрил поставку в Саудовскую Аравию 300 усовершенствованных зенитных ракет Patriot на сумму 3,05 млрд долл. США оказывают также содействие в подготовке саудовских военных кадров. Саудовская Аравия включена в американскую программу подготовки иностранного военного персонала — International Military Education and Training (IMET).

Решение задачи «Видения 2030» о превращении королевства в центр технологий и инноваций Ближнего Востока включало в себя подготовку за 5 лет в США по соответствующим программам 100 тыс. саудовских студентов.

Растут саудовские инвестиции в американские компании. Государственный инвестиционный фонд размещал саудовские активы в крупнейших американских компаниях, включая Amazon, Microsoft, JP Morgan Chase и др. Выросли вложения саудовского правительства в облигации американского казначейства [Мелкумян 2024, 65–67].

Вместе с тем Эр-Рияд все настойчивее требуют от западных стран уважения его собственных интересов и берет курс на полноценную диверсификацию международных связей и собственную внешнеполитическую игру. Нарастает взаимодействие с крупными центрами силами, в том числе «геополитическими противниками», в стремлении хеджировать риски на фоне усиления соперничества великих держав.

Замораживание средств Российской Федерации, произведенное странами Запада в одностороннем порядке, произвело неизгладимое впечатление на правителей Саудовской Аравии, как и других нефтяных монархий. Ближний Восток изготавился к перестроению мировой торговли без доллара. Саудовская Аравия начала продавать нефть Китаю за юани, что стало рубежом в отказе от «нефтедоллара»

Желание саудовцев присоединиться к БРИКС во многом основано на стремление учредить на месте доллара новую мировую валюту для использования в нефтяных расчетах [Яковлев 2023, 38–39].

Китай установил полноценные дипломатические отношения с Саудовской Аравией в 1990 г. Первоначально двусторонние связи ограничивались торговлей, главным образом покупкой КНР саудовской нефти. В 2006 г. состоялся официальный визит саудовского короля Абдаллы бен Абдель

Азиза в Пекин, и в том же году председатель КНР Ху Цзиньтао нанес ответный визит в Саудовскую Аравию. Импульс к расширению масштабов партнерства был придан выдвижением Си Цзиньпином в 2013 г. инициативы «Один пояс, один путь». В 2017 г. в ходе визита в Пекин саудовского короля Сальмана были подписаны соглашения на сумму около 65 млрд долл. В декабре 2022 г. состоялся официальный визит председателя КНР Си Цзиньпина в Саудовскую Аравию, призванный «упрочить стратегическое партнерство двух стран» [Мелкумян 2024, 62, 64–65].

Укреплению связей способствуют близкие позиции по ключевым для КНР политическим вопросам: приверженность саудовцев принципу «одного Китая», нежелание устанавливать официальные отношения с Тайванем. У стран общий взгляд на перспективы арабо-израильского урегулирования — через создание двух государств в Палестине [Соснов и др. 2024, 20].

Саудовцы заинтересованы в увеличении поставок продукции нефтепереработки и нефтехимии в Китай. При саудовском участии в Даляне, Циндао, Шаньдуне, Тяньзине построены крупные нефтеперерабатывающие и нефтехимические комплексы.

Китай становится главным торговым партнером Саудовской Аравии. В 2021 г. их торговый баланс составил свыше 87 млрд долл. К этому времени китайские инвестиции в саудовские проекты достигли 43–45 млрд долл., а саудовские инвестиции в Китае — 35 млрд долл. Их сотрудничество распространилось на такие области, как инфраструктура и транспортные коммуникации, высокие технологии, финансы, возобновляемая и атомная энергетика, оборонная промышленность [Мелкумян 2024, 67].

Королевство активно развивает свои связи с Индией. Серьезным объединяющим фактором служит внушительная индийская диаспора на Аравийском полуострове, численность которой, по данным индийского МИД, составляет порядка 9 млн человек, или около трети от общего количества иностранных рабочих в стране [Соснов и др. 2024, 20].

Министр иностранных дел Саудовской Аравии принц Фейсал бин Фархан Аль-Сауд утверждает: «Отношения между Индией и арабским миром насчитывают столетия; исторические связи арабов и исламского мира с Индией имеют результатом длительные культурные связи между нами... Глобальные вызовы и синергия интересов пересеклись, чтобы произвести устойчивое стратегическое партнерство между Индией и Королевством»¹⁵. Прочные позиции в регионе занимает крупный индийский бизнес. В 2022 году двусторонняя торговля достигла 52 млрд долл. Индия стала вторым крупнейшим торговым Саудовской Аравии, а королевство, в свою очередь, — четвертым крупнейшим торговым партнером Индии¹⁶.

Саудовская Аравия стремится стать ведущим центром силы Ближнего Востока и в этом качестве занять свое значимое место на мировой арене — как сердце арабского и исламского мира, инвестиционный и инновационный центр на перекрестке трех континентов — Европы, Азии и Африки [Тюкаева 2024, 53].

Саудовская Аравия пыталась играть активную роль в ходе конфликта в Сирии: с 2012 г. Эр-Рияд, как и Турция, Катар, ОАЭ и другие, единодушно поддержал Национальную коалицию сирийских революционных и оппозиционных сил, боровшихся за свержение правительства Б. Асада [Труевцев 2021, 64].

В связи с подъемом ИГИЛ¹⁷ в конце 2014 г. саудовцы выступили одними из инициаторов создания объединенного военного командования для координации оборонных усилий Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Правда, похоже, усилия эти были

¹⁵ India and Saudi Arabia: A Thriving Partnership Towards a Promising Future. P. 51 // ORF [Электронный ресурс]. URL: <https://www.orfonline.org/public/uploads/posts/pdf/20240221151842.pdf> (дата обращения: 11.09.2024).

¹⁶ Ibid. P. 53–54.

¹⁷ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

направлены не столько против Исламского государства, сколько против Ирана (саудиты утверждали, что чувствовали себя окруженными врагами, которые подчинены Тегерану в Бахрейне, Сирии, Йемене, Ираке).

Претензии ИГИЛ на создание Халифата предполагали также его контроль над святыми местами Хиджаза. «Абу Омар аль-Багдади — первое в современную эпоху государство, созданное исключительно моджахедами — активными участниками джихада — в самом центре мусульманского мира, от которого буквально рукой подать до Мекки, Медины и Иерусалима» [Вайс, Хасан 2016, 151]. В Саудовской Аравии было учреждено полдюжины вилаетов ИГ. Давала о себе знать шиитская фронда в Восточной провинции, где сосредоточены саудовские углеводороды. В этих условиях Эр-Рияд предпочел отказаться от поддержки сирийской оппозиции, переориентироваться на борьбу с терроризмом и взаимодействие с Москвой¹⁸.

Борьба за региональное лидерство привела Саудовскую Аравию и к созданию коалиции с Египтом, Бахрейном и ОАЭ, которая в начале июня 2017 г. приостановила дипломатические отношения и ввела транспортное эмбарго в отношении Катара, обвинив его в поддержке «Братьев мусульман»¹⁹ и ХАМАСа, а также в заигрывании с Ираном. Катар, где находится Центральное командование США на Ближнем Востоке, ответил расширением связей с Турцией, Ираном и соседним Оманом, а также с Москвой²⁰.

Только в январе 2021 г. в Саудовской Аравии состоялся саммит стран — членов ССАГПЗ, положивший конец продолжительному кризису внутри организации и официально зафиксировавший окончание блокады Катара и нормализацию его отношений с соседями. Это стимулировало усилия к примирению и в общерегиональном масштабе между Саудовской Аравией, ОАЭ и Египтом с одной стороны и Турцией и Катаром — с другой.

Процесс этой общерегиональной «нормализации» сопровождался ранее немыслимыми встречами на высшем уровне между саудовскими, эмиратскими, катарскими, турецкими и египетскими лидерами и увенчался Багдадским саммитом «Сотрудничества и партнерства» 28 августа 2021 г. Очередной вехой деэскалации стало возвращение в мае 2023 г. Сирии в Лигу арабских государств, что стало результатом нескольких лет настойчивых усилий ОАЭ по нормализации отношений официального Дамаска с арабскими лидерами [Тюкаева 2024, 51].

Если раньше Саудовская Аравия пыталась военным путем решать ситуацию в Йемене, то в последнее время Эр-Рияд все больше обращается к дипломатическим методам [Бочаров 2023, 64–65].

По инициативе Китая состоялась важнейшая геополитическая перемена на Ближнем Востоке — прекращение длившейся много десятилетий конфронтации между Ираном и Саудовской Аравией. Было подписано в марте 2023 г. соглашение о возобновлении дипломатических отношений [Яковлев 2023, 39]. Это породило надежды на улучшение ситуации по всему Ближнему Востоку, который в последние годы немало страдал от саудовско-иранской конфронтации и борьбы за влияние в Ливане, Ираке, Сирии, Йемене²¹.

В последние годы Израиль старался наладить диалог с Саудовской Аравией, что в случае успеха могло облегчить налаживание связей с другими крупными мусульманскими государствами. В 2020 г. состоялось подписание Соглашений Авраама, призванных нормализовать отношения

¹⁸ У Москвы могут перехватить инициативу по Сирии // Независимая газета [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2017-09-14/3_7073_kartblansh.html (дата обращения: 11.09.2024).

¹⁹ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

²⁰ Qatar Set to Inflamm Regional Tensions by Restoring Diplomatic Ties with Iran // Financial Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ft.com/content/bd8f21c8-889d-11e7-bf50-e1c239b45787> (дата обращения: 11.09.2024).

²¹ Долгий путь к миру // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1496337/artem-adrianov/dolgii-put-k-miru> (дата обращения: 11.09.2024).

трех арабских государств (ОАЭ, Бахрейна и Марокко) с Израилем. В январе 2021 г. к этому процессу формально присоединился и Судан [Тюкаева 2024, 51]. Ожидали и возможного саудовского участия. Однако после начала боев в Газе в октябре 2023 г. Эр-Рияд однозначно заявил, что причины, приведшие к вспышке насилия, лежат в многолетней израильской оккупации и попрании прав палестинцев. Это поставило крест на перспективах нормализации в обозримом будущем [Соснов и др. 2024, 15].

Заключение. Эр-Рияд и Москва

Дипломатические отношения между СССР и Саудовской Аравией были возобновлены после длительного перерыва только в 1990 г. Нормализации способствовал вывод советских войск из Афганистана, а также сближение Москвы с западными странами. В 1992 г. КСА посетил глава МИД РФ А.В. Козырев.

Начавшиеся в декабре 1994 г. военные действия в Чечне стали причиной нового длительного кризиса в российско-саудовских отношениях. Россия обвинила королевство в поддержке сепаратистов Северного Кавказа, в предоставлении помощи наемникам из стран Ближнего и Среднего Востока, которые воевали против российской армии. Саудовские представители, в свою очередь, жестко критиковали Москву на международных площадках.

Сближение двух стран наметилось в начале 2000-х гг. после завершения военных действий в Чечне. В марте 2000 г. Эр-Рияд в качестве спецпредставителя президента посетил министр национальной политики Р.Г. Абдулатипов. Помогло налаживанию отношений улучшение обстановки в самой Чеченской Республике после прихода там к власти в июне 2000 г. нового руководства во главе с А. Кадыровым.

В конце 2002 г. саудовские власти запретили сбор средств для финансирования сепаратистов на Северном Кавказе, прекратилась публичная критика политики Москвы. В 2002 г. прошло первое заседание двусторонней Межправительственной комиссии по экономическому и торговому сотрудничеству. К середине 2003 г. был подготовлен к подписанию ряд соглашений в сфере энергетики, определения ценовой политики в экспорте нефти, в области научных исследований, взаимодействия торгово-промышленных структур.

В сентябре 2003 г. состоялся первый в истории отношений двух стран визит высшего руководителя КСА наследного принца Абдаллы в Москву. Прошли его переговоры с Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, председателем Правительства РФ, министрами, руководителями мусульманской и православной конфессий, представителями деловых кругов, интеллигенции.

Важное значение имел визит в Саудовскую Аравию А. Кадырова в январе 2004 г. В Джидде он встретился с представителями деловых кругов, духовенства Саудовской Аравии, а также стран Персидского залива. Большое впечатление произвело его глубокое знание исламской религии, Корана, блестящий арабский язык. Затем в Эр-Рияде прошла встреча А. Кадырова с наследным принцем Абдаллой, состоялись также встречи с министром иностранных дел С. Фейсалом, министрами экономического блока правительства.

30 июля 2005 г. Россия официально получила статус страны-наблюдателя в ОИС. Полностью была прекращена поддержка сепаратистских групп на Северном Кавказе. В феврале 2005 г. Саудовская Аравия в тесном взаимодействии с РФ провела в Эр-Рияде крупный международный форум по борьбе с международным терроризмом [Бакланов 2024, 77–81].

Новые осложнения в отношениях России и КСА возникли в связи с начавшейся весной 2011 г. гражданской войной в Сирии. Российская контртеррористическая операция в Сирии в сентябре 2015 г. поначалу неоднозначно оценивалось руководством КСА. Однако по мере реализации задач российской

операции и уничтожения баз ИГИЛ подходы начали меняться. Россия стала рассматриваться важным геополитическим актором, участие которого может оказать принципиальное влияние на ход событий, и одним из «союзников, с которыми нельзя не договариваться» [Тюкаева 2024, 54].

По личному указанию короля Салмана в 2015 г. в Россию приехал заместитель наследного принца КСА Мухаммед бен Салман. В сентябре 2016 года на полях встречи «Большой двадцатки» в китайском Ханчжоу Путин и кронпринц Мухаммед пришли к согласию в вопросе о том, что «стабильная политика в нефтяной индустрии невозможна без участия России и Саудовской Аравии». В сентябре того же года в Алжире состоялся Международный энергетический форум с участием министров 72 стран, обеспечивавших 90% мирового предложения и спроса на нефть. Алжирское соглашение предлагало сократить объем валовой добычи нефти на миллион баррелей в сутки для поддержания высоких цен на энергоносители [Ергин 2021, 269–270].

Во второй раз Мухаммед бен Салман посетил российскую столицу в мае 2017 г. В ходе встречи с В.В. Путиным обсуждались совместные экономические и инвестиционные проекты, ситуация на рынке нефти. Государственный визит саудовского короля в Москву в октябре 2017 года стал подтверждением того, что отношения двух стран выходят далеко за рамки нефти. Король прибыл в Москву со свитой в 1500 человек.

В июне 2018 г. в Москве вновь был Мухаммед бен Салман, в этот раз в статусе наследного принца. Его переговоры с В.В. Путиным были посвящены продлению соглашения ОПЕК+ по контролю за добычей нефти, заключенного с 2016 г. Кроме того, принц принял участие в церемонии открытия чемпионата мира по футболу. 14 октября 2019 г. состоялся государственный визит Путина в Саудовскую Аравию.

В КСА считают Россию одним из центров силы полицентричного мира, в укреплении которого они стремятся активно участвовать. «Не поддаваясь иллюзиям о возможности замены Москвой Вашингтона как гаранта собственной и региональной безопасности, они зачастую используют “карту” сотрудничества с ней для оказания давления на западных партнеров с целью получения дополнительных выгод от сотрудничества с ними, осознавая вместе с тем, что развитие взаимодействия с Россией “открывает новые возможности и потому представляет интерес” само по себе» [Тюкаева 2024, 54].

Принципиальное значение имеет сотрудничество с Москвой по вопросам регулирования мирового нефтяного рынка. Согласие с Россией в рамках ОПЕК+ высоко ценится саудовским руководством.

В Саудовской Аравии не считают украинский кризис «определяющим, трансформационным моментом в системе международных отношений», рассматривают его как «европейский конфликт, в который совершенно невыгодно вмешиваться». Несмотря на давление западных партнеров, королевство последовательно придерживается позиции нейтралитета, отказываясь присоединяться к антироссийским санкциям, осуждать действия Москвы или выбирать чью-либо сторону. Вместе с тем Эр-Рияд выражают беспокойство в связи с влиянием кризиса на Украине на глобальные продовольственные и энергетические цепочки, болезненно отразившихся на ряде арабских стран.

Имела резонанс организованная в августе 2023 г. саудовским наследным принцем в Джиdde международная конференция, посвященная украинскому кризису и собравшая представителей более 40 стран, включая президента Украины. Формальной целью встречи был «поиск возможных решений». Фактически же она была призвана укрепить международные позиции Саудовской Аравии и лично Мухаммеда бен Сальмана как миротворца и эффективного посредника [Там же, 55–56].

Рабочий визит В.В. Путина в Эр-Рияд в декабре 2023 г. показал высокий уровень достигнутого политического партнерства, нацеленность сторон на динамичное наращивание сотрудничества

в различных областях. «Развитию дружеских контактов России и Саудовской Аравии ничто не способно помешать», — заявил тогда Путин. Помимо двусторонних вопросов на переговорах обсуждалась ситуация на Ближнем Востоке. На Западе визит российского президента восприняли как очередное подтверждение того, что изоляция РФ на международной арене не сработала.

— Следующая встреча должна быть в Москве, — с улыбкой сказал российский лидер.

— Несомненно, мы готовы, — отреагировал наследный принц²².

Список литературы:

Бакланов А.Г. Саудовская Аравия и разворот России на Восток // Международная жизнь. 2024. № 1. С. 76–81.

Бёрнс Дж. М. Франклин Рузвельт. Человек и политик. М.: Центрполиграф, 2024.

Бернштейн У. Великолепный обмен: история мировой торговли. М.: АСТ, 2014.

Бочаров И.А. Основные тенденции во внешней политике стран Ближнего Востока // Региональные тенденции на Ближнем Востоке: политическая и экономическая динамика. Доклад РСМД № 91. М.: НП РСМД, 2023. С. 57–74.

Бухарин М.Д., Немировский А.А. Культурные и религиозные процессы на Древнем Востоке в поздней древности // Всемирная история в 6 томах / гл. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2011. Т. 1. С. 391–402.

Вайс М., Хасан Х. Исламское государство: Армия террора. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.

Веляяти А. Исламская культура и цивилизация. М.: Феория, 2011.

Велльхаузен Ю. Арабский халифат. Золотой век ислама. М.: Центрполиграф, 2024.

Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. СПб.: Азбука, 2022.

Глабб Дж Б. Арабская империя. СПб.: Евразия, 2024.

Груссе Р. Империя Леванта. Древняя земля тлеющего конфликта между Востоком и Западом. М.: Центрполиграф, 2022.

Дандамаев М.А. Нововавилонская держава // Всемирная история в 6 томах / гл. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2011. Т. 1. С. 306–316.

Дартнелл Л. Происхождение. Как Земля создала нас. М.: АСТ, 2022.

Долгов Б.В. Прусская Е.А. Арабский мир // Всемирная история в 6 томах / гл. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2014. Т. 5. С. 545–558.

Донцов В.Е., Чурилина Т.А. Политические системы монархий Аравийского полуострова // Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Восток / Запад (Москва), 2006. С. 152–191.

Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: Альпина Пабlishер, 2019.

Ергин Д. Новая карта мира. М.: Альпина Пабlishер, 2021.

Ирвинг В. Жизнь пророка Мухаммеда. М.: Ломоносовъ, 2018.

Кеннеди Х. Великие арабские завоевания. М.: АСТ, 2010.

Корбен А. История исламской философии. М.: Садра, 2015.

Кошеленко Г.А. Образование единой цепи цивилизаций // Всемирная история в 6 томах / гл. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2011. Т. 1. С. 649–656.

²² Королевский прием: Путин одним днем слетал в Абу-Даби и Эр-Рияд // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1616667/alena-nefedova/polnyi-vostok-putin-odnim-dnem-sletal-v-abu-dabi-i-er-riiad> (дата обращения: 11.09.2024).

- Кузнецов В.А. Арабский мир: тенденции внутривосточного развития // Региональные тенденции на Ближнем Востоке: политическая и экономическая динамика. Доклад РСМД № 91. М.: НП РСМД, 2023. С. 10–20.
- Мейер М.С. Ближний и Средний Восток: светское и религиозное в государственном строительстве // Всемирная история в 6 томах / гл. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2018. Т. 6. Кн. 2. С. 505–540.
- Мелихов И. Эволюция ваххабитского фактора в Саудовской Аравии // Россия и мусульманский мир. 2016. № 7. С. 67–81.
- Мелкумян Е.С. Саудовская Аравия между США и Китаем в XXI веке: успешное балансирование // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 5. С. 61–71. DOI: [10.20542/0131-2227-2024-68-5-61-71](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-5-61-71)
- Немировский А.А. Восточное Средиземноморье и сопредельные страны в первой половине I тысячелетия до н. э. // Всемирная история в 6 томах / гл. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2011b. Т. 1. С. 271–280.
- Немировский А.А. Месопотамия // Всемирная история в 6 томах / гл. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2011a. Т. 1. С. 68–98.
- Олмстед А. История Персидской империи. М.: Центрполиграф, 2022.
- Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии. М.: Библион — Русская книга, 2003.
- Роган Ю. Арабы. История. XVI–XXI вв. М.: Альпина нон-фикшн, 2022.
- Сенченко И.П. Аравия. Фрески истории. СПб.: Алетейя, 2020.
- Сенченко И.П. Города Аравии. Исторические этюды. СПб.: Алетейя, 2023.
- Сенченко И.П. Королевство Саудовская Аравия. История страны, народа и правящей династии Аль Сауд. СПб.: Алетейя, 2024.
- Соснов Г.И., Баусин И.Л., Баконина М.С., Горбатова В.В., Фитин В.П. Незапад на перекрестке истории: ближневосточная динамика // Проблемы национальной стратегии. 2024. № 1(82). С. 12–41.
- Тойнби А. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. Т. 1. М.: Астрель, 2009.
- Труевцев К. Десять лет «арабской весны»: пейзаж после битвы // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 5. С. 60–70. DOI: [10.31278/1810-6439-2021-19-5-60-70](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-5-60-70)
- Тюкаева Т.И. Взгляд монархий залива на трансформации мироустройства и место России в нем // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 5. С. 49–60. DOI: [10.20542/0131-2227-2024-68-5-49-60](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-5-49-60)
- Уколова В.И. Кризис Римской империи III века // Всемирная история в 6 томах / гл. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2011. Т. 1. С. 656–668.
- Уэйд Н. На заре человечества. Неизвестная история наших предков. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.
- Федорченко А.В. Борьба за престолонаследие в Саудовской Аравии // Международная аналитика. 2019. № 3. С. 62–70. DOI: [10.46272/2587-8476-2019-0-3-62-70](https://doi.org/10.46272/2587-8476-2019-0-3-62-70)
- Фильштинский И.М. История арабов и Халифата (750–1517 гг.). М.: АСТ: Восток-Запад, 2008.
- Финкель К. История Османской империи. Видение Османа. М.: АСТ, 2010.
- Харари Ю. Homo Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2018.
- Хоуп Б., Шек Дж. Нефть и кровь: Беспощадная борьба наследного принца Саудовской Аравии за мировое господство. М.: Альпина Паблишер, 2024.

Яковлев А.И. Экономические тенденции в арабских странах // Региональные тенденции на Ближнем Востоке: политическая и экономическая динамика. Доклад РСМД № 91. М.: НП РСМД, 2023. С. 21–40.

Hollingsworth M., Mitchell S. *Saudi Babylon. Torture, Corruption and Cover-Up Inside the House of Saud*. Edinburgh, London: Cox & Wyman Ltd., 2010.

Hourani A. *A History of the Arab Peoples*. London: Faber and Faber, 2013.

Mansfield P. *A History of the Middle East*. London: Penguin, 2013.

References:

Baklanov A.G. (2024) Saudovskaya Araviya i razvorot Rossii na Vostok [Saudi Arabia and Russia's turn to the East]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 1. P. 76–81.

Bernstein W. (2014) *A Splendid Exchange: How Trade Shaped the World*. Moscow: AST.

Bocharov I.A. (2023) Osnovnyye tendentsii vo vneshney politike stran Blizhnego Vostoka [The main trends in the foreign policy of the Middle East countries]. *Regional'nyye tendentsii na Blizhnem Vostoke: politicheskaya i ekonomicheskaya dinamika. Doklad RSMD № 91*. Moscow: NP RSMD. P. 57–74.

Bukharin M.D., Nemirovskiy A.A. (2011) Kul'turnyye i religioznyye protsessy na Drevnem Vostoke v pozdney drevnosti [Cultural and religious processes in the Ancient East in late Antiquity]. In: Chubar'yan A.O. (ed.) *Vsemirnaya istoriya v 6 tomakh*. Moscow: Nauka. Vol. 1. P. 391–402.

Burns J.M. (2024) *Roosevelt: The Lion and the Fox*. Moscow: Tsentrpoligraf.

Corbin H. (2015) *Histoire de la philosophie islamique*. Moscow: Sadra.

Dandamayev M.A. (2011) Novovavilonskaya derzhava [The New Babylonian power]. In: Chubar'yan A.O. (ed.) *Vsemirnaya istoriya v 6 tomakh*. Moscow: Nauka. Vol. 1. P. 306–316.

Dartnell L. (2022) *Origins: How Earth's History Shaped Human History*. Moscow: AST.

Dolgov B.V. Prusskaya E.A. (2014) Arabskiy mir [The Arab world]. In: Chubar'yan A.O. (ed.) *Vsemirnaya istoriya v 6 tomakh*. Moscow: Nauka. Vol. 5. P. 545–558.

Dontsov V.E., Churilina T.A. (2006) Politicheskiye sistemy monarkhiy Araviyskogo poluostrova [Political systems of the monarchies of the Arabian Peninsula]. In: Voskresenskiy A.D. (ed.) *Politicheskiye sistemy i politicheskiye kul'tury Vostoka*. Moscow: Vostok / Zapad (Moskva). P. 152–191.

Fedorchenko A.V. (2019) The Fight for Succession in Saudi Arabia. *Mezhdunarodnaya analitika*. No. 3. P. 62–70. DOI: [10.46272/2587-8476-2019-0-3-62-70](https://doi.org/10.46272/2587-8476-2019-0-3-62-70)

Fil'shtinskiy I.M. (2008) *Istoriya arabov i Khalifata (750–1517 gg.)* [The History of the Arabs and the Caliphate (750–1517)]. Moscow: AST: Vostok-Zapad.

Finkel K. (2010) *Osman's Dream. The story of the Ottoman Empire 1300–1923*. Moscow: AST.

Gibbon E. (2022) *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire: 1776–1788*. Saint Petersburg: Azbuka.

Glubb J.B. (2024) *The Empire of the Arabs*. Saint Petersburg: Evraziya.

Grousset R. (2022) *L'empire du Levant: Histoire de la question d'Orient*. Moscow: Tsentrpoligraf.

Harari Yu. (2018) *Sapiens. A Brief History of Humankind*. Moscow: Sindbad.

Hollingsworth M., Mitchell S. (2010) *Saudi Babylon. Torture, Corruption and Cover-Up Inside the House of Saud*. Edinburgh, London: Cox & Wyman Ltd.

Hope B., Scheck J. (2024) *Blood and Oil: Mohammed bin Salman's Ruthless Quest for Global Power*. Moscow: Al'pina Pabliisher.

- Hourani A. (2013) *A History of the Arab Peoples*. London: Faber and Faber.
- Irving W. (2018) *Life of Mahomet*. Moscow: Lomonosov.
- Kennedy H. (2010) *The Great Arab Conquests*. Moscow: AST.
- Koshelenko G.A. (2011) Obrazovaniye edinoy tsepi tsivilizatsiy [Formation of a single chain of civilizations]. In: Chubar'yan A.O. (ed.) *Vsemirnaya istoriya v 6 tomakh*. Moscow: Nauka. Vol. 1. P. 649–656.
- Kuznetsov V.A. (2023) Arabskiy mir: tendentsii vnutripoliticheskogo razvitiya [The Arab world: Trends in domestic political development]. *Regional'nyye tendentsii na Blizhnem Vostoke: politicheskaya i ekonomicheskaya dinamika. Doklad RSMD № 91*. Moscow: NP RSMD. P. 10–20.
- Mansfield P. (2013) *A History of the Middle East*. London: Penguin.
- Melikhov I. (2016) Evolyutsiya vakhkhabitskogo faktora v Saudovskoy Aravii [The evolution of the Wahhabi factor in Saudi Arabia]. *Russia and the Muslim world*. No. 7. P. 67–81.
- Melkumyan E. (2024) Saudi Arabia Between the USA and China in the First Decades of the XXI Century: Succeseful Balancing. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. Vol. 68. No. 5. P. 61–71. DOI: [10.20542/0131-2227-2024-68-5-61-71](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-5-61-71)
- Meyyer M.S. (2018) Blizhniy i Sredniy Vostok: svetskoye i religioznoye v gosudarstvennom stroitel'stve [The Middle East: Secular and religious in state building]. In: Chubar'yan A.O. (ed.) *Vsemirnaya istoriya v 6 tomakh*. Moscow: Nauka. Vol. 6. Book 2. P. 505–540.
- Nemirovskiy A.A. (2011a) Mesopotamiya [Mesopotamia]. In: Chubar'yan A.O. (ed.) *Vsemirnaya istoriya v 6 tomakh*. Moscow: Nauka. Vol. 1. P. 68–98.
- Nemirovskiy A.A. (2011b) Vostochnoye Sredizemnomor'ye i sopredel'nyye strany v pervoy polovine I tysyacheletiya do n. e. [The Eastern Mediterranean and neighboring countries in the first half of the first millennium BC]. In: Chubar'yan A.O. (ed.) *Vsemirnaya istoriya v 6 tomakh*. Moscow: Nauka. Vol. 1. P. 271–280.
- Olmstead A. (2002) *History of the Persian Empire*. Moscow: Tsentrpoligraf.
- Rashid A. (2003) *Taliban. Islam, neft' i novaya Bol'shaya igra v Tsentral'noy Azii* [The Taliban. Islam, oil and the new big game in Central Asia] Moscow: Bibliion — Russkaya kniga.
- Rogan Eu. (2022) *The Arabs: A History*. Moscow: Al'pina non-fikshn.
- Senchenko I.P. (2020) *Araviya. Freski istorii* [Arabia. Murals of history]. Saint Petersburg: Aleteyya.
- Senchenko I.P. (2023) *Goroda Aravii. Istoricheskiye etyudy* [Cities of Arabia. Historical sketches]. Saint Petersburg: Aleteyya.
- Senchenko I.P. (2024) *Korolevstvo Saudovskaya Araviya. Istoriya strany, naroda i pravyashchey dinastii Al' Saud* [The Kingdom of Saudi Arabia. The history of the country, the people and the ruling Al Saud dynasty]. Saint Petersburg: Aleteyya.
- Sosnov G.I., Bausin I.L., Bakonina M.S., Gorbatova V.V., Fitin V.P. (2024) Non-West at the Crossroads of History: The Middle Eastern Dynamics. *Problemy natsional'noy strategii*. No. 1(82). P. 12–41.
- Toynbee A. (2009) *A Study of History*. Vol. 1. Moscow: Astrel'.
- Truyevtsev K. (2021) Desyat' let «arabskoï vesny»: peyzazh posle bitvy [Ten years of the “Arab Spring”: The landscape after the battle]. *Rossiya v global'noy politike*. Vol. 19. No. 5. P. 60–70. DOI: [10.31278/1810-6439-2021-19-5-60-70](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-5-60-70)
- Tyukaeva T. (2024) The Gulf Monarchies' Vision of the Global Order Transformations and the Russian Place in It. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. Vol. 68. No. 5. P. 49–60. DOI: [10.20542/0131-2227-2024-68-5-49-60](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-5-49-60)

- Ukolova V.I. (2011) Krizis Rimskoy imperii III veka [The crisis of the Roman Empire of the third century]. In: Chubar'yan A.O. (ed.) *Vsemirnaya istoriya v 6 tomakh*. Moscow: Nauka. Vol. 1. P. 656–668.
- Velayati A. (2011) *Islamskaya kul'tura i tsivilizatsiya* [Islamic culture and civilization]. Moscow: Feoriya
- Wade N. (2019) *Before the Dawn*. Moscow: Al'pina non-fikshn.
- Weiss M., Hassan H. (2011) *ISIS: Inside the Army of Terror*. Moscow: Al'pina non-fikshn.
- Wellhausen J. (2024) *The Arab Kingdom and Its Fall*. Moscow: Tsentrpoligraf.
- Yakovlev A.I. (2023) Ekonomicheskiye tendentsii v arabskikh stranakh [Economic trends in Arab countries]. *Regional'nyye tendentsii na Blizhnem Vostoke: politicheskaya i ekonomicheskaya dinamika. Doklad RSMD № 91*. Moscow: NP RSMD. P. 21–40.
- Yergin D. (2019) *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power*. Moscow: Al'pina Pabliher.
- Yergin D. (2021) *The New Map: Energy, Climate, and the Clash of Nations*. Moscow: Al'pina Pabliher.

Трансформация международной финансовой системы: роль платформы BRICS Bridge

Ленков Илья Николаевич

Кандидат экономических наук, SPIN-код РИНЦ: [4135-1320](#), ORCID: [0000-0002-6094-3743](#), lenkov@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Осипов Владимир Сергеевич

Доктор экономических наук, профессор, SPIN-код РИНЦ: [9357-6409](#), ORCID: [0000-0003-3109-4786](#), alwaysvs@mail.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

В статье рассматриваются санкционные инструменты недружественных стран, используемые для ограничения международной финансовой деятельности посредством создания препятствий при осуществлении трансграничных операций с использованием корреспондентских счетов и системы передачи финансовых сообщений SWIFT. Зависимость мировой финансовой системы от американского доллара и, как следствие, от американских банков позволяет США и их союзникам злоупотреблять географическим и политическим положением, использовать инструменты санкционного давления в финансовой сфере в качестве неконкурентного оружия. Использование американского доллара в международной торговле многие государства считают одной из своих самых больших уязвимостей в текущих условиях. Государства — цели санкций осознают все возникающие риски и находятся в поиске новых эффективных решений обеспечения внешнеэкономической деятельности, создавая новые платформы и механизмы, способные заменить существующие технологии совершения трансграничных валютных переводов, нивелируя риски санкционных ограничений, направленные на отдельные элементы платежной инфраструктуры или конкретных участников совершаемых сделок. Одним из подобных решений является использование цифровых валют центральных банков в международных расчетах. Так, в июне 2024 г. Министерство финансов Российской Федерации анонсировало платформу для расчетов в национальных валютах в странах БРИКС с целью выстраивания прямой финансовой логистики между центральными банками стран объединения. В статье рассматривается механизм осуществления трансграничных переводов с использованием данной платформы, анализируются возможные риски и даются рекомендации по их упразднению.

Ключевые слова

Международная финансовая система, санкционные ограничения, БРИКС, платежи, mBridge, BRICS Bridge.

Для цитирования

Ленков И.Н., Осипов В.С. Трансформация международной финансовой системы: роль платформы BRICS Bridge // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 107. С. 39–49. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-39-49

Transformation of International Financial System: The Role of BRICS Bridge Platform

Ilya N. Lenkov

PhD, ORCID: [0000-0002-6094-3743](#), lenkov@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Vladimir S. Osipov

DSc (Economics), Professor, ORCID: [0000-0003-3109-4786](#), alwaysvs@mail.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article examines the sanctioning tools of unfriendly countries used to restrict international financial activities by creating obstacles in cross-border operations using correspondent accounts and the SWIFT financial messaging system. The dependence of the global financial system on the US dollar and, consequently, on American banks allows the US and its allies to abuse their geographical and political position, using sanctions as a non-competitive weapon in the financial sphere. Many states consider the use of the US dollar in international trade as one of their greatest vulnerabilities under current conditions. Target states of sanctions are aware of all the emerging risks and are in search of new effective solutions to ensure foreign economic activities, creating new platforms and mechanisms capable of replacing existing technologies for conducting cross-border currency transfers, mitigating the risks of sanctions on specific elements of payment infrastructure or specific participants in transactions. One such solution is the use of central bank digital currencies in international settlements. Thus, in June 2024, the Ministry of Finance of the Russian Federation announced a platform for settlements in national currencies among BRICS countries aimed at establishing direct financial logistics between the central banks of the union's countries. The article discusses the mechanism for conducting cross-border transfers using this platform, analyzes possible risks, and provides recommendations for their elimination.

Keywords

International financial system, sanctions restrictions, BRICS, payments, mBridge, BRICS Bridge.

For citation

Lenkov I.N., Osipov V.S. (2024) Transformation of International Financial System: The Role of BRICS Bridge Platform. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 107. P. 39–49. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-39-49

Дата поступления/Received: 24.10.2024

Введение. Международная финансовая система в условиях санкционных ограничений

Доверие, вероятно, наиболее ценный, редкий институциональный ресурс, так как его формирование требует огромных усилий, а его утрата несет в себе фантастические потрясения для финансовых рынков, да и для всей экономической и политической системы. Доверие формируется долгими годами усердного труда во взаимодействии органов государственного управления, бизнеса и общества. Собственно, на доверии зиждется общественный договор, под которым А.А. Аузан предлагал понимать «всегда добровольную многостороннюю договоренность людей по поводу достижения и утверждения каких-то прав и интересов» [Аузан 2005, 7]. Сложно не согласиться с профессором А.А. Аузаном, так как, действительно, достижение добровольной многосторонней договоренности формирует устойчивую систему общественных отношений, в которой права и обязанности, интересы и правоприязания понятны всем акторам и не противоречат друг другу. В финансовой сфере проблема доверия обостряется, так как здесь не только значительно больше вероятность потерь как вследствие реализации рисков, так и в силу обмана на доверии (мошенничества в смысле ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации). «...Представители финансовой отрасли соглашаются с тем, что доверие в ней жизненно необходимо. А задача по восстановлению утраченного доверия должна входить в число приоритетных» [Де Феникс, Певерелли 2012, 36]. Авторитетные ученые совершенно правы, отмечая необходимость восстановления утраченного доверия в первостепенном порядке, причем Банк России понимает это, как никто другой. Среди приоритетов развития финансового рынка на ближайшие три года Банк России отмечает следующие: «повышение роли рынка капитала как источника финансирования бизнеса, совершенствование инструментов долгосрочных сбережений и инвестиций для граждан, укрепление доверия к рынку и усиление защиты прав инвесторов»¹. Решение таких задач наталкивается на существенное ограничение в виде санкционного давления на российскую экономику.

«Государства вводят финансовые санкции в отношении отдельных лиц, фирм, правительств и других субъектов, которые ограничивают международную финансовую деятельность объекта, включая участие в трансграничных транзакциях и доступ к активам, хранящимся за рубежом» [McDowell 2023, 24]. Таким образом, ограничение международной финансовой деятельности, в том числе трансграничные операции с использованием корреспондентских счетов и системы передачи финансовых сообщений SWIFT, напрямую названы как ограничивающие инструменты, а по сути это неконкурентное оружие и злоупотребление своим положением (географическим и политическим) на мировой арене.

«В каждом случае финансовые санкции усиливали восприятие политического риска, связанного с использованием доллара. Это вызвало ряд усилий правительств по снижению своей зависимости от доллара. В большинстве случаев наши исследования показывают, что государства — цели санкций осознают, каким образом зависимость от доллара увеличивает их уязвимость к прямым политическим издержкам, вытекающим из финансовых санкций, и что они ищут способы снижения этой уязвимости путем реализации политики дедолларизации» [McDowell 2020, 636]. Вообще, странно ожидать иного в ситуации, когда наступает физический запрет на использование валюты, обладающей статусом международной резервной и расчетной единицы.

Санкционное давление на Российскую Федерацию и другие страны создает существенную проблему — осложняется реализация внешней торговли, привлечение и размещение инвестиций. В поисках новых эффективных решений обеспечения внешнеэкономической деятельности создаются

¹ Банк России определил основные направления развития финансового рынка до 2027 года // Банк России [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=20998> (дата обращения: 22.10.2024).

новые платформы и механизмы, которые способны заместить классические технологии совершения трансграничных валютных переводов и изменить всю глобальную финансовую инфраструктуру, поскольку они позволяют снизить риски платежей и существенно удешевить эти операции.

Уже в 2002 году Всемирный банк высоко оценивал качество деятельности Банка России и отмечал, что «все основные функции банковского надзора реализованы и подкреплены комплексным набором законов, нормативных актов и внутренних правил, которые предоставляют надзорным органам широкие полномочия по обеспечению соблюдения правил» [Building Trust 2002, 229]. Однако новые условия санкционного давления и геополитической напряженности выявляют ряд недостатков в системе регулирования финансовой сферы. Принципиальный недостаток существующего механизма расчетов в иностранных валютах заключается в том, что корреспондирующим банком по платежам в американских долларах являются кредитные институты США, в евро — европейские банки. Западные банки вынуждены соблюдать ограничения правительств недружественных стран и не проводить платежи с банками из стран, против которых введены санкционные ограничения. Данные ограничения подталкивают страны всего остального мира создавать и развивать новые механизмы совершения трансграничных платежей. «Все понимают, что любой может столкнуться с санкциями США или других западных стран»², — сказал Сергей Лавров, министр иностранных дел России.

Китай придерживается схожих взглядов, что именно новые платежные технологии, а не закредитованность стран G7 или военный конфликт сократят влияние США в мировой финансовой системе и, как следствие, в иных сферах. Использование американского доллара в международной торговле Китай считает одной из своих самых больших уязвимостей в текущих условиях. Так, в Китае проект цифрового юаня начался в 2014 году; Народный банк Китая стремится к интернационализации юаня и снижению зависимости от глобальной финансовой системы, основанной на долларе США [Wang 2022]. Не меньшую опасность создают и внутренние проблемы доллара США, так как размер государственного долга давно уже превышает размеры ВВП, а совокупные необеспеченные обязательства правительства США превышают ВВП почти в 8 раз³. К концу 2024 года предполагается достижение отметки совокупного государственного долга стран мира в 100 триллионов долларов. Проценты по обслуживанию этих долгов становятся самой большой расходной строкой в бюджетах отдельных (преимущественно развитых) стран. Э. Эванс-Притчард правильно отмечает, что «никогда еще США не вступали в фазу экономического спада с совокупным дефицитом федерального, государственного и местного бюджета 8,2% ВВП»⁴.

Дж. Стиглиц указывал со ссылкой на Дж.М. Кейнса, что «вслед за Великой депрессией стал популярным кейнсианский подход, согласно которому государство должно избегать дефицита в обычные годы, но дефицит может быть желательным для стимулирования выхода экономики из кризиса или депрессии» [Стиглиц 1997, 633]. Действительно, у Кейнса мы находим именно такой рецепт: например, в разделе «Международный заем» в работе «Экономические последствия Версальского мирного договора» 1919 года [Кейнс 2007].

В настоящее время нельзя сказать, что резко возрастающая задолженность ведущих стран обусловлена инвестициями в расширение товарного производства. Важное следствие возникает в этом случае: если взятые в долг средства пойдут на производительные расходы, то есть они

² BRICS platforms alternative to dollar, euro attract increasing number of states — Lavrov // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.com/politics/1843833> (дата обращения: 22.10.2024).

³ Financial Stability Report. 2024 // Federal Reserve [Электронный ресурс]. URL: <https://www.federalreserve.gov/publications/files/financial-stability-report-20241122.pdf> (дата обращения: 22.10.2024).

⁴ America will keep spending money like a drunken sailor until the world stops funding it // The Telegraph [Электронный ресурс]. URL: <https://www.telegraph.co.uk/business/2024/08/16/america-spending-will-continue-until-the-world-stops-fund/> (дата обращения: 22.10.2024).

продуцируют новые товары, то долг не снижает, а стимулирует экономический рост. Если взятые в долг средства не идут на производительные расходы, то есть не образуются новые товары, то долг снижает темпы экономического роста, так как сам долг и проценты по нему следует возвращать, то есть отвлекать средства от возможного производительного инвестирования. Раздувание государственного долга для расширения конечного потребления требует все новых источников экономического роста. Тем не менее огромные государственные долги развитых стран не могут не оказывать влияния на всю мировую финансовую систему, о чем говорится в докладе «Усовершенствование международной валютно-финансовой системы» Министерства финансов Российской Федерации, Банка России и группы экспертов⁵ накануне саммита БРИКС в г. Казани.

«Ведущая роль доллара США в международной валютной системе неразрывно связана с экономической и политической ролью США за последние 120 лет. Сразу после войны США с планом Маршалла стали силой многосторонности» [International Sanctions 2024, 102]. Однако авторы отмечают и современное состояние международной валютной системы: «четыре атрибута — внутренняя власть, пограничный контроль, политическая автономия и невмешательство — подвергаются беспрецедентному сомнению», что говорит о настойчивой необходимости формирования новой системы международных валютно-финансовых отношений, что укладывается в концепцию, изложенную в упомянутом докладе⁶.

Важной составляющей новых механизмов является снижение санкционного риска, который может проявляться в введении санкционных ограничений на отдельные элементы платежной инфраструктуры или конкретных участников совершаемых сделок. Данный тезис находит отражение в выступлениях Генри Фаррелла и Абрахама Ньюмана, которые называют существующее положение США и американского доллара в мировой финансовой системе «паноптикумом» и «эффектом удушения»⁷. Поскольку американские банки, выступая в роли корреспондирующего банка, могут отслеживать все проходящие финансовые потоки на предмет признаков финансирования терроризма (в контексте использования цифровых финансовых активов были отдельные рекомендации FATF⁸) и уклонения от санкций. Подобное положение дает лидерам недружественных стран огромный рычаг власти, что не устраивает весь остальной мир. Собственно, именно этот аргумент лег в основу доказательной базы необходимости изменения международной валютно-финансовой системы Министерства финансов Российской Федерации, Банка России и группы экспертов, где прямо отмечается, что «существующая инфраструктура трансграничных платежей не имеет конкуренции и, следовательно, способности адаптироваться к требованиям ее участников. Текущая преобладающая модель использования централизованных расчетных механизмов и резервных валют для целей проведения трансграничных платежей является наследием, которое больше не является оптимальным в XXI веке. Этот компонент международной валютно-финансовой системы фактически монополизирован одним учреждением, что не позволяет его участникам иметь осуществимую альтернативу»⁹. Действительно, сложившееся положение никак не соответствует

⁵ Improvement of the International Monetary and Financial System // Яков и Партнеры [Электронный ресурс]. URL: https://yakovpartners.ru/upload/iblock/9c2/ci594n0ysocxuukw7iliw6qtr4xz6cc4/BRICS_Research_on_IMFS.pdf (дата обращения: 22.10.2024).

⁶ Там же.

⁷ Byrne R. Panopticons and Chokepoint // Wilson Quarterly [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wilsonquarterly.com/quarterly/who-writes-the-rules/panopticons-and-chokepoints> (дата обращения: 22.10.2024); Farrell H., Newman A. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape Power // University Consortium [Электронный ресурс]. URL: <https://uc.web.ox.ac.uk/article/henry-farrel-and-abraham-newman-weaponized-interdependence> (дата обращения: 22.10.2024).

⁸ Virtual Assets Red Flag Indicators of Money Laundering and Terrorist Financing // FATF [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/MethodsandTrends/Virtual-assets-red-flag-indicators.html> (дата обращения: 22.10.2024).

⁹ Improvement of the International Monetary and Financial System. P. 4. // Яков и Партнеры [Электронный ресурс]. URL: https://yakovpartners.ru/upload/iblock/9c2/ci594n0ysocxuukw7iliw6qtr4xz6cc4/BRICS_Research_on_IMFS.pdf (дата обращения: 22.10.2024).

рыночным фундаментальным принципам как свободного рынка, так и конкурентным началам. Такое положение дел не устраивает не только страны, находящиеся под санкциями США, но и весь остальной мир, так как применение доллара как оружия вполне может быть обращено против вчерашних союзников, как это показали отношения США и Российской Федерации.

Новые механизмы в международной финансовой системе. Модели новой платежной архитектуры

В июне 2024 г. Министерство финансов Российской Федерации анонсировало платформу для расчетов в национальных валютах в странах БРИКС с целью выстраивания прямой финансовой логистики между центральными банками стран объединения. Платформа может представлять интерес в том числе и для банков из недружественных стран, поскольку 14-й пакет санкций ЕС¹⁰ запрещает европейским организациям использование Системы передачи финансовых сообщений (СПФС), аналога системы SWIFT, от которой российские банки были отключены ранее.

Планы БРИКС могут сделать трансграничные платежи дешевле и быстрее. Создание подобной системы является новой геополитической стратегией объединения. Например, российские участники внешнеэкономической деятельности перешли на расчеты в китайских юанях и индийских рупиях, но периодически на внутреннем рынке возникает дефицит валютной ликвидности, что порождает волатильность курса национальной валюты. Для решения подобных проблем участники внешнеэкономической деятельности приходят к необходимости концентрации финансовых ресурсов вне юрисдикции Российской Федерации, использования бартерных схем расчетов и прочих механизмов. Создание платежной системы позволит решить обозначенные трудности, а ее ключевые преимущества могут привлечь развивающиеся экономики в БРИКС, что расширит круг участников платежной системы и повысит ее значимость. Так, специалисты из стран БРИКС разработали трансграничную платежную инициативу VCBPI (BRICS Cross-Border Payments Initiative), которая направлена на упрощение расчетов в национальных валютах.

Концепция новой системы совершения транзакций предполагает использование цифровых финансовых активов в международных расчетах в соответствии с законом¹¹. Важно отметить, что речь не идет про использование криптовалют, которые, согласно российскому законодательству, не относятся к цифровым финансовым активам. Цифровые валюты центральных банков (CBDC — Central bank digital currency) представляют собой особый вид цифровых финансовых активов, поскольку являются официальными платежными инструментами, в отличие от криптовалют. По своей сути цифровая валюта центрального банка — цифровая версия суверенной валюты.

Для упразднения возникающих рисков при совершении торговых и платежных операций предлагается значительная трансформация существующих механизмов проведения платежей, основные принципы которой нашли свое отражение в платформе для трансграничных платежей BRICS Bridge. В соответствии с принципами этой системы транзакции должны проходить без зависимости от тех, кто решил использовать финансовую систему в качестве санкционного оружия. Система, которую планируют реализовать в течение года, позволит проводить трансграничные переводы, используя цифровые платформы, управляемые центральными банками стран-участниц. Концепция проекта BRICS Bridge может быть заимствована из проекта mBridge, управляемого швейцарским Банком международных расчетов (BIS).

¹⁰ Council Regulation (EU) 2024/1745 of 24 June 2024 amending Regulation (EU) No. 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // European Union [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1745/oj> (дата обращения: 22.10.2024).

¹¹ Федеральный закон от 11.03.2024 № 45-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202403110010> (дата обращения: 22.10.2024).

Существующие санкционные ограничения в адрес некоторых государств со стороны недружественных западных стран создают условия для формирования новой системно значимой платежной системы (SIPS — systemically important payment system). Важным элементом ее функционирования должен быть принцип валовых расчетов в режиме реального времени (RTGS — real time gross settlements), что позволит снизить существующие риски трансграничных валютных операций. Например, система мультивалютных расчетов CLS (continuous linked settlement) является SIPS, поскольку все расчеты проходят через нее.

Таким образом, предложенная в формате БРИКС платформа BRICS Bridge, основана на существующих проектах платежных систем между центральными банками — Multiple CBDC Bridge, или mBridge. Концепция платежной системы BRICS Bridge основывается на использовании цифровых валют центральных банков, и по своей сущности это цифровые валюты, обеспеченные фиатными валютами. Реализация подобной концепции устраняет необходимость участия в цепочке банка-корреспондента, и все расчеты производятся между центральными банками напрямую, что делает наложение санкций одной страной на другую невозможным.

Банк международных расчетов еще в 2021 году в своем отчете представил три модели¹² совершения трансграничных валютных платежей с использованием цифровых валют.

Первая модель предполагает участие отдельных систем CBDC через соблюдение общих международных стандартов и напоминает традиционные схемы трансграничных валютных переводов. Общие стандарты могут снизить операционную нагрузку на финансовые учреждения, участвующие в нескольких системах одновременно. Согласованные юридические, регуляторные и надзорные стандарты призваны упростить процессы выявления финансовых нарушений и мониторинг транзакций. При использовании данной модели использование CBDC аналогично любому другому методу совершения платежей. Существенным ограничением модели является отсутствие совместимости между национальными системами CBDC, что требует времени для согласования стандартов. Стоимость транзакции не снижается, поскольку переводы между CBDC проводятся множеством организаций, которые получают комиссию за проведенный платеж. Присутствуют также риски микроуровня: платежеспособность и ликвидность отдельных участников, кибератаки и другие.

Вторая модель включает дополнительные взаимосвязи, формируется общий клиринговый механизм, через который становится возможным в одной системе производить платежи тем участникам, кто находится в разных странах. Существенным ограничением модели представляется создание клирингового центра, что требует времени и некоторых финансовых вложений от участников системы. В рамках модели возможно также существование децентрализованной клиринговой системы, что еще больше усложняет модель. Подобная модель была реализована в рамках сотрудничества Монетарного управления Сингапура (MAS) и Банка Канады (BOC). В основе проекта лежала идея того, что системы CBDC в каждой стране используют разные технические платформы DLT (distributed ledger technology). Впоследствии MAS расширила проект для использования большего количества валют (переход к модели третьего типа).

Третья модель подразумевает прямое взаимодействие между центральными банками. Концепция такой модели предполагает существование единой системы mCBDC в разных юрисдикциях. Эта наиболее глубокая форма интеграции финансовых систем позволяет потенциально повысить операционную эффективность всей системы, но снижает возможности управления финансовыми потоками, например, с целью реализации методов валютного регулирования. Широкий доступ всех участников к системе может обеспечить более эффективную систему расчетов, но увеличивает

¹² Central bank digital currencies for cross-border payments. Report to the G20 // BIS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bis.org/publ/othp38.pdf> (дата обращения: 22.10.2024).

другие риски. Введение ограничений на движение капитала становится для центрального банка — участника системы затруднительным. Основные барьеры реализации модели — юридические и регуляторные различия в организации финансовых рынков разных стран. По принципам данной модели реализован проект mCBDC Bridge. Для интеграции в подобную систему центральные банки должны согласовать единый свод правил, единый набор требований к участию и обеспечить поддерживающую инфраструктуру. Риски макроуровня, возникающие в данной модели, носят достаточно масштабный характер, поскольку формируется модель полной свободы трансграничного движения капитала. Решение перечисленных проблем возможно с расширением функциональности цифровых валют.

Существуют также смарт-контракты на основе времени — контракты с хешированным временным замком (HTLC), которые используются для выполнения транзакций только в определенное время и дату, то есть подобное ограничение CBDC может быть настроено на истечение срока действия, тем самым заставляя использовать ее до определенной даты и времени. В контексте операций валютного обмена такие ограничения можно вводить, например, для мгновенного исполнения спотовой сделки с CBDC и компенсирующей форвардной сделки. Подобную идею обсуждали в Банке Англии в 2020 году¹³. Спотовые сделки могут быть структурированы таким образом, что все валюты обмениваются в один и тот же момент времени, при этом все денежные потоки сводятся и неттируются (агрегируются и взаимозачитываются), как следствие, нивелируется необходимость применения дорогостоящих методов смягчения таких рисков, как, например, херштаттский риск — немецкий банк Bankhaus Herstatt в 1974 году не получил перевод по причине несовпадения времени платежей в разных часовых поясах, что повлекло его закрытие надзорными органами и спровоцировало цепочку неплатежей по всему миру.

Инструменты денежно-кредитной политики с использованием подобных ограниченных во времени цифровых валют также расширятся. Например, стимулирующая денежно-кредитная политика может осуществляться через обратные репо-сделки (на срок) или через количественное смягчение. При использовании цифровой валюты с ограниченным сроком действия необходимость залога со стороны банковского сектора упраздняется, риск ликвидности банковского сектора также снижается¹⁴. Это будет способствовать как более сбалансированной денежно-кредитной политике стран-участниц, так и более предсказуемым условиям ведения бизнеса, в том числе внешнеэкономических операций.

Таким образом, для стран БРИКС в текущих геополитических и экономических условиях наиболее подходящей к использованию является модель третьего типа. Разберем более подробно, каким образом возможно проведение расчетов по данной модели. На Рисунке 1 представлена упрощенная схема расчетов между банками с использованием цифровых финансовых активов, приобретаемых у центральных банков. В схеме возможна конвертация валюты в централизованном или децентрализованном клиринговом центре (по модели 2) или в соответствующем центральном банке (по модели 3). Стоит также отметить, что временные издержки на совершение операции минимальны, поскольку реализуется принцип «платеж против платежа», что практически полностью устраняет валютный и расчетный риски.

¹³ Central Bank Digital Currency: opportunities, challenges and design. Discussion Paper // Bank of England [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/paper/2020/central-bank-digital-currency-opportunities-challenges-and-design-discussion-paper> (дата обращения: 22.10.2024).

¹⁴ Digital Cash: Why Central Banks Should Start Issuing Electronic Money // Positive Money [Электронный ресурс]. URL: <https://positivemoney.org/publications/digital-cash/> (дата обращения: 22.10.2024).

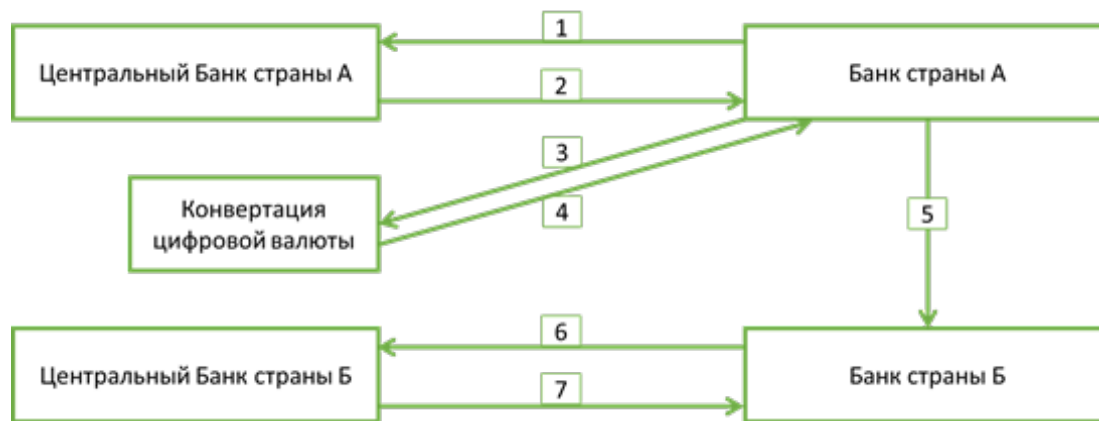

Рисунок 1. Схема совершения транзакции через mCBDC Bridge¹⁵

Итак, для совершения валютного перевода через платформу mCBDC Bridge с использованием цифровых финансовых активов необходимо выполнить следующие шаги. На начальном этапе банк, отправляющий перевод, обменивает национальную валюту на цифровую валюту, эмитируемую центральным банком в своей стране. Происходит списание (шаг 1) обычной валюты А и зачисление цифровой валюты А (шаг 2). На этапе 3–4 происходит конвертация одной цифровой валюты в другую. Происходит списание (шаг 3) цифровой валюты А и зачисление цифровой валюты Б (шаг 4). Затем Банк А отправляет перевод в Банк Б (шаг 5). Банк Б проводит конвертацию цифровой валюты Б (шаг 6) в национальную валюту Б (шаг 7) и зачисляет ее на счет клиента. Схема носит упрощенный характер. При систематическом проведении расчетов банки будут формировать активы и пассивы в соответствующих валютах, в том числе и цифровых, что сократит количество операций в представленной схеме.

При классической валютной транзакции коммерческие банки могут не иметь прямых корреспондентских отношений с контрагентами из других стран и вынуждены использовать услуги крупных банков для осуществления транзакций через границу, что критически важно для функционирования международной платежной системы. Трансграничные переводы, осуществляемые таким образом, как правило, имеют высокие затраты, риски расчетов, низкую скорость и операционные сложности из-за дублированных процессов (KYC — know your customer, AML — anti-money laundering, CFT — counter-terrorist financing) и этапов в цепочке платежей. Корреспондентские банки вводят также ограничения в отношении некоторых клиентов, отказывая в предоставлении доступа к глобальной платежной сети.

При использовании механизмов Multiple CBDC Bridge количество шагов можно значительно сократить, обеспечив прямую двустороннюю связь между банками отправителя и получателя платежа. Важной составляющей интеграции данного механизма является совместимость с национальными платежными системами посредством участия в механизме центральных банков. Стоит уделить внимание тому, как упраздняются некоторые риски при использовании подобных схем, например расчетный риск (principal risk), риски нарушения контрагентом его обязательств по своевременной оплате (counterparty risk) и др. Использование таких механизмов позволяет ускорить проведение транзакций и повысить их прозрачность за счет сокращения цепочки участников в валютном переводе. К очевидным преимуществам платформы mBridge можно отнести:

¹⁵ Составлено авторами на основе Central Bank Digital Currency: opportunities, challenges and design. Discussion Paper. March 2020 // Bank of England [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/paper/2020/central-bank-digital-currency-opportunities-challenges-and-design-discussion-paper> (дата обращения: 22.10.2024).

- скорость исполнения платежа, поскольку в рамках платформы реализуется мгновенный расчет между участниками операции. Данный факт устраняет расчетный риск при выполнении трансграничных платежей;
- расчеты производятся в валюте, эмитируемой центральным банком с непосредственным участием центральных банков, что повышает надежность и доверие к платформе;
- доступность для широкого круга участников в стране. Создается возможность получения прямого двустороннего доступа между любыми двумя банками на платформе;
- расчеты становятся дешевле за счет сокращения цепочки участников, что, как следствие, приводит к снижению риска расчетов и сопутствующих издержек;
- соблюдение требований законодательства по обеспечению финансовой безопасности и борьбе с финансовыми преступлениями сохраняются, поскольку банки обеспечивают соблюдение требований KYC / AML / CFT каждой юрисдикции вне моста.

Углубляясь в технические особенности функционирования платежной системы, важно отметить, что одной из наиболее популярных моделей для новой платежной архитектуры сегодня называют модель на основе технологии распределенных реестров (DLT). В основе платформы mBridge находится специально разработанная DLT, которая поддерживает мгновенные одноранговые транзакции по валютным операциям с использованием CBDC. Правовое и технологическое обеспечение платформы в достаточной степени проработано и учитывает специфичные для каждой отдельной юрисдикции и цифровых валют условия, например условия эмиссии и выкупа, установленные на местном уровне центральным банком — участником в отношении его собственной цифровой валютной единицы с его местными банками. Выпуск, выкуп и платежи CBDC реализуются через смарт-контракты, что повышает безопасность совершаемых операций. Отдельные условия платформы mBridge определяют, когда и при каких обстоятельствах транзакция CBDC считается завершенной¹⁶. Используется также шифрование передаваемой информации для обеспечения конфиденциальности. Несомненным преимуществом платформы является ее соответствие глобальному стандарту обмена сообщениями ISO 20022 «Финансовые услуги. Универсальная схема сообщений финансовой индустрии», что позволяет обеспечить совместимость и уменьшить проблемы при расширении пула участников платформы. Для облегчения идентификации субъектов, участвующих в транзакциях, используются специальные идентификаторы юридических лиц (LEI — legal entity identifier), что упрощает проверки AML / CFT.

В текущих условиях Банк международных расчетов считает, что у него есть окончательное право решать, кто может присоединиться к проекту mBridge, и, таким образом, соблюдение санкционного режима в отношении некоторых государств представляется возможным. Отметим, что mBridge — экспериментальный проект Банка международных расчетов совместно с центральными банками Китая, Гонконга, Таиланда и Объединенных Арабских Эмиратов. По этой причине западные лидеры видят риски того, что концепции и программный код mBridge могут быть воспроизведены странами — участницами БРИКС совместно либо Китаем или Россией в отдельности. Западные чиновники предупредили Банк международных расчетов, что проект mBridge может быть использован неправильно странами с недобрыми намерениями. Данное положение основывается на том, что Китай взял на себя разработку программного обеспечения проекта mBridge, а Народный банк Китая (НБК) возглавляет его технологический подкомитет. Таким образом, возможно создание параллельной системы, недоступной для Банка международных расчетов или его западных участников.

¹⁶ Experimenting with a multi-CBDC platform for cross-border payments // BIS [Электронный ресурс]. URL: https://www.bis.org/innovation_hub/projects/mbridge_brochure_2311.pdf (дата обращения: 22.10.2024).

Использование новых цифровых валют может подорвать использование доллара в трансграничных расчетах. Кроме того, подобный сценарий может повысить долю использования других валют в международных расчетах, таких как китайский юань, а Гонконг, например, повысит свою привлекательность в качестве удобной оффшорной юрисдикции.

Для сохранения своего доминирующего влияния в финансовой сфере у США и их союзников есть несколько возможных сценариев. Первый сценарий заключается в продолжении санкционного давления на страны, введении новых ограничений, которые пытаются реализовать проекты, конкурирующие с долларом. Данный сценарий не даст благоприятных результатов для Запада, поскольку спрос на более дешевые и свободные от ограничений финансовые инструменты лишь растет. Банк международных расчетов замедлил свою работу над mBridge и не планирует прием новых участников в проект. Альтернативный вариант развития событий для США — модернизировать и усовершенствовать долларовую систему, повысив ее конкурентоспособность. Для сохранения спроса на доллар в мировом масштабе, безусловно, необходимо упразднение любых ограничений использования американского доллара на территории других стран, что делает необходимым снятие большей части валютных ограничений. Очевидно, что данный сценарий в текущих геополитических и экономических условиях не представляется жизнеспособным. В апреле 2024 г.¹⁷ Федеральный резервный банк Нью-Йорка присоединился к шести центральным банкам в проекте Банка международных расчетов, направленном на ускорение и удешевление существующей системы проведения платежей.

Заключение

Любая новая платежная система, как mBridge, BRICS Bridge и др., неизбежно будет сталкиваться с новыми вызовами и угрозами. Наиболее явными из них представляются обеспечение ликвидности в необходимых валютах, в том числе цифровых, поскольку требуется полное покрытие всех операций денежными средствами в необходимых валютах. С учетом дисбаланса внешней торговли и потоков инвестиций эта проблема масштабируется на несколько валютных единиц сразу. Это создает необходимость наращивания резервов в соответствующих валютах, которые могут казаться не очень привлекательными. Данный риск находит отражение в п. 68 Казанской декларации БРИКС¹⁸, где говорится о совершенствовании механизма пула валютных резервов с целью снижения негативного давления на платежный баланс. Существуют также риски несогласованности юридического характера, в частности различные подходы к AML / CFT и т. д. Решение подобных проблем потребует дополнительного времени и инвестиций, однако в п. 50 Казанской декларации БРИКС¹⁹ уделяется внимание вопросам отмывания преступных доходов и прочих рисков, что уже само по себе становится основанием для работы в этом направлении со стороны компетентных органов.

Важно отметить, что появление и расширение присутствия любых различных новых инструментов и технологий является вызовом для существующих платежных систем и повышает конкуренцию на рынке трансграничных платежей, что должно способствовать развитию всей глобальной финансовой системы в целом, а не действовать в угоду интересам отдельной группы стран, явно злоупотребляющих своим положением и использующих существующую систему как элемент неконкурентной борьбы.

¹⁷ New York Fed to Participate in Joint International Research Effort on Tokenization and Cross-Border Payments // Federal Reserve Bank of New York [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newyorkfed.org/newsevents/news/financial-services-and-infrastructure/2024/20240403> (дата обращения: 22.10.2024).

¹⁸ Казанская декларация // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 22.10.2024).

¹⁹ Там же.

Список литературы:

- Аузан А.А. Общественный договор и гражданское общество // Мир России. 2005. № 14(3). С. 3–18.
- Де Феникс Р., Певерелли Р. Финансовые услуги: перезагрузка. Вызовы будущего для потребительского рынка банковских и страховых услуг. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012.
- Кейнс Дж.М. Экономические последствия Версальского мирного договора // Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 463–620.
- Стиглиц Дж.Ю. Экономика государственного сектора. М.: Издательство Московского университета, ИНФРА-М, 1997.
- Building Trust. Developing the Russian Financial Sector. The International Bank for Reconstruction and Development / ed. by M. Fuchs. Washington, D.C.: The World Bank, 2002.
- International Sanctions: Monetary and Financial Law Perspectives / ed. by C. Zilioli, R. Bismuth, L. Thévenoz. Leiden, Boston: Brill/Nijhoff, 2024.
- McDowell D. Financial Sanctions and Political Risk in the International Currency System // Review of International Political Economy. 2020. Vol. 28. Is. 3. P. 635–661. DOI: [10.1080/09692290.2020.1736126](https://doi.org/10.1080/09692290.2020.1736126)
- McDowell D. Bucking the Buck. US Financial Sanctions and the International Backlash against the Dollar. Oxford: Oxford University Press, 2023.
- Wang H. China's Approach to Central Bank Digital Currency // Asian Law Review. 2022. Vol. 18. DOI: [10.2139/ssrn.4036466](https://doi.org/10.2139/ssrn.4036466)

References:

- Auzan A.A. (2005) *Obshchestvennyy dogovor i grazhdanskoye obshchestvo* [Social contract and civil society]. *Mir Rossii*. No. 14(3). P. 3–18.
- De Feniks R., Peverelli R. (2012) *Reinventing Financial Services. What Consumers Expect from Future Banks and Insurers*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber.
- Fuchs M. (ed.) (2002) *Building Trust. Developing the Russian Financial Sector. The International Bank for Reconstruction and Development*. Washington, D.C.: The World Bank.
- Keynes J.M. (2007) The Economic Consequences of the Peace. In: *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg. Izbrannoye*. Moscow: EKSMO. P. 463–620.
- McDowell D. (2020) Financial Sanctions and Political Risk in the International Currency System. *Review of International Political Economy*. Vol. 28. Is. 3. P. 635–661. DOI: [10.1080/09692290.2020.1736126](https://doi.org/10.1080/09692290.2020.1736126)
- McDowell D. (2023) *Bucking the Buck. US Financial Sanctions and the International Backlash against the Dollar*. Oxford: Oxford University Press.
- Stiglitz J.E. (1997) *Economics of the Public Sector*. Moscow: Moscow University Press, INFRA-M.
- Wang H. (2022) China's Approach to Central Bank Digital Currency. *Asian Law Review*. Vol. 18. DOI: [10.2139/ssrn.4036466](https://doi.org/10.2139/ssrn.4036466)
- Zilioli C., Bismuth R., Thévenoz L. (eds.) (2024) *International Sanctions: Monetary and Financial Law Perspectives*. Leiden, Boston: Brill/Nijhoff.

Экономические вопросы управления
Economic issues in administration

УДК 336.581

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-50-61

Новые возможности развития венчурного рынка России для обеспечения
технологического суверенитета¹

Иванова Маргарита Валерьевна

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, SPIN-код РИНЦ: [7353-2891](https://elibrary.ru/author_profile.aspx?id=73532891), ORCID: [0000-0002-7100-6210](https://orcid.org/0000-0002-7100-6210),
ivanova-mva@ranepa.ru

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, РФ.

Аннотация

Обеспечение технологического суверенитета России во многом может происходить за счет создания инновационных разработок малыми технологическими компаниями, которые традиционно в мировой практике широко поддерживаются венчурными фондами и инвесторами. В Концепции технологического развития на период до 2030 года, на наш взгляд, недостаточное внимание уделено инструментам развития венчурной индустрии. Поэтому на основе анализа успешного опыта формирования и развития венчурных рынков в США, странах ЕС и Израиле разработана классификация механизмов поддержки венчурных инвестиций: консультационные, правовые, финансовые, налоговые, коммуникационные, экосистемные, элементы которых могут быть использованы в российской экономике для реализации инновационных проектов технологического суверенитета. Заимствование успешных практик предполагает постепенные институциональные преобразования и комплексную оценку эффективности реализуемых государственных программ. В статье даются некоторые рекомендации в части проведения государственной политики стимулирования венчурного инвестирования в России по направлениям поддержки талантов, развития институтов, финансово-налоговых мероприятий. Возможна реализация широкого круга образовательных программ для руководителей малых технологических компаний и бизнес-ангелов, предоставление налоговых льгот частным венчурным инвесторам (освобождение от налога на доходы с капитала, компенсация бизнес-ангелам суммы инвестиций), содействие выходу малых компаний на фондовые биржи России и дружественных стран и упрощение этой процедуры, проведение акселераторов малых технологических компаний, в том числе экспортных и в интересах оборонно-промышленного комплекса. Необходимо развитие различных форм сотрудничества участников венчурной индустрии как межрегионального (организации «четверной спирали»), так и международного (обмен опытом, создание совместных венчурных фондов с дружественными странами).

Ключевые слова

Технологический суверенитет, малая технологическая компания, венчурные инвестиции, венчурные фонды, бизнес-ангелы.

Для цитирования

Иванова М.В. Новые возможности развития венчурного рынка России для обеспечения технологического суверенитета // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 107. С. 50–61. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-50-61

New Opportunities for Developing Russian Venture Market to Ensure Technological
Sovereignty²

Margarita V. Ivanova

PhD, Senior Researcher, ORCID: [0000-0002-7100-6210](https://orcid.org/0000-0002-7100-6210), ivanova-mva@ranepa.ru

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation.

Abstract

Technological sovereignty of Russia can largely be ensured by the creation of innovative developments by small technology companies, which are traditionally widely supported by venture funds and investors in world practice. In our opinion, the Concept of Technological Development for the period up to 2030 does not pay enough attention to the tools for developing the venture industry. Therefore, based on the analysis of successful experience in the formation and development of venture markets in the USA, EU countries and Israel, a classification of mechanisms for supporting venture investments has been developed, namely consulting, legal, financial, tax, communication, ecosystem, elements of which can be used in the Russian economy to implement innovative projects of technological sovereignty. Borrowing successful practices involves gradual institutional transformations and a comprehensive assessment of the effectiveness of the implemented state programs. The article provides some recommendations in terms of implementing state policy to stimulate venture investment in Russia in the areas of supporting talent, developing institutions, financial and tax measures. It is possible to implement a wide range of educational programs for the heads of small technology companies and business angels, provide tax incentives to private venture investors (exemption from capital income tax, compensation for business angels of the investment amount), assist and simplify the procedure for small companies to enter the stock exchanges of Russia and friendly countries, conduct accelerators for small technology companies, including export ones and in the interests of the defense industry. It is necessary to develop various forms of cooperation between participants in the venture industry, both interregional (organizations of the “quadruple helix”) and international (exchange of experience, creation of joint venture funds with friendly countries).

Keywords

Technological sovereignty, small technology company, venture investments, venture funds, business angels.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания РАНХиГС.

²The work has been carried out as a part of RANEPА state assignment.

For citation

Ivanova M.V. (2024) New Opportunities for Developing Russian Venture Market to Ensure Technological Sovereignty. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 107. P. 50–61. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-50-61

Дата поступления/Received: 23.10.2024

Введение

В последние годы ввиду глобальных экономических ограничений (коронавирус, санкции), закономерным следствием которых стало нарушение существующих технологических цепочек и торговых взаимодействий, значительно возрос интерес научного сообщества и мировых политических элит к вопросам, связанным с формированием национального технологического суверенитета.

Согласно Концепции технологического развития на период до 2030 года, закрепившей приоритет обеспечения технологического суверенитета России, одним из важных индикаторов «заинтересованности бизнеса в развитии технологий является объем венчурных инвестиций, направляемых на реализацию инновационных проектов в сфере технологий. По доле венчурных инвестиций в процентах к валовому внутреннему продукту Российская Федерация в 11 раз уступает среднему показателю по странам Организации экономического сотрудничества и развития, по объему венчурных инвестиций — в 43 раза»³. Несмотря на выделенную значимость влияния фактора венчурных инвестиций на развитие приоритетных технологических направлений в стратегическом документе уделено недостаточное внимание инструментам развития венчурного рынка. Поэтому целью исследования стало изучение успешного зарубежного опыта формирования венчурной индустрии (создание венчурных фондов с госучастием и университетских экосистем, предоставление грантов и дотаций, реализация мер поддержки бизнес-ангелов через налоговые льготы и прочие преференции) для расширения доступных источников финансирования инновационных проектов, реализуемых для обеспечения технологического суверенитета России.

Обзор литературы

Наличие технологического суверенитета в современной научной литературе напрямую обусловлено способностью государства обеспечить доступ к критически значимым для страны технологиям [Edler et al. 2023], свободой выбирать, создавать или приобретать, развивать и применять в коммерческих целях технологии, необходимые для промышленных инноваций [Grant 1983], безопасностью отдельных индивидуумов или их сообществ [Couture, Toupin 2017].

Создание целостных суверенных технологических пакетов на основе достижений прикладной науки предполагается не только силами министерств и крупнейших системообразующих корпораций, но также объединениями разработчиков технологий, малыми и средними технологическими компаниями, профильными подразделениями университетов. Реализация приоритетов технологического развития РФ предполагает формирование новых типов взаимодействия и сотрудничества участников технологического процесса (технологические холдинги, исследовательские консорциумы и пр.), отдельная значимая роль в которых принадлежит малым технологическим компаниям [Земцов 2022] и быстро растущим компаниям⁴, которые не только способны стать звеньями цепочки «исследование — технология — производство», но и самостоятельно разрабатывать и выпускать высокотехнологичную продукцию.

В свою очередь, развитие индустрии венчурного капитала, зачастую через создание промежуточных институтов [Полтерович 2012], предполагает одновременное наличие

³ Распоряжение от 20 мая 2023 года № 1315-р // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/48570/> (дата обращения: 21.10.2024).

⁴ Газели доброй надежды // Стимул [Электронный ресурс]. URL: <https://stimul.online/articles/sreda/gazeli-dobroy-nadezhdy/> (дата обращения: 21.10.2024).

предпринимателей, инвестиционных фондов и инвестиционных инструментов, которые создают правильные стимулы [Gilson 2003], а также формирование необходимой инфраструктуры венчурного инвестирования [Avnimelech et al. 2004; Andonov et al. 2021] и в целом поддерживающей экосистемы (например, уровень защиты интеллектуальной собственности в регионе влияет на выбор места размещения стартапа) [Coeurderoy, Murray 2008].

Следовательно, правительству для создания и расширения системы венчурных инвестиций необходимо улучшать предпринимательскую экосистему, учиться на собственном многолетнем опыте развития венчурного капитала и у лидирующих стран, развивать венчурные фонды в международном пространстве для увеличения объема используемого ресурса спроса / предложения капитала. Лишь немногие венчурные фонды с госучастием были успешны и только там, где разработчики программы смогли в полной мере учесть интересы как государства, так и частных инвесторов.

Современные тенденции развития венчурного рынка в России и мире

В настоящее время технологические разработки на ранних стадиях поддерживаются в основном бизнес-ангелами и венчурными фондами с госучастием [Murray 2021; Botelho et al. 2023; Croce et al. 2023]. Венчурные фонды с госучастием финансируют стартапы и проекты ранних стадий и одновременно обеспечивают выполнение широкого диапазона социальных обязательств (решение проблем безработицы, достижение целей инновационной политики и пр.). Бизнес-ангелы индивидуально или в составе ассоциаций не только финансируют проект, но и консультируют стартапы, содействуя продвижению инновационного продукта.

В мире на фоне стагнации международного рынка венчурного капитала уменьшается число раундов финансирования, но растет средний чек сделки⁵. Отрицательные тенденции связаны с переоценкой стоимости стартапов на фоне растущих учетных ставок и инфляции, со слабой динамикой на рынке первичных размещений акций на бирже (IPO) и других способов заработка для венчурных инвесторов, с закрытием крупнейшего банка Silicon Valley Bank, который финансировал более половины всех стартапов Кремниевой долины⁶. Ведущие экономики мира и международные организации в условиях повышенных геополитических рисков инициируют создание суверенных венчурных фондов (например, мультисуверенный венчурный инновационный фонд НАТО с капиталом 1 млрд дол. США для финансирования развития искусственного интеллекта, биотехнологий, квантовых вычислений, космических технологий и гиперзвуковых систем, энергетики, нового производства и материалов, а также средств связи следующего поколения⁷). В Финляндии открыты акселератор стартапов ОПК и испытательные центры DIANA для разработок в области искусственного интеллекта, автономных и квантовых технологий, которые имеют потенциал двойного назначения⁸. Тенденции развития венчурных инвестиций в России и мире представлены в Таблице 1.

⁵ Global VC investment remains muted, falling to \$77.4 billion across 7,783 deals in Q2'23 // KPMG [Электронный ресурс]. URL: <https://kpmg.com/xx/en/media/press-releases/2023/07/global-vc-investment-remains-muted-falling-to-77-4-billion-across-7783-deals-in-q2-23.html> (дата обращения: 21.10.2024).

⁶ Регулятор в США закрыл крупнейший со времен финансового кризиса банк // Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/485964-regulator-v-ssa-zakryl-krupnejsij-so-vremen-finansovogo-krizisa-bank> (дата обращения: 21.10.2024).

⁷ NATO announces \$1B fund to back startups supporting 'safety, freedom and human empowerment' // TechCrunch [Электронный ресурс]. URL: <https://techcrunch.com/2023/08/01/nato-announces-1b-fund-to-back-startups-supporting-safety-freedom-and-human-empowerment> (дата обращения: 21.10.2024).

⁸ НАТО создаст в Финляндии бизнес-акселератор и два испытательных центра // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20233871> (дата обращения: 21.10.2024).

Таблица 1. Тенденции рынка венчурных инвестиций в РФ и мире в 2023–2024гг⁹.

Тенденции рынка венчурных инвестиций в РФ	Тенденции рынка венчурных инвестиций в мире
Сокращение объема венчурных инвестиций, но рост числа сделок	Снижение числа раундов финансирования, но рост среднего чека сделки
Повышение активности бизнес-ангелов	Растущие регуляторные риски на венчурном рынке Китая
Треть сделок с нераскрытыми суммами — рынок становится менее прозрачным	Приоритетные направления для венчурных инвестиций: искусственный интеллект, альтернативная энергетика, технологии хранения энергии и по очистке окружающей среды
Доминируют инвестиции в стадии pre-seed и seed, в приоритете IT-проекты	Создание суверенных фондов ведущими странами для поддержки технологических стартапов как внутри страны, так и в стратегически значимых регионах мира
Значительный рост количества сделок слияний и поглощений	
«Поворот на Восток»	
Разрозненность венчурной экосистемы субъектов РФ	

В России венчурный рынок также сжимается: объем венчурных инвестиций в 2023 году сократился на 91% относительно 2022 года (165 сделок на общую сумму 1 252 млн долл. США), но выросло количество сделок — на 10% по сравнению с 2022 годом¹⁰. Наибольшую активность продемонстрировали частные инвесторы (бизнес-ангелы), которые в 2023 г. реализовали 45% сделок и 48% из всего объема вложений за первое полугодие в проекты посевных и зрелых стадий¹¹. Во многом из-за разрозненности венчурной экосистемы в регионах России три четверти инвестиций получают столичные проекты¹².

Постепенно рынок венчурных инвестиций становится менее прозрачным: треть сделок проведена с нераскрытыми суммами. Более 60% пришлось на pre-seed- и seed-инвестиции, более 50% вложений направлено в IT-проекты. Импортозамещение иностранных сервисов привело в первом полугодии к 79-процентному росту количества M&A-сделок, предполагающих покупку контрольного пакета акций¹³. В условиях санкций в 2023 году более 60% стартапов ориентировались на страны ЕАЭС и Ближний Восток (в основном ОАЭ), а также азиатские страны (Индия, Индонезия, Малайзия). В 2024 г. внимание инвесторов также сосредоточено на инвестициях в проекты pre-seed / Seed / Раунд А, где отмечается уверенный рост (Рисунок 1).

⁹ Составлено автором на основе открытых источников информации: BusinessWire, TechCrunch, Forbes, ТАСС, Ведомости, Коммерсант, RB.RU.

¹⁰ Венчурный рынок 2024: чего ждать стартапам и инвесторам // Коммерсант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6664503?erid=F7NfYUJCUnelr2NMDYDY> (дата обращения: 21.10.2024).

¹¹ Российский венчурный рынок в первом полугодии вырос на 31% // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/09/11/1061652-venchurnii-rinok-viros> (дата обращения: 21.10.2024).

¹² «Сбер» и Московский инновационный кластер открывают программу подготовки венчурных инвесторов в регионах России // RB.RU [Электронный ресурс]. URL: <https://rb.ru/partners/venchurnaya-akademiya-sibir/> (дата обращения: 21.10.2024).

¹³ Российский венчурный рынок в первом полугодии вырос на 31% // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/09/11/1061652-venchurnii-rinok-viros> (дата обращения: 21.10.2024).

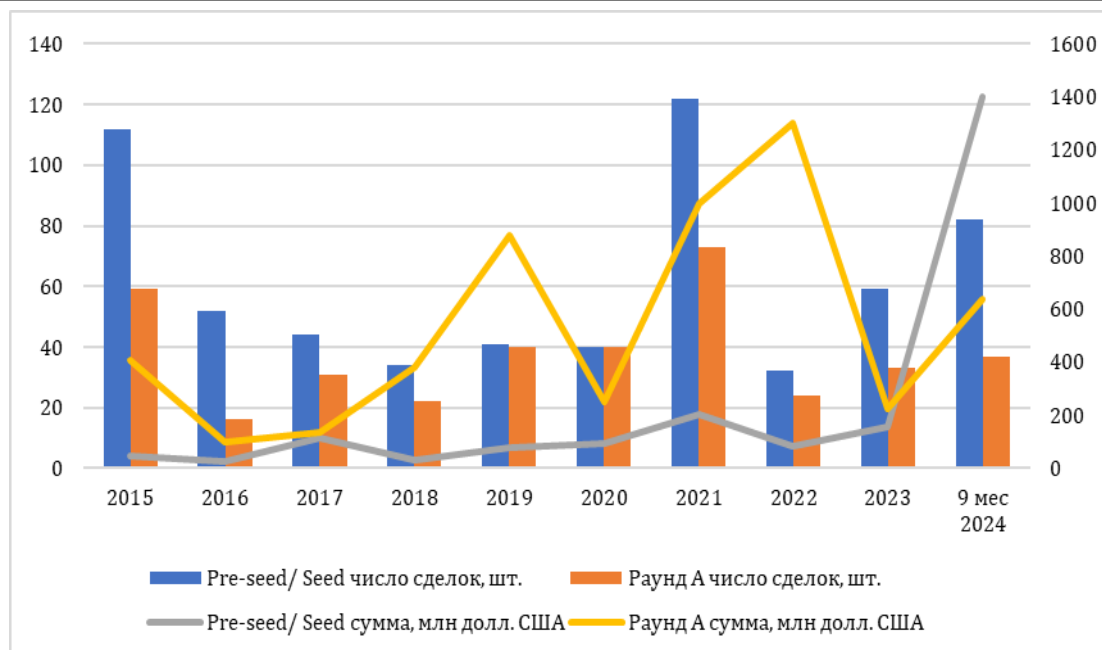

Рисунок 1. Динамика количества сделок и объема венчурных инвестиций в РФ за 2015–2024 гг.¹⁴

Классификация механизмов развития венчурного рынка

С целью выявления наиболее перспективных инструментов развития венчурного рынка проанализированы самые эффективные практики, продемонстрировавшие лучшие результаты в США, странах ЕС, Израиле за последнее столетие, и дана их классификация (Таблица 2).

¹⁴ Составлено автором на основе данных RB.RU.

Таблица 2. Классификация механизмов развития венчурного рынка¹⁵

Механизмы	Практика	Страна	Сущность
Консультационные	Создание первой венчурной фирмы American Research & Development Corporation (ARD) Жоржа Дорио в г. Бостоне, 1946 г.	США	Разработан и опробован базовый принцип сотрудничества технологического предпринимателя и венчурного капиталиста: развитие технологического проекта «в обмен» на инвестиции и консалтинг.
	Создание Администрации по делам малого бизнеса (SBA), 1953 г.	США	Консультирование и финансирование малого бизнеса (гарантии предпринимателю на срок до 10 лет на 90% искомой суммы, которую предоставлял коммерческий банк).
Правовые	Поправка к Закону о защите пенсионных доходов ERISA, 1979 г.	США	Разрешены некоторые высокорисковые вложения, в том числе в венчурные проекты (партнерские доли и акции венчурных фондов).
	Закон Стивенсона — Вайдлера о технологических нововведениях, 1980 г.	США	Стимулировал федеральные лаборатории заниматься трансфером технологий: изобретатели в государственных лабораториях ежегодно получают первые 2000 долларов лицензионных платежей плюс 15% любых дополнительных отчислений; лаборатории выделяли определенный процент от своего бюджета специально на деятельность по передаче технологий.
	Закон Бэя — Доула о трансфере технологий, 1981 г.	США	Безвозмездная передача интеллектуальной собственности ее создателям (разработчикам, университетам и научным учреждениям). Администратором интеллектуальной собственности стало министерство торговли США. Университет в течение 2 месяцев после создания изобретения принимает решение о его патентовании и оформлении собственных прав на него. В случае отказа от патентования право на изобретение получает Минторг США. Если университет покупает зарубежную ИС, то должен выдавать лицензии малым фирмам. Крупные фирмы могут использовать патент, только если участвовали в финансировании исследований и его создании, что стимулировало корпоративные инвестиции в НИОКР. Каждые пять лет проводится государственный аудит использования патентов: если он долго не используется, то права на патент могут перейти государству.
Финансовые	Создание SBIC в рамках закона об инвестициях в малый бизнес, 1958 г.	США	Компания со статусом SBIC могла получить правительственную гарантию на ссуду 5–7 млн дол. США на 5 лет, но не превышающей оплаченный капитал более чем вчетверо. SBIC предоставлялся также льготный налоговый режим: акционер SBIC мог учитывать в налоговых целях доходы от продажи акций в SBIC как долгосрочный доход с капитала, а не как обычный доход, для обложения которого использовалась прогрессивная шкала (разрыв между ставками таких налогов мог составлять 45% облагаемой базы).
	Программа SBIR, 1982 г.	США	Каждое федеральное учреждение, которое предоставляет внешним исполнителям заказы на сумму выше 100 млн долл., должно 1,25% (2,5% в настоящее время) из них выдавать в виде безвозвратных субсидий на НИОКР в малом бизнесе.

¹⁵ Составлено автором на основе [Александрин, Тюткалова 2012; Аммосов 2005; Захарова, Лабудин 2023]; Финансирование инновационного развития // UNECE [Электронный ресурс]. URL: https://unece.org/DAM/ceci/publications/fid_r.pdf (дата обращения: 21.10.2024); EU funding programmes // European Commission [Электронный ресурс]. URL: https://commission.europa.eu/funding-tenders/find-funding/eu-funding-programmes_en (дата обращения: 21.10.2024). Примечание: МСП — малое и среднее предпринимательство; ИС — информационная система.

	Программа CREA, 1998 г.	ЕС	Поддержка в создании «посевных» фондов: обеспечение до 50% операционных расходов в виде возвратного займа до 3 лет.
	Программы EIF, в частности JEREMIE	ЕС	Создание профессионально управляемых холдинговых фондов, объединяющих финансовых посредников и предоставляющих венчурные инвестиции, гарантии для венчурного капитала и пр.
	Программа РРМ и венчурный фонд с госучастием РРМ Oost, 1981–1995 г.	Нидерланды	Гарантия правительства венчурным фондам возврата 50% возможных убытков от инвестиций в частные компании. Прямые инвестиции и займы малым и средним инновационным компаниям восточных провинций Гелдерланд и Оверэйсел.
	Программа для МСП ОСЕО-Гарантия, 1982 г.	Франция	Предоставление гарантий МСП для получения банковского кредита, венчурным фондам обеспечивают 30–50% суммы банковских займов и до 70% долевого участия венчурных капиталистов, а также бизнес-ангелам до 70% вложенных сумм.
	Программа «Идеация» (Тнуфа). Программа «инновационной визы»	Израиль	Предоставление молодым предпринимателям гранта в размере 55 тыс. долл. США на развитие проекта ранней стадии. Иностранные предприниматели получают право оставаться в стране в течение 24 месяцев, получить грант на разработку инновационного проекта.
Налоговые	Налоговые реформы, 1978, 1981, 1986 гг.	США	Снижение максимальной ставки налога на доход с капитала до 20%, налогов на проценты и от дивидендов с 70% до 50%, а также на опционы.
	Программы инвестиций в развитие предприятий EIS, Трастовая компания венчурного капитала VCT, 1994–1995 гг.	Великобритания	Предоставление налоговых льгот частным инвесторам по EIS, VCT (подходный и на доход с капитала, вычет из суммы налога на корпорацию 20% вложенной суммы, скидка на потери капитала и пр.).
	Программа «Взаимные фонды в поддержку инноваций», 1997 г.	Франция	Предоставление налоговых льгот индивидуальным инвесторам, поддерживающим частные инновационные МСП: скидка с налога на доходы в размере 25% от инвестированной суммы. Взаимные фонды инвестируют не менее 60% капитала в инновационные МСП. Аналогичная схема у фондов местных инициатив для региональных венчурных фондов. Частные инвесторы, которые платят дополнительный налог на доход, могут уменьшать облагаемую сумму на 75% своих инвестиций в стартапы (до 50 000 евро в год).
Коммуникационные	Создание Национальной ассоциации венчурного капитала NVCA, ассоциации «Американские предприниматели для экономического роста» АЕЕГ и системы автоматической котировки Национальной ассоциации дилеров ценных бумаг NASDAQ, 1972–1973 гг.	США	Продвижение законодательных инициатив для структурирования и стимулирования рынка венчурного капитала. Реализация механизма первичного размещения акций инновационных компаний на фондовой бирже.
	Программа стимулирования инвестиций «Йозма» (Yozma), 1992–1997 гг.	Израиль	Фонд программы использован для капитализации 10 венчурных фондов, капитал каждого — 20 млн долл. США. Фонд должен был обладать одним израильским партнером и одним американским или европейским для обмена опытом по организации фонда. Каждый венчурный фонд получал 8 млн долл. США государственных средств, которые инвесторы в случае неуспеха могли не возвращать. В случае успеха партнеры могли выкупить долю государства (8 из 10 фондов были выкуплены частными соучредителями).

Экосистемные	Фонд «Предприятия научного поиска», Университетские фонды «посевного» финансирования, 1999 г.	Велико-британия	Финансирование создания при университетах центров предпринимательства для преобразования результатов НИОКР в стартапы.
	Венчурный фонд развития общин, 2002 г.	Велико-британия	Стимулирование предоставления венчурного капитала перспективным МСП, размещенным в районах Великобритании, неблагоприятных с точки зрения развития бизнеса. Проекты должны не только демонстрировать коммерческую реализуемость замысла, но также потенциальные выгоды для местных жителей в контексте занятости, заказов на работы, товары и услуги.
	Программа региональных инкубаторов, 1999 г.	Франция	Обеспечение из средств государственных грантов до 50% затрат на инкубацию в зависимости от числа поддержанных проектов.
	Инкубаторская программа Главного научного управления, 1990-е гг.	Израиль	Гранты в виде низкопроцентной ссуды до 300 тыс. долл. США на разработку идеи до стадии коммерческой применимости и дополнительные вложения, если проект успешен. Возврат ссуды только после привлечения внешнего финансирования (венчурный фонд или др.). Ссуда списывается, если проект не привлек инвестора. В Израиле действуют более 20 инкубаторов, которые обеспечиваются за счет государственных грантов до 175 тыс. долл. США в год. Правительство также финансирует до 85% бюджета отобранных компаний в течение 2 лет. Инкубаторы в удаленных районах страны получают дополнительный грант на покрытие 100% первых 3 проектов за первый год. Проекты должны быть направлены на разработку инновационной технологии с целью создания продукта с экспортным потенциалом. Продукт должен производиться в Израиле, а сумма гранта возвращается государству в виде роялти.

Выводы и рекомендации по развитию российского рынка венчурных инвестиций

Неразвитость рынка венчурных инвестиций в России препятствует росту малых технологических компаний (МТК), а значит, выведению на рынок инновационных технологических разработок. Вместе с тем, по оценкам экспертов, пул частных инвесторов, заинтересованных вкладывать в акции технологичных компаний на этапе роста, насчитывает 2 млн человек с совокупным портфелем акций 2,4 трлн рублей¹⁶.

История развития венчурных рынков США, стран ЕС и Израиля подтверждает необходимость государственной поддержки и длительных постепенных институциональных изменений для создания устойчивого процесса венчурного инвестирования. Главными факторами успешного развития венчурной индустрии США и Израиля стали военный заказ и мощный иммиграционный приток высококвалифицированных кадров.

Формирование и выбор эффективных механизмов развития венчурного рынка предполагают широкий анализ затрат и эффектов деятельности фондов: SBIC (США), «Йозма» (Израиль), «3i» (Великобритания) были не только коммерчески успешны, но также подготовили поколение первых профессиональных венчурных капиталистов и сформировали инфраструктуру венчурного инвестирования.

¹⁶ Бесценные бумаги: почему наши технологические компании не идут на биржу // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1506842/aleksandr-lesnykh/bestcennye-bumagi-pochemu-nashi-tekhnologicheskie-kompanii-ne-idut-na-birzhu> (дата обращения: 21.10.2024)

Перспективными и востребованными в России, на наш взгляд, представляются среди прочих экосистемные и коммуникационные механизмы, которые применялись в Израиле при создании фондов «Йозма» (совместное участие национального и зарубежных партнеров в фонде), в Великобритании при развитии локальной венчурной экосистемы в Кембридже с опорой на местные ресурсы и кадры, а также Венчурный фонд развития общин для поддержки МСП, размещенных в экономически неблагоприятных районах Великобритании.

В условиях, когда механизмы привлечения частных инвестиций в венчурную сферу развиты слабо, управляемые государством венчурные фонды становятся незаменимым источником капитала для малых компаний «посевной» стадии. Если венчурный бизнес становится более привлекательным для негосударственных инвестиций, на смену государственным фондам постепенно приходят фонды, управляемые профессиональными частными менеджерами и аккумулирующие не только государственный, но также частный капитал. Государство должно в основном дополнять, но не вытеснять рыночные механизмы распределения инвестиций в инновационные проекты.

Анализ факторов, способствовавших динамичному развитию рынков венчурного капитала в развитых странах, позволил сформулировать ряд рекомендаций для дополнения существующих механизмов поддержки венчурного бизнеса. Перспективы решения вопроса видятся в развитии талантов для венчурной индустрии. Например, возможно проведение образовательных программ для руководителей МТК по вопросам взаимодействия с фондовым рынком; формирование сообщества экспертов и аналитиков для оценки и информирования частных инвесторов о перспективах вложений в размещаемые на рынке компании; создание клубов (синдикатов) бизнес-ангелов, а также наращивание круга участников инвестиционных платформ (Rounds, Zorko, Brainbox, Upside); проведение образовательных программ по подготовке бизнес-ангелов в регионах (наподобие программы «Венчурная академия. Сибирь» от «Сбера» и Московского инновационного кластера в 2024 г.).

Целесообразно расширить систему мер финансового и налогового стимулирования. Привлечению к участию частных инвесторов может способствовать использование механизма опциона на приобретение государственных долей в течение определенного срока с момента создания фонда (аналогично практике фонда «Йозма»), а также асимметричное распределение доходов от успешных инвестиций, когда установлен лимит на доход по государственной доле, а остальной доход получают менеджеры и партнеры фонда.

Частным инвесторам, поддерживающим МТК, могут быть предоставлены дополнительные налоговые льготы: списание потерь от инвестиций (США), скидки с подоходного налога из-за неуспешных инвестиций (Великобритания), отсрочка уплаты налога на доходы с капитала или освобождение от уплаты (Франция), увеличение сумм компенсаций НДФЛ частных инвесторов на доходы от продажи акций и дивиденды для стимулирования дальнейшего инвестирования в акции и облигации технологических компаний. Например, в Москве уже установлен возврат бизнес-ангелами до 50% суммы инвестиций, но не более размера НДФЛ, уплаченного за последние три года, максимум в 10 млн руб. Дополнительно возможно введение механизма уступки долей венчурных инвесторов. Например, компании Carta X, Forge Global создают биржи, на которых венчурные инвесторы-акционеры могут продать свои акции.

При этом эффективно использование как централизованных (стартовый капитал в виде грантов и займов, консультационная поддержка), так и децентрализованных (региональные или местные бизнес-инкубаторы) схем принятия решений по вопросам финансирования технологических компаний.

В условиях высокой неопределенности ведения бизнеса, особенно высокотехнологического, необходима этапная организация грантового финансирования стартапов: сначала для технико-

экономического обоснования, а затем создания прототипов продукции и демонстрации коммерческого потенциала, способного привлечь частные инвестиции (программа SBIR в США). Система опционов на акции и налоговые льготы (отсрочка уплаты налога на доход до момента фактической реализации опциона) могут увеличить мотивацию инвесторов к выращиванию поддерживаемых предприятий.

Для выхода малых компаний на первичное размещение акций на российской фондовой бирже могут быть сформированы специальные упрощенные правила и льготы (в секторах «Рост» и «Рынок инноваций и инвестиций» Московской биржи): снижение комиссии за размещение ценных бумаг для малого бизнеса; увеличение государственных субсидий на возмещение части понесенных затрат на размещение, компенсацию купонных выплат по облигациям; дополнительные льготы по налогу на прибыль организаций для компаний, выходящих на IPO (учет расходов на IPO/SPO с повышающим коэффициентом).

Необходимо снизить минимально допустимый уровень выручки МТК для выхода на первичное размещение на Московской бирже (сейчас не менее 100 млн руб.), затраты на организацию выхода на фондовый рынок (сейчас составляет несколько млн или десятков млн долл. США, что неподъемно для стартапа), а также требования к финансовой отчетности компании для упрощения IPO. Выпуск корпоративных облигаций может использоваться как дополнительный инструмент и подготовительная ступень перед IPO для создания положительной публичной репутации компании и снижения зависимости от кредитов на развитие бизнеса. На Московской бирже возможен запуск дополнительных специальных технологических индексов.

На основе положительного опыта реализации программы ВЭБ «Инвестиции в технологических лидеров» российским корпорациям с госучастием может предоставляться «право на риск» для инвестирования в высокорисковые технологические проекты. В рамках программы компания получает право создавать юридическое лицо, которое приобретает на себя доли в компаниях, или создавать юрлицо, которое капитализировано в долях с соинвестором и приобретает несколько активов. Формат интегрированного холдинга дает возможность на одно юридическое лицо собрать несколько активов для дальнейшей продажи комплексного продукта или каких-либо иных кросс-продаж. Более того, «право на риск» предполагает портфельный подход к оценке эффективности инвестиций и матожидание доходности как ключевой показатель при отборе инновационных проектов в портфель. Венчурный механизм, а именно возможность инвестирования в стартапы, может расширить инструменты управления и повышения доходности фондов целевого капитала некоммерческих организаций, так называемых эндаументов.

Специальные гранты и субсидии, информационная и консультационная поддержка будут содействовать выведению МТК на фондовые рынки дружественных стран (Китай, Индия и пр.).

В целом необходимо направить дополнительные усилия на формирование венчурной экосистемы. С целью достижения технологического суверенитета стоит продолжить развитие специальных венчурных фондов с госучастием и расширять существующие программы поддержки в приоритетных технологических направлениях. Совместно с участниками из дружественных стран можно проводить акселераторы МТК с целью создания высокотехнологичного продукта и выведения его на зарубежные рынки. Подобные программы реализовало ранее АО «РВК»: в партнерстве с сингапурской инвестиционной компанией Sistema Asia, а также экспортный акселератор Национальной технологической инициативы совместно с PwC. Акселераторы ОПК по сквозным технологиям (наподобие DIANA в Финляндии) могут создать спрос со стороны предприятий ОПК на технологические разработки российских стартапов (модель Кремниевой долины).

Развитие предпринимательской культуры и широких региональных сетей взаимодействия организаций «четверной спирали» будет стимулировать коммерциализацию разработок, создаваемых

в НИИ и вузах. Возможно создание центров предпринимательства при университетах аналогично программе «Предприятия научного поиска» Великобритании. Укрепление взаимодействия между предпринимателями и частными инвесторами происходит благодаря специальным институтам-посредникам, инициирующим проведение форумов, презентаций и переговоров по привлечению инвестиций.

Правительство в условиях повышенных геополитических рисков может способствовать созданию венчурных фондов международными организациями и дружественными странами (аналогично мультисуверенному венчурному инновационному фонду НАТО), а также приглашать квалифицированных менеджеров инвестиционных проектов из дружественных стран для обучения российских венчурных инвесторов.

Успешный зарубежный опыт формирования венчурной экосистемы трудно заимствовать, так как все страны отличаются историческими, экономическими и институциональными условиями развития. Поскольку создание венчурной инфраструктуры занимает длительное время (в США около 50 лет), рассмотрение исторического контекста развития венчурного предпринимательства позволяет более корректно оценить формальную и неформальную экосистемы венчурного капитала. Применение известных практик возможно при условии проведения качественного мониторинга и комплексных оценок реализованных государством программ, эффективность которых определяется не только объемом привлеченного капитала в фонд или количеством поддержанных стартапов, но также уровнем развития венчурных экосистем (как региональных, так и международных).

Список литературы:

Александрин Ю.Н., Тюткалова А.В. Зарубежный опыт развития индустрии венчурного финансирования // Общество: политика, экономика, право. 2012. № 2. С. 88–95.

Аммосов Ю.П. Венчурный капитализм: от истоков до современности. СПб: Феникс, 2005.

Захарова Н.В., Лабудин А.В. Новый этап инновационного развития Израиля: прогресс или потеря лидерства? // Управленческое консультирование. 2023. № 5(173) С. 18–27. DOI: [10.22394/1726-1139-2023-5-18-27](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-5-18-27)

Земцов С.П. Технологическое предпринимательство как фактор развития России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 1(53). С. 212–223. DOI: [10.31737/2221-2264-2022-53-1-11](https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-53-1-11)

Полтерович В. Проектирование реформ: как искать промежуточные институты // Montenegrin Journal of Economics. 2012. Vol. 8. Is. 2. P. 25–44.

Andonov A., Kräussl R., Rauh J. Institutional Investors and Infrastructure Investing // The Review of Financial Studies. 2021. Vol. 34. Is. 8. P. 3880–3934. DOI: [10.1093/rfs/hhab048](https://doi.org/10.1093/rfs/hhab048)

Avnimelech G., Kenney M., Teubal M. Building Venture Capital Industries: Understanding the US and Israeli Experiences // SSRN. 2004. DOI: [10.2139/ssrn.2758198](https://doi.org/10.2139/ssrn.2758198)

Botelho T., Harrison R., Mason C. Business Angel Investment as an Informal Learning Process: Does Experience Matter? // British Journal of Management. 2023. Vol. 34. Is. 1. P. 321–342. DOI: [10.1111/1467-8551.12583](https://doi.org/10.1111/1467-8551.12583)

Coeurderoy R., Murray G. Regulatory Environments and the Location Decision: Evidence from the Early Foreign Market Entries of New-Technology-Based Firms // Journal of International Business Studies. 2008. Vol. 39. P. 670–687. DOI: [10.1057/palgrave.jibs.8400369](https://doi.org/10.1057/palgrave.jibs.8400369)

Couture S., Toupin S. What Does the Concept of 'Sovereignty Mean in Digital, Network and Technological Sovereignty? // GigaNet: Global Internet Governance Academic Network, Annual Symposium. 2017. DOI: [10.2139/ssrn.3107272](https://doi.org/10.2139/ssrn.3107272)

- Croce A., Schwienbacher A., Ughetto E. Internationalization of Business Angel Investments: The Role of Investor Experience // *International Business Review*. 2023. Vol. 32. Is. 1. DOI: [10.1016/j.ibusrev.2022.102033](https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2022.102033)
- Edler J., Blind K., Kroll H., Schubert T. Technology Sovereignty as an Emerging Frame for Innovation Policy. Defining Rationales, Ends and Means // *Research Policy*. 2023. Vol. 52. Is. 6. DOI: [10.1016/j.respol.2023.104765](https://doi.org/10.1016/j.respol.2023.104765)
- Gilson R.J. Engineering a Venture Capital Market: Lessons from the American Experience // *Stanford Law School*. 2003. Vol. 55. URL: https://scholarship.law.columbia.edu/faculty_scholarship/993
- Grant P. Technological Sovereignty: Forgotten Factor in the 'Hi-Tech' Razzamatuzz // *Prometheus*. 1983. Vol. 1. Is. 2. P. 239–270.
- Murray G. Ten Meditations on Government Venture Capital // *Venture Capital*. 2021. Vol. 23. Is. 3. P. 205–227. DOI: [10.1080/13691066.2021.1903677](https://doi.org/10.1080/13691066.2021.1903677)

References:

- Aleksandrin Yu.N., Tyutkalova A.V. (2012) Foreign Experience of the Venture Financing Industry Development. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. No. 2. P. 88–95.
- Ammosov Yu.P. (2005) *Venchurnyy kapitalizm: ot istokov do sovremennosti* [Venture capitalism: From its origins to the present]. Saint Petersburg: Feniks.
- Andonov A., Kräussl R., Rauh J. (2021) Institutional Investors and Infrastructure Investing. *The Review of Financial Studies*. Vol. 34. Is. 8. P. 3880–3934. DOI: [10.1093/rfs/hhab048](https://doi.org/10.1093/rfs/hhab048)
- Avnimelech G., Kenney M., Teubal M. (2004) Building Venture Capital Industries: Understanding the US and Israeli Experiences. *SSRN*. DOI: [10.2139/ssrn.2758198](https://doi.org/10.2139/ssrn.2758198)
- Botelho T., Harrison R., Mason C. (2023) Business Angel Investment as an Informal Learning Process: Does Experience Matter? *British Journal of Management*. Vol. 34. Is. 1. P. 321–342. DOI: [10.1111/1467-8551.12583](https://doi.org/10.1111/1467-8551.12583)
- Coeurderoy R., Murray G. (2008) Regulatory Environments and the Location Decision: Evidence from the Early Foreign Market Entries of New-Technology-Based Firms. *Journal of International Business Studies*. Vol. 39. P. 670–687. DOI: [10.1057/palgrave.jibs.8400369](https://doi.org/10.1057/palgrave.jibs.8400369)
- Couture S., Toupin S. (2017) What Does the Concept of 'Sovereignty Mean in Digital, Network and Technological Sovereignty? *GigaNet: Global Internet Governance Academic Network, Annual Symposium*. DOI: [10.2139/ssrn.3107272](https://doi.org/10.2139/ssrn.3107272)
- Croce A., Schwienbacher A., Ughetto E. (2023) Internationalization of Business Angel Investments: The Role of Investor Experience. *International Business Review*. Vol. 32. Is. 1. DOI: [10.1016/j.ibusrev.2022.102033](https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2022.102033)
- Edler J., Blind K., Kroll H., Schubert T. (2023) Technology Sovereignty as an Emerging Frame for Innovation Policy. Defining Rationales, Ends and Means. *Research Policy*. Vol. 52. Is. 6. DOI: [10.1016/j.respol.2023.104765](https://doi.org/10.1016/j.respol.2023.104765)
- Gilson R.J. (2003) Engineering a Venture Capital Market: Lessons from the American Experience. *Stanford Law School*. Vol. 55. Available at: https://scholarship.law.columbia.edu/faculty_scholarship/993
- Grant P. (1983) Technological Sovereignty: Forgotten Factor in the 'Hi-Tech' Razzamatuzz. *Prometheus*. Vol. 1. Is. 2. P. 239–270.
- Murray G. (2021) Ten Meditations on Government Venture Capital. *Venture Capital*. Vol. 23. Is. 3. P. 205–227. DOI: [10.1080/13691066.2021.1903677](https://doi.org/10.1080/13691066.2021.1903677)
- Polterovich V. (2012) Reform Design: How to Search for Interim Institutions. *Montenegrin Journal of Economics*. Vol. 8. Is. 2. P. 25–44.
- Zakharova N.V., Labudin A.V. (2023) New Stage of the Innovative Performance of Israel: Progress or the Loss of Leadership? *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye*. No. 5(173). P. 18–27. DOI: [10.22394/1726-1139-2023-5-18-27](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-5-18-27)
- Zemtsov S.P. (2022) Technological Entrepreneurship as a Development Factor of Russia. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*. No. 1(53). P. 212–223. DOI: [10.31737/2221-2264-2022-53-1-11](https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-53-1-11)

К вопросу о классификации институциональной ренты как социально-экономической категории рентных отношений: методологический аспект¹

Кичигин Олег Эмильевич

Доктор экономических наук, профессор, SPIN-код РИНЦ: [3981-3824](#), ORCID: [0000-0001-7805-6758](#), kichigin-oleg@mail.ru

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, РФ.

Аннотация

В научных исследованиях использование социально-экономических категорий позволяет анализировать и выявлять тенденции или зависимости для принятия решений по разработке мер государственного реагирования на социально-экономические риски и вызовы. В настоящем исследовании институциональная рента рассматривается как социально-экономическая категория, отражающая наиболее существенные свойства и связи рентных отношений, которая формируется и реализуется в процессе организационного взаимодействия между субъектами рентных отношений при производстве, потреблении и перераспределении прав собственности на социально-значимые блага. Наличие институциональной среды социально-экономического развития позволяет субъектам рентных отношений использовать институты для снижения транзакционных издержек их организационного поведения. В этих условиях институт становится ресурсом рентных отношений, а умение снижать организационные издержки за счет эффективного применения институциональных факторов — самостоятельным конкурентным преимуществом, позволяющим субъектам рентных отношений извлекать монопольный доход в виде институциональной ренты. Применение классификации как общенаучного метода систематизации знаний об институциональной ренте позволяет расширить теоретическую базу исследований рентных отношений и предложить новые направления использования институциональных инструментов ее анализа, что определяет актуальность настоящего исследования. Целью статьи является выявление методологических особенностей классификации институциональной ренты как социально-экономической категории рентных отношений. В работе уточнено определение институциональной ренты, а также обоснованы методологические особенности ее классификации, критерием которой является возможность субъектов рентных отношений формировать свои конкурентные преимущества за счет использования формальных институтов и неформальных ограничений в процессе снижения различных видов транзакционных издержек. В статье предложена общая классификация формальной институциональной ренты по уровню иерархии формальных институтов и неформальной институциональной ренты по виду неформальных ограничений, созданных институтами семьи, культуры, религии и образования.

Ключевые слова

Классификация, институты, институциональная рента, общественные отношения, социально-экономическая категория, конкурентные преимущества.

Для цитирования

Кичигин О.Э. К вопросу о классификации институциональной ренты как социально-экономической категории рентных отношений: методологический аспект // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 107. С. 62–76. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-62-76

On the Issue of Classification of Institutional Rent as a Socio-Economic Category of Rent Relations: Methodological Aspect²

Oleg E. Kichigin

DSc (Economics), Professor, ORCID: [0000-0001-7805-6758](#), kichigin-oleg@mail.ru

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation.

Abstract

In scientific research, the use of socio-economic categories allows analyzing and identifying trends or dependencies for decision-making on developing government response measures to socio-economic risks and challenges. In this study, institutional rent is considered as a socio-economic category reflecting the most essential properties and connections of rent relations, which is formed and implemented in the process of organizational interaction between subjects of rent relations in the production, consumption and redistribution of property rights to socially significant goods. The presence of an institutional environment for socio-economic development allows subjects of rent relations to use institutions to reduce transaction costs of their organizational behaviour. Under these conditions, an institution becomes a resource for rent relations, and the ability to reduce organizational costs through the effective use of institutional factors, an independent competitive advantage, allowing subjects of rent relations to extract monopoly income in the form of institutional rent. The use of classification as a general scientific method for systematizing knowledge about institutional rent allows us to expand the theoretical basis for research into rent relations and propose new directions for using institutional tools for its analysis, which determines the relevance of this study. The aim of the study is to clarify the methodological features of the classification of institutional rent as a socio-economic category of rent relations. The paper clarifies the definition of institutional rent and substantiates the methodological features of its classification, the criterion of which is the ability of subjects of rent relations to form their competitive advantages through the use of formal institutions and informal restrictions in the process of reducing various types of transaction costs. The article proposes a general classification of formal institutional rent by the level

¹ Исследование выполнено за счет [гранта](#) Российского научного фонда № 23-28-00574.

² The study was supported by the Russian Science Foundation [grant](#) No. 23-28-00574.

of hierarchy of formal institutions, and informal institutional rent by the type of informal restrictions created by the institutions of family, culture, religion and education.

Keywords

Classification, institutions, institutional rent, social relations, socio-economic category, competitive advantages.

For citation

Kichigin O.E. (2024) On the Issue of Classification of Institutional Rent as a Socio-Economic Category of Rent Relations: Methodological Aspect. Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik. No. 107. P. 62–76. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-62-76

Дата поступления/Received: 01.08.2024

Введение

В современных исследованиях социально-экономическая категория представляет собой классификацию, которая, с одной стороны, используется для систематизации (группировки) отдельных лиц или организаций на основе их социальных и экономических характеристик, с другой стороны, служит фундаментальным инструментом для исследования взаимосвязей между различными элементами изучаемой социально-экономической системы.

При этом экономическая составляющая данной категории характеризует влияние институтов на возможность получения субъектами рентных отношений экономической выгоды в процессе производства и использовании материальных благ. Социальная составляющая определяется общественными отношениями, в которых человек как ключевой элемент этих отношений, обладающий интеллектуальным потенциалом, использует институты для снижения различных видов трансакционных издержек в процессе формирования организационных связей общественных отношений (рутин).

Ключевым элементом или ресурсом институциональной среды является институт, поэтому критерием классификации институциональной ренты в настоящем исследовании является направленность деятельности институтов, к основным типам которых относятся формальные институты и неформальные ограничения. В этом смысле институциональная рента, так же как и институты, может быть классифицирована по формальному признаку: формальная и неформальная институциональная рента. В общем случае как формальные институты, так и неформальные ограничения направлены на снижение трансакционных издержек (ТАИ), а возможность использования институтов с наименьшими затратами формирует различные виды институциональной ренты.

Разработка классификации формальной институциональной ренты и ее определение строятся, с одной стороны, на иерархии институтов: политические, экономические и контрактации, с другой — на различных видах трансакционных издержек, к которым относятся: издержки поиска информации, издержки спецификации и защиты прав собственности и издержки оппортунистического поведения. Вследствие ограничения в объеме исследования институциональная рента, сформированная как результат снижения трансакционных издержек контрактных отношений и трансакционных издержек определения качества продукции, нами не рассматривалась.

При разработке классификации неформальной институциональной ренты акцент делался на деятельность неформальных социальных институтов культуры, религии, семьи и образования. По нашему мнению, деятельность именно этих институтов оказывает максимальное влияние на развитие общественных отношений, то есть на формирование образа мысли субъектами рентных отношений с учетом действующих в обществе социальных норм, ценностей и приоритетов.

Если процесс развития общественных отношений представить как общественное благо, то роль государства в процессе его формирования определяется возможностью применения

легитимного потенциала насилия, а роль общества — правом выбора незапрещенных видов социально-экономической деятельности и уровнем развития социального капитала. Следовательно, неформальная институциональная рента обеспечивает возможность получения выгоды за счет снижения ТАИ при выборе деятельности, которая легитимизирована образом жизни субъекта рентных отношений. Понимание влияния менталитета и социального капитала на социально-экономическое развитие общества и государства является ключевым для определения роли неформальной институциональной ренты и ее места в этом процессе.

Применение классификации как общенаучного метода систематизации знаний об институциональной ренте позволяет расширить теоретическую базу исследований рентных отношений и предложить новые направления использования институциональных инструментов ее анализа. Этим определяется актуальность настоящего исследования.

Целью исследования является уточнение методологических особенностей классификации институциональной ренты как социально-экономической категории рентных отношений. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: уточнить понятие формальной и неформальной институциональной ренты; разработать классификацию основных видов институциональной ренты.

Обзор литературы

В современных научных исследованиях общепризнанное понятие категории рассматривается как система «абстрактных, логических, теоретических понятий, в обобщенном виде выражающих родовые признаки экономических явлений и процессов»³. В этом смысле под социально-экономической категорией понимаются понятия, связанные с организационным взаимодействием субъектов общественных отношений в процессе производства, потребления и перераспределения ими прав собственности на социально-значимые блага.

По нашему мнению, социально-экономическая категория объединяет понятия, которые позволяют одновременно исследовать как производительные силы, так и производственные отношения, отражающие формирование институциональной среды социально-экономического развития в сфере производства, потребления и перераспределения социальных благ.

В общем случае основой развития любых общественных отношений является институциональная среда [Кичигин 2016], потенциал развития которой определяется наличием ее ресурсной базы [Kichigin et al. 2023; Zaytsev et al. 2023].

При этом общественные (социальные) отношения представляют собой «совокупность многообразных устойчивых взаимозависимостей, возникающих между отдельными индивидами, их группами, организациями и общностями, а также внутри последних в процессе их экономической, политической, культурной и т. п. деятельности и реализации ими своих социальных статусов и социальных ролей, имеющие достаточно четкие границы и регламентации»⁴.

В современных научных исследованиях широко представлена общая классификация институтов, согласно которой они делятся на формальные институты и неформальные ограничения (неформальные институты). Анализируя направленность действий формальных институтов, Д. Норт предложил их деление на политические, экономические и институты контракта. По его мнению, ключевым критерием такой классификации является зависимость развития более низких институтов от реализации более высоких. При этом неформальные институты он рассматривал

³ Экономическая категория // Banki.ru [Электронный ресурс]. URL: https://www.banki.ru/wikibank/ekonomicheskaya_kategoriya (дата обращения: 12.02.2024).

⁴ Общественные отношения // Академик [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/106691?ysclid=le2p8i0qcc423931464> (дата обращения: 20.04.2024).

как «совокупность неформальных правил, направленных на обеспечение координации устойчиво повторяющихся форм человеческого взаимодействия, под которой понимается: 1) развитие и модификация формальных правил; 2) социально санкционированные нормы поведения; 3) обязательные для выполнения стандарты поведения» [North 1990, 40]. Мы согласны с такой концепцией и будем применять ее в данном исследовании.

В общем случае неформальные институты образуют неформальную среду социально-экономического развития общества и государства, которая отражает образ жизни людей, сформированный их воспитанием и ценностными установками. В этом смысле неформальные институты, представляющие собой религию, традиции, язык и т. д., формируют у субъектов общественных отношений такую систему взглядов и представлений (образ мысли), которая позволяет им с наименьшими транзакционными издержками осуществить разнообразные социальные обмены. Необходимо отметить, что развитие неформальных институтов происходит на ограниченной (локальной) территории и может различаться в социально-историческом периоде.

Мы согласны с мнением Д. Норта, который утверждал, что «институты существуют для уменьшения неопределенностей, сопровождающих взаимодействие между людьми. Эти неопределенности возникают вследствие сложности как самих проблем, требующих решения, так и алгоритмов их решения, которыми располагает индивид» [Ibid., 25].

В контексте экономической теории рента является экономической категорией, относящейся к доходу, полученному за счет использования ресурсов, предложение которых ограничено. При этом чем значительнее ограничение, тем выше цена использования ресурса. В этих условиях возникновение ренты связано с возможностью получения доступа к ресурсу или процессу его использования [Даниленко 2013].

В академических исследованиях понятие ренты часто используется для описания рентных отношений, которые представляют собой ситуации, в которых организации извлекают монопольные выгоды за счет возможности контролировать использование ограниченного ресурса. Мы согласны с мнением А.Ф. Сагитовой, которая под рентными отношениями понимает «отношения между субъектами, использующими рентный ресурс с целью образования дохода, который распределяется между ними. При этом рентный ресурс представляет собой материальный или нематериальный объект собственности, права на который приносят его владельцу доход в виде ренты» [Сагитова 2015, 20].

На наш взгляд, институциональная рента возникает в процессе общественных отношений при активном использовании субъектами социально-экономического развития социальной и производственной инфраструктуры. Основой ее возникновения является возможность применения различных типов институтов, направленных на снижение ТАИ во взаимоотношениях субъектов общественных отношений [Дмитриев и др. 2024]. В настоящей работе будут рассмотрены вопросы, которые касаются уточнения понятия институциональной ренты как экономической категории, а также определены ее основные виды по критерию формальности.

Методология исследования

В настоящем исследовании под социально-экономической категорией будет пониматься классификация субъектов рентных отношений на основе их социально-экономических характеристик, которая позволяет анализировать возможное распределение ограниченных ресурсов между ними, а также их потенциальные возможности в рентных отношениях [Дмитриев и др. 2023]. На наш взгляд, для классификации институциональной ренты как социально-экономической категории необходимо определить ключевые характеристики и особенности, имеющие наибольшее значение для анализа рентных отношений.

Во-первых, по своей сути институциональная рента является организационной рентой. Она существует только в области рентных отношений, которые возникают благодаря наличию институциональной среды, где ключевую роль играют институты, способствующие формированию сложной системы инфраструктурных социальных связей. Соответственно, институциональная рента, как и институты, может быть классифицирована по формальному признаку: формальная и неформальная институциональная рента.

При этом наличие формальных институтов позволяет говорить о политической, экономической и контрактационной институциональной ренте. Важно учитывать, что формальные институты «всегда рассматриваются в контексте с правами собственности. Они устанавливают права собственности, то есть пучок прав по использованию и получению дохода от собственности, и отчуждение других лиц от использования имущества или ресурсов» [North 1990, 47]. Следовательно, формальная институциональная рента обеспечивает возможности получения монопольного дохода за счет снижения транзакционных издержек в области обмена правами собственности.

По нашему мнению, неформальные ограничения институциональной среды формируют два взаимосвязанных явления:

- 1) менталитет как «единство образа мысли, культурных особенностей нации, детерминированное экономическими и политическими условиями жизни в историческом контексте» [Баглиева 2008, 29], на основе которого строятся коллективные нормы социального взаимодействия. В контексте рентных отношений менталитет как социокультурное явление определяет восприятие и оценку приемлемых способов взаимодействия между субъектами рентных отношений, а также то, каким образом должны строиться неформальные ограничения.
- 2) социальный капитал как уровень доверия и сотрудничества в обществе, высокий уровень которого снижает коммуникационные издержки общества, что позволяет повысить уровень интенсивности и эффективности коллективных действий, а значит, увеличить общий объем производства общественных благ.

Понимание влияния менталитета и социального капитала на социально-экономическое развитие общества и государства является ключевым для определения роли неформальной институциональной ренты и ее места в этом процессе.

Если процесс развития общественных отношений представить как общественное благо, то роль государства в процессе его формирования определяется возможностью применения легитимного потенциала насилия, а роль общества — правом выбора незапрещенных видов социально-экономической деятельности и уровнем развития социального капитала. Следовательно, неформальная институциональная рента обеспечивает возможность получения монопольного дохода за счет снижения транзакционных издержек при выборе деятельности, который легитимизирован образом жизни субъекта рентных отношений.

Во-вторых, институциональная рента реализуется за счет возможности снижения транзакционных издержек, поэтому может быть классифицирована по их виду. В настоящем исследовании разработка систематизированного подхода к оценке институциональной ренты основывается на ключевых положениях теории транзакционных издержек, согласно которым главной целью реализации институтов является снижение транзакционных издержек, под которыми понимаются затраты, возникающие при реализации различных видов транзакций: сделки, управления и рационализации. В целом по функциональному признаку выделяют следующие группы транзакционных издержек: издержки поиска информации; издержки спецификации и защиты прав собственности; издержки оппортунистического поведения.

Проблемной зоной, требующей дополнительного исследования, является то, что институты взаимодействуют между собой, формируя сложные институциональные связи. Это значит, что в реальном мире отсутствует институциональная рента в чистом виде, следовательно, возникает необходимость в исследовании особенностей ее формирования.

Результаты исследования

По нашему мнению, с методологической точки зрения для спецификации институциональной ренты как результата рентных отношений необходимо уточнить ключевые моменты процесса ее возникновения.

1. Институциональная рента формируется при обмене правами собственности, что предполагает взаимодействие субъектов рентных отношений, в процессе которых происходит перераспределение ограниченных ресурсов, за которые идет конкурентная борьба. При этом имеют значение режимы прав собственности, которые определяют, каким образом ресурсы могут использоваться в рамках институциональной среды социально-экономического развития общества и государства.

2. Институциональная рента возникает в процессе реализации трансакций субъектами рентных отношений. По нашему мнению, рентные отношения, представляя собой взаимодействие субъектов социально-экономического развития, направленное на гармонизацию интересов при урегулировании конфликтов, связанных с доступом и перераспределением ограниченных ресурсов. Гармонизация интересов между субъектами рентных отношений определяет место возникновения институциональной ренты, которая находится в точке пересечения их интересов.

3. Институциональная рента создается в процессе изменения институциональной среды. Для анализа рентных отношений, в том числе для оценки методов и инструментов, обеспечивающих конкурентные преимущества субъектам рентных отношений, используется понятие ренты, сформулированное нами в другой работе: «институциональная рента образуется в процессе изменения институциональной среды и в общем случае создается в результате снижения трансакционных издержек экономических, социальных и политических обменов, а также повышения уровня положительных эффектов (экстерналий) и снижения отрицательных эффектов от производственной деятельности. Базовыми элементами при формировании институциональной ренты являются: 1. потенциальные возможности создания новых институтов; 2. повышение эффективности ранее созданных институтов; 3. снижение общего количества неэффективных институтов» [Кичигин 2016, 910].

4. Институциональная рента обеспечивается институциональной конкурентоспособностью, под которой будем понимать способность субъектов рентных отношений извлекать монопольный доход в процессе конкурентной борьбы за право обладать ограниченными ресурсами путем использования институтов, направленных на снижение трансакционных издержек в различных видах трансакций.

5. Институциональная рента предполагает наличие стандартов поведения в экономических, социальных и политических обменах, которые определяют правила игры и создают базовые конкурентные преимущества для субъектов рентных отношений. По нашему мнению, если организация способна создать стандарты, а также легитимно их устанавливать и изменять, то это значит, что она обладает монопольной властью, позволяющей ей доминировать на конкурентном рынке.

Особенности формирования институциональной ренты позволяют говорить о необходимости применения целостного подхода к анализу институционального воздействия как на общественные отношения, так и поведение субъектов рентных отношений. Согласно этому

подходу, к субъектам рентных отношений относятся организации, которые в общем случае представляют собой домохозяйства, фирмы и государства. К объектам рентных отношений относятся институты и механизмы их реализации, направленные на снижение транзакционных издержек рентных отношений, результатом которых является институциональная рента. В этом смысле «основным направлением анализа рентных отношений, учитывающим как формальные, так и неформальные аспекты изменения институциональной среды, предлагается подход, в котором ключевым критерием классификации институциональной ренты является формальность институтов социально-экономического развития общества и государства» [Кичигин, Зайцев 2021, 163] (Рисунок 1).

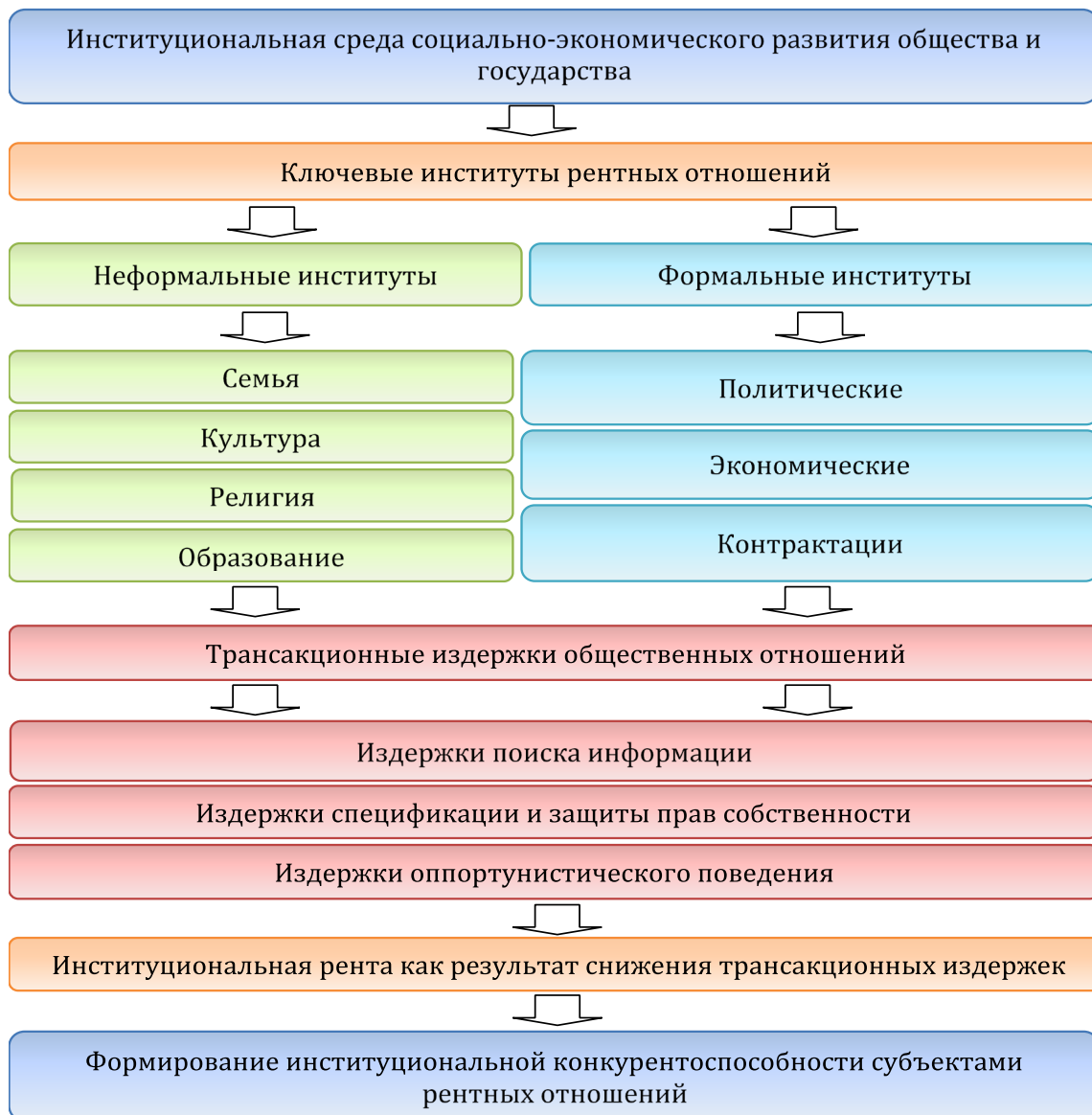

Рисунок 1. Формирование институциональной конкурентоспособности субъектами рентных отношений⁵

Классификация формальной институциональной ренты

Основой возникновения формальной институциональной ренты являются формальные институты. При этом политические институты формируют политическую ренту, экономические институты — экономическую ренту, институты контрактации — контрактационный тип институциональной ренты. В Таблице 1 дана классификация формальной институциональной ренты по уровню иерархии формальных институтов.

⁵ Составлено автором.

Таблица 1. Общая классификация формальной институциональной ренты по уровню иерархии формальных институтов⁶

Тип ренты	Сущность формальной ренты
Политическая рента	Выгода от реализации политических институтов, способных с минимальными ТАИ создавать и поддерживать институциональную иерархию (систему) социально-экономического развития общества и государства. В общем случае политическая рента возникает в результате формирования политической основы общественных отношений. При этом возникновение монопольного дохода происходит за счет использования политических институтов (государственных политик) в процессе создания экономических институтов и правил контрактации в различных сферах общественных отношений.
Экономическая рента	Выгода от реализации экономических институтов, способных с минимальными ТАИ создавать и поддерживать нормативно-правовую основу для институтов контрактации в различных сферах общественных отношений. Это означает, что субъекты рентных отношений могут получать монопольный доход за счет возможности формирования и использования экономических институтов, устанавливающих правила контрактации.
Контракционная рента	Выгода от реализации институтов контрактации, способных с минимальными ТАИ создавать условия, в которых субъекты рентных отношений получают монопольные выгоды благодаря своему праву заключать контракты на выгодных им условиях.

По нашему мнению, возникновение институциональной ренты всегда связано с возможностью снижения различных видов транзакционных издержек.

Издержки поиска информации (ТАИ ПИ). Информационная рента представляет собой выгоду, связанную с поиском и получением информации, возникающую благодаря возможности снижения ТАИ в процессе создания таких условий, при которых стоимость доступа к необходимой информации меньше, чем у конкурентов. Это позволяет субъектам рентных отношений формировать конкурентные преимущества за счет высокого уровня информированности и возможности оперативно реагировать на изменения информационных потоков (Таблица 2).

Таблица 2. Классификация формальной институциональной ренты по виду ТАИ поиска информации⁷

Тип ренты	Формальная институциональная рента
По виду ТАИ поиска информации	
Политическая информационная рента	Выгода, получаемая субъектами рентных отношений благодаря возможности снижения ТАИ в процессе получения, анализа и использования эксклюзивной информации о политических процедурах и политических факторах, влияющих на институциональные механизмы формирования экономических институтов социально-экономического развития общества и государства. Это позволяет получить рентные доходы за счет повышения уровня эффективного взаимодействия с политическими структурами при формировании экономических правил.
Экономическая информационная рента	Выгода, получаемая субъектами рентных отношений благодаря возможности снижения ТАИ в процессе получения, анализа и использования эксклюзивной информации о нормах и процедурах, установленных экономическими институтами в отношении правил контрактации. Это позволяет субъектам рентных отношений более эффективно реализовывать свои экономические стратегии за счет возможности использования экономических институтов, устанавливающих правила контрактации.
Контракционная информационная рента	Выгода, получаемая субъектами рентных отношений благодаря возможности снижения ТАИ в процессе получения, анализа и использования эксклюзивной информации о правилах и нормах, установленных институтами контрактации. Это позволяет субъектам рентных отношений получать конкурентные преимущества или монопольные выгоды за счет возможности создания условий, которые предполагают заключение контрактов на выгодных условиях.

⁶ Составлено автором на основе классификации Д. Норта.

⁷ Составлено автором.

В контексте формирования политической ренты ТАИ ПИ представляют собой затраты, которые несут субъекты рентных отношений в процессе поиска и получения необходимой информации при формировании и реализации ими политических институтов.

В контексте формирования экономической ренты ТАИ ПИ представляют собой затраты, которые несут субъекты рентных отношений в процессе поиска и получения необходимой информации при формировании и реализации ими экономических институтов, а также данных о нормах, правилах и процедурах, установленных этими институтами.

ТАИ ПИ в контексте формирования контрактационной ренты представляют собой затраты, которые несут субъекты рентных отношений в процессе поиска и получения необходимой информации о нормах, правилах и процедурах, установленных институтами контрактации.

Издержки спецификации и защиты прав собственности (ТАИ СиЗПС). Институциональная рента спецификации и защиты прав собственности, представляет собой выгоду, возникающую благодаря возможности снижения ТАИ в процессе регистрации, оценки и защиты прав собственности, что позволяет субъектам рентных отношений формировать конкурентные преимущества и рентные доходы за счет более эффективной защиты своих имущественных прав (Таблица 3).

Таблица 3. Классификация формальной институциональной ренты по виду ТАИ спецификации и защиты прав собственности⁸

Тип ренты	Формальная институциональная рента
По виду ТАИ спецификации и защиты прав собственности	
Политическая рента	Выгода, получаемая субъектами рентных отношений от доступа к процессам создания политических институтов, определяющих государственную политику, направленную на формирование институциональной системы спецификации и защиты прав собственности.
Экономическая рента	Выгода, получаемая субъектами рентных отношений благодаря возможности снижения ТАИ в процессе формирования экономических институтов, позволяющих обеспечить условия, которые на уровне контрактных отношений формируют эксклюзивные конкурентные преимущества по спецификации и защите прав собственности.
Контрактационная рента	Выгода, получаемая субъектами рентных отношений благодаря возможности снижения ТАИ в процессе формирования эксклюзивных возможностей по спецификации и защите прав собственности в предконтрактном и постконтрактном периоде их взаимодействия. В том числе при рассмотрении судебных споров и внесудебных разбирательств, обеспечивающих соблюдение договорных обязательств, установленных институтами контрактации.

В контексте формирования политической ренты ТАИ СиЗПС представляют собой затраты и усилия, необходимые для создания политических институтов, определяющих государственную политику, направленную на формирование институциональной системы спецификации и защиты прав собственности.

В контексте формирования экономической ренты ТАИ СиЗПС представляют собой затраты и усилия, необходимые для формирования экономических институтов, позволяющих обеспечить условия, которые для субъектов рентных отношений на уровне контрактных отношений формируют эксклюзивные конкурентные преимущества по спецификации и защите прав собственности.

В контексте формирования контрактационной ренты ТАИ СиЗПС представляют собой затраты и усилия, которые необходимо произвести субъектам рентных отношений для формирования эксклюзивных возможностей снижения ТАИ в предконтрактном и постконтрактном периоде их взаимодействия.

⁸ Составлено автором.

Издержки оппортунистического поведения (ТАИ ОП). Институциональная рента как результат снижения ТАИ оппортунистического поведения представляет собой выгоду, возникающую в процессе создания и реализации институциональной среды социально-экономического развития общества и государства, которая обеспечивает возможность субъектам общественных отношений снизить убытки оппортунистического поведения (Таблица 4).

Таблица 4. Классификация формальной институциональной ренты по виду ТАИ оппортунистического поведения⁹

Тип ренты	Формальная институциональная рента
По виду ТАИ оппортунистического поведения	
Политическая рента	Выгода, получаемая субъектами рентных отношений от доступа к процессам создания политических институтов, определяющих государственную политику, направленную на формирование институциональной системы по противодействию оппортунистическому поведению, нарушающему правила и договоренности, установленные политическими институтами.
Экономическая рента	Выгода, получаемая субъектами рентных отношений благодаря возможности снижения ТАИ в процессе формирования экономических институтов, позволяющих обеспечить условия, которые на уровне контрактных отношений формируют эксклюзивные конкурентные преимущества по борьбе с оппортунистическими действиями, нарушающими правила и договоренности, установленные политическими институтами.
Контракционная рента	Выгода, получаемая субъектами рентных отношений благодаря возможности снижения ТАИ в процессе формирования эксклюзивных возможностей по борьбе с оппортунистическим поведением в предконтрактном и постконтрактном периоде их взаимодействия с целью соблюдения правил и договоренностей, установленных институтами контрактации.

В контексте формирования политической ренты ТАИ ОП представляют собой затраты и усилия, необходимые для создания политических институтов, определяющих государственную политику, направленную на формирование институциональной системы по борьбе с оппортунистическими действиями, нарушающими правила и договоренности, установленные политическими институтами.

В контексте формирования экономической ренты ТАИ ОП представляют собой затраты и усилия, необходимые для формирования экономических институтов, позволяющих обеспечить условия, которые для субъектов рентных отношений на уровне контрактных отношений формируют эксклюзивные конкурентные преимущества для борьбы с оппортунистическими действиями, нарушающими правила и договоренности, установленные экономическими институтами.

В контексте формирования контрактационной ренты ТАИ ОП представляют собой затраты и усилия, которые необходимо произвести субъектам рентных отношений для борьбы с оппортунистическими действиями контрагентов в предконтрактном и постконтрактном периоде их взаимодействия с целью соблюдения правил и договоренностей, установленных институтами контрактации.

Классификация неформальной институциональной ренты

По нашему мнению, фундаментальными институтами общества, играющими ключевую роль при формировании и реализации общественных отношений, являются семья, культура, религия и образование. Действие этих неформальных институтов направлено на снижение ТАИ в процессах создания социальных норм и ценностей общественных отношений. Как мы уже отмечали выше, мы согласны с утверждением Д. Норта, что «институты существуют для уменьшения неопределенностей, сопровождающих взаимодействие между людьми. Эти неопределенности возникают вследствие сложности как самих проблем, требующих решения, так и алгоритмов их решения, которыми

⁹ Составлено автором.

располагает индивид» [North 1990, 25]. Главной задачей институтов, по его мнению, является «обеспечение определенности человеческих взаимоотношений путем сложившихся правил и норм» [North 1989, 1325]. В контексте нашего исследования под неформальной институциональной рентой будем понимать возможность извлечения субъектами рентных отношений социально-экономических выгод за счет использования ими неформальных ограничений в определенной сфере социально-экономического развития общества и государства.

Институт семьи. Семья является неформальным институтом, «для которого свойственно наличие ценностей, норм, социальных установок. Как фундаментальный институт общества, семья обеспечивает культурную преемственность поколений, сохранение общечеловеческих ценностей, стабилизацию и развитие современного общества. При этом социализация личности является важным процессом приобретения социальных правил, образцов поведения, норм» [Епремян, Абрамова 2022, 64].

С институциональной точки зрения деятельность института семьи одновременно направлена на снижение ТАИ коммуникационных процессов как внутри семейных отношений, так и общества в целом. Этим определяется двойственный характер взаимосвязи между институтом семьи и институциональной рентой. С одной стороны, институт семейных отношений может снизить транзакционные (организационные) издержки, предоставляя поддержку своим членам, с другой стороны, их усилить: например, при реализации транзакций управления, направленных на формирование семейных обязанностей, или транзакций сделки, при формировании обязанностей членов семьи перед обществом. В этих условиях при разработке стратегии своего поведения субъекты рентных отношений имеют возможность планировать социальное взаимодействие с учетом действующих в обществе семейных ценностей и социальных приоритетов.

Институт культуры. В широком смысле под «социальным институтом культуры» понимается совокупность социальных структур и общественных учреждений, в рамках которых развивается культура, предназначенные для упорядочения совместной жизни людей в обществе» [Бердникова 2019, 191]. В этом смысле культура представляет собой исторически сложившийся социальный порядок, основанный на общих убеждениях, ценностях, обычаях и традициях, которыми определяются алгоритмы взаимодействия между субъектами общественных отношений.

С точки зрения возможности снижения ТАИ институт культуры можно рассматривать как неформальный институт социально-экономического развития общества и государства, использующий в процессе своей эволюции институциональные механизмы общественных связей, социальные нормы, ценности и приоритеты. Как система социальных норм институт культуры формирует для субъектов рентных отношений ограничительные рамки их взаимодействия, понимание которых позволяет актерам легитимно использовать социальные нормы и ценности при реализации своих конкурентных стратегий в различных социально-экономических обменах.

По нашему мнению, взаимосвязь между институтом культуры и возможностью снижения ТАИ, формирующих институциональную ренту, зависит от конкретного культурного и институционального контекста. Институт культуры как система социальных ограничительных норм может помочь снизить ТАИ, способствуя сотрудничеству и доверию в обществе, при этом усиливая властную составляющую организаций, регулирующих деятельность общества. Культура, в которой ценится доверие как социальная норма, может помочь снизить организационные издержки социально-экономического развития общества и государства. При наличии доверия субъекты общественных отношений склонны к взаимодействию без использования дополнительных механизмов, принуждающих стороны к выполнению взятых на себя обязательств, что значительно снижает уровень ТАИ [Кичигин 2022]. На наш взгляд, отдельным вопросом, требующим

самостоятельного изучения, является роль организаций (учреждений культуры) как институтов, формирующих институциональную среду общественных отношений, в формировании и реализации социальных норм.

Институт религии. Религия как неформальный институт общественных отношений представляет собой совокупность организаций, формирующих устойчивый набор этических и моральных правил (кодексов поведения) в виде убеждений, ценностей и социальных норм, которые используются членами религиозной организации при их взаимодействии с другими субъектами общественных отношений и строительстве институциональной среды социально-экономического развития общества и государства. Мы согласны с мнением ряда исследователей о том, что «религия как социальный институт появляется тогда, когда имеется социальная потребность. При этом институционализация религии завершается ее интеграцией в существующую социальную систему, определением места религиозной деятельности в структуре существующих социально-экономических, социокультурных, социально-политических и общественных отношений. При этом между институтом религии и возможностью снижения ТАИ существует потенциальная связь, которая в зависимости от конкретных условий и содержания религиозных верований может быть как с положительным, так и отрицательным вектором социального развития» [Акулич, Капалин 2008, 9]. В общем случае институт религии как система социальных норм влияет на формирование социального капитала (уровня доверия в обществе). Религиозные практики, способствующие росту доверия в обществе, облегчают сотрудничество между людьми, разделяющими общие религиозные убеждения и ценности, тем самым формируя условия для снижения ТАИ.

Институт образования. Образование является ключевым неформальным институтом общественных отношений, способствующим развитию у субъектов рентных отношений навыков критического мышления, а также способности оценивать и использовать информацию, что приобретает решающее значение в процессе формирования их конкурентоспособности. По нашему мнению, существует потенциальная связь между институтом образования и неформальной институциональной рентой, характерной особенностью которой является то, что образование может как снижать уровень ТАИ в рентных отношениях, так и способствовать их увеличению. Безусловно, институт образования направлен на снижение ТАИ, однако институциональная рента может возникать на фоне их роста. В этом смысле образование может либо способствовать, либо препятствовать снижению ТАИ в зависимости от его конкретного содержания и направления использования знаний. Позитивным моментом для развития общественных отношений является то, что институт образования помогает преодолеть разрыв между различными социальными группами, способствуя взаимному уважению между членами общества, росту их социальной ответственности и формированию активной гражданской позиции, создавая новые возможности для реализации рентных отношений. При этом на формирование образовательной институциональной ренты, которая непосредственно зависит от качества образования, оказывают влияние такие факторы, как нормы и ценности общественных отношений, сложившиеся в институциональной среде под воздействием других институтов, нормативно-правовая среда и т. д. В этом аспекте ценности, продвигаемые системой образования, оказывают непосредственное влияние на место реализации образовательной ренты, которая обеспечивается уровнем образованности, влияющей на нормы взаимодействия между субъектами социально-экономического развития, в процессе выбора ими альтернативных механизмов конкурентной борьбы.

В общем случае классификация неформальной институциональной ренты по виду неформальных институтов приведена в Таблице 5.

Таблица 5. Классификация неформальной институциональной ренты по виду неформальных институтов (ограничений)¹⁰

Тип неформального института	Определение неформальной институциональной ренты по виду неформальных институтов (ограничений)
Институт семьи	Выгода, возникающая благодаря возможности снижения ТАИ, которая образуется у субъектов рентных отношений за счет использования ими механизмов и инструментов социального взаимодействия, сформированных набором этических и моральных правил поведения с учетом действующих в обществе семейных ценностей и социальных приоритетов.
Институт культуры	Выгода, возникающая благодаря возможности снижения ТАИ, которая образуется у субъектов рентных отношений за счет использования ими механизмов и инструментов социального взаимодействия, сформированных набором этических и моральных правил поведения с учетом действующих в обществе культурных ценностей и социальных приоритетов, обычаев и традиций.
Институт религии	Выгода, возникающая благодаря возможности снижения ТАИ, которая образуется у субъектов рентных отношений за счет использования ими механизмов и инструментов социального взаимодействия, сформированных набором этических и моральных правил поведения с учетом действующих в обществе религиозных учений, социальных ценностей и приоритетов.
Институт образования	Выгода, возникающая благодаря возможности снижения ТАИ, которая образуется у субъектов рентных отношений за счет использования ими знаний, навыков и способностей к критическому мышлению в процессе их взаимодействия с учетом действующих в обществе социальных норм, ценностей и приоритетов.

Заключение

В работе уточнено понятие институциональной ренты как социально-экономической категории, отличительной особенностью которой является возможность субъектов рентных отношений формировать конкурентные преимущества за счет использования формальных институтов и неформальных ограничений в процессе снижения различных видов транзакционных издержек, направленность которых во многом зависит от условий реализации института.

Кроме того, обоснованы методологические особенности классификации формальной и неформальной институциональной ренты как общенаучного метода систематизации знаний, позволяющего уточнить роль и место институциональной ренты в системе рентных отношений.

Предложенная общая классификация формальной институциональной ренты по уровню иерархии формальных институтов позволяет обосновать необходимость применения целостного подхода к анализу институционального воздействия на поведение субъектов рентных отношений с целью возможного снижения различных видов транзакционных издержек общественных отношений. Предложенная общая классификация неформальной институциональной ренты по виду неформальных ограничений, созданных институтами семьи, культуры, религии и образования, позволяет вести дальнейшую разработку институтов и механизмов снижения транзакционных издержек за счет использования социальных норм и общественных ценностей в процессах рентных отношений.

Направлением дальнейшей работы является исследование фундаментальных институтов общества: семьи, культуры, религии и образования, действие которых направлено на снижение ТАИ в процессах создания социальных норм и ценностей общественных отношений.

Список литературы:

Акулич М.М., Капалин А.М. Религия как социальный институт // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 32. С. 8–15.

Баглиева А.З. Понятие «Менталитет»: особенности определения // Система ценностей современного общества. 2008. № 4. С. 25–29.

¹⁰ Составлено автором.

Бердникова А.Ю. Социальный институт культуры: понятие, процесс формирования, признаки, структура, функции // Молодой ученый. 2019. № 17(255). С. 191–193.

Даниленко Л.Н. Рента как категория современной экономической науки // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 8(311). С. 20–31.

Дмитриев Н.Д., Зайцев А.А., Кичигин О.Э. О методологических особенностях классификации институциональной ренты как социально-экономической категории в исследованиях рентных отношений // Международный сельскохозяйственный журнал. 2024. № 3(399) С. 352–356. DOI: [10.55186/25876740_2024_67_3_352](https://doi.org/10.55186/25876740_2024_67_3_352)

Дмитриев Н.Д., Зайцев А.А., Родионов Д.Г. Модель взаимосвязи между интеллектуальным капиталом и формированием рентного дохода промышленных предприятий // Вестник академии знаний. 2023. № 4. С. 92–97.

Епремян Т.В., Абрамова М.Э. Семья как социальный институт: понятие и ценностные ориентиры // Экономика. Социология. Право. 2022. № 4(28). С. 64–69. DOI: [10.22281/2542-1697-2022-01-04-64-69](https://doi.org/10.22281/2542-1697-2022-01-04-64-69)

Кичигин О.Э. Институциональная среда и рентные отношения ТЭК как источник формирования региональной конкурентоспособности // Экономика и предпринимательство. 2016. № 6(71). С. 906–911.

Кичигин О.Э. Роль доверия в общественных отношениях: институциональный аспект // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 93. С. 65–80. DOI: [10.24412/2070-1381-2022-93-65-80](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-93-65-80)

Кичигин О.Э., Зайцев А.А. К вопросу о необходимости разработки концепции по рентному регулированию ресурсного потенциала регионального развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 1–2. С. 156–165. DOI: [10.17513/vaael.1583](https://doi.org/10.17513/vaael.1583)

Сагитова А.Ф. Развитие понятия «Рентные отношения» в экономической науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 11(366). С. 13–22.

Kichigin O., Zaytsev A., Dmitriev N. Role and Place of Institutional Capacity in Socio-Economic Development // International Journal of Professional Business Review. 2023. Vol. 8. Is. 10. DOI: [10.26668/businessreview/2023.v8i10.3160](https://doi.org/10.26668/businessreview/2023.v8i10.3160)

North D. Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction // World Development. 1989. Vol. 17. Is. 9. P. 1319–1332. DOI: [10.1016/0305-750X\(89\)90075-2](https://doi.org/10.1016/0305-750X(89)90075-2)

North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Zaytsev A., Dmitriev N., Kichigin O. Diagnostics of Regions Resource Potential in the Context of Socio-Economic Development // International Journal of Professional Business Review. 2023. Vol. 8. Is. 10. DOI: [10.26668/businessreview/2023.v8i10.3162](https://doi.org/10.26668/businessreview/2023.v8i10.3162)

References:

Akulich M.M. (2008) Religiya kak sotsial'nyy institut [Religion as a social institution]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 32. P. 8–15.

Baglieva A.Z. (2008) Ponyatiye «Mentalitet»: osobennosti opredeleniya [The concept of “Mentality”: Features of definition]. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva*. No. 4. P. 25–29.

Berdnikova A.Yu. (2019) Sotsial'nyy institut kul'tury: ponyatiye, protsess formirovaniya, priznaki, struktura, funktsii [Social institution of culture: Concept, formation process, characteristics, structure, functions]. *Molodoy uchenyy*. No. 17(255). P. 191–193.

Danilenko L.N. (2013). Renta kak kategoriya sovremennoy ekonomicheskoy nauki [Rent as a category of modern economic science]. *Ekonomicheskyy analiz: teoriya i praktika*. No. 8(311). P. 20–31.

Dmitriev N.D., Zaitsev A.A., Kichigin O.E. (2024) On the Methodological Features of the Classification of Institutional Rent as a Socio-Economic Category in the Research of Rental Relations. *Mezhdunarodnyy sel'skokhozyaystvennyy zhurnal*. No. 3(399) P. 352–356. DOI: [10.55186/25876740_2024_67_3_352](https://doi.org/10.55186/25876740_2024_67_3_352)

Dmitriev N.D., Zaitsev A.A., Rodionov D.G. (2023) The Model of the Relationship between Intellectual Capital and the Formation of Industrial Enterprises Rental Income. *Vestnik akademii znaniy*. No. 4. P. 92–97.

Epremyan T.V., Abramova M.E. (2022) Family as a Social Institution: Concept and Value Orientations. *Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo*. No. 4(28). P. 64–69. DOI: [10.22281/2542-1697-2022-01-04-64-69](https://doi.org/10.22281/2542-1697-2022-01-04-64-69)

Kichigin O., Zaytsev A., Dmitriev N. (2023) Role and Place of Institutional Capacity in Socio-Economic Developmen. *International Journal of Professional Business Review*. Vol. 8. Is. 10. DOI: [10.26668/businessreview/2023.v8i10.3160](https://doi.org/10.26668/businessreview/2023.v8i10.3160)

Kichigin O.E. (2016) Institutional Environment and Rent Relations in the Fuel and Energy Complex as a Source of Regional. Competitiveness. *Ekonomika i Predprinimatelstvo*. No. 6(71). P. 906–911.

Kichigin O.E. (2022) The Role of Trust in Public Relations: Institutional Aspect. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 93. P. 65–80. DOI: [10.24412/2070-1381-2022-93-65-80](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-93-65-80)

Kichigin O.E., Zaitsev A. (2021) On the Need to Develop a Concept for the Rental Regulation of the Resource Potential of Regional Development. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*. No. 1–2. P. 156–165. DOI: [10.17513/vaael.1583](https://doi.org/10.17513/vaael.1583)

North D. (1989) Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction. *World Development*. Vol. 17. Is. 9. P. 1319–1332. DOI: [10.1016/0305-750X\(89\)90075-2](https://doi.org/10.1016/0305-750X(89)90075-2)

North D. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.

Sagitova A.F. (2015) Development of the Concept “Rent Relations” in Economic Science. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 11(366). P. 13–22.

Zaytsev A., Dmitriev N., Kichigin O. (2023) Diagnostics of Regions Resource Potential in the Context of Socio-Economic Development. *International Journal of Professional Business Review*. Vol. 8. Is. 10. DOI: [10.26668/businessreview/2023.v8i10.3162](https://doi.org/10.26668/businessreview/2023.v8i10.3162)

Креатосфера человекоориентированной экономики: концептуальные основы управления

Насырова Светлана Ирековна

Кандидат экономических наук, доцент, SPIN-код РИНЦ: [3126-3127](#), ORCID: [0000-0002-4101-755x](#), nasirovasi@mail.ru

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, РФ.

Аннотация

В настоящее время многочисленные исследования сосредотачивают свое внимание на выявлении ключевых факторов роста экономики современной России, основными среди которых становятся креативность и творческий труд человека. В связи с актуализацией роли человека в экономике креатосфера через разнообразные и многочисленные идеи становится основой не только для формирования и развития человекоориентированной экономики, но и для полноценного удовлетворения различных человеческих потребностей. Креатосфера является по сути творческим рычагом развития человека и человекоориентированной экономики, поэтому особенно актуальным оказывается вопрос управления креатосферой. Цель данного исследования — разработка концептуальных основ управления креатосферой как структурным элементом человекоориентированной экономики. Метод исследования — развернутая модель компенсационного гомеостата. Методологическая основа исследования — теория человекоориентированной экономики. В результате идентифицирована креатосфера в категориях развернутой модели компенсационного гомеостата (объект управления — креатосфера; компоненты — антагонисты креатосферы — культурная и инновационная сферы; высший орган управления — федеральные органы власти; субъект управления — региональные органы власти; блок дополнительной активации и адаптации — субъекты, косвенно влияющие на креатосферу; «вход» модели — развитие креатосферы с помощью базовых ресурсов; «выход» модели — творческий человек); определены основные области управленческих воздействий на креатосферу (управление ресурсами, управление связями, дополнительная поддержка). Представленные результаты исследования становятся основой для дальнейших научных изысканий в области креатосферы и построения полноценной теории человекоориентированной экономики. Практическая значимость заключается в том, что концептуальные основы управления креатосферой — это база для разработки адресных мер поддержки с целью ее прогрессивного развития.

Ключевые слова

Креатосфера, человекоориентированная экономика, человекоцентричная экономика, управление, гомеостат, развернутая модель компенсационного гомеостата.

Для цитирования

Насырова С.И. Креатосфера человекоориентированной экономики: концептуальные основы управления // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 107. С. 77–89. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-77-89

Creatosphere of Human-Oriented Economy: Conceptual Foundations of Management

Svetlana I. Nasyrova

PhD, Associate Professor, ORCID: [0000-0002-4101-755x](#), nasirovasi@mail.ru

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation.

Abstract

Currently, numerous studies are focusing on identifying the key factors of economic growth in modern Russia, the main ones among which are creativity and human creative work. Due to the actualization of the human role in the economy, the creatosphere, through diverse and numerous ideas, becomes the basis not only for the formation and development of a human-oriented economy, but also for the full satisfaction of various human needs. The creatosphere is essentially a creative lever for human development and a human-oriented economy, therefore, the issue of managing the creatosphere becomes especially relevant. The aim of this study is to develop a conceptual framework for managing the creatosphere as a structural element of a human-oriented economy. The research method is an expanded model of compensatory homeostat. The methodological basis of the research is the theory of human-oriented economics. As a result, the creatosphere was identified in the categories of the expanded model of compensatory homeostat (the object of management is the creatosphere; the components-antagonists of the creatosphere are the cultural and innovative spheres; the supreme governing body is the federal authorities; the subject of management is the regional authorities; the block of additional activation and adaptation is the subjects indirectly influencing the creatosphere; the “input” of the model is the development of the creatosphere with the help of basic resources; the “output” of the model is a creative person); the main areas of management impacts on the creatosphere (resource management, communications management, additional support) are identified. The presented research results become the basis for further scientific research in the field of the creatosphere and the construction of a full-fledged theory of a human-oriented economy. Practical significance is defined by the fact that the conceptual foundations of creatosphere management provide a basis for the development of targeted support measures for its progressive development.

Keywords

Creatosphere, human-oriented economy, human-centered economy, management, homeostat, expanded model of compensatory homeostat.

For citation

Nasyrova S.I. (2024) Creatosphere of Human-Oriented Economy: Conceptual Foundations of Management. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 107. P. 77–89. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-77-89

Дата поступления/Received: 29.10.2024

Введение

В настоящее время многочисленные исследования представителей экономической науки сосредоточены на поиске путей стремительного развития экономики. Различные ученые факторами последнего определяют человеческий потенциал, интеллектуальную собственность, средства производства [Ощепкова 2016], инновации, креативность и др. Человек и его способности, потенциал и возможности приобретают первостепенное значение в обеспечении экономического развития.

Современная действительность формирует экономическую систему, основанную на качественно новом содержании труда. «С середины XX в. прогресс экономики чем дальше, тем больше определяется именно творческим трудом» [Бузгалин 2017, 44]. Современная экономика трансформируется прежде всего в качественном отношении, при этом «на смену доминированию репродуктивного труда, характерного для предыдущих этапов экономического развития, приходит преимущественно творческий труд» [Павлов 2021, 135]. Соответственно, экономика вступает в новый период — экономику творческого человека. Активно развивается и актуализируется вопрос исследования креатосферы [Логунцова 2023], в основе которой лежит творческая составляющая сущности человека.

Несмотря на активные дискуссии относительно креатосферы, работы в данной области имеют фрагментарный характер. В основном исследования посвящены таким аспектам, как:

- понятие креатосферы [Бернович 2022];
- актуальность креатосферы [Mikhailova, Vinokurova 2018; Levickaitė 2011];
- структура креатосферы [Счисляева, Макиева 2024; Markusen et al. 2008];
- статистическая оценка креатосферы [Темербулатова и др. 2020];
- факторы развития креатосферы [Михайлова, Шкурко 2023];
- креативный класс [Махалин 2015; Zhao et al. 2020];
- креативные кластеры [Bagwell 2008; Chapain et al. 2010];
- взаимосвязь креатосферы с прочими видами экономических систем [Михайлова 2018];
- кризис креатосферы [Сургуладзе 2022; Comunian, England 2020] и др.

Отметим, что креатосфера приобретает особую актуальность в связи с особым значением человека в экономике. Трансформируется его роль, происходит переход от концепции «человек для экономики» к концепции «экономика для человека». Соответственно, особое значение в настоящее время приобретает человекоориентированная экономика¹, структурно состоящая из сфер, направленных на удовлетворение человеческих потребностей (природная, материальная сфера, сфера услуг, социальная сфера, инфосфера, цифровая сфера, креатосфера и когнитивная сфера) [Насырова 2021]. Креатосфера в ней становится сферой, способной через разнообразные идеи обеспечить стимулирующее развитие человекоориентированной экономики и полноценное удовлетворение объективно необходимых человеческих потребностей. Креатосфера — своего рода творческий рычаг развития человека и человекоцентричной экономики. В связи с этим особенно актуальным становится вопрос управления креатосферой. При этом разные представители научного сообщества предлагают различные способы развития последней. Так, группа белорусских исследователей [Данильченко и др. 2017] предлагает стратегию для развития данной сферы, в основу которой положены научно-технические разработки и тесная интеграция национальной экономики с мировой. В свою очередь, В.Н. Махалин [Махалин 2015] с целью ускорения развития в различных сферах и на различных уровнях экономики и общества предлагает сосредоточить внимание на воспитании креативного класса и на управлении уже сформировавшимся классом

¹ В контексте работы термины «чело́векоориенти́рованная экономика», «чело́векоцентри́чная экономика» будут приниматься как синонимы.

креативных работников в процессе трудовой деятельности. О.М. Махалина, В.Н. Махалин [Махалина, Махалин 2014] сформулировали подход к управлению креатосферой через креативный менеджмент, ключевым аспектом функционирования которого является всемерное раскрытие творческих способностей людей. Один из зарубежных авторов предлагает выстроить стратегию развития креатосферы [Randi 2020] с точки зрения заинтересованных сторон (за счет увеличения вклада креативной экономики в устойчивость экономики), клиентов, внутреннего процесса (через обучение, повышение качества человеческих ресурсов, используемых в креатосфере) и бюрократической реформы. Й. Клоудова [Клоудова 2010] опирается на развитие креатосферы через потребителей, трудовые ресурсы и пространство.

Отметим, что современные исследования в области управления креатосферой ориентированы прежде всего на экономическое развитие, способное обеспечить лидирующее положение стран на мировой арене. Однако понимание ценности человека, его развития как целевого ориентира для экономики требует системного рассмотрения вопроса управления креатосферой в рамках человекоцентричной экономики для формирования эффективных управленческих мер.

В свете вышесказанного цель исследования — разработать концептуальные основы управления креатосферой как структурным элементом человекоориентированной экономики.

Методы и методология

Для достижения поставленной цели предполагается применение развернутой модели компенсационного гомеостата. Гомеостатика как ветвь кибернетики приобрела особую актуальность в 1980–1990 гг. в результате активного применения механизмов противоречий при исследовании системных объектов [Горский и др. 2008].

Модель гомеостата представляет собой инструмент для управления исследуемыми системами, который ориентирован в первую очередь на обеспечение устойчивого развития последних. Эффективность управления с помощью данной модели достигается за счет изучения внутреннего противоречия, имеющегося в рассматриваемом объекте. Технология данного метода включает такие элементы², как:

- вход — элемент, который определяется за счет выделения задачи управления и ресурсов, обеспечивающих управление объектом;
- компоненты-антагонисты, находящиеся внутри объекта исследования, между которыми имеется противоречие;
- базовый ресурс — ресурс, за обладание которым идет борьба между компонентами-антагонистами;
- субъект управления — это субъект, который оказывает воздействие на противоречие между антагонистическими компонентами с целью перераспределения ресурса между ними;
- высший орган управления — это субъект, который задает ключевые характеристики объекта исследования;
- блок дополнительной активации и адаптации — это субъекты, которые могут оказывать воздействие на объект исследования для усиления его развития; данный блок содержит субъекты, которые оказывают косвенное воздействие на изучаемый объект;
- выход — это результаты деятельности объекта изучения и локальные результаты внутренних компонентов-антагонистов.

² Боуш Г.Д. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях). М.: ИНФРА-М, 2020.

Три блока управления (субъект управления, высший орган управления и блок дополнительной активации и адаптации) формируют параметры внешней по отношению к изучаемой системе среды и частично задают параметры внутренней среды, а также определяют правила, принципы, направления воздействия субъекта управления на изучаемую систему.

В развернутой модели компенсационного гомеостата присутствуют также три вида связей:

- прямые связи — связи, которые указывают на направление управленческого воздействия субъекта на компоненты-антагонистов рассматриваемой системы с целью разрешения имеющегося противоречия наиболее продуктивным способом; подобное разрешение противоречия путем стимулирования развития одного из компонентов либо одновременно обоих способствует прогрессивному развитию системы, или объект исследования становится на изогрессивную ветвь развития для накопления потенциала с целью перехода в прогрессивное состояние в дальнейшем;
- обратные связи — связи, которые показывают поток ответной реакции, основное назначение которого заключается в корректировке осуществляемых управленческих мер;
- всеячие связи — связи, которые формируются за счет непрямого влияния высшего органа управления и блока дополнительной активации и адаптации на сам объект исследования с его компонентами-антагонистами, противоречие и субъект управления.

Результаты исследования и их обсуждение

Первоначальным этапом применения развернутой модели компенсационного гомеостата является идентификация элементов схемы применительно к креатосфере (Рисунок 1).

Рисунок 1. Креатосфера в категориях развернутой модели компенсационного гомеостата³

³ Составлено автором.

Объектом управления является непосредственно креатосфера. На входе формируется управленческая задача в виде заказа на развитие креатосферы с помощью человеческих, материальных и информационных ресурсов.

В роли антагонистов в развернутой модели компенсационного гомеостата представлены два компонента, входящие в креатосферу, в виде культурной и инновационной сферы. Подробное описание данной структуры представлено автором на предыдущем этапе исследования [Насырова 2024].

Высший орган управления идентифицирован в виде федеральных органов власти, которые определяют базовые ориентиры касательно внешней среды, в которой функционирует креатосфера, и в определенной степени внутреннюю составляющую исследуемого объекта. Данный блок определяет направления деятельности субъекта управления.

Субъект управления — это региональные органы власти, основное назначение которых состоит в обеспечении выполнения целевых установок федеральных органов власти через внесение корректировок с опорой на конкретные проблемные места в разных субъектах Российской Федерации.

В качестве блока дополнительной активации и адаптации автором выделяются субъекты, оказывающие косвенное воздействие на культурную и инновационную сферы.

На выходе результатом функционирования и развития объекта управления становится человек, который реализует свои потребности в творчестве, причем здесь имеются в виду два аспекта: с одной стороны, человек становится потребителем благ креатосферы через насыщение творчеством извне; с другой стороны, как производитель креативных благ, он реализует свой творческий потенциал изнутри (тем самым формируется так называемый креативный класс). Локальными результатами культурной сферы становятся культурные блага в виде произведений искусства, культурно-массовых мероприятий, театров, музеев и т. п., в то время как результатами инновационной сферы являются прежде всего идеи, которые могут быть как самостоятельным благом, так и производственным благом для дальнейшего использования идей в производстве в других сферах человекоориентированной экономики с целью более полноценного удовлетворения человеческих потребностей.

Основное назначение развернутой модели компенсационного гомеостата заключается в том, что она позволяет осмыслить процессы функционирования и развития креатосферы и выявить направления для эффективного управления ею.

На основе представленной модели можно сформировать концептуальные положения в области управления креатосферой.

Во-первых, управление ресурсным обеспечением. Основными ресурсами, необходимыми для динамичного развития креатосферы, являются человеческие, материальные и информационные ресурсы, при этом первые играют ключевую роль в обеспечении рассматриваемой системы идеями. Человеческие ресурсы в виде креативного класса (креаторов) приобретают роль ключевого компонента креативности, формирования чего-то нового. Обеспечение должного функционирования креатосферы связано с постоянным созданием чего-то нового, оригинального, а не серийного, как в большинстве прочих производств, что требует, чтобы креаторы обладали творческими способностями, индивидуальностью и т. п. В результате этого усилия со стороны региональных органов власти надо направить на формирование полноценного креативного класса как неисчерпаемого ресурса через воспитание креативного, инновационного мышления обучающихся в общеобразовательных учреждениях; открытие соответствующих направлений в средних специальных и высших учебных заведениях (получение образования не только в области

креативности, инноваций общего профиля, но и применительно к различным сферам человекоориентированной экономики); выделение большего количества бюджетных мест; курсы повышения квалификации и переподготовки кадров и т. п. Кроме того, для формирования креативного класса возможно привлечение необходимых специалистов из-за рубежа.

Безусловно, для эффективного становления и дальнейшего функционирования креативного класса требуется обеспечение соответствующих условий. Образованию и развитию креативного класса должно сопутствовать и развитие инфраструктуры, в частности формирование творческого пространства [Shapiro 2006; Berry, Glaeser 2005] в виде креатополисов, креативных хабов, то есть своеобразных мест — катализаторов креатосферы, обеспечивающих генерацию многочисленных и разнообразных идей творческими экономическими агентами.

С точки зрения обеспечения информационными ресурсами для развития креатосферы необходимо создание разнообразных коммуникационных площадок для обмена опытом креаторов между собой, доступа к актуальной информации о технологических новинках, возможностях квалификационного роста и т. п.

Отметим, что все эти процессы должны сосуществовать в своеобразном синтезе, обеспечивающем формирование необходимой ресурсной базы для развития креатосферы.

Однако одного формирования ресурсной базы недостаточно. Со стороны региональных органов власти должно быть обеспечено своевременное перемещение человеческих, материальных и информационных ресурсов в те области, в которых наблюдается их недостаток, для стимулирования их роста или, наоборот, из тех сфер, где ресурсы имеются в избытке в ущерб прочим направлениям развития креатосферы.

Механизм перераспределения ресурсов в рамках креатосферы предполагает следующие четыре режима взаимодействия.

Режим 1: регресс — данный режим наименее благоприятен для рассматриваемой системы, поскольку оба компонента-антагониста начинают блокировать развитие друг друга. Культурная сфера сосредотачивает внимание только на производстве культурных благ, своеобразно отгораживаясь от возможных инноваций в данной области, тем самым блокируя развитие второго антагонистического компонента. В то время как инновационная сфера сосредотачивает внимание на идеях в любых сферах, кроме культурной, что препятствует развитию последней;

Режим 2 и режим 3: изогресс — указанные режимы представляют собой ситуацию, когда один компонент способствует развитию второго, а последний, в свою очередь, блокирует развитие первого, и наоборот. Так, например, в условиях режима 2 сильно развитая культурная сфера, имеющая в своем распоряжении достаточное количество ресурсов, формирует запрос на новые идеи, которые может обеспечить сфера инноваций, однако последняя не способна при текущем ее состоянии удовлетворить данную потребность в силу отсутствия потенциала, квалифицированных кадров, соответствующей инфраструктуры и т. п. В результате чего инновационная сфера блокирует дальнейшее развитие культурной сферы. В случае с режимом 3 ситуация противоположна: сильная инновационная сфера, обладающая значительным потенциалом для дальнейшего развития, формирует запрос на удовлетворение ряда потребностей в культурной составляющей креатосферы посредством внедрения инновационных аспектов в данной области; однако культурная сфера, возможно в силу своей консервативности, отсутствия должного обеспечения ресурсами и т. п., игнорирует данный процесс, препятствуя развитию инновационной сферы.

Режим 4: прогресс — наиболее благоприятный режим взаимодействия двух сфер, когда оба компонента поддерживают развитие друг друга. Так, культурная сфера и инновационная сфера при взаимодействии в данном режиме, помимо собственного развития, обеспечивают взаимное формирование потребностей в антагонистичной сфере, в том числе за счет совместных проектов.

Таким образом, понимание, в каком режиме функционирует креатосфера, дает основания для формирования актуальных управленческих ориентиров для развития данной системы.

В настоящее время креатосфера человекоориентированной экономики находится в зачаточном состоянии [Насырова 2024], причем как культурная, так и инновационная сферы демонстрируют низкие темпы развития. Соответственно, креатосфера с большей долей вероятности находится в режиме 1 взаимодействия компонентов-антагонистов, наращивая потенциал для перехода в режимы 2 или 3. Несомненно, определенные действия в этом плане уже осуществляются, но не имеют системного характера для достижения изогрессивной ветви развития.

Таким образом, для наращивания потенциала с целью перехода на более благоприятные режимы взаимодействия необходимо вмешательство субъекта управления. Прежде всего требуется перераспределение базового ресурса со стороны региональных органов власти в пользу как блока «Культура», так и блока «Инновации» для стимулирования их развития посредством активного создания культурных и инновационных благ. Данная активация способствует в первую очередь стимулированию развития человеческих ресурсов в данной области, активному привлечению и использованию материальных и информационных ресурсов. Насыщение и активное использование этих ресурсов будет основой для формирования сильного компонента культурной и инновационной сфер, следующим этапом развития которых станет сосредоточение внимания, ресурсов и финансирования региональных органов власти на совместных проектах этой пары антагонистов через формирование заказов в данной области. В перспективе должно быть обеспечено своеобразное партнерство, сотрудничество культурной и инновационной сфер при посреднической роли региональных органов власти. Подобная итерация будет способствовать и позволит запустить режим 4, который в конечном счете станет состоянием для наиболее полного и продуктивного развития креатосферы.

Во-вторых, управление связями в системе. В области управления системными связями, формируемыми в развернутой модели компенсационного гомеостата для креатосферы, предполагается регулирование со стороны субъекта управления прямых (непрерывные линии в модели) и обратных (пунктирные линии в модели) связей.

В рамках управления прямыми связями ситуация очевидна в отношении вертикальных связей, когда происходит воздействие одного блока на другой (например, влияние субъекта управления на антагониста или противоборствующих компонентов на объект управления). Возможное препятствие, которое может образоваться в данном случае, — это прежде всего некачественные, неэффективные каналы распространения управленческого воздействия. Следовательно, необходимо формирование таких каналов, которые будут беспрепятственно и своевременно передавать сигналы без помех со стороны вышестоящего блока.

В свою очередь, горизонтальная связь между взаимодействующими компонентами требует особого внимания; она должна быть выстроена таким образом, чтобы осуществлялось активное взаимодействие, сотрудничество между антагонистической парой. Решение этого вопроса видится в формировании институтов синтеза культуры и инноваций, посредством которых будут осуществляться совместные проекты с целью взаимного поддержания друг друга. Отметим, что позиция автора не предполагает отмену традиций, обычаев в культуре и их замену на инновации, напротив, считаем, что именно инновационные технологии, платформы, инновационные идеи будут способствовать в том числе сохранению традиционных ценностей.

Для обеспечения управления обратными связями в рамках выстраивания системы развития креатосферы необходима разработка методики оценки развития исследуемой системы, формируемой в рамках человекоориентированной экономики. В настоящее время ограниченность статистических

показателей, характеризующих инновационную активность экономических субъектов, не позволяет в полной мере производить данную оценку. Вследствие чего предлагается разработать и внедрить статистические показатели, отражающие развитие инновационной активности в природной, материальной сферах, сфере услуг, социальной сфере, инфосфере, цифровой сфере, креатосфере и когнитивной сфере (как структурных составляющих человекоцентричной экономики). Методика оценки креатосферы, включающая в себя как культурный, так и инновационный блоки, с учетом имеющихся на сегодняшний момент статистических данных представлена автором ранее [Насырова 2024]. Данную авторскую методику можно использовать как базу для разработки полноценной методики оценки развития креатосферы (при условии внедрения новых статистических показателей, способных восполнить пробел оценки отдельных аспектов инновационной сферы). Это позволит производить оценку и анализ складывающейся ситуации в России и ее регионах и своевременно вносить корректирующие меры в деятельность региональных органов власти с целью полноценного развития креатосферы.

В-третьих, оказание дополнительной поддержки. Дополнительную поддержку может оказывать, с одной стороны, высший орган управления в виде федеральных органов власти, с другой стороны, блок дополнительной активации и адаптации.

Федеральные органы власти инициируют общие направления развития креатосферы, задают базовые ориентиры, формируют нормативно-правовую базу, разрабатывают цель взаимодействия блоков модели, усиливая интерес к рассматриваемой системе.

В свою очередь, блок дополнительной активации и адаптации в виде меценатов, спонсоров, субъектов инвестиционной деятельности, высших учебных заведений, организаций дополнительного образования, фондов грантовой поддержки, бизнеса, средств массовой информации, субъектов по организации, проведению и обеспечению безопасности культурно-массовых мероприятий, организаций, обеспечивающих доступ уязвимых категорий населения к культурным объектам, патентных организаций, общества и других субъектов способен выступать также в качестве как инициатора, так и ограничителя развития креатосферы.

Отметим, что дополнительная поддержка креатосферы данными блоками находится вне поля влияния субъекта управления, следовательно, воздействие федеральных органов власти и прочих заинтересованных субъектов в виде блока дополнительной активации и адаптации могут способствовать новому витку развития исследуемой системы вне направлений, определенных субъектом управления, оттягивая ресурсы системы от актуальных аспектов.

Как следствие, представленные меры в целом могут способствовать не только развитию креатосферы, но и повышению уровня сложности человекоцентричной экономики. Креатосфера структурно входит в состав человекоориентированной экономики, понимание прогрессивного развития которой базируется на постепенном увеличении сложности данного системного объекта. Соответственно, согласно разработанной автором на предыдущих этапах исследования типологии видового многообразия человекоцентричной экономики, ее ветвь развития определяется обретением системой новых качественных характеристик в виде двух доминирующих ядрообразующих компонентов-сфер. В настоящее время человекоориентированная экономика находится на изогрессивно-регрессивной ветви развития с преобладанием цифровой и природной сфер. При этом креатосфера находится на начальной стадии своего развития. Тем самым стимулирование ее развития даст своеобразный стимул для становления рассматриваемой экономики на прогрессивный путь, обеспечивая идеями и прочие ее сферы через продуктивное их взаимодействие, развитие институтов сотрудничества креатосферы с природной, материальной сферами, сферой услуг, социальной сферой, инфосферой, цифровой и когнитивной сферами. Кроме того, видится

усиленный синергетический эффект от сотрудничества креатосферы с цифровой и когнитивной сферами, когда креативные идеи получают научное обоснование и поддержку цифровыми технологиями и платформами.

Таким образом, сформулированные управленческие решения на основе развернутой модели компенсационного гомеостата способны обеспечить развитие креатосферы и человекоориентированной экономики в целом.

Проведенное исследование позволило определить концептуальные направления по управлению креатосферой как системой, имеющей взаимосвязанные блоки и связи между ними. Данная разработка автора отличается от имеющихся в литературе. Предложения представителей научного сообщества в области развития креатосферы основываются либо на повторении управленческих действий, используемых другими государствами, имеющими положительный опыт стимулирования ее развития (в основном это политика Великобритании, США, Германии, Франции, Индии, Китая и т.д.)⁴ [Имаева и др. 2021], либо на формировании управления отдельными аспектами креатосферы (креативный менеджмент [Xu, Rickards 2007], формирование креативного класса [Семеркова, Седлецкий 2020], конструирование креативного пространства [Прохоров 2021], нормативно-правовое регулирование [Масальцева 2023], особенно в отношении благ, создаваемых креатосферой, и т. д.). В то время как предложения автора носят комплексный характер, нацелены на долгосрочную перспективу и основаны на фактическом состоянии креатосферы в Российской Федерации.

Соответственно, среди основных направлений адресных мер развития креатосферы человекоориентированной экономики России можно выделить следующие: стимулирование креативной деятельности в структурных элементах человекоцентричной экономики через предоставление грантов, субсидий и прочих мер финансовой поддержки; обеспечение кооперации креатосферы со смежными сферами человекоориентированной экономики; создание и развитие креативной инфраструктуры; формирование профессионального креативного класса; формирование культуры креатива; обеспечение роста инновационной активности; поддержка патентования и коммерциализации идей; создание «единого окна» поддержки креаторов в виде цифровой платформы; тотальное формирование компетенций в области креативности у разных поколений и категорий граждан; развитие рынка идей; формирование, развитие и удержание высококвалифицированных кадров в рамках культурной сферы, повышение ее информатизации и цифровизации; государственная финансовая поддержка и привлечение частных инвесторов в области сохранения и развития культуры; формирование единого культурного пространства; создание условий для творческой самореализации населения как в области инноваций, так и в культурной сфере; создание институтов синтеза культуры и инноваций; разработка и внедрение статистических показателей, отражающих инновационную активность экономических агентов, функционирующих в составе человекоориентированной экономики; разработка методики оценки развития креатосферы на различных уровнях и др.

Заключение

В процессе проведенного исследования были получены следующие результаты.

Во-первых, на основе развернутой модели компенсационного гомеостата идентифицированы основные блоки креатосферы как системы и определены связи между ними.

Во-вторых, выявлены направления управленческого воздействия на ресурсное обеспечение: формирование креативного класса, креативных пространств и коммуникационных площадок

⁴ Атлас креативных индустрий в Российской Федерации. Москва: Центр городских компетенций АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов», 2021.

для полноценного раскрытия и функционирования творческого человека; перераспределение человеческих, материальных и информационных ресурсов региональными органами власти в пользу культурной и инновационной сфер для стимулирования их развития как индивидуально, так и в синтезе друг с другом.

В-третьих, определены направления регулирования связей в развернутой модели компенсационного гомеостата: формирование качественных и эффективных каналов распространения управленческого воздействия; создание институтов синтеза культуры и инноваций; разработка и внедрение статистических показателей, отражающих инновационную активность в природной, материальной сферах, сфере услуг, социальной сфере, инфосфере, цифровой сфере, креатосфере и когнитивной сфере как составных элементах человекоориентированной экономики; разработка методики оценки развития креатосферы для обеспечения эффективной обратной связи и устранения выявленной региональной дифференциации.

В-четвертых, определены направления дополнительного влияния на креатосферу: формирование целевых ориентиров развития креатосферы на уровне федеральных органов власти повышает заинтересованность в развитии последней; возможность как стимулирования, так и ограничения креатосферы субъектами, оказывающими косвенное влияние на нее.

В-пятых, определена роль сильной креатосферы в развитии человекоориентированной экономики в целом.

Теоретическую ценность данное исследование представляет с точки зрения того, что разработанные положения могут быть использованы для дальнейшего построения полноценной теории человекоориентированной экономики, а практическая значимость полученных результатов заключается в том, что предложенные концептуальные основы управления развитием креатосферы могут служить базой для формирования адресных мер поддержки данной сферы и человекоцентричной экономики.

Список литературы:

Бернович П.А. Креативная экономика как способ решения текущих проблем человечества // Экономические и социальные проблемы России. 2022. № 4(52). С. 16–29. DOI: [10.31249/espr/2022.04.01](https://doi.org/10.31249/espr/2022.04.01)

Бузгалин А.В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7(399). С. 43–53. DOI: [10.7868/S0132162517070054](https://doi.org/10.7868/S0132162517070054)

Горский Ю.М., Степанов А.М., Теслинов А.Г. Гомеостатика: гармония в игре противоречий. Иркутск: Репроцентр А1, 2008.

Данильченко А.В., Бертош Е.В., Док Хи О. Креативная экономика как высшая форма развития постиндустриального общества // Экономическая наука сегодня. 2017. № 6. С. 16–25.

Имаева Г.Р., Сушко Е.Ю., Гильдебрандт И.А., Спиридонова Л.В., Баймуратова Л.Р. Вклад цифровых платформ в развитие креативных индустрий и поддержку креативного предпринимательства. М.: Издательство НАФИ, 2021.

Клоудова Й. Влияние развития креативной экономики на экономически отсталые регионы // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 5(5). С. 109–124.

Логунцова И.В. Особенности креативной экономики Китая // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 98. С. 21–30. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-98-21-30](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-98-21-30)

Масальцева А.И. Культура как основа креативной (инновационной) экономики // Копирайт. Вестник Академии интеллектуальной собственности. 2023. № 2. С. 18–30.

Махалин В.Н. Управление креативным классом: зарубежный и отечественный опыт // Вестник университета. 2015. № 1. С. 146–150.

- Махалина О.М., Махалин В.Н. Инновационная или креативная экономика в современной России? Подходы к управлению // Вестник университета. 2014. № 21. С. 37–39.
- Михайлова А.В. Цифровая и креативная экономика в современном пространстве // Креативная экономика. 2018. Т. 12. № 1. С. 29–42. DOI: [10.18334/ce.12.1.38783](https://doi.org/10.18334/ce.12.1.38783)
- Михайлова А.В., Шкурко Н.С. Роль креативных пространств и креативного туризма в регионах Российской Федерации для формирования креатосферы // Креативная экономика. 2023. Т. 7. № 8. С. 2873–2886. DOI: [10.18334/ce.17.8.118767](https://doi.org/10.18334/ce.17.8.118767)
- Насырова С.И. Новый подход к исследованию уровня развития креатосферы человеко-ориентированной экономики в России // Russian Journal of Economics and Law. 2024. Т. 18. № 3. С. 593–618. DOI: [10.21202/2782-2923.2024.3.593-618](https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.593-618)
- Насырова С.И. Эволюционные аспекты экономики, ориентированной на человека, в категориально-системной методологии // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2021. № 6. С. 202–223. DOI: [10.38050/0130010520216.10](https://doi.org/10.38050/0130010520216.10)
- Ощепкова Д.С. Интеллектуальная собственность как базовая категория креатосферы // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2016. № 5(61). С. 294–301.
- Павлов М.Ю. Трансформация потребностей, ценностей и мотивации человека при переходе к нооэкономике // Экономическое возрождение России. 2021. № 3(69). С. 134–143. DOI: [10.37930/1990-9780-2021-3-69-134-143](https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-3-69-134-143)
- Прохоров С.И. Формирование креативного пространства в современном мегаполисе // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 1(24). С. 100–110. DOI: [10.28995/2073-6401-2021-1-100-110](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-1-100-110)
- Семеркова Л.Н., Седлецкий А.В. Управление системой воспроизводства креативного класса в постиндустриальном обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2020. № 1(53). С. 104–112. DOI: [10.21685/2072-3016-2020-1-9](https://doi.org/10.21685/2072-3016-2020-1-9)
- Сургуладзе В.Ш. Кризис креативной экономики в условиях урбанизации и экономического неравенства информационного общества // США и Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 10. С. 80–97. DOI: [10.31857/S2686673022100066](https://doi.org/10.31857/S2686673022100066)
- Счисляева Е.Р., Макиева И.В. Особенности функционирования сети организаций креативных индустрий // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. Т. 1. № 145. С. 77–82.
- Темербулатова Ж.С., Жупарова А.С., Нусупаева А.А. Статистика в области креативных индустрий: обзор методологических основ // Экономика: стратегия и практика. 2020. Т. 15. № 4. С. 139–146.
- Bagwell S. Creative Clusters and City Growth // Creative Industries Journal. 2008. Vol. 1. Is. 1. P. 31–46. DOI: [10.1386/cij.1.1.31_1](https://doi.org/10.1386/cij.1.1.31_1)
- Berry C.R., Glaeser E.L. The Divergence of Human Capital Levels across Cities // Papers in Regional Science. 2005. Vol. 84. Is. 3. P. 407–444. DOI: [10.1111/j.1435-5957.2005.00047.x](https://doi.org/10.1111/j.1435-5957.2005.00047.x)
- Chapain C., Cooke P., De Propriis L., Mac Neill S., Mateos-Garcia J. Creative Clusters and Innovation. London: NESTA, 2010.
- Comunian R., England L. Creative and Cultural Work Without Filters: Covid-19 and Exposed Precarity in the Creative Economy // Cultural Trends. 2020. Vol. 29. Is. 2. P. 112–128. DOI: [10.1080/09548963.2020.1770577](https://doi.org/10.1080/09548963.2020.1770577)
- Levickaitė R. Four Approaches to the Creative Economy: General Overview // Business, Management and Education. 2011. Vol. 9. Is. 1. P. 81–92. DOI: [10.3846/bme.2011.06](https://doi.org/10.3846/bme.2011.06)
- Markusen A., Wassall G.H., DeNatale D., Cohen R. Defining the Creative Economy: Industry and Occupational Approaches // Economic Development Quarterly. 2008. Vol. 22. Is. 1. P. 24–45. DOI: [10.1177/0891242407311862](https://doi.org/10.1177/0891242407311862)

Mikhailova A., Vinokurova U. The Relation to Calls and Threats in the Arctic in the Context of Creatosphere (Kreatosfera) // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018: Conference proceedings. Albena, Bulgaria: STEF92 Technology Limited, 2018. Vol. 5. Is. 3.3. P. 953–958. DOI: [10.5593/sgemsocial2018/3.3/S12.122](https://doi.org/10.5593/sgemsocial2018/3.3/S12.122)

Randi R. Creative Economic Governance in Tanjung Medang Village // Proceedings of International Interdisciplinary Conference on Sustainable Development Goals (IICSDGs). 2020. Vol. 3. Is. 2. P. 28–32.

Shapiro J.M. Smart Cities: Quality of Life, Productivity, and the Growth Effects of Human Capital // Review of Economics and Statistics. 2006. Vol. 88. Is. 2. P. 324–335. DOI: [10.1162/rest.88.2.324](https://doi.org/10.1162/rest.88.2.324)

Xu F., Rickards T. Creative Management: A Predicted Development from Research into Creativity and Management // Creativity and Innovation Management. 2007. Vol. 16. Is. 3. P. 216–228. DOI: [10.1111/j.1467-8691.2007.00445.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-8691.2007.00445.x)

Zhao K., Zhang Y., Zhao J., Li X. Understanding Contributions of the Creative Class to Sustainable Economic Growth in China // Sustainability. 2020. Vol. 12. Is. 4. DOI: [10.3390/su12041304](https://doi.org/10.3390/su12041304)

References:

Bagwell S. (2008) Creative Clusters and City Growth. *Creative Industries Journal*. Vol. 1. Is. 1. P. 31–46. DOI: [10.1386/cij.1.1.31_1](https://doi.org/10.1386/cij.1.1.31_1)

Bernovich P.A. (2022) Creative Economy as a Way to Solve the Current Problems of Mankind. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye problemy Rossii*. No. 4(52). P. 16–29. DOI: [10.31249/espr/2022.04.01](https://doi.org/10.31249/espr/2022.04.01)

Berry C.R., Glaeser E.L. (2005) The Divergence of Human Capital Levels across Cities. *Papers in Regional Science*. Vol. 84. Is. 3. P. 407–444. DOI: [10.1111/j.1435-5957.2005.00047.x](https://doi.org/10.1111/j.1435-5957.2005.00047.x)

Buzgalin A.V. (2017) Creative Economy: Private Intellectual Property or Ownership by Everybody of Everything? *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 7(399). P. 43–53. DOI: [10.7868/S0132162517070054](https://doi.org/10.7868/S0132162517070054)

Chapain C., Cooke P., De Propriis L., Mac Neill S., Mateos-Garcia J. (2010) *Creative Clusters and Innovation*. London: NESTA.

Comunian R., England L. (2020) Creative and Cultural Work Without Filters: Covid-19 and Exposed Precarity in the Creative Economy. *Cultural Trends*. Vol. 29. Is. 2. P. 112–128. DOI: [10.1080/09548963.2020.1770577](https://doi.org/10.1080/09548963.2020.1770577)

Danilchenko A.V., Bertosh E.V., Doc Chi O. (2017) Creative Economy as the Highest Form of Development of the Postindustrial Society. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. No. 6. P. 16–25.

Gorsky Y.M., Stepanov A.M., Teslinov A.G. (2008) *Gomeostatika: garmoniya v igre protivorechiy* [Homeostatics: Harmony in the game of contradictions]. Irkutsk: Reprocenter A1.

Imaeva G.R., Sushko E.Yu., Gil'debrandt I.A., Spiridonova L.V., Baimuratova L.R. (2021) *Vklad tsifrovyykh platform v razvitie kreativnykh industriy i podderzhku kreativnogo predprinimatel'stva* [Contribution of digital platforms into the development of creative industries and support of creative entrepreneurship]. Moscow: Izdatel'stvo NAFI.

Kloudova J. (2010) Expanse Creative Economy and Its Impact on the Less Developed Regions. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*. No. 5(5). P. 109–124.

Levickaitė R. (2011) Four Approaches to the Creative Economy: General Overview. *Business, Management and Education*. Vol. 9. Is. 1. P. 81–92. DOI: [10.3846/bme.2011.06](https://doi.org/10.3846/bme.2011.06)

Loguntsova I.V. (2023) Special Features of China's Creative Economy. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik*. No. 98. P. 21–30. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-98-21-30](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-98-21-30)

Makhalin V.N. (2015) Management of the Creative Class: Foreign and Domestic Experience. *Vestnik universiteta*. No. 1. P. 146–150.

Makhalina O.M., Makhalin V.N. (2014) Is the Modern Russian Economy Innovative or Creative? Approaches to Management. *Vestnik universiteta*. No. 21. P. 37–39.

- Markusen A., Wassall G.H., DeNatale D., Cohen R. (2008) Defining the Creative Economy: Industry and Occupational Approaches. *Economic Development Quarterly*. Vol. 22. Is. 1. P. 24–45. DOI: [10.1177/0891242407311862](https://doi.org/10.1177/0891242407311862)
- Masaltseva A.I. (2023) Culture as the Basis of the Creative (Innovative) Economy. *Kopirayt. Vestnik Akademii intellektual'noy sobstvennosti*. No. 2. P. 18–30.
- Mikhailova A., Vinokurova U. (2018) The Relation to Calls and Threats in the Arctic in the Context of Creatosphere (Kreatosfera). *5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018: Conference proceedings*. Albena, Bulgaria: STEF92 Technology Limited. Vol. 5. Is. 3.3. P. 953–958. DOI: [10.5593/sgemsocial2018/3.3/S12.122](https://doi.org/10.5593/sgemsocial2018/3.3/S12.122)
- Mikhaylova A.V. (2018) Digital and Creative Economy in the Modern Space. *Kreativnaya ekonomika*. Vol. 12. No. 1. P. 29–42. DOI: [10.18334/ce.12.1.38783](https://doi.org/10.18334/ce.12.1.38783)
- Mikhaylova A.V., Shkurko N.S. (2023) The Role of Creative Spaces and Creative Tourism in Russian Regions in Creatosphere Formation. *Kreativnaya ekonomika*. Vol. 17. No. 8. P. 2873–2886. DOI: [10.18334/ce.17.8.118767](https://doi.org/10.18334/ce.17.8.118767)
- Nasyrova S.I. (2021) Evolutionary Aspects of the Human-Oriented Economy in the Categorical-System Methodology. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*. No. 6. P. 202–223. DOI: [10.38050/0130010520216.10](https://doi.org/10.38050/0130010520216.10)
- Nasyrova S.I. (2024) New Approach to Researching the Development Level of the Creatosphere in Human-Centered Economy in Russia. *Russian Journal of Economics and Law*. Vol. 18. No. 3. P. 593–618. DOI: [10.21202/2782-2923.2024.3.593-618](https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.593-618)
- Oshchepkova D.S. (2016) Intellectual Property as a Basis Category of Kreatosfera. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava*. No. 5(61). P. 294–301.
- Pavlov M.Yu. (2021) The Transformation of Human Needs, Values and Motivation in Transition to Noonomy. *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii*. No. 3(69). P. 134–143. DOI: [10.37930/1990-9780-2021-3-69-134-143](https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-3-69-134-143)
- Prokhorov S.I. (2021) Formation of a Creative Space in a Modern City. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*. No. 1(24). P. 100–110. DOI: [10.28995/2073-6401-2021-1-100-110](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-1-100-110)
- Randi R. (2020) Creative Economic Governance in Tanjung Medang Village. *Proceedings of International Interdisciplinary Conference on Sustainable Development Goals (IICSDGs)*. Vol. 3. Is. 2. P. 28–32.
- Schislyaeva E.R., Makieva I.V. (2024) Functioning Features of the Creative Industries Organizations Network. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. Vol. 1. No. 145. P. 77–82.
- Semerikova L.N., Sedletskiy A.V. (2020) Management of the Reproduction System of the Creative Class in a Post-Industrial Society. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki*. No. 1(53). P. 104–112. DOI: [10.21685/2072-3016-2020-1-9](https://doi.org/10.21685/2072-3016-2020-1-9)
- Shapiro J.M. (2006) Smart Cities: Quality of Life, Productivity, and the Growth Effects of Human Capital. *Review of Economics and Statistics*. Vol. 88. Is. 2. P. 324–335. DOI: [10.1162/rest.88.2.324](https://doi.org/10.1162/rest.88.2.324)
- Surguladze V.Sh. (2022) Crisis of the Creative Economy: Socio-Political Risks of Urbanization and Economic Inequality of the Information Society. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. No. 10. P. 80–97. DOI: [10.31857/S2686673022100066](https://doi.org/10.31857/S2686673022100066)
- Temerbulatova Zh.S., Zhuparova A.S., Nussyupayeva A.A. (2020) Statistics in the Field of Creative Industries: Review of Methodological BasIs. *Ekonomika: strategiya i praktika*. Vol. 15. No. 4. P. 139–146.
- Xu F., Rickards T. (2007) Creative Management: A Predicted Development from Research into Creativity and Management. *Creativity and Innovation Management*. Vol. 16. Is. 3. P. 216–228. DOI: [10.1111/j.1467-8691.2007.00445.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-8691.2007.00445.x)
- Zhao K., Zhang Y., Zhao J., Li X. (2020) Understanding Contributions of the Creative Class to Sustainable Economic Growth in China. *Sustainability*. Vol. 12. Is. 4. DOI: [10.3390/su12041304](https://doi.org/10.3390/su12041304)

Плавающая атомная теплоэлектростанция как драйвер устойчивого развития городов Арктики (на примере Певека)

Никоноров Сергей Михайлович

Доктор экономических наук, профессор, SPIN-код РИНЦ: [7726-2092](#), ORCID: [0000-0002-8205-2140](#), nico.73@mail.ru

Экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Куликова Анастасия Николаевна¹

Аспирант, SPIN-код РИНЦ: [8368-0517](#), ORCID: [0009-0001-9016-1531](#), kulikova-anastacia@yandex.ru

Экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

В условиях переориентации российской экономики на азиатский рынок растет значимость Арктической зоны как транспортно-логистической базы на Северном морском пути — кратчайшем судоходном маршруте между европейской частью России и странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Однако со времен постсоветского периода большинство городов Арктики находится в упадке. В статье оценивается, какое влияние на муниципальную экономику малого арктического города может оказать реализация такого инвестиционного проекта, как создание и ввод в эксплуатацию плавучей атомной теплоэлектростанции. Исследование проведено на примере городского округа Певек. Цель работы — определить изменение социо-эколого-экономического положения города благодаря запуску плавучей атомной теплоэлектростанции. Исследование выполнено в контексте Концепции устойчивого развития территорий. С помощью методов ретроспективного анализа и дескриптивной статистики проведена оценка показателей, иллюстрирующих состояние социальной, экологической и экономической сфер города. Создание новых высокооплачиваемых и высокотехнологичных рабочих мест на теплоэлектростанции, приглашение на них квалифицированных специалистов из других регионов России компенсировали миграционный отток из Певека и стали причиной роста численности населения. Увеличение заработных плат привело к росту среднедушевых доходов жителей и снижению доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. Повышение уровня устойчивости местного бюджета за счет налога на доходы физических лиц позволило увеличить расходы бюджета, в том числе на улучшение городской среды и повышение качества жизни населения всего города. Исследование показывает, что возрождение Арктики возможно только благодаря эффективной государственной политике, направленной на сотрудничество с корпорациями, так как собственных ресурсов малых городов недостаточно для восстановления их экономики. Одним из новейших на сегодня решений, которое может вдохнуть новую жизнь в малые города региона, является привлечение такого крупного инвестора, как ГК «Росатом», и реализация проектов по размещению плавучих теплоэлектростанций.

Ключевые слова

Социо-эколого-экономический анализ, устойчивое развитие, плавучая атомная теплоэлектростанция, доходы населения, местный бюджет, малый город, Арктика, Певек, «Росатом».

Для цитирования

Никоноров С.М., Куликова А.Н. Плавающая атомная теплоэлектростанция как драйвер устойчивого развития городов Арктики (на примере Певека) // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 107. С. 90–101. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-90-101

Floating Nuclear Power Plant as a Driver for the Sustainable Development of Arctic Cities (on the Example of Pevek)

Sergey M. Nikonorov

DSc (Economics), Professor, ORCID: [0000-0002-8205-2140](#), nico.73@mail.ru

Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Anastasiia N. Kulikova²

Postgraduate student, ORCID: [0009-0001-9016-1531](#), kulikova-anastacia@yandex.ru

Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

In the context of the reorientation of the Russian economy to the Asian market, the importance of the Arctic zone is increasing, since it is a transport and logistics base on the Northern Sea Route, which is the shortest shipping route between the European part of Russia and the countries of the Asia-Pacific region. However, since the post-Soviet period, most Arctic cities and towns have been in decline. The article assesses what impact the implementation of such an investment project as the creation and commissioning of a floating nuclear power plant can have on the municipal economy of an Arctic town. The study was conducted on the example of Pevek. The aim of the work is to determine the changes in the socio-economic situation of the town due to the launch of

¹ Корреспондирующий автор.

² Corresponding author.

the floating nuclear power plant. The study was completed in the context of the Concept of Sustainable development of territories. Using the methods of retrospective analysis and descriptive statistics, an assessment of indicators illustrating the state of the social, environmental and economic spheres of the town was carried out. The creation of new high-paying and high-tech jobs at the nuclear power plant, the attraction of qualified specialists from other regions of Russia to them compensated for the migration outflow from Pevek and caused population growth. The wage growth caused an increase in the average per capita income of residents and a decrease in the proportion of the population with monetary incomes below the subsistence level. Raising the level of the local budget sustainability at the expense of the personal income tax has allowed increasing budget expenditures, including on improving the urban environment and the quality of life of the entire city population. The study shows that the revival of the Arctic is possible only due to an effective government policy aimed at cooperation with corporations, since towns' own resources are not enough to restore their economies. One of the newest solutions, which can breathe new life into Arctic towns, is the attraction of such a large investor as Rosatom State Corporation and the implementation of projects for the placement of floating nuclear power plants.

Keywords

Socio-ecological-economic analysis, sustainable development, floating nuclear power plant, income, local budget, town, Arctic, Pevek, ROSATOM.

For citation

Nikonorov S.M., Kulikova A.N. (2024) Floating Nuclear Power Plant as a Driver for the Sustainable Development of Arctic Cities (on the Example of Pevek). *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 107. P. 90–101. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-90-101

Дата поступления/Received: 30.06.2024

Введение

Более четверти территории России находится в Арктической зоне, то есть районе, омываемом морями Северного Ледовитого океана и примыкающем непосредственно к Северному полюсу. Однако из-за сурового климата здесь проживает всего 1,6% населения нашей страны (2,4 млн человек на начало 2023 года)³. Арктическая зона охватывает 9 субъектов Российской Федерации: Республики Карелия, Коми, Саха (Якутия), Красноярский край, Архангельскую и Мурманскую области, Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа. Последние четыре региона относятся к Арктической зоне полностью. В 2022 году доля валового регионального продукта (ВРП), произведенного здесь, в суммарном валовом региональном продукте субъектов Российской Федерации составила 6,6%. Для сравнения: аналогичный показатель по Дальневосточному федеральному округу — 6,2%, по Сибирскому федеральному округу — 9,3%⁴. Отношение ВРП к численности населения в Арктике в 4,3 раза выше, чем на остальной территории России⁵. Здесь находятся богатые запасы природных ископаемых, проживают коренные малочисленные народности и пролегает Северный морской путь — кратчайший судоходный маршрут, связывающий европейскую часть России с Дальним Востоком. Важность Арктики тяжело переоценить, поэтому в целях обеспечения интересов России данная территория была оформлена в особую зону, а ее границы закреплены указом Президента РФ⁶, что в дальнейшем позволило разработать «Стратегию развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года»⁷, государственную программу «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»⁸, а также ряд других документов, регламентирующих экономическую деятельность в Арктике.

³ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 30.06.2024).

⁴ Рассчитано авторами по: Валовой региональный продукт в основных ценах (ОКВЭД 2) // ЕМИСС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61497> (дата обращения: 30.06.2024).

⁵ Рассчитано авторами по: Валовой региональный продукт в основных ценах (ОКВЭД 2) // ЕМИСС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61497>; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 30.06.2024).

⁶ Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162553 (дата обращения: 15.06.2024).

⁷ Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/566091182> (дата обращения: 15.06.2024).

⁸ Постановление Правительства РФ от 30 марта 2021 года № 484 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/603154509> (дата обращения: 15.06.2024).

Арктическая зона обладает рядом особенностей, которые препятствуют применению к ее социально-экономическому развитию подходов, используемых на остальной территории России. Прежде всего, это суровые природно-климатические условия — основная причина низкого развития инфраструктуры, в том числе транспортной системы. Если в европейской части российской Арктики автомобильная и железнодорожная сети хотя и изношены, но достаточно развиты, то в ее сибирской и дальневосточной частях наземная транспортная система практически отсутствует. Сообщение между населенными пунктами осуществляется воздушным транспортом, значительную роль в обеспечении жителей продовольствием, а предприятий необходимыми ресурсами в период короткой летней навигации играет водный транспорт [Серова, Серова 2021]. В связи с этим важное значение для социально-экономического развития Арктики имеют инвестиции в Северный морской путь и портовую инфраструктуру.

Еще одна особенность региона связана с тем, что основная хозяйственная деятельность здесь — добыча природных ресурсов — происходит в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера. Некоторые промышленные предприятия — резиденты Арктической зоны учитывают интересы местного сообщества и налаживают с ним партнерские отношения [Потравная 2022], однако зачастую все же возникают конфликтные ситуации в вопросах природопользования, сохранения и рекультивации природной среды [Иванова, Литвинов 2022]. В целях добычи природных ресурсов происходит изъятие земель у коренных народов и пренебрежение их правами на землепользование в местах традиционного обитания, что ведет к маргинализации, криминализации или ассимиляции этих народностей. Согласно Цели устойчивого развития № 16 «Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях», государство обязано поддерживать и защищать коренные народы, не допуская их дискриминации.

Кроме этого, в развитии Арктики необходимо учитывать малый размер поселений и их значительную территориальную удаленность друг от друга, что обуславливает низкую плотность населения. Уровень урбанизации в Арктике на начало 2023 года составил 86,6% (в среднем по России — 74,9%). 57,3% городского населения сконцентрировано всего в 7 населенных пунктах: Архангельске, Мурманске, Норильске, Северодвинске, Новом Уренгое, Ноябрьске и Воркуте. Остальные 42,7% городских жителей Арктики распределены по 77 малым городам, поселкам городского типа и рабочим поселкам, при этом в 50 городах численность жителей не превышает 10 тысяч человек⁹. В 2023 году Президент РФ поручил главам регионов совместно с институтами развития разработать мастер-планы для 16 опорных городов и агломераций Арктической зоны, в перечень также вошли совсем небольшие поселения — Кемь и Беломорск, образующие полицентрическую агломерацию в Республике Карелия, Певек (Чукотский автономный округ), поселки Тикси (Республика Саха) и Диксон (Красноярский край). В условиях санкций Запада для России растет значимость связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, поэтому необходимо возрождать города Арктики, особенно порты Северного морского пути, как транзитные базы в производственно-логистических цепочках [Пилясов 2023].

В условиях значительного износа материальной базы, в том числе инженерной инфраструктуры, и высокой стоимости нового строительства одним из инвестиционных решений для городов Арктики может стать развитие плавучих атомных теплоэлектростанций (ПАТЭС). Отличие таких сооружений заключается в том, что они могут быть собраны в любом регионе страны,

⁹ Рассчитано авторами по: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 30.06.2024).

а затем транспортированы по морю в город постоянной дислокации, где будут снабжать энергией промышленность и домохозяйства, как обычные ТЭС, только пришвартованные к берегу. На данный момент в мире существует лишь одна ПАТЭС — созданная ГК «Росатомом» и находящаяся в Чукотском автономном округе, в городе Певеке. Теплоэлектростанция была построена на заводах Северодвинска (Архангельская область) и Санкт-Петербурга, прошла испытания в Мурманске, а затем в 2019 году была доставлена в Певек и в конце года выдала первую электроэнергию, в мае 2020 года сдана в эксплуатацию, а в июне с ее помощью уже отапливался один из микрорайонов Певека. Мощности ПАТЭС гораздо больше, чем необходимо Певеку, где проживает всего чуть более 4 тысяч человек, с ее помощью можно обеспечить энергией город с численностью населения около 100 тысяч жителей. ПАТЭС в Певеке создана для замещения выбывающих из эксплуатации Билибинской АЭС (работает с 1974 года) и угольной Чаунской ТЭЦ (работает с 1944 года), в том числе для обеспечения энергией горнодобывающих предприятий, работающих на территории Чаун-Билибинской промышленной зоны Чукотки¹⁰. Такой крупный проект, как создание высокотехнологичной ПАТЭС, несомненно, затрагивает не только энергетический сектор, но и оказывает влияние на жизнь всего города.

Цель данного исследования — определить, как изменилось социо-эколого-экономическое положение городского округа Певека благодаря запуску плавучей теплоэлектростанции. Экономические показатели самой ПАТЭС, ее рентабельность и стоимость строительства остаются за рамками нынешнего исследования. В фокусе статьи находится социо-эколого-экономическое положение города как результат управленческих решений государственной власти, заключившей соглашение с «Росатомом» по размещению ПАТЭС на территории Певека. Для достижения цели были рассмотрены следующие группы показателей: демографические; экономические; уровень жизни населения; показатели местного бюджета; качество городской среды и экологическая обстановка.

Объектом исследования был выбран Певек, так как единственная в мире ПАТЭС функционирует именно в этом чукотском городе. Предмет — локальные экономические, социальные и экологические эффекты создания и запуска ПАТЭС. Результаты выражаются как в количественном, так и в качественном изменении исследуемых показателей.

Певек был основан советскими государственными деятелями в 1933 году. Благодаря своему выгодному прибрежному положению получил статус главного поселения в Чаунском районе. Вскоре вблизи Певека были обнаружены месторождения олова и золота, началась добыча этих металлов, что дало толчок к развитию инфраструктуры: проложена дорога, построена Чаунская теплоэлектростанция, протянуты линии электропередач. Благодаря созданию Комсомольского и Певекского горно-обогатительных комбинатов и торгового морского порта разработка богатых месторождений полезных ископаемых осуществлялась интенсивными темпами. Певек начал стремительно развиваться и в 1976 году вошел в 100 лучших городов СССР, а в 1989 году здесь был зарегистрирован пик численности населения — 12915 человек, к этому времени поселение уже имело статус города. Политика советского государства, направленная на освоение регионов Севера, и большие возможности для природопользования за счет обилия ресурсов определили высокий миграционный приток населения в Певек, в особенности молодого, поэтому миграция сопровождалась и естественным приростом. Значимую роль в развитии города и всего района играла геология. Именно благодаря ученым-геологам на территории открывались все новые и новые месторождения природных ресурсов, которые стали основой ее экономического потенциала [Кумо, Литвиненко 2016].

¹⁰ Сайт ПАТЭС // АО «Концерн Росэнергоатом» [Электронный ресурс]. URL: https://www.rosenergoatom.ru/stations_projects/sayt-pates/ (дата обращения: 16.05.2024).

Однако с распадом СССР и переходом к рыночной экономике добыча золота и олова на Чукотке перестала быть рентабельной, в отрасли горнодобывающей промышленности начался спад. В итоге многие добывающие предприятия были закрыты. Отсутствие альтернативных видов занятости и снижение доходов населения привели к массовому миграционному оттоку некоренных жителей. Чаунский район и, в частности, Певек в советский период были заселены преимущественно пришлым населением, поэтому и отток во время кризиса здесь был одним из самых высоких на Чукотке. В 1992 году численность населения Певека была 11900 человек¹¹, а к 2002 году она сократилась более чем в 2 раза — до 5206 человек. Всего же в Чаунском районе на тот момент проживало 6962 человека¹².

С приходом новой власти в начале 2000-х годов в Чукотском АО наметились улучшения: государственную поддержку получили традиционные виды деятельности коренных народов, освоение недр происходило с привлечением иностранных инвесторов, социальная и жилищная инфраструктура были обновлены [Там же]. Принятые меры помогли стабилизировать снижение численности населения. Однако быстрое развитие в Певек уже не вернулось. Тем не менее вместе с Билибинским районом Певек является промышленным центром региона и играет ведущую роль в экономике Чукотского автономного округа.

В 2015 году в Чаунском районе Чукотского автономного округа, куда входили городское поселение Певек и сельские поселения Айон, Биллингс и Рыткучи, была проведена реформа местного самоуправления¹³, согласно которой все поселения района и межселенные территории были объединены в городской округ Певек. При этом границы новообразованного городского округа Певек совпадают с границами Чаунского района.

В статье охватывается десятилетний период развития территории; далее, когда будет говориться о социально-экономическом положении Певека в течение данного временного отрезка, до 2015 года будет иметься в виду территория Чаунского района, а после 2015 года — городской округ Певек, включая Айон, Биллингс и Рыткучи.

Степень разработанности

Вопросами социально-экономического развития городов и регионов Арктики занимаются современные экономисты, географы и исследователи, чьи научные интересы лежат на пересечении этих областей знаний. Большой вклад в изучение текущего состояния и приоритетных мер государственной политики в отношении Арктической зоны сделан А.Н. Пилясовым [Пилясов, Потураева 2021]. Ученый раскрывает тему того, как монопрофильные арктические города могут диверсифицировать свою экономику благодаря статусу опорных населенных пунктов в регионах Крайнего Севера [Пилясов 2023]. Работы Н.Ю. Замятиной также посвящены потенциалу освоения Арктики с учетом ее суровых климатических особенностей и в то же время уникальных северных видов деятельности. Большое значение для арктической экономики исследователь придает интеллектуальным и сервисным видам деятельности [Замятина 2020]. Ключевые направления развития Арктики в контексте международных отношений анализируются К.В. Папеновым и С.М. Никоноровым. Ученые подчеркивают важность триединства природы, человека и производства как базы для комплексного подхода к анализу территории [Папенков,

¹¹ Певек // Народная энциклопедия городов и регионов России «Мой город» [Электронный ресурс]. URL: http://www.mojgorod.ru/chukotsk_ao/pevek/index.html (дата обращения: 16.05.2024).

¹² Всероссийская перепись населения 2002. Чукотский автономный округ // Управление Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу [Электронный ресурс]. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/34870> (дата обращения: 16.05.2024).

¹³ Закон Чукотского автономного округа от 08 июня 2015 года № 50-03 «Об объединении поселений, входящих в состав Чаунского муниципального района, и организации местного самоуправления на объединенной территории» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/428564804> (дата обращения: 15.06.2024).

Никоноров 2020]. Система, разработанная исследователями, находится в контексте Концепции устойчивого развития ООН. Некоторые ученые считают ее новой парадигмой развития общества и экономики и подчеркивают необходимость разработки стратегических приоритетов с опорой на социо-эколого-экономические ориентиры [Бобылев 2020]. Международные организации, органы государственной власти и научное сообщество занимаются разработкой инструментов для адаптации решений, принимаемых на местном уровне, к принципам устойчивого развития. Например, можно выделить статью С.М. Никонорова, С.В. Соловьевой и др., которые описывают механизмы перехода городов и регионов Среднего Поволжья на устойчивое развитие [Никоноров и др. 2020]. Концепция получила продолжение в адаптации ESG-принципов к городам. Наиболее разработанной версией на данный момент является ESG-индекс ВЭБ.РФ, который наравне с существующими индексами устойчивого развития (например, индексом агентства SGM) планируется использовать для оценки и сравнения уровня устойчивости городов России [Самохин, Мясников 2023].

Зарубежных исследований, затрагивающих вопросы развития Крайнего Севера, сравнительно меньше. Часто учеными рассматриваются лишь частные вопросы развития Арктики. Например, возможность участия Китая как крупного энергопотребителя в развитии энергетики в Арктическом регионе [Liu et al. 2023] или зависимость экономического роста и экологического следа, положительное влияние зеленых инноваций на природную среду [Li et al. 2022]. Кроме этого, объектом исследования некоторых иностранных ученых является Северный морской путь, объемы и направления грузоперевозок по нему, тенденции и перспективы развития [Gunnarsson 2021].

Тренд на устойчивое развитие прослеживается и в работах иностранных авторов. Так, японские ученые сделали обзор проекта Arctic Challenge for Sustainability (ArCS), в котором рассматривается три аспекта развития Арктики: экономическая деятельность, взаимодействие населения и природной среды, а также эффективность управления. Исследование проведено на данных России, США (штата Аляски) и Гренландии. Его целью являлось увеличение вклада Японии в решение проблем Арктики [Tabata et al. 2021].

Текущее исследование призвано дополнить научную разработанность темы развития городов российской Арктики оценкой эффектов от создания инновационного объекта энергетической инфраструктуры на социальную, экологическую и экономическую стороны жизни малого северного города. По сравнению с существующими работами новизна статьи заключается в оценке влияния новейшего энергетического проекта — плавучей атомной теплоэлектростанции — на положение городского округа, в частности Певека. Кроме этого, в отличие от вышеупомянутых исследований, данная работа имеет более системный и комплексный взгляд на социо-эколого-экономическое состояние города, охватывая основные сферы его жизни.

Материалы и методы

Основными источниками статистических данных для исследования служат база данных показателей муниципальных образований федеральной службы государственной статистики, отчеты об исполнении бюджета городского округа Певек, официальный сайт [Певека](#), отчеты по экологической безопасности Филиала АО «Концерн Росэнергоатом» «Плавучая атомная теплоэлектростанция», государственные доклады Управления Роспотребнадзора по Чукотскому автономному округу «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Чукотском автономном округе», Индекс качества городской среды Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ. Период сбора данных — 10 лет, с 2013 по 2022 годы, но реформа местного самоуправления, проведенная в 2015 году, накладывает ограничения на анализ некоторых показателей, таких как доходы и расходы местного бюджета. Двухуровневая система

управления, действовавшая в Певеке до 2016 года, подразумевает разделение полномочий между органами местного управления на уровне района и поселений. В связи с этим доходы, расходы и уровень самостоятельности местного бюджета Чаунского района (до 2016 года) и городского округа Певека (с 2016 года) отличаются. Это обуславливает сокращение периода исследования до 2016–2022 годов для анализа бюджетной обеспеченности.

Для оценки демографических изменений в работе используются показатели динамики численности населения, общего коэффициента рождаемости и смертности, миграционного притока, оттока и прироста по направлениям. Экономическое состояние оценивается с помощью показателей объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (по кругу крупных и средних предприятий), среднесписочной численности занятых и средней заработной платы как в среднем по городу, так и отдельно по отраслям. Для анализа уровня жизни населения используются показатели среднедушевых доходов, рассчитанные с помощью данных о налогооблагаемых денежных доходах физических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также социальных и других выплатах. Кроме этого, рассматривается доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. В работе оцениваются структура доходов и расходов местного бюджета, доходы бюджета на одного жителя, объем налогов на доходы физических лиц на одного занятого, расходы на благоустройство. Экологическая ситуация исследуется по данным о выбросах загрязняющих веществ в атмосферу и воду, температуре морской воды в месте дислокации ПАТЭС, а также количестве набранных баллов Певека по блоку «Озелененные пространства» Индекса качества городской среды.

В работе используются методы ретроспективного анализа и дескриптивной статистики, в том числе сравнение показателей со средним по региону и по стране.

Результаты исследования

Певек — промышленный город, основу его экономики составляет отрасль добычи полезных ископаемых. В 2019 году на энергетику приходилось только 7,0% общего объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства). С введением в эксплуатацию ПАТЭС доля энергетики увеличилась сначала до 11,5% в 2020 году, а затем до 17,5% в 2021 году. В абсолютных же величинах объем отгруженных товаров собственного производства в отрасли энергетики увеличился в 3,1 раза в 2020 году и в 5,1 раза в 2021 году по сравнению с 2019 годом.

С 2013 по 2018 годы численность населения Певека снижалась в среднем на 2,2% в год. Строительство береговой инфраструктуры и запуск ПАТЭС потребовали создания новых рабочих мест и привлечения в город трудовых мигрантов. В 2019 году «Росатом» начал набирать сотрудников на теплоэлектростанцию, поэтому в течение 2019–2021 годов в Певеке наблюдался положительный миграционный прирост, люди приезжали как из других регионов России, так и из стран СНГ и Балтии. В результате вектор изменения численности населения повернулся в другую сторону, и число жителей города с 2019 по 2021 годы росло со среднегодовым темпом 2,3%. В 2022 году наблюдалось снижение показателя, но оно было связано с государственной политикой страны, а не качеством жизни в Певеке. Таким образом, благодаря созданию и запуску ПАТЭС численность населения в Певеке увеличилась на 1,5% в первый год с начала строительства инфраструктуры (+77 чел. за 2019 год) и на 9,5% через 3 года (+491 чел. за 2019–2021 годы).

Певек — малый город, собственных демографических ресурсов ему не хватает для воспроизводства населения, поэтому он сильно зависит от миграционных процессов. Положительным моментом является то, что миграцию можно контролировать, например, с помощью запуска

инвестиционных проектов. Строительство ПАТЭС является одним из таких решений. Динамика миграции Певека показывает, что в 2019 году миграционный отток населения сменился притоком, но уже в 2020 году он стал сильно меньше, а приезжие из стран СНГ и Балтии почти в той же численности покинули город. Этот факт иллюстрирует, что строительство, особенно масштабное, может быть так называемой «быстрой победой», способной привлечь людей в город. Однако, чтобы удержать показатель на высоком уровне, необходимо создание новых постоянных рабочих мест. Количество персонала, обслуживающего ПАТЭС, составляет около 300 человек¹⁴, и для Певека, как и для других 49 городов Арктики с численностью населения менее 10 тысяч человек, это значительный прирост в кадрах и в жителях.

Повысить привлекательность города для мигрантов также помогут высокие среднедушевые доходы, тем более в условиях Арктики. До запуска ПАТЭС доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в Певеке была выше 15%. Новые высокооплачиваемые рабочие места на теплоэлектростанции позволили снизить данный показатель на 7,3 п.п. (с 15,6% до 8,3%).

Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в Чукотском АО выше, чем в среднем по стране в 1,6–1,7 раза. Высокая стоимость жизни на Севере требует высоких заработных плат и социальных выплат, поэтому среднедушевые денежные доходы населения на Чукотке традиционно выше, чем в среднем по России. Певек выделяется на фоне региона большей долей занятого населения, при этом работают здесь не только жители в трудоспособном возрасте, но и пенсионеры (доля занятых пенсионеров в Певеке в 2022 году составила 76,9%, а в среднем по региону — 42,7%). В целом в Чукотском АО есть муниципальные образования с гораздо меньшей долей занятых, то есть можно сказать, что Певек — это город рабочих. В связи с этим среднедушевые денежные доходы в городе еще выше, чем в среднем по региону (с учетом разницы в уровне цен в 2021 году они в 1,7 раза выше, чем в среднем по Чукотке, и в 2,7 раза — чем в среднем по России). Такой выдающейся разницы удалось добиться в том числе благодаря запуску ПАТЭС: в 2019 году, до ее запуска, разрыв со средним по стране был в 2,3 раза, что тоже является высоким показателем, но все же ниже, чем стало после ввода в эксплуатацию плавучей АЭС.

Хотя сотрудники приступили к работе на ПАТЭС уже в 2020 году, в связи с тем, что теплоэлектростанция была поставлена на кадастровый учет и зарегистрирована в Певеке в конце 2020 года, эффекты на рынке труда стало возможным оценить только с 2021 года. Средняя заработная плата в отрасли энергетики выросла в 2,0 раза — с 112,7 до 226,3 тыс. рублей, а среднесписочная численность работников по кругу средних и крупных предприятий — в 2,4 раза (с 334 до 791 человек). В результате средняя заработная плата по городу тоже выросла на 23,5% в 2021 году по сравнению с 2020 годом.

Строительство и ввод в эксплуатацию ПАТЭС оказали влияние также и на местный бюджет. Чукотский АО относится к дотационным регионам России. В Певеке на протяжении 2016–2022 годов доля безвозмездных поступлений в местный бюджет составляла от 66,0% до 84,8%. Основные трансферты — это субсидии на мероприятия по реконструкции наружных сетей тепло- и водоснабжения, а также подключение жилищного фонда к сетям инженерной инфраструктуры, что связано в том числе с введением в эксплуатацию ПАТЭС и подключением домохозяйств к плавучему энергоблоку. В течение исследуемого периода самый большой объем финансовой помощи был направлен Певеку именно в 2020 году, что, с одной стороны, иллюстрирует объем инженерных работ в данном направлении, а с другой — искажает положительное влияние запуска ПАТЭС на местный

¹⁴ Клименко К.А. Плавучая атомная теплоэлектростанция // Международный форум «Арктические проекты — сегодня и завтра». 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.sozvezdye-forum.ru/images/prez_2020/Klimenko_KA.pdf (дата обращения: 16.05.2024).

бюджет в части роста объема налога на доходы физических лиц (НДФЛ). Если же более пристально обратить внимание именно на НДФЛ в бюджете Певека, то можно заметить, что в 2020 году их объем в пересчете на одного занятого (по кругу крупных и средних предприятий) вырос на 21,1%, при том что за год до этого прирост составил лишь 8,5%. Рост объема НДФЛ — один из способов увеличения устойчивости местного бюджета¹⁵, поэтому проекты с созданием новых высокооплачиваемых рабочих мест, каким для Певека является запуск ПАТЭС, оказывают положительное влияние на снижение зависимости от финансовой помощи извне.

В целом доходы бюджета на одного жителя Певека с 2016 по 2019 годы падали. В 2019 году произошел рост показателя на 41,3%, а в 2020 году — уже на 98,4%, но, как уже было замечено, ввиду высокого уровня дотационности бюджета данный рост был больше обусловлен субсидиями из бюджетов верхних уровней, чем приростом НДФЛ. Тем не менее расходы на благоустройство городской среды в период 2020–2021 годов все же увеличивались. Если до 2019 года включительно они составляли в среднем 6,9 тыс. рублей на одного жителя в год, то в 2020 году — 12,3 тыс. рублей, а в 2021 году — 15,6 тыс. рублей на человека в год. Несмотря на сложности с городским озеленением в условиях Арктики, согласно [Индексу](#) качества городской среды, оценка Певека по блоку «Озелененные пространства» в 2020 году выросла на 6 баллов по сравнению с предыдущим годом.

Положительный экологический эффект, несомненно, оказывает и то, что ПАТЭС призвана заменить угольную Чаунскую ТЭЦ — старейшую станцию в Чукотском АО, введенную в эксплуатацию в 1944 году и расположенную в зоне жилой застройки Певека. Чаунская ТЭЦ является основным загрязнителем воздуха в городе. Хотя специалисты оценивают уровень ее выбросов в атмосферу как допустимый¹⁶, жители Певека периодически жалуются в социальных сетях на черное небо над городом¹⁷. Вывод из эксплуатации сильно изношенной ТЭЦ и замещение ее на ПАТЭС смогут оказать положительное влияние на качество и восприятие воздуха в городе.

При предельно допустимых выбросах 51,1 тонны в год выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от ПАТЭС в 2020 году составили 31,9 тонны, в 2021 году — 50,8 тонны, а в 2022 году в связи с инвентаризацией источников выбросов были снижены до 11,6 тонны¹⁸. Сбросы загрязняющих веществ в воду также находятся в пределах допустимых значений. Негативным моментом является лишь то, что для охлаждения паротурбинной установки ПАТЭС использует забортную воду, которую затем сбрасывает обратно, из-за чего ее температура вокруг станции поднимается до +4°C¹⁹. Среднегодовая температура воды на побережье Певека составляет -0,5°C²⁰, и ее повышение может отрицательно сказаться на местном биоценозе, а также привести к протаиванию мерзлых грунтов [Хвостова 2018].

Кроме этого, при разработке будущих документов стратегического планирования необходимо учитывать, что ПАТЭС относится к I категории (самой высокой) потенциальной радиационной опасности. Это значит, что при аварии на производстве радиационное воздействие распространится не только на работников, но и на население в округе, и могут потребоваться меры

¹⁵ Богатство и самостоятельность: что делает бюджет города устойчивым // ООО «КБ Стрелка» [Электронный ресурс]. URL: <https://citybudget.strelka-kb.com> (дата обращения: 14.05.2024).

¹⁶ Государственные доклады «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Чукотском автономном округе» за 2013–2022 годы // Управление федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Чукотскому автономному округу [Электронный ресурс]. URL: <http://87.rosпотребнадзор.ru/index.php/politics/materialy-k-gosudarstvennym-dokladam> (дата обращения: 16.05.2024).

¹⁷ Энергетики опровергли слухи о «черном дыме» Чаунской ТЭЦ // Информационное агентство «Чукотка» [Электронный ресурс]. URL: <https://anadyr.org/pub/energetiki-oprovergli-sluhi-o-chernom-dyme-chaunskoi-tets> (дата обращения: 16.05.2024).

¹⁸ Отчет по экологической безопасности Филиала АО «Концерн Росэнергоатом» «Плавучая атомная теплоэлектростанция» за 2022 год // АО «Концерн Росэнергоатом» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosenergoatom.ru/upload/iblock/35b/35b00bbcd5d6d9cb751082d0d180645a.pdf> (дата обращения 14.05.2024).

¹⁹ Отчет по экологической безопасности ПАТЭС за 2020 год // АО «Концерн Росэнергоатом» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosenergoatom.ru/upload/iblock/9f4/9f4abc61103e8f79ff1ffc5d08fb3461.PDF> (дата обращения 14.05.2024).

²⁰ Певек. Температура морской воды в Певеке сегодня // Sea Temperature [Электронный ресурс]. URL: <https://seatemperature.ru/current/russia/pevek-chukotskiy-avtonomnyy-okrug-russia-sea-temperature> (дата обращения: 15.05.2024).

по его защите. На данный момент «Росатом»²¹ и ученые²² отмечают, что радиоактивное воздействие на население и окружающую среду находится в пределах допустимых норм.

Заключение

В статье были рассмотрены социальные, экономические и экологические аспекты влияния ПАТЭС на развитие Певека. Удалось установить, что в условиях сильной зависимости города от миграционного прироста запуск теплоэлектростанции стал причиной роста численности населения. В структуре промышленности городского округа усилилась специализация отрасли энергетики. Мощности введенной ПАТЭС хватает не только на энергообеспечение жителей и предприятий Певека — теплоэлектростанция обеспечивает энергией также соседний Билибинский район. Создание новых высокопроизводительных и высокооплачиваемых рабочих мест благоприятно повлияло на среднедушевые доходы жителей. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума упала почти в 2 раза. Кроме этого, увеличение фонда оплаты труда повысило устойчивость местного бюджета и его доходов в пересчете на одного жителя. В свою очередь, рост доходов позволил увеличить расходы, в том числе на благоустройство городской среды. Таким образом, создание ПАТЭС привело к улучшению качества жизни населения Певека, его привлекательности и увеличению уровня устойчивого развития.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии темы социо-эколого-экономического анализа территории, оценке влияния инновационных энергетических проектов на основные показатели муниципального образования. Работа проведена в контексте Концепции устойчивого развития, которая на сегодняшний день является наиболее современным направлением экономической мысли. На практике результаты исследования могут быть использованы органами государственной власти в качестве успешных примеров для оценки эффективности будущих проектов размещения плавучих атомных теплоэлектростанций в малых городах Арктики. Дальнейшее развитие темы возможно при рассмотрении влияния ПАТЭС на положение города в более длительном периоде, а также уточнение результатов при создании аналогичных теплоэлектростанций в других населенных пунктах России и за рубежом.

Список литературы:

Бобылев С.Н. Устойчивое развитие: новое видение будущего? // Вопросы политической экономии. 2020. № 1. С. 67–83. DOI: [10.5281/zenodo.3753332](https://zenodo.org/record/3753332)

Замятина Н.Ю. Северный город-база: особенности развития и потенциал освоения Арктики // Арктика: экология и экономика. 2020. № 2. С. 4–17. DOI: [10.25283/2223-4594-2020-2-4-17](https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-2-4-17)

Иванова Т.С., Литвинов В.К. К вопросу о взаимодействии добывающих компаний Арктической зоны РФ с коренными малочисленными народами севера // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 4–13

Кумо К., Литвиненко Т.В. Население Чукотки в пространстве и времени // Российские регионы: взгляд в будущее. 2016. № 3. С. 50–66.

Никоноров С.М., Соловьева С.В., Ситкина К.С., Нюдлеев Д.Д. Механизмы перехода на устойчивое развитие городов и регионов Среднего Поволжья // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2020. № 1. С. 4–13. DOI: [10.33983/2075-1826-2020-1-04-13](https://doi.org/10.33983/2075-1826-2020-1-04-13)

Папенков К.В., Никоноров С.М. Теоретические и практические проблемы освоения Арктики // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2020. № 3. С. 64–75. DOI: [10.51823/74670_2020_3_64](https://doi.org/10.51823/74670_2020_3_64)

²¹ Отчеты по экологической безопасности Филиала АО «Концерн Росэнергоатом» «Плавучая атомная теплоэлектростанция» за 2020, 2021 и 2022 годы // АО «Концерн Росэнергоатом» [Электронный ресурс]. URL: https://www.rosenergoatom.ru/stations_projects/sayt-pates/bezopasnost-i-ekologiya/ekologicheskie-otchety (дата обращения 14.05.2024).

²² На Чукотке проверили безопасность плавучей АЭС // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/10/12/reg-dfo/na-chukotke-proverili-bezopasnost-plavuchej-aes.html> (дата обращения: 16.05.2024).

- Пилясов А.Н. Алгоритм преодоления монопрофильности арктического города: случай Норильска // Арктика и Север. 2023. № 53. С. 101–134. DOI: [10.37482/issn2221-2698.2023.53.101](https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.53.101)
- Пилясов А.Н., Потураева А.В. Арктический фасад России: современное состояние, вызовы неравномерного развития и приоритетные меры государственной политики // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Науки о Земле. 2021. № 4. С. 734–758. DOI: [10.21638/spbu07.2021.406](https://doi.org/10.21638/spbu07.2021.406)
- Потравная Е.В. Как промышленное освоение Арктики способствует народосбережению и повышению качества жизни народов Севера? // Уровень жизни населения регионов России. 2022. № 4. С. 555–563. DOI: [10.19181/lsprr.2022.18.4.11](https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.11)
- Самохин А.В., Мясников С.А. Методика измерения устойчивого развития городов России: ESG-индекс ВЭБ.РФ // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2023. № 58. С. 232–255. DOI: [10.55959/msu0130-0105-6-58-1-11](https://doi.org/10.55959/msu0130-0105-6-58-1-11)
- Серова Н.А., Серова В.А. Транспортная инфраструктура российской Арктики: специфика функционирования и перспективы развития // Проблемы прогнозирования. 2021. № 2. С. 142–151. DOI: [10.47711/0868-6351-185-142-151](https://doi.org/10.47711/0868-6351-185-142-151)
- Хвостова М.С. Экологические проблемы эксплуатации плавучей атомной теплоэлектростанции в арктическом регионе // Российская Арктика. 2018. № 1. С. 11–29.
- Gunnarsson B. Recent Ship Traffic and Developing Shipping Trends on the Northern Sea Route — Policy Implications for Future Arctic Shipping // Marine Policy. 2021. Vol. 124. DOI: [10.1016/j.marpol.2020.104369](https://doi.org/10.1016/j.marpol.2020.104369)
- Li X., Zhu Sh., Li Y., Chang R. What Is the Asymmetric Influence of Natural Resource Rent and Green Innovation on the Ecological Sustainability of the Arctic Region // Resources Policy. 2022. Vol. 79. DOI: [10.1016/j.resourpol.2022.103051](https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2022.103051)
- Liu Y., Kong Zh., Jiang Q., Dong X. The Potential Strategy of Promoting China's Participation in Arctic Energy Development // Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2023. Vol. 183. DOI: [10.1016/j.rser.2023.113438](https://doi.org/10.1016/j.rser.2023.113438)
- Tabata S., Otsuka N., Goto M., Takahashi M. Economy, Society and Governance in the Arctic: Overview of ArCS Research Project in the Field of Humanities and Social Sciences (2015–2020) // Polar Science. 2021. Vol. 27. DOI: [10.1016/j.polar.2020.100600](https://doi.org/10.1016/j.polar.2020.100600)

References:

- Bobylev S.N. (2020) Sustainable Development: A New Vision of the Future? *Voprosy politicheskoy ekonomii*. No. 1. P. 67–83. DOI: [10.5281/zenodo.3753332](https://doi.org/10.5281/zenodo.3753332)
- Gunnarsson B. (2021) Recent Ship Traffic and Developing Shipping Trends on the Northern Sea Route — Policy Implications for Future Arctic Shipping. *Marine Policy*. Vol. 124. DOI: [10.1016/j.marpol.2020.104369](https://doi.org/10.1016/j.marpol.2020.104369)
- Hvostova M.S. (2018) Environmental Problems of Operation of Floating Nuclear Power Plant in the Arctic Region. *Rossiyskaya Arktika*. No. 1. P. 11–29.
- Ivanova T.S., Litvinov V.K. (2022) To the Question of Interaction of Mining Companies of the Arctic Zone of the Russian Federation with Indigenous Peoples of the North. *Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki*. No. 1. P. 4–13.
- Kumo K., Litvinenko T.V. (2016) The Population of Chukotka in Space and Time. *Rossiyskiye regiony: vzglyad v budushcheye*. No. 3. P. 50–66.
- Li X., Zhu Sh., Li Y., Chang R. (2022) What is the Asymmetric Influence of Natural Resource Rent and Green Innovation on the Ecological Sustainability of the Arctic Region. *Resources Policy*. Vol. 79. DOI: [10.1016/j.resourpol.2022.103051](https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2022.103051)
- Liu Y., Kong Zh., Jiang Q., Dong X. (2023) The Potential Strategy of Promoting China's Participation in Arctic Energy Development. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. Vol. 183. DOI: [10.1016/j.rser.2023.113438](https://doi.org/10.1016/j.rser.2023.113438)

- Nikonorov S.M., Solovyeva S.V., Sitkina K.S., Nyudleev D.D. (2020) Mechanisms of Transition to Sustainable Development of Cities and Regions of the Middle Volga Region. *Menedzhment i biznes-administrirovanie*. No. 1. P. 4–13. DOI: [10.33983/2075-1826-2020-1-04-13](https://doi.org/10.33983/2075-1826-2020-1-04-13)
- Papenov K.V., Nikonorov S.M. (2020) Theoretical and Practical Problems of Arctic Development. *Arktika 2035: aktual'nye voprosy, problemy, resheniya*. No. 3. P. 64–75. DOI: [10.51823/74670_2020_3_64](https://doi.org/10.51823/74670_2020_3_64)
- Pilyasov A.N. (2023) Algorithm for Overcoming the Monoprofile of the Arctic City: The Case of Norilsk. *Arktika i Sever*. No. 53. P. 101–134. DOI: [10.37482/issn2221-2698.2023.53.101](https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.53.101)
- Pilyasov A.N., Poturaeva A.V. (2021) Russia's Arctic Facade: Current State, Challenges of Uneven Development and Priority Public Policy Measures. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o Zemle*. No. 4. P. 734–758. DOI: [10.21638/spbu07.2021.406](https://doi.org/10.21638/spbu07.2021.406)
- Potravnaya E.V. (2022) How Does Industrial Development of the Arctic Contribute to the Conservation of People and Improve the Quality of Life of the Peoples of the North? *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. No. 4. P. 555–563. DOI: [10.19181/lsprr.2022.18.4.11](https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.11)
- Samokhin A.V., Myasnikov S.A. (2023) Methodology for Measuring the Sustainable Development of Russian Cities: ESG Index of the VEB.RF. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*. No. 58. P. 232–225. DOI: [10.55959/msu0130-0105-6-58-1-11](https://doi.org/10.55959/msu0130-0105-6-58-1-11)
- Serova N.A., Serova V.A. (2021) Transport Infrastructure of the Russian Arctic: Specifics Features and Development Prospects. *Problemy prognozirovaniya*. No. 2. P. 142–151. DOI: [10.47711/0868-6351-185-142-151](https://doi.org/10.47711/0868-6351-185-142-151)
- Tabata S., Otsuka N., Goto M., Takahashi M. (2021) Economy, Society and Governance in the Arctic: Overview of ArCS Research Project in the Field of Humanities and Social Sciences (2015–2020). *Polar Science*. Vol. 27. DOI: [10.1016/j.polar.2020.100600](https://doi.org/10.1016/j.polar.2020.100600)
- Zamyatina N.Yu. (2020) Northern City-Base: Its Special Features and Potential for the Arctic Development. *Arktika: ekologiya i ekonomika*. No. 2. P. 4–17. DOI: [10.25283/2223-4594-2020-2-4-17](https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-2-4-17)

Факторы, влияющие на технологическое развитие малых и средних промышленных предприятий

Панова Екатерина Андреевна

Кандидат экономических наук, доцент, SPIN-код РИНЦ: [3963-5321](#), ORCID: [0000-0002-5830-0087](#), k79@yandex.ru

Государственный университет управления, Москва, РФ.

Аннотация

Современные малые и средние промышленные предприятия функционируют под воздействием большого количества разнонаправленных, далеких от упорядоченности факторов, которые нужно учитывать при выборе пути технологического развития. Целью исследования является выявление основных движущих сил технологического развития малых и средних промышленных предприятий. Систематизация научной литературы, посвященной проблемам технологического развития малого и среднего бизнеса разных стран, позволила сделать вывод о том, что ключевым фактором, влияющим на него, является доступ к финансовым ресурсам. Регрессионный анализ консолидированных данных бухгалтерской отчетности за период с 2010 по 2022 гг. выявил прямую зависимость прироста основных средств от прироста активов и обратную зависимость от прироста кредиторской задолженности российских малых промышленных предприятий, в то время как для средних промышленных предприятий характерна прямая зависимость от прироста долгосрочных заемных средств. Кроме того, была выявлена присущая как малым, так и средним промышленным предприятиям обратная зависимость рентабельности основных фондов от объемов кредиторской задолженности, совокупного объема краткосрочных и долгосрочных заемных средств и уровня налогообложения. Российские малые и средние промышленные предприятия имеют несбалансированную структуру источников финансирования, характеризующуюся слишком большой долей кредиторской задолженности и недостатком собственных средств. Улучшению ситуации может способствовать внимание государства к проблеме дифференциации процентных ставок по заемному финансированию в зависимости от размеров бизнеса и вопросу расширения возможностей использования льгот малыми и средними предприятиями, нацеленными на технологическое развитие.

Ключевые слова

Технологическое развитие, малые и средние предприятия (МСП), промышленное производство, инновации, источники финансирования, налоговые льготы.

Для цитирования

Панова Е.А. Факторы, влияющие на технологическое развитие малых и средних промышленных предприятий // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 107. С. 102–114. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-102-114

Determinants of Technological Development in Small and Medium-Sized Industrial Enterprises

Ekaterina A. Panova

PhD, Associate Professor, ORCID: [0000-0002-5830-0087](#), k79@yandex.ru

State University of Management, Moscow, Russian Federation.

Abstract

Modern small and medium-sized industrial enterprises operate under the influence of many multidirectional, far from orderly factors. Enterprises should take them into account when they choose the directions of technological development. The aim of the study is to identify the main driving forces of technological development in small and medium-sized industrial enterprises. The systematization of scientific literature devoted to the problems of technological development in small and medium-sized enterprises from different countries revealed the access to financial resources as the key determinant of innovations. Regression analysis of consolidated accounting data for the period from 2010 to 2022 indicates a direct dependence of the increase in fixed assets on the increase in total assets and an inverse dependence on the increase in accounts payable of Russian small industrial enterprises, while medium-sized industrial enterprises are characterized by a direct dependence on the increase in long-term borrowed funds. In addition, the inverse dependence of the fixed assets profitability on the volume of accounts payable, the total volume of short-term and long-term borrowed funds and the level of taxation was revealed for both small and medium-sized industrial enterprises. Russian small and medium-sized industrial enterprises have an unbalanced structure of financing sources, characterized by the inflated share of accounts payable and a lack of own funds. The improvement of the situation can be facilitated by the attention of the government to the problem of differentiation of interest rates on debt financing depending on the size of the business and the expansion of opportunities for using of benefits by small and medium-sized enterprises aimed at technological development.

Keywords

Technological development, small and medium-sized enterprises (SMEs), industrial production, innovations, financial sources, tax benefits.

For citation

Panova E.A. (2024) Determinants of Technological Development in Small and Medium-Sized Industrial Enterprises. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 107. P. 102–114. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-102-114

Дата поступления/Received: 13.09.2024

Введение

Развитие науки и техники привело к стремительному сокращению срока службы товаров и оборудования, и это вынуждает промышленные предприятия постоянно искать новые способы внедрения инноваций. Для малых и средних предприятий (МСП), которые по многим параметрам уступают крупному бизнесу, особенно важно быть гибкими, своевременно реагировать на изменения рыночной среды, следить за тем, чтобы их технологическая база соответствовала современным тенденциям, а также регулярно оценивать уровень своей технологической устойчивости и необходимость его повышения. Технологическая устойчивость промышленного предприятия представляет собой восприимчивость к технологическим достижениям, способность к внедрению их в производственные и связанные с ними процессы в сочетании с возможностью дальнейшего эффективного применения и совершенствования для повышения конкурентоспособности и развития бизнеса [Yakovleva, Miller 2021].

Достижению технологической устойчивости способствуют систематические технологические аудиты, целью которых является определение состояния технологической базы предприятия, текущего этапа ее жизненного цикла, а также выявление новых технологий, которые могут быть применены в деятельности. При этом для большинства МСП важно не завоевать технологическое лидерство, а достигнуть уровня технологического развития, присущего конкурентам на рынке [Rojek 2021]. МСП, не уделяющие должного внимания технологическим аспектам своего развития, отличаются низкой эффективностью управления в условиях нестабильности [Loginovskiy et al. 2019] и сложнее к ним адаптируются [Juniarti, Omar 2021].

Внедрение технологий в производство можно рассматривать с двух сторон. С одной стороны, оно может быть ориентировано на производство новых продуктов. Такие виды производства чаще всего изначально создаются на технологической базе, соответствующей современному уровню развития науки и техники. С другой стороны, технологические преобразования могут быть связаны с выпуском уже известной на рынке продукции и основываться на совершенствовании и модернизации существующих производственных процессов [Илькевич 2022].

Для того, чтобы внедрение технологических инноваций было результативным, оно должно охватывать не только производственную, но также складскую и логистическую системы, включая обеспечение предприятия материальными ресурсами, учет и контроль их внутреннего движения, а также реализацию готовой продукции и ее доставку заказчикам. Использование стандартизированных цифровых платформ, настраиваемых под потребности конкретного предприятия, позволяют добиться эффекта масштаба за счет сокращения запасов [Chudaeva et al. 2019], что особенно важно для МСП.

Технологические усовершенствования промышленной сферы влекут за собой ощутимые финансовые затраты. В отличие от предприятий, занимающихся куплей-продажей, для промышленных предприятий характерен длительный период окупаемости инвестированных средств ввиду их больших объемов и наличия производственной стадии. Собственники и руководители МСП должны обоснованно и объективно оценивать возможные пути технологического обновления в условиях политической, экономической и социальной нестабильности, а также растущей неопределенности — на какого потребителя следует ориентироваться: предпочитающего продукцию более высокого качества по соответствующей цене или обращающего внимание в первую очередь на привлекательность цены изделия, которая чаще всего достигается в ущерб его качеству. Следует учитывать и тенденцию роста уровня заработной платы сотрудников рабочих

специальностей¹, которая может стать проблемой для МСП, в большинстве своем обладающих скромными финансовыми возможностями.

С учетом вышеизложенного исследование факторов, влияющих на технологическое развитие МСП, приобретает особое значение.

Обзор литературы

В научной литературе не так часто встречаются эмпирические исследования факторов, влияющих на технологическое развитие МСП и внедрение ими инноваций; при этом большая часть работ посвящена развивающимся странам.

Одним из наиболее значимых факторов, оказывающих влияние на внедрение технологических инноваций, являются финансовые возможности МСП — он отмечается практически во всех исследованиях и характерен для МСП Турции [Bayarçelika et al. 2014], стран Европейского союза [Toomsalu et al. 2019], Таиланда [Puriwat, Tripopsakul 2021], Зимбабве [Makanyeza et al. 2023], Алжира [Abderrezzak et al. 2016] и других стран.

Финансовые возможности предприятий часто связаны с их размером, который является существенным фактором технологического развития для турецких и чешских МСП [Ehrenberger et al. 2015], а также со временем существования бизнеса, от которого напрямую зависят возможности внедрения технологических инструментов аргентинских МСП [Morales et al. 2024]. Тот факт, что МСП больших размеров, осуществляющие свою деятельность в течение более продолжительного периода, проявляют более высокую инновационную активность, объясняется более высокой доступностью различного рода ресурсов, в том числе трудовых.

Исследование южнокорейских МСП, занятых в обрабатывающей промышленности, подтвердило прямую зависимость их технологического развития от объемов внешнего финансирования. С учетом того, что большинство внешних финансовых источников технологических инноваций МСП в Южной Корее представляют собой государственные субсидии или банковские кредиты с государственной поддержкой, было получено свидетельство того, что прямая и косвенная поддержка со стороны государства может оказать положительное влияние на технологические инновации МСП [Im, Cho 2021].

Важность поощрения инновационной активности МСП со стороны государства и формирования благоприятной среды их функционирования отмечается во многих исследованиях. В отличие от крупных предприятий, имеющих обширные возможности освоения новых технологий без внешней помощи, МСП нуждаются в активных мерах дополнительной поддержки и стимулирования инноваций [Hansen et al. 2024]. К подобным мерам относятся предоставление льгот в сфере налогообложения и кредитования, выделение грантов на развитие предпринимательских инициатив и отраслевое технологическое информирование.

Давление со стороны конкурентов и торговых партнеров является одним из факторов, влияющих на внедрение технологий индонезийскими МСП [Faiz 2022]. Работа малазийских ученых подтвердила важность организационной готовности и поддержки внедрения инноваций со стороны руководства предприятий [Shahzad et al. 2023]. Неопределенность в отношении воздействия на окружающую среду рассматривается как серьезная проблема для малого и среднего бизнеса в Китае, которая создает препятствия на пути повышения его эффективности за счет инноваций [Akbar et al. 2022].

¹ «Электрик начнет получать больше многих офисных работников»: что ждет рынок труда в 2024 году // Банки.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10996656> (дата обращения: 01.06.2024); У каких именно профессий в России заработные платы растут быстрее всех // Metro [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazetametro.ru/articles/u-kakih-imenno-professij-v-rossii-zarabotnye-platy-rastut-bystree-vseh-04-09-2024> (дата обращения: 09.09.2024).

Среди сложностей с внедрением технологических инструментов, направленных на изменение бизнес-процессов колумбийских МСП, отмечаются отсутствие налаженных отраслевых связей, нехватка фундаментальных технологических знаний и сопротивление изменениям со стороны сотрудников [Rojas-Berrio et al. 2022]. В связи с этим внедрение технологических инноваций должно сопровождаться развитием у сотрудников необходимых компетенций на основе системного и структурированного обучения.

Обобщая факторы, влияющие на технологическое развитие МСП, следует выделить следующие из них:

- инновационная инфраструктура предприятия, отражающая особенности используемых технологий;
- управленческие навыки руководства МСП, его организационная гибкость и восприимчивость к рыночным тенденциям;
- технологические компетенции персонала, заключающиеся в способности генерировать инновационные идеи и осваивать новые технологии;
- осуществление деятельности, связанной с исследованиями и разработками;
- использование технологического бенчмаркинга, основанного на использовании опыта других организаций.

Эмпирический анализ показателей, влияющих на технологическое развитие малых и средних предприятий обрабатывающей промышленности

Изучение тенденций технологического развития малых и средних промышленных предприятий осложняется отсутствием обширной официальной статистики, связанной с этой проблемой. Большинство показателей, публикуемых Росстатом, не представлено в разрезе малых и средних предприятий, в связи с чем исследование ограничено имеющимся набором данных. В качестве объекта анализа были выбраны малые (без учета микробизнеса) и средние предприятия, являющиеся коммерческими организациями и занятые в обрабатывающей промышленности, всех видов собственности — российской, иностранной и совместной.

Для анализа были консолидированы данные бухгалтерской отчетности малых и средних предприятий за 2010–2022 гг., представленные на сайте Федеральной службы государственной статистики в формате статистической витрины², на основе которых были рассчитан набор показателей (методика их расчета приведена в Таблице 1) и построены две модели линейной регрессии.

Таблица 1. Методика расчета показателей, использованных при анализе технологического развития российских малых и средних обрабатывающих предприятий³

Наименование показателя	Краткое обозначение	Алгоритм расчета показателя
Модель 1		
Прирост основных средств	FAG	Отношение разницы между величиной основных средств на конец периода и на начало периода к величине основных средств на начало периода
Прирост активов	AG	Отношение разницы между величиной активов на конец периода и на начало периода к величине активов на начало периода
Прирост кредиторской задолженности	APG	Отношение разницы между величиной кредиторской задолженности на конец периода и на начало периода к величине кредиторской задолженности на начало периода

² Витрина статистических данных // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://showdata.gks.ru/finder/> (дата обращения: 31.08.2024).

³ Составлено автором.

Прирост долгосрочных заемных средств	LBFG	Отношение разницы между величиной долгосрочных заемных средств на конец периода и на начало периода к величине долгосрочных заемных средств на начало периода
Модель 2		
Рентабельность основных средств	ROFA	Соотношение чистой прибыли за период и величины основных средств на конец периода
Доля кредиторской задолженности в источниках финансирования	AP	Отношение кредиторской задолженности на конец периода к общей величине пассивов на конец периода
Доля краткосрочных и долгосрочных заемных средств в источниках финансирования	SLBF	Соотношение общей величины краткосрочных и долгосрочных заемных средств на конец периода к общей величине пассивов на конец периода
Уровень налогообложения	TAX	Отношение разницы между прибылью до налогообложения и чистой прибылью за период к прибыли до налогообложения за период

Спецификация Модели 1 имеет следующий вид:

$$FAG_t = \beta_0 + \beta_1 AG_t + \beta_2 APG_t + \beta_3 LBFG_t + \varepsilon_t$$

где t — период времени, β_0, \dots, β_4 — коэффициент регрессии, ε_t — случайное возмущение.

Спецификация Модели 2 имеет следующий вид:

$$ROFA_t = \beta_0 + \beta_1 AP_t + \beta_2 SLBF_t + \beta_3 TAX_t + \varepsilon_t$$

где t — период времени, β_0, \dots, β_4 — коэффициент регрессии, ε_t — случайное возмущение.

При построении моделей как для малых, так и для средних предприятий обнаружилось возможное наличие выбросов, поэтому в ходе регрессионного анализа были применены два метода — наименьших квадратов (МНК) на основе функции `Dynlm` одноименного статистического пакета и робастная ММ-оценка на основе функции `lmrob` из статистического пакета `Robustbase`. В случаях, когда наличие выбросов подтвердилось, для интерпретации полученных результатов была использована ММ-оценка.

Модель 1. В качестве зависимой переменной был выбран показатель прироста основных средств. В целом он характеризует процессы обновления основных фондов предприятий, изменения в объемах производственных мощностей и скорость технического перевооружения.

В качестве независимых переменных были выбраны прирост активов, прирост кредиторской задолженности и прирост долгосрочных заемных средств. Прирост активов свидетельствует о росте и развитии предприятия, выражающихся в объемах находящегося в его распоряжении имущества. Прирост кредиторской задолженности характеризует изменения в использовании коммерческого кредитования в качестве источника финансирования. Ввиду того, что у предприятий нет обязанности расшифровывать в бухгалтерском балансе задолженность перед поставщиками и заказчиками, статистические сведения о ней отсутствуют. Тем не менее прирост кредиторской задолженности позволяет получить достаточно точное представление об использовании коммерческого кредитования в качестве источника финансирования. Несмотря на то, что в составе кредиторской задолженности в бухгалтерской отчетности отражается не только величина неоплаченных поставок и полученных авансов, но и суммы задолженности перед сотрудниками предприятия, государством и внебюджетными фондами, их величина и прирост за год обычно бывают несущественными по сравнению с величиной и приростом задолженности перед поставщиками и покупателями. Прирост долгосрочных заемных средств характеризует изменение объемов долгосрочных кредитов и займов, в мировой практике считающихся одними из оптимальных источников финансирования технологического развития предприятия.

Модель 2. В качестве зависимой переменной был выбран показатель рентабельности основных средств, рассчитанный на основе чистой прибыли. Этот показатель отражает способность предприятия эффективно управлять основными средствами и учитывает влияние колебания курсов валют, имеющего большое значение при расчете финансовых результатов по причине высокой зависимости российских предприятий от импорта, но на которое сами они повлиять не в силах.

В качестве независимых переменных были выбраны доля кредиторской задолженности и величины краткосрочных и долгосрочных обязательств в источниках финансирования, а также уровень налогообложения.

Кредиторская задолженность, как уже говорилось, является индикатором коммерческого кредитования, используемого в качестве источника финансирования. Краткосрочные и долгосрочные заемные средства включают в себя величину привлеченных кредитов и займов, а также задолженность по процентам по ним на конец периода — она отражается в составе краткосрочных заемных средств. Уровень налогообложения определяется учетной политикой предприятий для целей бухгалтерского учета и для целей налогообложения, а также применением ПБУ 18/02⁴, увязывающим между собой эти два вида учета. Кроме того, уровень налогообложения может изменяться в меньшую сторону за счет применения пониженной ставки налога, подлежащего зачислению в бюджеты субъектов Российской Федерации и установленного законами субъектов Российской Федерации, а также за счет применения пониженной ставки налога резидентами (участниками) особых экономических зон и свободных экономических зон, участниками региональных инвестиционных проектов и получения статуса резидента территории опережающего социально-экономического развития или свободного порта Владивостока (статья 284 НК РФ)⁵.

Обнаруженные в ходе регрессионного анализа взаимосвязи между показателями моделей представлены в Таблице 2.

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа показателей российских малых и средних предприятий, занятых в обрабатывающих производствах⁶

Параметр	Малые предприятия		Средние предприятия	
	Значение коэффициента	р-значение	Значение коэффициента	р-значение
	Модель 1 (зависимая переменная — FAG)			
AG	1.8234	3e-5***	0.5054	0.4821
APG	-0.8735	5e-5***	-0.5040	0.3868
LBFG	-0.0278	0.8230	0.6978	0.0060 **
R-квадрат	0.9211		0.9211	
Скорректированный R-квадрат	0.8915		0.8915	
Модель 2 (зависимая переменная — ROFA)				
AP	-0,8140	0,0579*	-1.1427	0.0005***
SLBF	-1,8836	0,0003 ***	-1.5323	8.1e-06 ***
TAX	-0,4073	0,0003 ***	-0.3809	5.4e-06***
R-квадрат	0,9066		0.9112	
Скорректированный R-квадрат	0,8755		0.8817	

⁴ Приказ Минфина РФ от 19 ноября 2002 г. N 114н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету “Учет расчетов по налогу на прибыль организаций” ПБУ 18/02» (с изменениями и дополнениями) // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/12129425/> (дата обращения: 31.08.2024).

⁵ Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ). Часть вторая // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/10900200/a9a754f9362cc6d913de8ff6886b8c4c/> (дата обращения: 31.08.2024).

⁶ Составлено автором.

Обе модели как для малых, так и для средних предприятий имеют достаточно высокие коэффициенты детерминации, однако результаты проведенного в ходе исследования теста Дарбина-Уотсона указали на наличие не учтенных в моделях факторов, влияющих на прирост и рентабельность основных средств. К таким факторам могут относиться текущая степень износа основных средств, время существования предприятия, доля дебиторской задолженности в активах и др., однако статистические сведения по ним отсутствуют.

Ситуация, при которой прирост основных средств малых предприятий обрабатывающей промышленности находится в прямой зависимости от прироста активов и обратной зависимости от прироста кредиторской задолженности, говорит о том, что рост и развитие бизнеса неразрывно связаны с расширением технологической базы, которому не способствует увеличение объемов коммерческого кредитования. Негативные последствия использования кредиторской задолженности в качестве источника финансирования в первую очередь связаны с тем, что цена продукции, реализуемой на условиях коммерческого кредитования, выше по сравнению со стоимостью продукции, поставляемой на условиях предоплаты, а многие предприятия, особенно малые и средние, не в полной мере оценивают целесообразность его применения. Прямая взаимосвязь между приростом долгосрочных заемных средств и приростом основных фондов средних предприятий говорит о том, что они способны генерировать прибыль, обеспечивающую регулярное погашение процентов и основной суммы задолженности.

Тот факт, что рентабельность основных средств находится в обратной зависимости от доли кредиторской задолженности, а также доли краткосрочных и долгосрочных заемных средств в пассивах, говорит о слишком высокой стоимости внешних источников финансирования, препятствующей технологическому развитию малых и средних предприятий. Обратное влияние налоговой нагрузки на рентабельность основных средств малых и средних предприятий, занятых в обрабатывающей промышленности, говорит о необходимости расширения спектра налоговых льгот, предоставляемых государством инвестиционно активным предприятиям.

Негативное влияние налоговой нагрузки на рентабельность основных средств следует принимать во внимание с поправкой на то, что уровень налогообложения в исследовании был рассчитан с учетом отложенного налога на прибыль, поскольку статистика по текущему налогу на прибыль МСП отсутствует. Тем не менее роль оптимизации налоговых платежей за счет отсрочки уплаты налогов сложно недооценить — она существенно расширяет возможности технологического развития МСП.

Особенности финансирования технологического развития российских малых и средних промышленных предприятий

Внедрение технологий — ресурсоемкий процесс, и зачастую стоимость усовершенствований системы производства и реализации настолько высока, что МСП не рискуют выходить на следующий уровень развития и внедрять инновации, продолжая пользоваться устаревшими инструментами и методами ведения бизнеса. МСП должны иметь взгляд на извлечение прибыли с прицелом на будущее и понимать, что инвестиции в технологии приведут к снижению затрат в долгосрочной перспективе.

Не существует универсальной стратегии технологического развития, подходящей для всех предприятий или отраслей. Переход на новый технологический уровень осуществляется каждым предприятием уникальными способами, которые выбираются в соответствии с его целями, ключевыми компетенциями, имеющимися в распоряжении ресурсами, «узкими» местами и т. д.

Размер предприятия имеет решающее значение при определении хода технологического

развития, поскольку, с одной стороны, он определяет масштабы, а с другой стороны, влияет на возможности финансирования технологических преобразований.

Опираясь на результаты анализа показателей деятельности МСП, занятых в обрабатывающей промышленности, можно выделить несколько аспектов, которые требуют внимания при внедрении технологических изменений и определении источников их финансирования.

Необходимость оптимизации структуры финансовых источников. Если обратиться к структуре малых и средних предприятий сектора обрабатывающей промышленности в период с 2010 по 2023 гг. (см. Рисунки 1 и 2), можно обратить внимание на ее несбалансированность и слишком высокую долю кредиторской задолженности в источниках финансирования.

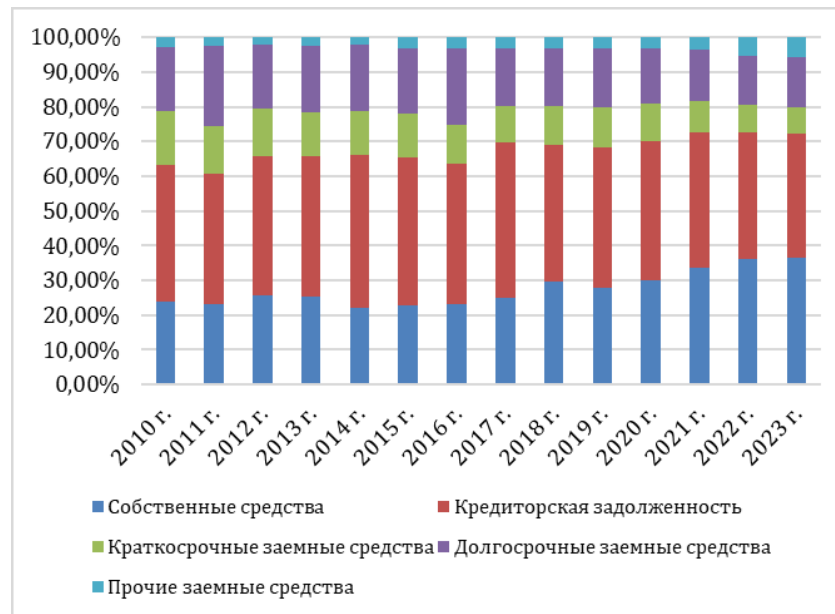

Рисунок 1. Структура источников финансирования деятельности средних предприятий в период с 2010 по 2023 гг.⁷

На протяжении всего рассматриваемого периода и у малых, и у средних предприятий доля собственных средств в источниках финансирования находилась на очень низком уровне (оптимальное значение доли собственных средств в пассивах предприятия — не менее 50%), то есть можно говорить о том, что российский малый и средний промышленный сектор испытывает нехватку внутренних финансовых ресурсов.

В то же время основным внешним источником МСП является кредиторская задолженность. В период с 2010 по 2023 гг. в структуре финансирования малых предприятий на ее долю приходилось от 43 до 55%, у среднего бизнеса доля кредиторской задолженности в источниках финансирования колебалась от 36 до 45%.

Дифференциация процентных ставок по заемным средствам в зависимости от размера предприятия. Большой объем краткосрочных и долгосрочных заемных средств у средних предприятий, по сравнению с малыми, указывает на проблему дифференциации процентных ставок по кредитам в зависимости от размера предприятия. В качестве возможных причин этого можно назвать ограниченность и недостаточную надежность информации о деятельности небольших предприятий, особенно малых: зачастую они не обязаны раскрывать подробные сведения о своем финансовом состоянии, а их бухгалтерская отчетность не подлежит обязательному аудиту и может вестись в упрощенной форме. Оказывает влияние также тот факт, что малые предприятия

⁷ Источник: Витрина статистических данных // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://showdata.gks.ru/finder/> (дата обращения: 31.08.2024).

имеют низкий рейтинг с точки зрения кредитного риска за счет ограниченных объемов активов, которые могут быть использованы в качестве залога, и высокой степени зависимости от клиентов и поставщиков.

Влияние дифференциации процентных ставок на технологическое развитие предприятий подтверждается обнаруженной прямой взаимосвязью между приростом объемов долгосрочных заемных средств и приростом основных фондов средних предприятий при отсутствии подобной тенденции у малых предприятий.

Разница в условиях кредитования с учетом масштабов деятельности может быть достаточно ощутимой: например, при предоставлении заемных средств «Сбербанк» предлагает скидку на ставку по кредиту до 3% годовых в зависимости от величины оборотов по расчетному счету предприятия⁸.

Если обратиться к данным ЦБ РФ, по состоянию на конец 2023 г. 39% (или 352 тыс.) заемщиков, являющихся субъектами МСП, располагали задолженностью по ставке 15–20,99% годовых, 14,5% (или 114,2 тыс.) субъектов — по ставке свыше 24%, 11,6% (или 91,5 тыс.) субъектов — по ставке менее 3%. При этом в группе МСП, получивших кредиты по самым низким ставкам, порядка 65,8% составила задолженность субъектов, связанных со строительством⁹, а за первое полугодие 2023 года 26,3% от общего объема льготных кредитов, выданных МСП, приходилось на обрабатывающие производства, однако среди них была высока доля субъектов, аффилированных с крупным бизнесом¹⁰.

Следует подчеркнуть, что особого внимания требуют именно вопросы дифференциации процентных ставок и определения круга субъектов, наиболее нуждающихся в поддержке. Льготное кредитование не должно мешать реализации денежно-кредитной политики государства: его «раздутые» объемы и предоставление заемных средств под слишком низкий процент оказывают отрицательное влияние на экономику. Снижению дифференциации процентных ставок может способствовать гарантийное поручительство при недостатке залогового обеспечения, которое все чаще используется для поддержки малого и среднего бизнеса.

Возможность использования налоговых льгот. Уровень налоговой нагрузки негативно влияет на рентабельность основных фондов и, как следствие, на объем собственного капитала, с помощью которого может финансироваться технологическое развитие МСП. Использование налоговых льгот может повысить объем собственных средств, находящихся в распоряжении предприятия, в конкретный момент времени. Сейчас реально действующим налоговым инструментом стимулирования инвестиционной активности МСП является амортизационная премия — единовременное включение в состав расходов до 30% первоначальной стоимости приобретаемых основных средств (статья 257 НК РФ). Амортизационная премия изменяет не количество и общую величину амортизационных начислений, а их распределение по временным отрезкам, обеспечивая сокращение оттока денежных средств предприятия в текущем периоде.

Инвестиционный налоговый вычет, также направленный на рост инвестиционной активности предприятий, уменьшает не облагаемую базу, а непосредственно сумму налога на прибыль, подлежащую уплате в бюджет, что, несомненно, гораздо выгоднее, поскольку предприятия получают в свое распоряжение не налоговую экономию в размере 20% понесенных затрат, распределенных посредством амортизации по временным отрезкам, а до 100% капитальных

⁸ Кредитный потенциал для бизнеса // Сбер [Электронный ресурс]. URL: https://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/credits/potential_alt?utm_source=yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=test_onlinecredit_corporate_perform_god_20220100012_context_search_general_rus_yxprcy%2655325511149420543 (дата обращения: 08.09.2024)

⁹ Аналитический обзор рынка кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства по итогам 2023 года // Банк России [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/49333/inf_material_msp_2023.pdf (дата обращения: 01.09.2024).

¹⁰ Аналитический обзор рынка кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства по итогам первого полугодия 2023 года // Банк России [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/47729/inf_material_msp_fh_2023.pdf (дата обращения: 01.09.2024).

вложений, причем одновременно. Однако реальность применения инвестиционного налогового вычета МСП очень спорна, что требует внимания со стороны государства.

К примеру, в Москве для получения инвестиционного налогового вычета предприятию требуется присвоение статуса московского инвестора первой или второй категории, при этом минимальная годовая сумма расходов на развитие производства для них должна составлять 200 и 300 млн рублей соответственно¹¹. Снижение минимальной годовой суммы расходов могло бы способствовать технологическому развитию МСП: при действующих ограничениях для большинства из них применение инвестиционного налогового вычета недоступно.

Таким образом, вопрос доступности финансовых ресурсов для небольших предприятий требует решения со стороны государства: в условиях действующих сейчас санкционных ограничений оно должно обеспечивать малому и среднему бизнесу возможность успешной реализации программы импортозамещения и бесперебойного осуществления производственной деятельности независимо от интересов иностранных государств.

Заключение

В последние годы рыночная среда претерпела глобальные изменения. Научно-технический прогресс неизменно привносит новые тенденции в мировую экономику, трансформируя ее основные секторы. Конкуренция сейчас очень высока, и в большинстве случаев преимущества оказываются на стороне более развитых в техническом плане предприятий.

Технологическое развитие большинства МСП ограничено низкой доступностью финансовых источников для удовлетворения инвестиционных потребностей. Малый и средний бизнес гораздо чаще испытывает недостаток финансовых ресурсов по сравнению с крупными хозяйствующими субъектами. Несмотря на высокую адаптивность к изменениям внешней среды, скромные финансовые возможности могут вызвать серьезные проблемы у небольших предприятий в кризисные периоды: во время экономических спадов многие из них сталкиваются с непосильными трудностями и закрываются.

Технологическому развитию МСП препятствуют низкая результативность высокочрезвычайно государственной политики их поддержки, отсутствие сотрудничества доминирующих в российской экономике крупных предприятий-монополистов и МСП, а также преобладание иррациональной позиции чиновников в процессе выбора мер и направлений поддержки МСП, в результате чего созданная в России система поддержки МСП неадекватна потребностям этой сферы [Виленский 2022].

Дальнейшие научные исследования в области технологического развития малых и средних предприятий могут быть связаны с изучением нефинансовых и отраслевых аспектов технологических преобразований.

Список литературы:

Виленский А.В. Воздействие малого и среднего предпринимательства на пространственное развитие России // Федерализм. 2022. Т. 27. № 1(105). С. 66–80. DOI: [10.21686/2073-1051-2022-1-66-80](https://doi.org/10.21686/2073-1051-2022-1-66-80)

Илькевич С.В. Стратегия цифровой трансформации промышленных предприятий: эффекты внедрения технологий умного производства // Стратегические решения и риск-менеджмент. Т. 2022. № 13(3). С. 210–225. DOI: [10.17747/2618-947X-2022-3-210-225](https://doi.org/10.17747/2618-947X-2022-3-210-225)

Abderrezzak B.; Wafaa B., Benabbou S. Key Determinants of Innovation in the Algerian SMEs // Topics in Middle Eastern and North African Economies. 2016. Vol. 18. Is. 1. P. 183–200.

Akbar A., Hussain A., Shahzad A., Mohelska H., Hassan R. Environmental and Technological Factor Diffusion with Innovation and Firm Performance: Empirical Evidence from Manufacturing SMEs // Frontiers in Environmental Science. 2022. Vol. 10. DOI: [10.3389/fenvs.2022.960095](https://doi.org/10.3389/fenvs.2022.960095)

¹¹ Московский инвестор: для промышленных предприятий утверждена новая мера поддержки // Mos.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos.ru/news/item/74732073/> (дата обращения: 01.09.2024).

- Bayarçelika E.B., Taşelb F., Apak S. Research on Determining Innovation Factors for SMEs // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 150. P. 202–211. DOI: [10.1016/j.sbspro.2014.09.032](https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.09.032)
- Chudaeva A.A., Mantulenko V.V., Zhelev P., Vanickova R. Impact of Digitalization on the Industrial Enterprises Activities // *SHS Web of Conferences*. 2019. Vol. 62. DOI: [10.1051/shsconf/20196203003](https://doi.org/10.1051/shsconf/20196203003)
- Ehrenberger M., Koudelková P., Strielkowsk W. Factors Influencing Innovation in Small and Medium Enterprises in the Czech Republic // *Periodica Polytechnica Social and Management Sciences*. 2015. Vol. 23. Is. 2. P. 73–83. DOI: [10.3311/PPso.7737](https://doi.org/10.3311/PPso.7737)
- Faiz F. Factors Influencing Digital Technologies Adoption among Indonesian SMEs: A Conceptual Framework // *Proceedings of the International Conference on Entrepreneurship, Leadership and Business Innovation (ICELBI)*. 2022. DOI: [10.2991/978-94-6463-350-4_22](https://doi.org/10.2991/978-94-6463-350-4_22)
- Hansen A.K., Christiansen L., Lassen A.H. Technology Isn't Enough for Industry 4.0: On SMEs and Hindrances to Digital Transformation // *International Journal of Production Research*. 2024. DOI: [10.1080/00207543.2024.2305800](https://doi.org/10.1080/00207543.2024.2305800)
- Im C., Cho K. Comparing and Identifying Influential Factors of Technological Innovation Efficiency in Manufacturing and Service Industries Using DEA: A Study of SMEs in South Korea // *Sustainability*. 2021. Vol. 13. Is. 23. DOI: [10.3390/su132312945](https://doi.org/10.3390/su132312945)
- Loginovskiy O.V., Hollay A.V., Rets S.B. Technologies of Strategic Management of Industrial Enterprises // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника»*. 2019. Т. 19. № 1. С. 131–138. DOI: [10.14529/ctcr190112](https://doi.org/10.14529/ctcr190112)
- Makanyeza C., Mabenge B.K., Ngorora-Madzimure G.P. K. Factors Influencing Small and Medium Enterprises' Innovativeness: Evidence from Manufacturing Companies in Harare, Zimbabwe // *Global Business and Organizational Excellence*. 2023. Vol. 42. Is. 3. P. 10–23. DOI: [10.1002/joe.22180](https://doi.org/10.1002/joe.22180)
- Morales P.A., Haique A., Cortez E., Adra R. The Determining Factors in the Implementation of Industry 4.0 in Argentine SMEs // *Journal of Technology Management & Innovation*. 2024. Vol. 19. Is. 1. P. 66–78. DOI: [10.4067/S0718-27242024000100066](https://doi.org/10.4067/S0718-27242024000100066)
- Juniarti R.P., Omar A. Technology Adoption in Small and Medium Enterprises (SMEs) // *Proceedings of the BISTIC (Business Innovation Sustainability and Technology International Conference)*. 2021. Vol. 193. P. 91–101. DOI: [10.2991/aebmr.k.211115.013](https://doi.org/10.2991/aebmr.k.211115.013)
- Puriwat W., Tripopsakul S. Exploring Factors Influencing Open Innovation Adoption in SMEs: The Evidence from Emerging Markets // *Emerging Science Journal*. 2021. Vol. 5. Is. 4. DOI: [10.28991/esj-2021-01295](https://doi.org/10.28991/esj-2021-01295)
- Rojas-Berrio S., Rincon-Novoa J., Sánchez-Monrroy M., Ascúa R., Montoya-Restrepo L.A. Factors Influencing 4.0 Technology Adoption in Manufacturing SMEs in an Emerging Country // *Journal of Small Business Strategy*. 2022. Vol. 32. Is. 3. P. 67–83. DOI: [10.53703/001c.34608](https://doi.org/10.53703/001c.34608)
- Rojek D. The Technological Factors of Enterprise Innovation in a Strategic Perspective // *Management and Production Engineering Review*. 2021. Vol. 12. Is. 4. P. 87–98. DOI: [10.24425/mper.2021.139997](https://doi.org/10.24425/mper.2021.139997)
- Shahzad A., bin Zakaria M.S.A., Kotzab H., Makki M.A.M., Hussain A., Fischer J. Adoption of Fourth Industrial Revolution 4.0 among Malaysian Small and Medium Enterprises (SMEs) // *Humanities and Social Sciences Communication*. 2023. Vol. 10. DOI: [10.1057/s41599-023-02076-0](https://doi.org/10.1057/s41599-023-02076-0)
- Toomsalu L., Tolmacheva S., Vlasov A., Chernova V. Determinants of Innovations in Small and Medium Enterprises: A European and International Experience // *Terra Economicus*. 2019. Vol. 17. Is. 2. P. 112–123. DOI: [10.23683/2073-6606-2019-17-2-112-123](https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-2-112-123)
- Yakovleva E., Miller A. Technological Sustainability of Industrial Enterprises in Intellectual Infrastructure Theory Framework // *E3S Web of Conferences*. 2021. Vol. 258. DOI: [10.1051/e3sconf/202125806012](https://doi.org/10.1051/e3sconf/202125806012)

References:

- Abderrezzak B., Wafaa B., Benabbou S. (2016) Key Determinants of Innovation in the Algerian SMEs. *Topics in Middle Eastern and North African Economies, electronic journal*. Vol. 18. Is. 1. P. 183–200.
- Akbar A., Hussain A., Shahzad A., Mohelska H., Hassan R. (2022) Environmental and Technological Factor Diffusion with Innovation and Firm Performance: Empirical Evidence from Manufacturing SMEs. *Frontiers in Environmental Science*. Vol. 10. DOI: [10.3389/fenvs.2022.960095](https://doi.org/10.3389/fenvs.2022.960095)
- Bayarçelika E.B., Taşelb F., Apak S. (2014) Research on Determining Innovation Factors for SMEs. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. Vol. 150. P. 202–211. DOI: [10.1016/j.sbspro.2014.09.032](https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.09.032)
- Chudaeva A.A., Mantulenko V.V., Zhelev P., Vanickova R. (2019) Impact of Digitalization on the Industrial Enterprises Activities. *SHS Web of Conferences*. Vol. 62. DOI: [10.1051/shsconf/20196203003](https://doi.org/10.1051/shsconf/20196203003)
- Ehrenberger M., Koudelková P., Strielkowsk W. (2015) Factors Influencing Innovation in Small and Medium Enterprises in the Czech Republic. *Periodica Polytechnica. Social and Management Sciences*. Vol. 23. Is. 2. P. 73–83. DOI: [10.3311/PPso.7737](https://doi.org/10.3311/PPso.7737)
- Faiz F. (2022) Factors Influencing Digital Technologies Adoption among Indonesian SMEs: A Conceptual Framework. *Proceedings of the International Conference on Entrepreneurship, Leadership and Business Innovation (ICELBI)*. DOI: [10.2991/978-94-6463-350-4_22](https://doi.org/10.2991/978-94-6463-350-4_22)
- Hansen A.K., Christiansen L., Lassen A.H. (2024). Technology Isn't Enough for Industry 4.0: On SMEs and Hindrances to Digital Transformation. *International Journal of Production Research*. DOI: [10.1080/00207543.2024.2305800](https://doi.org/10.1080/00207543.2024.2305800)
- Ilkevich S.V. (2022) Strategy of Digital Transformation of Industrial Enterprises: The Effects of the Introduction of Smart Manufacturing Technologies. *Strategicheskiye resheniya i risk-menedzhment*. No. 13(3). P. 210–225. DOI: [10.17747/2618-947X-2022-3-210-225](https://doi.org/10.17747/2618-947X-2022-3-210-225)
- Im C., Cho K. (2021) Comparing and Identifying Influential Factors of Technological Innovation Efficiency in Manufacturing and Service Industries Using DEA: A Study of SMEs in South Korea. *Sustainability*. Vol. 13. Is. 23. DOI: [10.3390/su132312945](https://doi.org/10.3390/su132312945)
- Juniarti R.P., Omar A. (2021) Technology Adoption in Small and Medium Enterprises (SMEs). *Proceedings of the BISTIC (Business Innovation Sustainability and Technology International Conference)*. Vol. 193. P. 91–101. DOI: [10.2991/aebmr.k.211115.013](https://doi.org/10.2991/aebmr.k.211115.013)
- Loginovskiy O.V., Hollay A.V., Rets S.B. (2019). Technologies of Strategic Management of Industrial Enterprises. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Komp'yuternyye tekhnologii, upravleniye, radioelektronika»*. Vol. 19. No. 1. P. 131–138. DOI: [10.14529/ctcr190112](https://doi.org/10.14529/ctcr190112)
- Makanyeza C., Mabenge B.K., Ngorora-Madzimure G.P. K. (2023). Factors Influencing Small and Medium Enterprises' Innovativeness: Evidence from Manufacturing Companies in Harare, Zimbabwe. *Global Business and Organizational Excellence*. Vol. 42. Is. 3. P. 10–23. DOI: [10.1002/joe.22180](https://doi.org/10.1002/joe.22180)
- Morales P.A., Haique A., Cortez E., Adra R. (2024). The Determining Factors in the Implementation of Industry 4.0 in Argentine SMEs. *Journal of Technology Management & Innovation*. Vol. 19. Is. 1. P. 66–78. DOI: [10.4067/S0718-27242024000100066](https://doi.org/10.4067/S0718-27242024000100066)
- Puriwat W., Tripopsakul S. (2021). Exploring Factors Influencing Open Innovation Adoption in SMEs: The Evidence from Emerging Markets. *Emerging Science Journal*. Vol. 5. Is. 4. DOI: [10.28991/esj-2021-01295](https://doi.org/10.28991/esj-2021-01295)
- Rojas-Berrio S., Rincon-Novoa J., Sánchez-Monrroy M., Ascúa R., Montoya-Restrepo L.A. (2022). Factors Influencing 4.0 Technology Adoption in Manufacturing SMEs in an Emerging Country. *Journal of Small Business Strategy*. Vol. 32. Is. 3. P. 67–83. DOI: [10.53703/001c.34608](https://doi.org/10.53703/001c.34608)
- Rojek D. (2021) The Technological Factors of Enterprise Innovation in a Strategic Perspective. *Management and Production Engineering Review*. Vol. 12. Is. 4. P. 87–98. DOI: [10.24425/mper.2021.139997](https://doi.org/10.24425/mper.2021.139997)

Shahzad A., bin Zakaria M.S.A., Kotzab H., Makki M.A.M., Hussain A., Fischer J. (2023) Adoption of Fourth Industrial Revolution 4.0 among Malaysian Small and Medium Enterprises (SMEs). *Humanities and Social Sciences Communication*. Vol. 10. DOI: [10.1057/s41599-023-02076-0](https://doi.org/10.1057/s41599-023-02076-0)

Toomsalu L., Tolmacheva S., Vlasov A., Chernova V. (2019) Determinants of Innovations in Small and Medium Enterprises: A European and International Experience. *Terra Economicus*. Vol. 17. Is. 2. P. 112–123. DOI: [10.23683/2073-6606-2019-17-2-112-123](https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-2-112-123)

Vilenskiy A.V. (2022) Impact of Small and Medium Entrepreneurship on the Spatial Development of Russia. *Federalizm*. Vol. 27. No. 1(105). P. 66–80. DOI: [10.21686/2073-1051-2022-1-66-80](https://doi.org/10.21686/2073-1051-2022-1-66-80)

Yakovleva E., Miller A. (2021) Technological Sustainability of Industrial Enterprises in Intellectual Infrastructure Theory Framework. *E3S Web of Conferences*. Vol. 258. DOI: [10.1051/e3sconf/202125806012](https://doi.org/10.1051/e3sconf/202125806012)

Правовые и политические аспекты управления
Legal and political aspects of public administration

УДК 327

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-115-134

Роль частных военных компаний и добровольческих формирований в военном конфликте на Украине как части гибридной войны коллективного Запада против России

Алаудинов Апты Аронович

Кандидат политических наук, командир спецназа АХМАТ — заместитель командира 2-го армейского корпуса 8-й армии ЮВО, SPIN-код РИНЦ: 8451-5236, a05101973@mail.ru

Министерство обороны РФ, Москва, РФ.

Аннотация

В работе исследуется вопрос участия наемников и частных военных компаний (ЧВК), а также добровольческих формирований в конфликте на Украине как части гибридной войны, развязанной коллективным Западом против России. Выявлено, что на стороне киевского режима действуют наемники из десятков государств, чьи основные функции состоят в участии в боях, инструктаже и карательных действиях в качестве заградительных отрядов. Вместе с тем показано, что подготовка наемников для боев против России проходила заблаговременно, еще до специальной военной операции. В ходе исследования установлено, что численность наемников не превышает 2–3% от общей численности ВСУ и других украинских военизированных формирований; выявлено использование наемников в качестве заградительных отрядов вследствие падения уровня мотивации мобилизованных солдат киевского режима; показано, что на стороне украинских сил в боевых действиях активно принимают участие ЧВК. В результате проведенного анализа сделан вывод, что применение наемников и ЧВК является важным элементом гибридных войн. Выдвинуто также предположение о том, что под видом наемников на стороне киевского режима действуют кадровые военные стран НАТО. Кроме того, показана специфика набора добровольцев в интересах Объединенной группировки войск России в зоне проведения специальной военной операции. Российские ЧВК, в частности «Вагнер», играют важную роль в достижении Россией целей в конфликте на Украине и в других регионах мира, где присутствуют российские интересы. Специфика этих организаций позволяет использовать их как важный инструмент в противостоянии с коллективным Западом, который развязал против России тотальную гибридную войну нового типа.

Ключевые слова

Россия, частные военные компании, наемники, добровольцы, специальная военная операция, Украина, коллективный Запад, гибридные войны.

Для цитирования

Алаудинов А.А. Роль частных военных компаний и добровольческих формирований в военном конфликте на Украине как части гибридной войны коллективного Запада против России // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 107. С. 115–134. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-115-134

The Role of Private Military Companies and Volunteer Formations in the Military Conflict in Ukraine as a Part of the Western Hybrid War against Russia

Apty A. Alaudinov

PhD, Commander of the AKHMAT special forces — Deputy commander of the 2nd Army Corps of the 8th Army, Southern Military District, a05101973@mail.ru

Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The paper examines the issue of mercenaries and private military companies (PMC) participation as well as volunteer formations, in the conflict in Ukraine as a part of a hybrid war unleashed by the collective West against Russia. It was revealed that mercenaries from dozens of countries are acting on the side of the Kiev regime whose main functions are to participate in battles, provide instructions, and carry out punitive actions as barrier detachments. At the same time, it is shown that the training of mercenaries for battles against Russia took place in advance even before the special military operation. It was established that the number of mercenaries does not exceed 2–3% of the total number of the Armed Forces of Ukraine and other Ukrainian paramilitary formations. The use of mercenaries as barrier detachments was revealed due to the drop in the motivation level of mobilized soldiers of the Kyiv regime. It was shown that PMCs are actively participating in combat operations on the side of the Ukrainian forces. It was concluded that the use of mercenaries and PMCs is an important element of hybrid wars. It is suggested that NATO military personnel are acting under the guise of mercenaries on the side of the Kyiv regime. The paper also shows the specifics of recruiting volunteers in the interests of the Joint Group of Russian Forces in the area of the special military operation. Russian PMCs, in particular Wagner Group, play an important role in achieving Russia's goals in the conflict in Ukraine and in other regions of the world where Russian interests are present. It is concluded that the specifics of these organizations allow them to be used as an important tool in the confrontation with the collective West which has unleashed a new type of total hybrid war against Russia.

Keywords

Russia, private military companies, mercenaries, volunteers, special military operation, Ukraine, the collective West, hybrid wars.

For citation

Alaudinov A.A. (2024) The Role of Private Military Companies and Volunteer Formations in the Military Conflict in Ukraine as a Part of the Western Hybrid War against Russia. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 107. P. 115–134. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-115-134

Дата поступления/Received: 01.07.2024

Введение

Практически ни один масштабный современный военный конфликт не происходит без участия наемников из частных военных компаний (ЧВК), и украинский конфликт не является исключением. ЧВК мы рассматриваем в качестве структур, которые предоставляют услуги военного характера и профессионального уровня. При этом основная цель таких организаций — извлечение финансового дохода из своей деятельности [Singer 2001].

Киевский режим и его зарубежные кураторы прилагают немало усилий для того, чтобы привлечь как можно больше наемников для участия в боевых действиях на стороне ВСУ. По информации Министерства обороны РФ (на 5 августа 2023 года), всего с 24.02.2022 прибыло 7282 наемника; из них было уничтожено 2682, убыло 2408¹. На 5 августа 2023 года на стороне ВСУ в боях принимало участие 2192 наемника². Однако реальные цифры могут отличаться в большую сторону, поскольку речь идет только о тех наемниках, которые были выявлены и идентифицированы как наемники, а значит, они отвечают признакам, определенным в международном гуманитарном праве³:

- наемник не имеет права быть комбатантом или военнопленным;
- наемником является любое лицо, которое:
 - 1) специально завербовано на месте или за границей для участия в вооруженном конфликте;
 - 2) действительно принимает непосредственное участие в военных действиях;
 - 3) мотивировано принять участие в военных действиях главным образом из стремления к личной выгоде, и фактически ему обещано стороной, находящейся в конфликте, или от ее имени материальная компенсация, существенно превышающая ту, которая была обещана или выплачена комбатантам за аналогичные звания и функции в вооруженных силах этой стороны;
 - 4) не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни жителем территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте;
 - 5) не является членом вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте;
 - 6) не было направлено государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве члена его вооруженных сил.

Таким образом, наемник — это «любое лицо, которое специально завербовано... принимает непосредственное участие в военных действиях... руководствуется желанием получить личную выгоду и которому обещано материальное вознаграждение, превышающее вознаграждение комбатантов. Не является гражданином стороны, находящейся в конфликте, постоянно не проживает на ее территории и не входит в состав ее вооруженных сил»⁴.

¹ Минобороны России публикует данные о численности иностранных наемников на Украине // Официальный телеграм-канал Министерства обороны Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/mod_russia/18376 (дата обращения: 11.06.2024).

² Там же.

³ Article 47 — Mercenaries // International Humanitarian Law Databases [Электронный ресурс]. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/api-1977/article-47> (дата обращения: 11.06.2024).

⁴ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (Протокол I) // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/2540377> (дата обращения: 21.06.2024).

Вместе с тем есть свидетельства того, что в конфликте задействуются и сотрудники ЧВК и ЧВОК (частные военные и охранные компании), осуществляющие различные действия, связанные с военной, охранной сферами и сферой безопасности⁵. В данной статье ЧВК и ЧВОК мы используем как синонимы. Под ЧВК мы понимаем коммерческие военизированные организации, имеющие право на приобретение и применение оружия, сбалансированные по составу сил и средств в интересах оказания квалифицированных услуг военно-силового характера на платной основе за пределами национальной территории⁶.

Различие между ЧВК и наемниками состоит в том, что ЧВК являются официально зарегистрированными организациями (юридические лица), а наемник — физическое лицо. Сотрудники ЧВК могут заниматься консалтингом, подготовкой, а не только принимать непосредственное участие в боевых действиях, в то время как наемники вербуются для непосредственного участия в боевых действиях⁷. В то же время, как отмечает Э.К. Сайфуллин, «в случае если будет доказано непосредственное участие сотрудника ЧВОК в военных действиях, то с учетом остальных признаков (специально завербован, иностранное происхождение, корыстный мотив, не входит в личный состав армии стороны конфликта, не послан третьим государством) он может быть признан наемником» [Сайфуллин 2022, 139]. Таким образом, в реальных условиях часто не представляется возможным строго дифференцировать сотрудника ЧВК и наемника.

Помимо наемников в зоне конфликта присутствуют добровольцы. Фактор их участия играет важную роль в военном конфликте на Украине. Под добровольцами мы понимаем «лицо, принимающее участие в вооруженном конфликте на основании идеологических, политических и иных некорыстных мотивов и не являющееся гражданином государства — участника конфликта» [Там же, 140]. Как отмечает Э.К. Сайфуллин, «добровольцы приравниваются к вооруженным силам, т. е. признаются комбатантами, при условии, что они отвечают тем же требованиям, указанным еще в Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, а именно: имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных; имеют определенный и явственно видимый издали отличительный знак; открыто носят оружие; соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны» [Там же, 135]. При этом в нормах международного гуманитарного права не говорится о требованиях к гражданству, из чего следует вывод, что добровольцы могут быть иностранцами.

Соответственно, разграничение можно провести по признаку легальности, то есть сотрудники ЧВК и иностранные добровольцы могут находиться в зоне конфликта легально, а наемники — нет. Сотрудник ЧВК в случае, если принимает участие в боевых действиях, может рассматриваться как наемник. Другое разграничение — мотив. У сотрудников ЧВК и наемников этот мотив экономический (корыстный). У добровольцев мотив идеологический, политический и/или религиозный. Иностранец добровольец участвует в боевых действиях на идейной основе в составе стороны вооруженных сил одной из сторон конфликта, имеет видимые издали знаки различия, соблюдает обычаи войны. Подчеркнем: если условия не соблюдаются, то сотрудники ЧВК, иностранные добровольцы и наемники могут быть неразличимы.

Актуальность исследования обусловлена тем, что ни один современный военный конфликт не обходится без применения наемников и ЧВК, которые играют все более заметную роль в войнах нового типа. Это обусловлено спецификой применения наемников и ЧВК, использование которых позволяет государству избегать многих политических рисков. В зоне проведения специальной

⁵ Зайцев А.Я. Специфика участия частных военных компаний в современных международных политических процессах: дис... канд. полит. наук. М., 2024.

⁶ Западные частные военные компании как угроза государственности // Журнал «Национальная оборона» [Электронный ресурс]. URL: <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/zapadnye-chastnye-voennye-kompanii-kak-ugroza-gosudarstvennosti-44901.shtml> (дата обращения: 22.06.2024).

⁷ Зайцев А.Я. Специфика участия частных военных компаний в современных международных политических процессах: дис... канд. полит. наук. М., 2024.

военной операции (СВО) применение этих формирований позволяет снизить риски социальной напряженности внутри воюющего государства.

Цель исследования — выявить особенности участия наемников, ЧВК и добровольцев в ходе боевых действий в зоне проведения СВО. Задачи исследования: 1) установить, из каких стран мира наемники принимают участие на стороне киевского режима; 2) выявить цели наемников, выступающих на стороне киевского режима; 3) показать, что использование наемников и ЧВК является важным элементом гибридных войн; 4) показать использование российских ЧВК в качестве ответа на развязанную коллективным Западом против России гибридную войну нового типа; 5) показать принципы формирования и применения добровольческих формирований России, используемых в СВО.

Новизна исследования заключается в том, что в нем показана с разных сторон специфика применения наемников и ЧВК обеими сторонами конфликта, участвующими в нем напрямую. Выявлен состав добровольческих формирований ВС РФ и особенности их применения в СВО. Дана также оценка численности наемников и сотрудников ЧВК относительно численности всех украинских военизированных формирований. В ходе исследования установлено, что подготовка киевским режимом наемников для участия в будущих боях против российских сил была проведена задолго до начала СВО.

Методология исследования и обзор литературы

Помимо общенаучных методов, таких как анализ, синтез, индукция и дедукция, в данном исследовании применялся комплекс научных подходов. Так, теоретической базой исследования выступает неореализм в теории международных отношений. В частности, представители неореализма [Lobel 1986; O'Brien 2000] рассматривали ЧВК в качестве возможных инструментов государств, которые задействуют частные организации с целью достижения ими собственных национальных интересов. С точки зрения данного подхода ЧВК рассматриваются в качестве негосударственных акторов, способных оказывать влияние на международные процессы. Основной формой влияния ЧВК на международные процессы является участие в вооруженных конфликтах. Предоставление наемников и ЧВК рассматривается в рамках неформальных принципов межгосударственного взаимодействия [Казанцев 2003]. Структурно-функциональный подход позволил выявить функции наемников и ЧВК в военном конфликте на Украине. Применен метод анализа документов, включающих документы Российской Федерации и Украины, благодаря которым удалось установить ЧВК, принимающие участие в конфликте на той или иной стороне.

Исследованиями феномена ЧВК (ЧВОК) и наемников занимаются как в России, так и за рубежом. Среди отечественных специалистов следует выделить А.Н. Михайленко, который отмечал, что сотрудники ЧВОК по форме схожи с наемниками, однако наличие законодательных положений и нормативных документов не позволяет объединить данные понятия [Михайленко 2016]. Вместе с тем М.А. Небольсина и А.И. Никитин указывают на то, что ЧВОК являются новыми субъектами, «поскольку действуют на стыке внутренней и внешней безопасности, государственного и частного секторов, военной и гражданской сфер» [Небольсина, Никитин 2016, 156].

В отечественной науке ЧВК относят к негосударственным акторам международных отношений [Пузырева 2020]. Российские исследователи отмечают, что ЧВК привлекаются в случае, когда государство не планирует использовать своих собственных военных, а хочет использовать для решения поставленной задачи стороннюю силу [Булавин и др. 2018]. Специфика участия ЧВК в современных международных политических процессах рассматривается в диссертации

А.Я. Зайцева⁸ Исследованием понятия «наемник» в России среди прочих занимались В.А. Звягин и О.А. Елисеева [Звягин, Елисеева 2014]. Феномен участия иностранных наемников в зоне проведения СВО исследовала Е.С. Сенявская [Сенявская 2023].

За рубежом также многие ученые занимаются исследованиями феномена ЧВК. Так, П. Сингер классифицировал ЧВК в зависимости от заключаемого контракта с нанимателем:

- поставщики военных услуг, которые оказывают услуги непосредственно во время конфликта;
- консалтинговые компании (обучение, консультации, анализ);
- компании военной поддержки (речь идет о материально-технической поддержке, транспортировке грузов) [Singer 2003].

Экс-советник президента США по национальной безопасности и борьбе с терроризмом Х. Зарате указывает на то, что ЧВК являются «реконструированной формой организованного корпоративного наемничества, которая соответствует потребностям применения передового военного опыта» [Zarate 1998, 81–82]. Среди иностранных специалистов есть также те, которые занимаются вопросами особенностей взаимодействия ЧВК и государств, например Ф. Шрайер и М. Капарини [Schreier, Caparini 2005]. Исследованиям участия ЧВК в вооруженных конфликтах конца XX – начала XXI вв. посвящены работы многих специалистов [Avant 2006; Private Actors and Security Governance 2006].

Оценка современной роли наемников в историческом контексте на примере их применения в Африке проведена в работе [Singh, Singh 2022]. Исследуются также статус наемников в международном праве [Kwakwa 1990] и наемники как инструмент государственного принуждения [Kinsey 2022].

Таким образом, можно констатировать, что феномен ЧВК занимает важное место в исследованиях специалистов разных стран, однако все еще остаются недостаточно исследованными вопросы, связанные, в частности, с взаимодействием государств с наемниками и ЧВК, в том числе в зоне проведения СВО.

Особенности использования иностранных наемников и ЧВК в военном конфликте на Украине

Наибольшее количество наемников по странам, сгруппированным по частям света, показано в Таблице 1. Для каждой части света указаны 5 стран (кроме Австралии и Океании, поскольку из этой части света наемники прибыли только из двух стран), откуда на 05.08.2023 г. фиксировалось прибытие наибольшего количества наемников, которые не были ликвидированы или не покинули зону конфликта.

Таблица 1. Количество наемников в зоне проведения специальной военной операции, СВО⁹

Страна	Прибыло с 24.02.2022 по 05.08.2023	Уничтожено	Убыло	Оставалось на 05.08.2023
Европа				
Польша	1837	643	493	701
Румыния	505	156	142	207
Великобритания	436	141	135	160
Белоруссия	233	85	82	66
Албания	150	53	47	50

⁸ Там же.

⁹ Составлено автором на основе данных Министерства обороны РФ.

Америка				
Канада	608	213	205	190
США	565	241	243	81
Колумбия	65	22	12	31
Бразилия	46	20	19	7
Перу	5	0	1	4
Азия				
Грузия	449	195	155	99
Сирия	200	97	85	18
Турция	61	25	21	15
Израиль	35	13	12	10
Япония	10	0	1	9
Африка				
Алжир	52	5	4	43
Нигерия	82	42	39	4
Сенегал	15	4	8	3
Габон	5	2	1	2
Гвинея	10	4	4	2
Австралия и Океания				
Австралия	6	2	1	3
Новая Зеландия	1	0	0	1

Следственным комитетом РФ установлено, что «в процесс отбора наемников вовлечены сотрудники посольств Украины за рубежом. Также к этой работе привлечены различные иностранные государственные органы и общественные организации»¹⁰. Отмечается, что некоторые наемники принимают участие в вооруженном конфликте в Донбассе с 2014 года. Кроме того, многие из этих наемников обладают боевым опытом участия в том числе в конфликтах на территории стран Ближнего Востока. В Следственном комитете заявили, что «в результате проведенной работы зафиксировано участие около тысячи наемников из 54 стран мира. При этом наиболее активными странами в части поставки Украине живой силы являются Великобритания, США, Канада, Израиль, Франция, Швеция, Грузия, Финляндия, Польша и Литва». Позже, 26 июня 2024 г., замглавы Следственного комитета Российской Федерации Александр Федоров предоставил данные, согласно которым «установлены факты вербовки и участия свыше 3 тысяч наемников из более чем 70 государств»¹¹.

Значительная часть из этих наемников вступает в так называемый «Интернациональный легион территориальной обороны Украины», он же «Иностранный легион» (The International Legion of Territorial Defence of Ukraine; the Ukrainian Foreign Legion). В начале октября 2024 г. Директор ФСБ России, председатель Совета руководителей органов безопасности и специальных служб государств — участников СНГ (СОРБ) Александр Бортников заявил о продолжающейся переброске «на Украину иностранных наемников и боевиков международных террористических организаций. В большинстве случаев вербовка таких лиц за рубежом ведется с позиций украинских загранучреждений. О масштабах налаженной Западом системы поставки боевиков на фронт говорит численность так называемого “Интернационального легиона территориальной обороны Украины”, которая достигла 18 тысяч человек из более 85 стран мира, включая государства постсоветского пространства»¹².

¹⁰ Председатель СК России провел оперативное совещание в Геническе Херсонской области // Следственный комитет Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://sledcom.ru/press/events/item/1743429/> (дата обращения: 11.06.2024).

¹¹ СК установил факты вербовки ВСУ более 3 тыс. наемников из 70 государств // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/21207737> (дата обращения: 01.07.2024).

¹² Бортников рассказал о созданном Западом «легионе обороны Украины» // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20241004/legion-1976305327.html> (дата обращения: 10.10.2024).

Основными требованиями к кандидатам на вступление в «Иностранный легион» являются:

- возраст 18–60 лет;
- отсутствие судимости (заявители не должны иметь истории судебного преследования или осуждения);
- отсутствие хронических заболеваний (всем кандидатам необходимо пройти оценку медицинской комиссии);
- все кандидаты должны быть физически способны выполнять основные пехотные задачи;
- военный или соответствующий опыт является преимуществом (военный опыт не обязателен, но увеличивает шансы на поступление);
- другой соответствующий опыт может включать работу в правоохранительных органах, военизированных организациях;
- боевой опыт, включая военизированные формирования и ополчения, не обязателен, но увеличивает шансы на прием в «Иностранный легион».

Впрочем, есть основания считать, что далеко не все лица, поступающие в «Иностранный легион», отвечают всем вышеперечисленным требованиям. Например, среди них есть преступники и наркоманы. Некоторые из этих завербованных лиц преследуются по закону, что подтверждается информацией, опубликованной Министерством обороны России. Например, захваченного в плен грузинского наемника Георгия Чубетидзе завербовали оперативники СБУ, когда он находился в следственном изоляторе за совершение преступления¹³.

Следует отметить, что общая численность наемников не превышает 2–3% от общей численности ВСУ и других украинских военизированных формирований. В то же время фиксируются случаи, когда наемники распределяются неравномерно, и на некоторых направлениях они могут составлять бóльшую часть сил киевского режима. Так, согласно заявлению от 5 октября 2022 года помощника министра внутренних дел ЛНР Виталия Киселева, наемники из Восточной Европы составляют 60–70% личного состава украинской армии на Луганском направлении¹⁴. Кроме того, согласно сведениям грузинского наемника г. Чубетидзе, в украинском «Втором интернациональном легионе» есть две роты под названиями «Альфа» и «Чарли». В первую роту зачисляют выходцев из ближнего зарубежья, а во вторую попадают иностранцы, которым требуется переводчик¹⁵. Согласно полученной от наемника информации, в роте «Чарли» присутствуют граждане Бразилии, Великобритании, США, Франции и ряда других стран. Большая часть этих наемников имеет опыт боевых действий на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Примечательно и то, как используются наемники в рядах ВСУ. Так, согласно информации командующего группировкой войск «Центр» генерал-лейтенанта Андрея Мордвичева, от захваченных в плен военнослужащих ВСУ стало известно, что «в каждой роте [ВСУ] до 10 человек: прибалты в основном, грузины. Но так сказать, чтобы там сдавались и брали пленных — таких фактов нет. В основном они действуют как инструктора, как заградотряд на устойчивость обороны»¹⁶. Использование наемников в качестве заградительных отрядов объясняется падением уровня мотивации новоприбывших на передовую мобилизованных солдат, которые попали в зону боевых действий исключительно насильственным путем. Это подрывает морально-волевые качества мобилизованных, и единственное, что удерживает их от бегства, — это страх смерти. Наемники,

¹³ Пленный грузинский наемник рассказал, как его завербовала СБУ в СИЗО на Украине // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19277143> (дата обращения: 11.06.2024).

¹⁴ В МВД ЛНР заявили, что до 70% сил Украины на луганском направлении составляют наемники // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/15959261> (дата обращения: 11.06.2024).

¹⁵ Пленный рассказал, как наемники в ВСУ пытаются избежать российских ударов // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20231117/spetsoperatsiya-1909993550.html> (дата обращения: 11.10.2024).

¹⁶ Командир группировки «Центр» заявил, что инструкторы НАТО действуют как заградотряды в ВСУ // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/18342379> (дата обращения: 11.06.2024).

будучи представителями других народов, не испытывают какой-то эмпатии к местному населению и солдатам ВСУ, поэтому психологически им легче открывать огонь по дезертирам.

В зоне проведения СВО на стороне Украины принимает участие в боевых действиях целый ряд иностранных ЧВК. Среди них выделялась ЧВК Mozart Group, которая позиционировала себя как прямого оппонента российской ЧВК Wagner Group (ЧВК «Вагнер»). Согласно информации на [веб-сайте](#) Mozart Group, миссия этой организации заключалась в создании устойчивого потенциала украинских военных и подразделений территориальной обороны. Жизненно важным компонентом миссии является разминирование поля боя — удаление тонн неизрасходованных боеприпасов, мин и мин-ловушек, которыми усеяна территория. Кроме того, согласно информации компании, Mozart Group занималась подготовкой войск, таких как бригады территориальной обороны, наряду с другими службами, включая эвакуацию в чрезвычайных ситуациях и гуманитарную помощь. Данная ЧВК была основана в середине марта 2022 года полковником морской пехоты США Э. Милберном и Э. Бейном, также бывшим полковником морской пехоты США и украинским бизнесменом, который стал финансовым директором этой организации. Впрочем, долго эта ЧВК не просуществовала: вследствие нехватки средств, морального разложения и высоких потерь в январе 2023 года она была ликвидирована, однако некоторые ее бывшие сотрудники продолжают находиться на Украине в виде новой организации под названием Sonata. Их деятельность более скрытна и координируется как высокопоставленными украинскими военными офицерами, так и подразделениями на передовой для содействия в решении оперативных задач¹⁷.

Согласно информации МИД России, на стороне киевского режима принимает участие в боевых действиях множество других западных ЧВК. Так, на сайте МИД РФ указано, что «содействие ВСУ оказывают как минимум четыре крупных структуры: “Академи” (Academi), “Дин Корп интернэшнл” (DunCorp International), “Кьюбик корпорэйшн” (Cubic Corporation) и “Форвард обзервэйшнс груп” (Forward Observations Group)»¹⁸. Например, такая компания, как Academi, замечена в боевых действиях в районе Изюма / Купянска.

Другая ЧВК, DunCorp International, поглощенная компанией Amentum в 2021 году, среди прочего занимается обучением сотрудников иностранных разведслужб действиям в тылу противника, диверсиям, снайперскому, а также подрывному делу. На Украине с наибольшей вероятностью наемники из этой ЧВК оказывают консультационные услуги в разведке и повышении военных навыков.

ЧВК Cubic Corporation еще с 2015 года принимает участие в подготовке ВСУ. Так, на сайте компании указано, что она осуществила поставку своих специализированных учебных систем украинской армии стоимостью 1,7 млн долларов США¹⁹. Отмечается, что оборудование было совместимо с существующими системами обучения множественного интегрированного лазерного моделирования боевого применения (Multiple Integrated Laser Engagement Simulation, MILES) и Объединенного многонационального центра готовности (Joint Multinational Readiness Center, JMRC), что позволяет украинской армии тренироваться на уровне бригады. Фактически данная ЧВК на протяжении почти всего периода конфликта в Донбассе принимала участие в организационной трансформации ВСУ под стандарты НАТО. В настоящее время Cubic Corporation обеспечивает обучение Сухопутных войск Украины на местах, помогая разрабатывать и облегчать учебные упражнения для ранее поставленной системы MILES.

¹⁷ Russia's War in Ukraine Exposes Risks Posed by Private Military Groups // Voice of America [Электронный ресурс]. URL: <https://www.voanews.com/a/russia-s-war-in-ukraine-exposes-risks-posed-by-private-military-groups/7059533.html> (дата обращения: 11.10.2024). Примечание: «Голос Америки» внесен Минюстом РФ в реестр иноагентов.

¹⁸ О частных военных компаниях в США // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1896217/ (дата обращения: 11.06.2024).

¹⁹ Next-Generation Training Systems — Cubic Global Defense (CGD) // Halldale [Электронный ресурс]. URL: <https://www.halldale.com/defence/14356-next-generation-training-systems-cubic-global-defense-cgd> (дата обращения: 11.06.2024).

В соответствии с информацией МИД России, руководство ЧВК Forward Observations Group имеет тесные контакты с боевиками «Азова»²⁰, а сама компания принимала участие в подготовке ультраправых организаций на Украине²¹. Таким образом, данная ЧВК занималась активной подготовкой террористических организаций.

К менее известным ЧВК, действующим на Украине, относится Sons of Liberty International и Trident Support, занимающаяся подготовкой, консультированием и снабжением ВСУ. Кроме того, сотрудники этой ЧВК осуществляют обучение украинских военных, куда входит артиллерийская и снайперская стрельба, обучение офицерского состава и военных медиков, подготовка к ближнему бою, в том числе штурмовые действия.

Отметим, что 22 августа 2024 г. председатель комиссии Общественной палаты РФ по вопросам суверенитета, сопредседатель координационного совета по интеграции новых регионов Владимир Рогов заявил, что, «по имеющимся оперативным данным, на стороне ВСУ воевало не менее 6–7 иностранных ЧВК. Помимо американских, также присутствовали польские и британские. К примеру, через польские ЧВК часто легализовались наемники со всего мира»²². Это тот случай, когда сотрудники ЧВК выступали де-факто как наемники. Легализация наемников осуществлялась через ЧВК, поскольку эти организации официально зарегистрированы. Поэтому их активно использовали для «отмывания» статуса наемника. Разумеется, участие в боевых действиях на стороне киевского режима и получение денежных средств указывают на то, что это наемники. В таком случае между сотрудниками ЧВК и наемниками разница стирается.

Кроме того, 23 октября 2024 г. в докладе о еженедельных преступлениях Украины, опубликованном послом по особым поручениям МИД РФ по преступлениям киевского режима Родионом Мирошником, были приведены данные, согласно которым «для вербовки наемников западными и украинскими спецслужбами задействуются возможности американских частных военных компаний “Экедеми”, “Кьюбик”, “Дакхос бенефитс”, “Дин корпорейшен”, “Форвард обзервейшен групп”, “Гиперион сервисис” и “Сане оф либерти интернэшнл”, а также польских — “Эй-Эс-Би-Эс Отаго” и “Юропиэн секьюрити экедеми»²³. Согласно оценкам на конец октября 2024 г., с начала СВО на украинскую территорию для участия в боевых действиях против ВС РФ прибыли около 15 тысяч наемников из более 100 государств.

Среди свежих и конкретных примеров деятельности иностранных ЧВК и наемников в конфликте следует выделить появившиеся свидетельства «участия американской ЧВК на стороне ВСУ во вторжении на территорию Российской Федерации»²⁴. Это заявление было сделано в связи поступившей информацией о том, что в Курской области были замечены представители американской ЧВК Forward Observations Group. Как отмечается на сайте журнала Military Watch Magazine, американская ЧВК Forward Observations Group подтвердила размещение своего персонала в Курске и опубликовала фотографии своих сотрудников в регионе, что было подтверждено данными геолокации²⁵. Forward Observations Group, статус которой остается крайне непрозрачным, участвовала в операциях на украинском театре военных действий более двух лет, хотя, как сообщается, часть ее личного состава была перенаправлена в Израиль для поддержки операций

²⁰ Террористическая организация, запрещена в России.

²¹ О частных военных компаниях в США // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1896217/ (дата обращения: 11.06.2024).

²² Рогов рассказал, сколько иностранных ЧВК воевали на стороне ВСУ // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20240822/rogov-1967773619.html> (дата обращения: 11.10.2024).

²³ Для вербовки наемников Запад и Украина используют ЧВК // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20241023/naemniki-1979462931.html> (дата обращения: 23.10.2024).

²⁴ О демарше временной поверенной в делах США в России С.Холмс // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1966203/ (дата обращения: 01.10.2024).

²⁵ New Details on the Role of Western Contractors in Kursk Assault: Polish and French Spoken Widely // Military Watch Magazine [Электронный ресурс]. URL: <https://militarywatchmagazine.com/article/contractors-kursk-polish-french-details> (дата обращения: 01.10.2024).

в секторе Газа с конца 2023 года. В дополнение к этим фотодоказательствам, украинский персонал, участвовавший в операции «Курск», сам подтвердил присутствие персонала из стран — членов НАТО в наступлении²⁶. Информацию об использовании наемников сообщала ФСБ. Так, «сотрудниками Пограничного управления ФСБ России по Брянской области совместно с подразделениями ВС России и Росгвардии 27 октября [2024 г.] пресечена попытка нарушения Государственной границы Российской Федерации в Климовском районе диверсионно-разведывательной группой. В результате боестолкновения четыре диверсанта ликвидированы, остатки отступающей группы поражены ракетно-артиллерийским ударом и понесли потери. У уничтоженных обнаружено иностранное вооружение, экипировка, средства связи, а также личные предметы, свидетельствующие об их принадлежности к третьим странам (флаг Канады, молитвенник на польском языке, блокнот с записями по тактической подготовке на английском языке). На теле одного из ликвидированных обнаружена татуировка второго батальона 75 полка рейнджеров парашютно-десантного разведывательного полка специального назначения Сухопутных войск США»²⁷.

Следует отметить, что ранее депутаты Верховной Рады Украины приняли закон, легализующий иностранцев в состав батальона «Азов»²⁸. Данный законопроект под номером 8098 был принят в январе 2023 года²⁹. До этого указывались только подразделения, находящиеся в подчинении ВСУ. При этом не были включены подразделения, образовавшиеся при Нацгвардии Украины (НГУ), включая террористическую организацию «Азов». Вследствие этого иностранные граждане, вступившие в «Азов», не имели возможности легально находиться на территории Украины и в будущем не могли получить украинское гражданство. Этим законопроектом иностранцы за свою террористическую деятельность в составе не только ВСУ, но и других вооруженных формирований Украины получили возможность получать украинское гражданство.

Таким образом, против России в боевых действиях принимают участие тысячи наемников, в том числе тех, которых киевский режим и западные спецслужбы пытались легализовать через ЧВК. Причем многие из них находились на территории Украины еще до СВО, с 2014 года, что указывает на тщательно спланированную операцию иностранных спецслужб, в координации с которыми тесно работают западные ЧВК. Сознательное превращение Украины в оружие на протяжении многих лет свидетельствует о заблаговременной подготовке не только самих ВСУ и других украинских вооруженных формирований к военному конфликту против России, но и о создании долговременных ячеек из наемников, которые должны были, во-первых, принять участие в боевых действиях против российских сил, а во-вторых, создать необходимую инфраструктуру для аккумуляции наемников из других иностранных ЧВК после начала полномасштабного военного конфликта. По данным российских спецслужб, основной страной, где осуществляется накопление наемников, является Польша³⁰. Не без участия западных наемников киевский режим плотно контактирует со своими кураторами, что формирует еще один канал взаимодействия.

После многочисленных потерь вследствие нанесенных ВС России ударов по базам скопления наемников, а также из-за потерь в ходе непосредственных боестолкновений с подразделениями и частями ВС России и других российских формирований значительная часть наемников была

²⁶ Там же.

²⁷ ФСБ России пресечена попытка нарушения государственной границы Российской Федерации // Федеральная служба безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm%21id%3D10440112%40fsbMessage.html> (дата обращения: 29.10.2024).

²⁸ Террористическая организация, запрещена в России.

²⁹ Верховна Рада України прийняла Закон щодо порядку проходження військової служби за контрактом іноземцями та особами без громадянства у Збройних Силах України та інших утворених відповідно до законів України військових формуваннях // Верховна Рада України [Електронний ресурс]. URL: <https://www.rada.gov.ua/news/razom/232065.html> (дата обращения: 01.06.2024).

³⁰ Спецслужбы стран НАТО перебрасывают иностранных террористов-боевиков на Украину // Служба внешней разведки Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://svr.gov.ru/smi/2022/03/spetssluzhby-stran-nato-perebrasyvayut-inostrannykh-terroristov-boevikov-na-ukrainu.htm> (дата обращения: 01.06.2024).

уничтожена. Другая часть спешно покинула зону конфликта. Многочисленные интервью «солдат удачи» иностранным СМИ указывают на значительные проблемы, связанные с организацией, снабжением, морально-психологическим состоянием (пьянство, суициды, наркомания) в среде украинских войск, что зачастую негативно сказывается на самих наемниках в физическом и эмоциональном отношениях. Это является одной из причин их эксфильтрации в страны исхода, если они остаются живы.

Следует подчеркнуть, что активное использование наемников западными странами, особенно США, Великобританией, а также Польшей, является важным элементом современных гибридных войн [Сивков, Соколов 2023; Стригунов, Манойло 2019; Стригунов, Манойло 2021]. Не участвуя напрямую собственными армиями в боях против ВС России, западные государства получают возможность наносить ущерб России чужими руками. Наемники и сотрудники ЧВК, практически неразличимые в условиях данного конфликта, являются важной составляющей этой стратегии. Наконец, есть основания считать, что под видом наемников действуют кадровые военные из состава армий иностранных государств, получающие таким образом ценнейший опыт современного масштабного военного конфликта, в котором большая часть западных стран либо не принимала участие за последние более чем полвека, либо те военные конфликты, в которых им доводилось принимать участие, несопоставимы с СВО.

Особенности использования российских ЧВК и добровольческих формирований в военном конфликте на Украине и в противостоянии с Западом

Военный конфликт на Украине стал зоной активного применения российских ЧВК, точнее — частных структур, которые выступают в роли ЧВК, поскольку формально в России статус ЧВК не прописан. Задействование этих организаций в боях против ВСУ и других формирований киевского режима способствовало достижению значимых результатов на ряде направлений. Самой заметной и оказавшей наибольшее влияние из всех ЧВК (далее мы будем использовать данную аббревиатуру применительно к некоторым российским военизированным организациям как устоявшуюся в экспертной и военной среде [Кулаков, Галактионов 2023; Мисеюк 2022; Хачак, Вальков 2023]) является ЧВК «Вагнер» (также группа «Вагнер»). Данная организация функционирует как «жесткий» и «мягкий» парамилитарный инструмент российской внешней политики, хотя неофициальный и нетрадиционный [Neethling 2023].

Первые действия ЧВК «Вагнер» были зафиксированы во время событий в Крыму в 2014 году, и вскоре после этого оперативники данной организации появились в Донбассе. ЧВК «Вагнер» также активна и в Сирии с 2015 года. Со временем данная ЧВК эволюционировала, и сегодня она функционирует во многом как частный подрядчик российского руководства в ряде стран мира, включая Восточную Европу (Украина), Ближний Восток (Сирия), Южную Америку (Венесуэла) и Африку (в частности, Ливия, Судан, ЦАР, Мали и Мозамбик). К выполняемым ЧВК «Вагнер» функциям также относятся консультации по вопросам безопасности для различных правительств, таких как Судан и Мали. ЧВК «Вагнер» активно участвует в СВО, где она оказывает поддержку российским войскам. После событий 23–24 июня 2023 года («марш справедливости» ЧВК «Вагнер»), которые были квалифицированы как мятеж³¹, данная ЧВК была подвергнута реорганизации.

Следует отметить, что группа «Вагнер» в боевых действиях положительно проявила себя в СВО. В частности, усилиями ее бойцов были освобождены такие населенные пункты, как Соледар

³¹ Следственным управлением ФСБ России в отношении Пригожина Е.В. возбуждено уголовное дело // Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=88588243> (дата обращения: 01.06.2024).

и Артемовск³², причем ЧВК «Вагнер» участвовала в боевых действиях в городской среде, когда противник имел значительное количественное превосходство в живой силе и находился в обороне. На пике своей активности ЧВК «Вагнер» насчитывала порядка 50 тыс. человек³³: от штурмовиков и артиллеристов до штабистов, саперов и инженеров. До событий 23–24 июня 2023 года ЧВК «Вагнер» обладала внушительным парком вооружения и военной техники. Так, согласно сообщению Министерства обороны России, в ходе разоружения данной ЧВК были получены следующие виды военной техники и вооружения: танки Т-90, Т-80, Т-72Б3; реактивные системы залпового огня «Град», «Ураган»; зенитные ракетно-пушечные комплексы «Панцирь»; самоходные артиллерийские установки 2С1 «Гвоздика» 122-миллиметровые, 2С3 «Акация» 152-миллиметровые, 2С5 «Гиацинт» 152-миллиметровые, 2С4 «Тюльпан» 240-миллиметровые, гаубицы и противотанковые орудия, минометные комплексы; многоцелевые бронированные тягачи, бронетранспортеры; автомобильная техника и стрелковое вооружение³⁴.

Обладая тяжелым вооружением и очень внушительным опытом боевых действий, бойцы ЧВК «Вагнер», в том числе при взаимодействии с подразделениями ВС РФ, смогли добиться значимых результатов на поле боя.

Данная ЧВК уникальна тем, что выступает одновременно как частный бизнес и как агент российского государства. Даже после событий 23–24 июня 2023 г. эта организация служит интересам российского государства. При этом она очень удобна в качестве инструмента противодействия в гибридной войне, развязанной коллективным Западом против России [Громов, Алхумрани 2021; Никонов 2023]. Эта ЧВК полезна тем, что в ряде случаев дает возможность российскому руководству дистанцироваться от ее действий и заявлять, что оно не имеет своего присутствия в данном регионе. В силу специфики группы «Вагнер» потери в ее рядах с политической и психологической точек зрения для населения менее чувствительны, чем потери в рядах ВС РФ. Подрядчики также обходятся значительно дешевле, чем материально-технические и оперативные расходы на ведение обычных военных операций. При этом, будучи номинально частной компанией, группа «Вагнер» гораздо более мобильна, чем официальные воинские части. Однако способность ЧВК «Вагнер» действовать на отдаленных театрах военных действий без прямой поддержки также означает, что ее личный состав более уязвим к внешним угрозам³⁵. Впрочем, это не сказывается критически на ее боеспособности.

Более того, грамотная организация, система рекрутинга и управление своими силами позволили группе «Вагнер» продемонстрировать в ряде случаев ее отличия и, можно сказать, превосходство над традиционными ЧВК. Немаловажную роль в этом сыграл минимальный уровень бюрократии внутри данной организации. Кроме того, владелец ЧВК «Вагнер» Е.В. Пригожин сумел создать из нее всемирно известный бренд. Новоприбывшие бойцы попадали в своеобразное братство, которое объединяло всех независимо от происхождения, социального статуса, прошлых заслуг и т. п. Это способствовало сплочению участников ЧВК в единый коллектив, показавший высокую эффективность на поле боя. Лично владелец ЧВК «Вагнер» активно привлекал для участия в боевых действиях и осужденных, отбывавших наказание в различных колониях. Так, согласно сообщению

³² Заметим, что помогли бойцам ЧВК «Вагнер» на флангах Артемовска подразделения Воздушно-десантных войск ВС РФ: Сводка Министерства обороны Российской Федерации о ходе проведения специальной военной операции (по состоянию на 11 апреля 2023 г.) // Министерство обороны Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12463666@egNews (дата обращения: 01.06.2024).

³³ Bauer R., Mueller E. Ukraine Is a Breeding Ground for Russian PMCs // RAND Corporation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rand.org/pubs/commentary/2023/06/ukraine-is-a-breeding-ground-for-russian-pmcs.html> (дата обращения: 13.06.2024). Примечание: Министерством юстиции РФ иностранная неправительственная организация RAND Corporation (США) включена в перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ.

³⁴ Вооруженными Силами Российской Федерации в соответствии с планом завершается прием вооружения и военной техники от подразделений группы «Вагнер» // Телеграм-канал Министерства обороны Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/mod_russia/28295 (дата обращения: 01.10.2024).

³⁵ Russian Private Military Companies (PMCs) // Congressional Research Service [Электронный ресурс]. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11650/8> (дата обращения: 01.10.2024).

Е.В. Пригожина, на 25 марта 2023 года (то есть до его гибели) «закончило контракт с ЧВК «Вагнер» и вышло на свободу по помилованию более 5000 человек. Процент лиц, которые совершили повторное преступление в течение месяца, — 0,31%. Это в 10–20 раз меньше, чем стандартные показатели до СВО. В основном те, кто совершает преступления, — это увечья различной степени тяжести тем людям, которые «впрягаются» за киевский режим и выступают против задач, которые поставлены в рамках СВО»³⁶. Самых заключенных помиловали еще до того, как они были вывезены из колонии, о чем заявила член Совета по правам человека при президенте РФ Ева Меркачева³⁷. При этом, как отметил пресс-секретарь Президента России Дмитрий Песков, «вся процедура помилования в отношении заключенных осуществляется в строгом соответствии с российским законодательством»³⁸. Выбор на заключенных пал неслучайно, и дело не только в необходимости для ЧВК «Вагнер» восполнять потери. Некоторые лица, отбывающие наказания в колониях, обладают необходимыми характеристиками, в том числе по своему физическому состоянию и психологической устойчивости. Некоторые бывшие заключенные в составе группы «Вагнер» смогли проявить себя как высокомотивированные и умелые бойцы.

После гибели 23 августа 2023 года руководства группы «Вагнер», включая Е.В. Пригожина и Д.В. Уткина (экс-командир данной организации), а также еще нескольких человек, в том числе членов экипажа Embraer Legacy 600, данная компания в некоторой степени была фрагментирована. Часть бойцов осталась в Республике Беларусь, куда они отправились после 24 июня 2023 года. Другая часть была интегрирована в Министерство обороны РФ в виде добровольческих формирований. Так, на встрече с замминистра обороны Юнус-Беком Евкуровым и Андреем Трошевым (экс-начальник штаба ЧВК «Вагнер») В.В. Путин обсудил данный вопрос. Президент отметил, что «на последней встрече мы говорили о том, что Вы займетесь формированием добровольческих подразделений, которые могут выполнять различные боевые задачи, прежде всего, конечно, в зоне специальной военной операции. Вы сами более года воевали в таком подразделении. Знаете, что это такое, как это делается, знаете о вопросах, которые нужно заблаговременно решать, чтобы боевая работа шла наилучшим и самым успешным образом»³⁹. Согласно данным из открытых источников, после событий 23–24 июня 2023 г. Герой России Антон Елизаров с позывным Лотос (член Совета командиров ЧВК «Вагнер») заявил, что Андрей Трошев перешел в ЧВК «Редут»⁴⁰.

Касательно судьбы ЧВК «Вагнер» высказался председатель Комитета Госдумы по обороне Андрей Картаполов: «Она окончательно расформирована, большинство бойцов находится в процессе перехода в другие структуры.... Кто-то продолжает выполнять задачи в странах Африки, но уже под, скажем так, другим брендом и под эгидой Министерства обороны, кто-то заключил контракт с Вооруженными силами, кто-то влился в состав Росгвардии»⁴¹. О том, что у Росгвардии появятся свои добровольческие формирования, было официально объявлено на сайте Государственной Думы РФ. В частности, на сайте размещено сообщение о том, что «депутаты приняли в третьем чтении пакет законов, позволяющий Росгвардии иметь в своем составе добровольческие формирования. Документами предлагается распространить на войска национальной гвардии РФ все те полномочия и механизмы, которые сегодня установлены законами для Минобороны. Таким образом,

³⁶ Аудиокомментарий Евгения Пригожина // Пресс-служба Пригожина [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/concordgroup_official/640 (дата обращения: 01.06.2024).

³⁷ СПЧ объяснил процедуру освобождения заключенных до участия в спецоперации // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230109/zaklyuchennyye-1843702450.html> (дата обращения: 01.06.2024).

³⁸ Песков прокомментировал заявления Пригожина о помиловании заключенных, участвующих в СВО // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16900187> (дата обращения: 01.06.2024).

³⁹ Встреча с Юнус-Беком Евкуровым и Андреем Трошевым // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72391> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴⁰ Путин обсудил с командиром «Вагнера» формирование добровольческих подразделений // Коммерсант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6240040> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴¹ Куда пропала ЧВК «Вагнер» // Парламентская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/state-duma/kuda-propala-chvk-vagner.html> (дата обращения: 01.06.2024).

добровольческие части Росгвардии ничем не будут отличаться от аналогичных формирований Минобороны»⁴².

Из этого следует, что в виде единой централизованной организации ЧВК «Вагнер» больше не существует, а ее части в той или иной степени задействованы в разных регионах за пределами России, а также в зоне проведения СВО. Так, упомянутая ЧВК «Редут» набирает добровольцев, в том числе бывших сотрудников группы «Вагнер». Согласно сообщению иностранных источников, контролирует и финансирует деятельность ЧВК «Редут», включая вербовку в нее, Главное управление Генерального штаба ВС РФ⁴³. С начала СВО ЧВК «Редут» участвовала в боевых действиях в ДНР, ЛНР, Харьковской и Киевской областях. Группа насчитывает более 7000 человек⁴⁴. В настоящее время ЧВК «Редут» является одной из нескольких ЧВК и добровольческих корпусов, используемых Министерством обороны России для пополнения российских регулярных сил. Практика российского военного ведомства по набору персонала через добровольческие подразделения осуществляется вместо новых итераций частичной мобилизации.

ЧВК «Редут» одна из нескольких частных военных фирм, работающих в России, оказывающая широкий спектр услуг, включая боевую подготовку, консультации по вопросам безопасности и материально-техническую поддержку, в первую очередь обслуживая правительства и негосударственные субъекты. В настоящее время «Редут» является наиболее востребованной российским военно-политическим руководством ЧВК, о чем свидетельствует растущая сложность его операций в «серой зоне», где в значительной степени и происходит противостояние в форме гибридной войны. Данная компания будет использовать тактику, отвечающую специфике гибридных войн, чтобы продвигать интересы России. Более того, в существующих условиях в последующем данный инструмент будет применяться все чаще и в больших масштабах в силу его эффективности.

Из других примеров использования ЧВК в интересах России следует привести информацию о том, что на фоне предпринятой попытки вторжения формирований киевского режима в Курскую область России в августе 2024 г. российская ЧВК «Медведь» покинула Буркина-Фасо и приняла участие в отражении вторжения⁴⁵. В этом подразделении около 100 человек из 200–300 российских военнослужащих, ранее дислоцированных в Буркина-Фасо. Согласно открытым источникам, в н.п. Перевальное (Республика Крым) находится базовый лагерь ЧВК «Медведь», возглавляемой Виктором Ермолаевым.

В СВО принимают участие и множество добровольцев. При этом добровольцы (участники добровольческих формирований), в отличие от мобилизованных и военнослужащих по контракту, не являются военнослужащими⁴⁶, а срок службы добровольцев ограничен сроком действия их контракта. В то же время мобилизованные и военнослужащие-контрактники проходят службу до завершения СВО. При этом добровольцы, мобилизованные и военнослужащие по контракту, принимающие участие в СВО, имеют одинаковый уровень денежного содержания (довольствия). В соответствии с заявлением экс-министра обороны РФ С.К. Шойгу, «люди приходят высокомотивированные, готовые к выполнению боевых задач. Кто-то уже имеет боевой опыт, потому что многие из добровольцев, завершив полугодовой контракт, возвращаются на второй, а

⁴² У Росгвардии появятся свои добровольческие формирования // Государственная Дума Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/58491/> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴³ Latest Defence Intelligence update on the situation in Ukraine — 16 October 2023 // Ministry of Defence [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/DefenceHQ/status/1713850808431775939> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Burkina Faso: une partie des paramilitaires russes de la Brigade Bear quitte le pays // RFI [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rfi.fr/fr/afrique/20240829-burkina-faso-les-paramilitaires-de-la-brigade-bear-charg%C3%A9s-de-la-s%C3%A9curit%C3%A9-de-hautes-personnalit%C3%A9s-quittent-le-pays> (дата обращения: 01.10.2024).

⁴⁶ В чем различия добровольцев, контрактников и мобилизованных? // Объясняем.РФ [Электронный ресурс]. URL: https://xn--90aivcdt6dxbc.xn--p1ai/articles/military_service/sluzhba_v_dobrovolcheskikh_formirovaniyakh/priem_na_sluzhbu/v_chyem_razlichiya_dobrovolitsev_kontraktnikov_i_mobilizovannykh/ (дата обращения: 01.06.2024).

есть те, кто возвращаются в третий раз»⁴⁷. Это высокомотивированные бойцы, которые выполняют сложные задачи в ходе боевых действий в интересах Объединенной группировки войск в зоне проведения СВО и являются важной составляющей выполнения всех поставленных целей и задач российским руководством. Кроме того, в соответствии с постановлениями Правительства России от 1 августа 2023 года № 1242 и № 1243, «добровольцы, входившие в воинские формирования Донецкой и Луганской народных республик с 11 мая 2014 года, а также те, кто заключил контракт (или имел другие правоотношения) с организациями, содействующими выполнению задач, возложенных на Вооруженные силы России в ходе спецоперации на территориях Украины, Донецкой и Луганской народных республик с 24 февраля 2022 года и на территориях Запорожской и Херсонской областей с 30 сентября 2022 года, будут получать удостоверение ветерана боевых действий единого образца»⁴⁸.

В 2023 году добровольческие подразделения в зоне СВО, включая казачьи батальоны и бригады, объединились под единым командованием в Добровольческий штурмовой корпус «Экспедиционный»⁴⁹. В корпус вошли различные батальоны и бригады, среди которых: бригада «Волки»; казачьи отряды «Днепр», «Дон», «Терек»; батальоны БАРС («Боевой Армейский Резерв Специальный»), «Александр Невский», «Ветераны», «Георгий Победоносец», «Север Z» и другие. На вооружении корпуса стоит стрелковое оружие, минометы, ствольная артиллерия, РСЗО, танки, благодаря чему они способны полноценно выполнять общевойсковые задачи. По словам заместителя командира корпуса по военно-политической работе, бывшего президента Южной Осетии Анатолия Бибилова, подразделение готово выполнять задачи, поставленные Министерством обороны РФ, «независимо от места и времени»⁵⁰. Подразделения корпуса выполняли и продолжают выполнять задачи на Кинбурнской косе (Херсонская область), в Запорожской области, на артемовском направлении (ДНР) и в ЛНР.

В целом осуществляется активная работа по формированию территориальных батальонов из добровольцев. По информации из открытых источников, на начало 2024 года было сформировано порядка 40 подразделений минимум в 20 субъектах федерации⁵¹. Касательно того, как формируются батальоны, на примере Приморского края его губернатор Олег Кожемяко заявил: «Главный принцип, который мы здесь формируем — землячество. Мы обеспечим батальон всей необходимой экипировкой, спецсредствами, рациями. Батальон придет к своим землякам подготовленным и будет хорошей поддержкой военным частям, которые участвуют в спецоперации на Украине. Власть всегда будет рядом с ними, помогать, подставлять свое плечо»⁵². Этот подход практикуется практически во всех субъектах федерации, где формируются добровольческие подразделения. Благодаря тому, что батальоны формируются из земляков, их слаживание проходит гораздо легче, а кроме того, быстрее и эффективнее формируются боеспособные подразделения, что имеет огромное значение на поле боя. Среди добровольческих отрядов можно выделить: «Кронштадт», «Нева» и «Павловск» (г. Санкт-Петербург); «Боотур» (Якутия); «Тигр» (Приморье); «Алга» и «Тимер» (г. Казань); «Атал» (Чувашия); «Парма» и «Молот» (Пермский край); «Амурский» (Амурская область); «Невский» и «Ладожский» (Ленинградская область); «Ангара» (Иркутская область), «Южноуралец» и «Южный Урал» (Челябинская область); «Тоян» (Томская область).

⁴⁷ Министр обороны РФ провел совещание в штабе Объединенной группировки войск // Министерство обороны Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12481028@egNews (дата обращения: 01.06.2024).

⁴⁸ Правительство расширило категории получателей удостоверений ветерана боевых действий // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/49184/> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴⁹ Добровольческие подразделения в зоне СВО объединились в корпус // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/19011891> (дата обращения: 01.06.2024).

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Специальная добровольческая операция // Коммерсант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5501970> (дата обращения: 01.06.2024).

⁵² Добровольческий отряд «Тигр» проходит боевые учения в Приморье // Правительство Приморского края [Электронный ресурс]. URL: https://primorsky.ru/news/269643/?sphrase_id=6374914 (дата обращения: 01.06.2024).

24 октября 2024 г. стало известно, что добровольческий отряд «БАРС-Курск» приступил к выполнению боевых задач в Курской области. Согласно официальной информации, «в задачи отряда входит охрана и оборона объектов жизнеобеспечения и инфраструктуры, борьба с беспилотниками, выявление и борьба с диверсионно-разведывательными группами противника, обеспечение эвакуации гражданского населения, а также обеспечение режима контртеррористической операции (КТО)»⁵³. «БАРС-Курск» — это формирование, «состоящее из добровольцев Курской области, в основном из Кореневского района. Известно, что «в трех областях России, граничащих с Украиной, создаются отряды “БАРС-Курск”, “БАРС-Белгород” и “БАРС-Брянск”»⁵⁴, чья основная задача состоит в содействии оперативным штабам губернаторов и решении задач в рамках КТО. Известно также, что на запорожском направлении российские артиллеристы уничтожают позиции противника при поддержке корпуса БПЛА добровольческого отряда «БАРС»⁵⁵. Ключевое отличие добровольческих отрядов от наемников и ЧВК состоит в том, что они формируются в составе Вооруженных сил Российской Федерации. Следовательно, это добровольческие формирования не являются частными структурами, и на них распространяются те же правила, что и на военнослужащих ВС РФ. Кроме того, добровольцы являются комбатантами.

Что касается конкретных примеров деятельности российских добровольческих формирований, то, как отмечает военный эксперт генерал-лейтенант Юрий Неткачев, на северных границах с Украиной появились добровольные отряды, состоящие из местных жителей, которые «будут действовать в ближайшем тылу наших войск, выполняя задачи именно обороны страны. То есть борясь с ДРГ, защищая объекты от воздушного противника с помощью переносных комплексов ПВО и РЭБ, помогая населению в разминировании и т. п.»⁵⁶. Добровольческие батальоны, в частности добровольческий отряд имени В.Ф. Маргелова в Херсонской области, также выполняют поисково-разведывательные задачи, организуют штурмовые операции на линии соприкосновения и занимаются охраной стратегических объектов.

Имеются сведения о действиях против формирований киевского режима расчетов БПЛА бригады «Гром “Каскад”», в состав которой вошли два дивизиона разведывательно-ударных беспилотников, одна эскадрилья разведывательных беспилотников и рота обеспечения. На февраль 2024 года в бригаде служило более 820 российских военнослужащих. В марте 2024 года депутат Государственной Думы и Герой России полковник Дмитрий Саблин, возглавляющий подразделение «Каскад», сообщил, что «подразделение ведет аэроразведку по всей линии фронта, расчеты наводят артиллерию и сами уничтожают технику противника. Общее количество уничтоженных целей — более 5500»⁵⁷. В настоящее время в бригаде 54 расчета. При этом служат там как добровольцы, так и кадровые военнослужащие. Данное подразделение уничтожает различные цели — от ЗРК «Бук» до САУ.

Некоторые добровольческие формирования по типу «Добровольческого штурмового корпуса» (ДШК) создаются и для выполнения специальных задач. В частности, спецподразделение «Рысь», входящее в ДШК, осуществляет не только разведку, но также участвует в городских боях, проводит операции в ночное время суток и осуществляет масштабную диверсионную работу

⁵³ Отряд добровольцев «БАРС-Курск» приступил к боевым задачам // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20241024/spetsoperatsiya-1979709375.html> (дата обращения: 25.10.2024).

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Российские добровольцы показали уничтожение опорного пункта ВСУ // Радио Спутник [Электронный ресурс]. URL: <https://radiosputnik.ru/20230628/vsu-1880877386.html> (дата обращения: 01.06.2024).

⁵⁶ «Курский фронт» усилили подразделениями БАРС // Независимая газета [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/armies/2024-10-24/1_9122_bars.html (дата обращения: 25.10.2024).

⁵⁷ Дмитрий Саблин рассказал о работе подразделения аэроразведки ГРОМ «Каскад» // Всероссийская общественная организация ветеранов «Боевое братство» [Электронный ресурс]. URL: <https://bbratstvo.com/2024/03/06/dmitriy-sablin-rasskazal-o-rabote-podrazdeleniya-aerorazvedki-grom-kaskad> (дата обращения: 25.10.2024).

в тылу противника. Фактически подобные подразделения выполняют функции диверсионно-разведывательной группы (ДРГ)⁵⁸. Сам ДШК действует в составе группировки российских войск «Юг».

Добровольческие отряды зарекомендовали себя как успешные подразделения, которые вносят свой важный вклад в достижение всех целей и задач СВО. Кроме того, в добровольческие отряды, принимающие участие в СВО, набирают и иностранных граждан. Так, по некоторым сведениям, в рядах добровольческих отрядов присутствуют кубинцы⁵⁹. Боевую подготовку в рядах батальона имени Судоплатова проходят также добровольцы из Турции, которые приехали в Запорожскую область⁶⁰. На стороне российских сил в СВО едут принимать участие в боевых действиях и добровольцы из Прибалтийских стран. В частности, председатель движения «Мы вместе с Россией» Владимир Рогов заявил, что «количество добровольцев из прибалтийских республик только на запорожском направлении исчисляется десятками, лидерами [по численности] являются литовцы. Как ни странно, в большинстве случаев это не [этнические] русские, это именно латыши, эстонцы, литовцы»⁶¹. В этом же батальоне вместе с гражданами России воюют и сербы. Примечательно, что их готовность воевать на стороне России не снижается даже при наличии угрозы быть арестованными и получить тюремный срок по возвращении в страну исхода.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что на стороне киевского режима страны коллективного Запада активно задействуют наемников, прибывающих в зону боевых действий как поодиночке, так и в составе ЧВК. Как правило, эти силы выполняют вспомогательную функцию, в том числе карательную, в качестве заградительных отрядов. Несмотря на значительные потери, на октябрь 2024 г. поток наемников не иссякает, хотя армия России уничтожает их так же методично и часто, как и живую силу регулярных частей и подразделений киевского режима. Влияние наемников на ход боевых действий мы оцениваем как второстепенное, поскольку общая численность наемников из всех стран мира, откуда они прибывали для того, чтобы участвовать в боевых действиях на стороне формирований киевского режима, не превышала на пике нескольких процентов от общей численности (ВСУ, НГУ и пр.).

Наконец, следует отметить, что кроме ВС РФ и Росгвардии, в СВО принимают участие парамилитарные формирования, которые, впрочем, в настоящее время интегрированы в официальные силовые структуры. Они доказали свою эффективность в ходе боев с ВСУ и другими вооруженными формированиями киевского режима и являются важной частью стратегии достижения целей и задач СВО. Это гибкий и адаптивный инструмент, который может быть использован в других регионах мира как важный элемент в противостоянии коллективному Западу в развязанной им против России глобальной гибридной войне нового типа. Зона проведения СВО для ряда ЧВК и наемников становится наилучшим полигоном для наработки боевого опыта, который может быть применен в других странах, где интересы России и недружественных ей стран вступают в противоречие, неразрешимое неконфликтным способом.

⁵⁸ «Штурм превращается в мясорубку» Как российские спецназовцы воюют под Соледаром и устраивают диверсии в глубоком тылу ВСУ // Lenta [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2024/04/02/pirat/> (дата обращения: 25.10.2024).

⁵⁹ Special Report: How Cubans were recruited to fight for Russia // Reuters [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/world/whatsapp-war-how-cubans-were-recruited-fight-russia-2023-09-30/> (дата обращения: 15.12.2023); Россия и Куба друг за друга! — кубинские добровольцы в зоне СВО // Rutube [Электронный ресурс]. URL: <https://rutube.ru/video/7f076081039c5f3656f8f071327c2645/> (дата обращения: 25.10.2024).

⁶⁰ Добровольцы из Турции прибыли на Запорожье, чтобы воевать против ВСУ // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230202/dobrovolets-1849135484.html> (дата обращения: 25.10.2024).

⁶¹ Рогов сообщил, что в Запорожской области на стороне РФ воюют добровольцы из стран Балтии // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17502625> (дата обращения: 25.10.2024).

Список литературы:

- Булавин А.В., Карпович О.Г., Манойло А.В., Мантусов В.Б. Мировая политика: передовые рубежи и красные линии. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018.
- Громов В.Г., Алхумрани Х.Т.А. О проблемах предупреждения наемничества в Ираке // Эксперт: теория и практика. 2021. № 1(10). С. 59–63. DOI: [10.51608/26867818.2021.1.59](https://doi.org/10.51608/26867818.2021.1.59)
- Звягин В.А., Елисеева О.А. К вопросу об определении понятия «наемник» // Евразийский Союз Ученых. 2014. № 8–10. С. 61–65.
- Казанцев А.А. О когнитивно-неоинституциональном подходе к изучению международных отношений // ПолиС. Политические исследования. 2003. № 1. С. 74–81. DOI: [10.17976/jpps/2003.01.07](https://doi.org/10.17976/jpps/2003.01.07)
- Кулаков А.В., Галактионов С.А. Правовой статус частных военных компаний в Российской Федерации // Вестник Самарского Юридического института. 2023. № 1(52). С. 63–66. DOI: [10.37523/SUI.2023.52.1.009](https://doi.org/10.37523/SUI.2023.52.1.009)
- Мисеюк В.П. Участие частных военных компаний в современных конфликтах и проблемы регулирования их деятельности // Аллея науки. 2022. Т. 1. № 3(66). С. 622–630.
- Михайленко А.Н. Проблемы и перспективы развития системы регулирования частных военных и охранных компаний // Вопросы политологии. 2016. № 3(23). С. 172–193.
- Небольсина М.А., Никитин А.А. Перспективы международного регулирования деятельности частных военных компаний // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2(47). С. 145–160. DOI: [10.24833/2071-8160-2016-2-47-145-160](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-2-47-145-160)
- Никонов В.А. Специальная военная операция и новый миропорядок // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 99. С. 7–34. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-99-7-34](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-99-7-34)
- Пузырева Ю.В. К вопросу о статусе сотрудников частных военных и охранных компаний в вооруженных конфликтах // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 2. С. 51–57. DOI: [10.31085/2310-8681-2020-2-208-51-57](https://doi.org/10.31085/2310-8681-2020-2-208-51-57)
- Сайфуллин Э.К. Дифференциация международно-правовых статусов наемника, иностранного добровольца и сотрудника частной военной и охранный компании // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 10. С. 127–142. DOI: [10.12737/jrl.2022.110](https://doi.org/10.12737/jrl.2022.110)
- Сенявская Е.С. Иностранцы наемники в зоне СВО: самопозиционирование и трактовка образа в западных и российских СМИ // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11. № 4. DOI: [10.24412/2311-1763-2023-4-37-37](https://doi.org/10.24412/2311-1763-2023-4-37-37)
- Сивков К.В., Соколов К.Н. Гибридная война. М.: Наше Завтра, 2023.
- Стригунов К.С., Манойло А.В. Стратегия «Шах и мат Мадуро» как исток операции «Гедеон» // Международная жизнь. 2021. № 3. С. 56–71.
- Стригунов К.С., Манойло А.В. Фундаментальный механизм и законы неклассической войны // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 4(14). С. 157–193.
- Хачак Б.Н., Вальков Г.Г. Правовой статус частных военных компаний в РФ // Научные высказывания. 2023. № 10(34). С. 58–61.
- Avant D. The Privatization of Security: Lessons from Iraq // OrbIs. 2006. Vol. 50. Is. 2. P. 327–342. DOI: [10.1016/j.orbis.2006.01.009](https://doi.org/10.1016/j.orbis.2006.01.009)
- Kinsey C. The Mercenary: An Instrument of State Coercion. Oxford: Oxford University Press, 2022.
- Kwakwa E. The Current Status of Mercenaries in the Law of Armed Conflict // Hastings International and Comparative Law Review. 1990. Vol. 14. Is. 1. P. 67–92.

Lobel J. Covert War Congressional Authority: Hidden War and Forgotten Power // *University of Pennsylvania Law Review*. 1986. Vol. 134. Is. 5. P. 1035–1110.

Neethling T. Russian Para-Military Operations in Africa: The Wagner Group as a De Facto Foreign Policy Instrument // *Scientia Militaria: South African Journal of Military Studies*. 2023. Vol. 51. Is. 1. DOI: [10.5787/51-1-1403](https://doi.org/10.5787/51-1-1403)

O'Brien K. PMCs, Myths and Mercenaries: The Debate on Private Military Companies // *The RUSI Journal*. 2000. Vol. 145. Is. 1. P. 59–64. DOI: [10.1080/03071840008446490](https://doi.org/10.1080/03071840008446490)

Private Actors and Security Governance / ed. by A. Bryden, M. Caparini. Münster: LIT Verlag, 2006.

Schreier F., Caparini M. *Privatising Security: Law, Practice and Governance of Private Military and Security Companies*. Geneva: Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces, 2005.

Singer P. *Corporate Warriors. The Rise of the Privatized Military Industry and Its Ramification for International Security* // *International Security*. 2001. Vol. 26. Is. 3. P. 186–220.

Singer P.W. *Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry*. New York: Cornwell University Press, 2003.

Singh A., Singh A. Mercenaries in Africa: Legality and Geopolitics // *African Journal of Economic and Sustainable Development*. 2022. Vol. 9. Is. 1. P. 23–36. DOI: [10.1504/AJESD.2022.125006](https://doi.org/10.1504/AJESD.2022.125006)

Zarate J.C. The Emergence of a New Dog of War: Private International Security Companies, International Law, and the New World Disorder // *Stanford Journal of International Law*. 1998. Vol. 34. Is. 1. P. 75–162.

References:

Avant D. (2006) The Privatization of Security: Lessons from Iraq. *Orbis*. Vol. 50. Is. 2. P. 327–342. DOI: [10.1016/j.orbis.2006.01.009](https://doi.org/10.1016/j.orbis.2006.01.009)

Bryden A., Caparini M. (eds.) (2006) *Private Actors and Security Governance*. Münster: LIT Verlag.

Bulavin A.V., Karpovich O.G., Manoylo A.V., Mantusov V.B. (2018) *Mirovaya politika: peredovyye rubezhi i krasnyye linii* [World politics: Frontiers and red lines]. Moscow: YuNITI-DANA.

Gromov V.G., Alhumrani H.T.A. (2021) On the Problems of Preventing Mercenarism in Iraq. *Ekspert: teoriya i praktika*. No. 1(10). P. 59–63. DOI: [10.51608/26867818_2021_1_59](https://doi.org/10.51608/26867818_2021_1_59)

Kazantzev A.A. (2003) On Cognitive-Neoinstitutional Approach to the Study of International Relations. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. No. 1. P. 74–81. DOI: [10.17976/jpps/2003.01.07](https://doi.org/10.17976/jpps/2003.01.07)

Khachak B.N., Valkov G.G. (2023) Pravovoy status chastnykh voyennykh kompaniy v RF [Legal status of private military companies in the Russian Federation]. *Nauchnyye vyskazyvaniya*. No. 10(34). P. 58–61.

Kinsey C. (2022) *The Mercenary: An Instrument of State Coercion*. Oxford: Oxford University Press.

Kulakov A.V., Galaktionov S.A. (2023) Legal Status of Private Military Companies in the Russian Federation. *Vestnik Samarskogo Yuridicheskogo instituta*. No. 1(52). P. 63–66. DOI: [10.37523/SUI.2023.52.1.009](https://doi.org/10.37523/SUI.2023.52.1.009)

Kwakwa E. (1990) The Current Status of Mercenaries in the Law of Armed Conflict. *Hastings International and Comparative Law Review*. Vol. 14. Is. 1. P. 67–92.

Lobel J. (1986) Covert War Congressional Authority: Hidden War and Forgotten Power. *University of Pennsylvania Law Review*. Vol. 134. Is. 5. P. 1035–1110.

Mikhaylenko A.N. (2016) Problems and Prospects of Development of Private Military and Security Companies' Regulation System. *Voprosy politologii*. No. 3(23). P. 172–193.

Miseyuk V.P. (2022) Uchastiye chastnykh voyennykh kompaniy v sovremennykh konfliktakh i problemy regulirovaniya ikh deyatel'nosti [Private military companies in modern conflicts and problems of regulating their activities]. *Alleya nauki*. Vol. 1. No. 3(66). P. 622–630.

- Nebolsina M.A., Nikitin A.A. (2016) The Perspectives of International Regulation of Private Military and Security Companies. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No. 2(47). P. 145–160. DOI: [10.24833/2071-8160-2016-2-47-145-160](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-2-47-145-160)
- Neethling T. (2023) Russian Para-Military Operations in Africa: The Wagner Group as a De Facto Foreign Policy Instrument. *Scientia Militaria: South African Journal of Military Studies*. Vol. 51. Is. 1. DOI: [10.5787/51-1-1403](https://doi.org/10.5787/51-1-1403)
- Nikonov V.A. (2023) Special Military Operation and New World Order. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 99. P. 7–34. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-99-7-34](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-99-7-34)
- O'Brien K. (2000) PMCs, Myths and Mercenaries: The Debate on Private Military Companies. *The RUSI Journal*. Vol. 145. Is. 1. P. 59–64
- Puzyreva Yu.V. (2020) On the Status of Employees of Private Military and Security Companies in Armed Conflicts. *Soyuz kriminalistov i kriminologov*. No. 2. P. 51–57. DOI: [10.31085/2310-8681-2020-2-208-51-57](https://doi.org/10.31085/2310-8681-2020-2-208-51-57)
- Sayfullin E.K. (2022) Differentiation of the International Legal Statuses of a Mercenary, a Foreign Volunteer and a Contractor of a Private Military and Security Company. *Zhurnal rossiyskogo prava*. Vol. 26. No. 10. P. 127–142. DOI: [10.12737/jrl.2022.110](https://doi.org/10.12737/jrl.2022.110)
- Schreier F., Caparini M. (2005) *Privatising Security: Law, Practice and Governance of Private Military and Security Companies*. Geneva: Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces.
- Senyavskaya E.S. (2023) Foreign Mercenaries in the SMO Zone: Selfpositioning and Interpretation of the Image in the Western and Russian Media. *Nauka. Obshchestvo. Oborona*. Vol. 11. No. 4. DOI: [10.24412/2311-1763-2023-4-37-37](https://doi.org/10.24412/2311-1763-2023-4-37-37)
- Singer P. (2001) Corporate Warriors. The Rise of the Privatized Military Industry and Its Ramification for International Security. *International Security*. Vol. 26. Is. 3. P. 186–220.
- Singer P.W. (2003) *Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry*. New York: Cornwell University Press.
- Singh A., Singh A. (2022) Mercenaries in Africa: legality and geopolitics. *African Journal of Economic and Sustainable Development*. Vol. 9. Is. 1. P. 23–36. DOI: [10.1504/AJESD.2022.125006](https://doi.org/10.1504/AJESD.2022.125006)
- Sivkov K.V., Sokolov K.N. (2023) *Gibridnaya voyna* [Hybrid war]. Moscow: Nashe Zavtra.
- Strigunov K.S., Manoilo A.V. (2019) The Fundamental Mechanism and Laws of Non-Classical War. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*. No. 4(14). P. 157–193.
- Strigunov K.S., Manoilo A.V. (2021) Strategiya «Shakh i mat Maduro» kak istok operatsii «Gedeon» [“Checkmate Maduro” strategy as the basis for operation Gideon]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 3. P. 56–71.
- Zarate J.C. (1998) The Emergence of a New Dog of War: Private International Security Companies, International Law, and the New World Disorder. *Stanford Journal of International Law*. Vol. 34. Is. 1. P. 75–162.
- Zvyagin V.A., Eliseyeva O.A. (2014) K voprosu ob opredelenii ponyatiya «nayemnik» [On the issue of defining the concept of “mercenary”]. *Evraziyskiy Soyuz Uchenykh*. No. 8–10. P. 61–65.

Международная передача знаний в контексте политического процесса: роль причинных механизмов

Григорьева Наталия Сергеевна

Доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии управления, SPIN-код РИНЦ: [9017-7352](#),
ORCID: [0000-0002-7707-6754](#), grigorieva@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Чубарова Татьяна Владимировна

Доктор экономических наук, PhD (Social Policy, LSE), главный научный сотрудник, SPIN-код РИНЦ: [3367-5073](#),
ORCID: [0000-0002-3985-0198](#), t_chubarova@mail.ru

Институт экономики РАН, Москва, РФ.

Аннотация

В статье анализируется роль международной передачи знаний как одного из важнейших атрибутов современного политического процесса. Получаемое в итоге новое знание оказывает влияние на постановку политических задач и выработку механизмов их решения, расширяя возможности политических акторов. Международная передача знаний приобретает особое значение в условиях структурных трансформаций, оказывая непосредственное влияние на формирование национальной политики, хотя степень такого влияния может различаться. Об этом, в частности, свидетельствует опыт передачи знаний, оцениваемый как положительно, так и критически, в ходе реформ на постсоветском пространстве. Для обозначения таких процессов предлагается использовать термин «передача знаний» как комплекс различных видов деятельности и механизмов, способствующих распространению и использованию знания (или обеспечивающих их) в той или иной сфере жизнедеятельности общества. Три основные темы структурируют содержание статьи: анализ терминологического аппарата и особенностей языковой исследовательской коммуникации при рассмотрении передачи знания в контексте глобальных и национальных стратегий; методологические подходы к международному обмену знаниями как основе продвижения политических решений, его способы и акторы; роль в передаче знания в социальных науках и политике причинных механизмов, которые в конечном итоге определяют практические результаты. На основе анализа современной дискуссии о роли причинных механизмов в глобальной политике они концептуализируются в статье как события, которые лежат между входом (передача знания) и выходом (принятие/непринятие политического решения), объясняя логические связи внутри процесса. Вместе с тем необходимо активизировать дискуссии о путях передачи знаний, важной роли причинных механизмов для объяснения современной динамики передачи/распространения знаний и политики.

Ключевые слова

Передача знаний, глобализация, политический процесс, причинные механизмы, социальная политика.

Для цитирования

Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. Международная передача знаний в контексте политического процесса: роль причинных механизмов // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 107. С. 135–151. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-135-151

International Knowledge Transfer in the Context of Political Process: The Role of Causal Mechanisms

Natalia S. Grigorieva

DSc (Political Science), Professor, Head of Department of Sociology of Management, ORCID: [0000-0002-7707-6754](#), grigorieva@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Tatiana V. Chubarova

DSc (Economics), PhD (Social Policy, LSE), Senior research fellow, ORCID: [0000-0002-3985-0198](#), t_chubarova@mail.ru

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article analyzes the role of knowledge as one of the most important conditions for policy transfer at the international level. The dynamics of knowledge transfer shows how actors in the political process transform goals and means of policy as a result of acquisition of a new knowledge. It is noted that during periods of structural transformation, there is an increased interest in the interaction between knowledge transfer and policy change, and different configurations of such a process are possible. This is confirmed by the example of the role of knowledge transferred at the beginning of reforms in the post-Soviet space, primarily the success or failure of such transfer. To designate such processes, it is proposed to use the term "knowledge transfer" as a complex of various types of activities and mechanisms that promote (ensure) the dissemination and use of knowledge in a particular area of society. Three main themes structure the content of the article, namely the analysis of the terminological apparatus and features of linguistic research communication when considering knowledge transfer in the context of global and national strategies; methodological approaches to international knowledge exchange as the basis for promoting political decisions, its methods and actors;

the role of casual mechanisms in knowledge transfer in social sciences and the politics that ultimately determine practical outcomes. Based on the analysis of the modern discussion about the role of causal mechanisms in global politics, they are conceptualized in the article as events that lie between the input (knowledge transfer) and the output (making/not making a political decision), explaining the logical connections within the process. At the same time, there is need to intensify the discussion about the ways of knowledge transfer as well as important role of causal mechanisms in explaining modern dynamics of the transfer/dissemination of knowledge and politics.

Keywords

Knowledge transfer, globalization, political process, causal mechanisms, social policy.

For citation

Grigorieva N.S., Chubarova T.V. (2024) International Knowledge Transfer in the Context of Political Process: The Role of Causal Mechanisms. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 107. P. 135–151. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-135-151

Дата поступления/Received: 30.09.2024

Введение

В современном мире движение знаний, пересекающих границы, оказывает влияние на формирование национальных стратегий развития, а накопленный разными странами опыт может выступать в качестве варианта решения актуальных общественных проблем. Контекст международного сотрудничества в целях развития оказался особенно плодотворным для взаимного обогащения идеями, подталкивая исследователей к модифицированию используемых теорий, методологий и методов, тем самым задавая вектор дальнейшего развития. При сохранении значительных национальных особенностей в политических траекториях различные государства для реализации схожих задач используют однотипный набор средств. Представляется, что это является результатом формирования своего рода готовых политических рецептов, которые Р. Фримэн относит к распространению «модели последовательного принятия практики, политики или программ в разных странах либо в разных субнациональных юрисдикциях...» [Freeman 2006, 369].

В рассматриваемом контексте особое место в исследованиях современного общества занимает анализ опыта реформ в странах, которые прошли через структурные реформы, приведшие в итоге к изменению политических режимов. Он показывает, что эти процессы были в значительной степени связаны с международной передачей знаний, когда знания, полученные в одной политической реальности, были использованы для изменения другой. Возникает вопрос о том, насколько удачным оказался такой трансфер и какие факторы в итоге определили его результаты.

За последние два десятилетия международное движение знаний стало активно исследоваться в политических науках, в частности в социальной политике, для анализа влияния процессов глобализации на формирование политики в разных областях и на разных уровнях управления. Наряду с этим обсуждается вопрос об успешности и неуспешности внедрения решений, основанных на опыте других стран. Традиционно в качестве основной причины неуспеха отмечают недостаточный учет особенностей национального контекста [Causal Mechanisms in the Global Development... 2022, 3–31].

Вместе с тем, несмотря на важность, исследования феномена международного движения знаний в русскоязычной литературе довольно ограничены. Поэтому задача данной статьи — попытаться восполнить этот пробел по трем направлениям. Прежде всего, необходимо проанализировать терминологический аппарат и особенности языковой исследовательской коммуникации при рассмотрении передачи знаний в контексте глобальных и национальных стратегий; рассмотреть методологические подходы к международному обмену знаниями как важному фактору разработки политических решений, выделить его основные способы и акторов. Особое внимание уделено роли причинных механизмов в контексте политического процесса, которые, на наш взгляд, в конечном итоге определяют достигнутые практические результаты.

Проблемы терминологии: к вопросу о понятийном аппарате

Одна из наиболее сложных проблем, объясняющая недостаточность российских исследований по рассматриваемой проблематике, — это отсутствие в отечественной научной литературе общепринятого термина, обозначающего рассматриваемое явление — процесс, когда знание, полученное в одном контексте, переносится (возможно, с изменениями) в другой контекст. Например, А.Ю. Сунгуров использует термин «инновационное знание» [Сунгуров 2015], связывая появление нового знания с инновациями; другие авторы в своих исследованиях ставят задачу оптимизации «трансфера знаний» в развивающихся междисциплинарных исследованиях, возникающих при пересечении/взаимодействии различных дисциплин, в том числе политических, лингвистических, математических и других [Фомин 2018].

Следует отметить, что ситуация осложняется тем, что в иностранной литературе данные процессы описываются рядом терминов, при этом происходит их эволюция [Mokhtar, Rahman 2020].

Это можно проиллюстрировать на примере собственно политического процесса. Широко используемый термин *policy transfer* можно перевести на русский язык и как трансфер, и передача, и перенос политики, под которым зарубежные исследователи понимают процесс, в котором знания о политике, об административных механизмах, институтах и идеях в одной политической среде (прошлой или настоящей) используются для разработки политики, административных механизмов, институтов и идей в другой политической среде [Dolowitz, Marsh 2000]. Однако это зонтичный термин, имеющий ряд модификаций, например диффузия политики (*policy diffusion*), конвергенция политики (*policy convergence*) или извлечение уроков (*lesson drawing*), при этом поиск адекватных теоретических конструкций для объяснения практики продолжается.

Вместе с тем для движения знаний можно использовать и другие подходы, например теории, берущие за основу развитие и функционирование социальных институтов или влияние идеологий (*power of ideas*). Причем часто эти подходы объединяются в понятие «сети активных участников», которые оказываются вовлеченными в процесс через обучение, переподготовку и другие формы передачи знаний или информации. Сила влияния и устойчивость этих сетей во многом зависят от того, как происходит обучение и распространение знаний: сети с более высокой связью между участниками значительно активнее, чем те, где связь слабая. Примером могут служить различные адвокатские коалиции (*advocacy coalitions*) или эпистемологические сообщества (*epistemic communities*), которые определенным образом структурированы и включены в процессы обучения политологическим дисциплинам и проявления политической компетентности (*policy learning u policy expertise*). Исследователи анализируют различные схемы активных и потенциальных участников подобных сетей и то, как они актуализируют свои знания и по каким каналам влияют на формирование и реализацию политики. В этом контексте больше прослеживается роль именно знаний, процесса его усвоения и распространения, хотя, возможно, более неформального.

Таким образом, и в англоязычной литературе нет полного терминологического согласия, более того, активно идет процесс введения новых определений, весьма метафоричных и отражающих современные реалии рассматриваемых процессов. В последнее время некоторые исследователи, анализируя процессы передачи политики, употребляют термин «перевод политики» (*policy translation*), тем самым делая акцент не на передаче как некоем механическом действии, а на переводе как приспособлении / адаптации политики к иным условиям. При этом авторы ссылаются на опыт собственной работы по изменению социальной политики в странах Центральной и Восточной Европы в процессе перехода от социализма к капитализму, подчеркивая его уникальность и драматичность, особо отмечая, что понятие «перевод» само по себе прошло долгий путь от своего возникновения в лингвистике к ситуации, в которой все большее число ученых осознают

«концептуальную сложность и политико-этическое значение перевода» с точки зрения его «соучастия» и неотделимости от совершаемых преобразований [Lendvai, Stubbs 2007; Greenhalgh, Wieringa 2012].

Разность смыслов, которая порой вкладывается в те или другие термины при их переводе с одного языка на другой, — проблема не новая. Более того, сложности трактования возникают и в рамках одного языка, причем они могут быть следствием не просто семантических трудностей, но и политических и экономических обстоятельств [Оруэлл 2021, 140–157].

Таким образом, представляется не совсем верным использовать кальки иностранных терминов в русскоязычном сегменте рассматриваемого поля исследований. Это, на наш взгляд, создает неверное впечатление новизны рассматриваемой проблемы для российской науки. Справедливости ради следует отметить, что, безусловно, возникают нюансы, связанные с развитием политической науки в России, потребности в объединении прошлых наработок с новыми концептами.

С одной стороны, в российской традиции распространение знаний традиционно понималось через обмен (в основном опытом), что подразумевает прежде всего равенство всех участников. В настоящее время при обсуждении международного движения знаний возникает ощущение одностороннего процесса. Скорее всего, это связано с конкретным явлением, а именно распространением западных подходов в странах с другими социально-экономическими и культурными характеристиками. Такая ситуация стала результатом социально-экономического неравенства, сложившегося в мире, когда в ходе международного обмена, по существу, закрепляются позиции более развитых стран, которые, в свою очередь, оказывают влияние и на деятельность международных организаций. Хотя следует отметить, что для этого могут быть достаточно объективные основания. Так, например, к моменту начала постсоветской трансформации социальное государство, сложившееся в развитых государствах и обеспечивающее высокий уровень жизни граждан, неизбежно выступало как ориентир социального развития. Однако в ходе реформ стало понятно, что социальная политика должна учитывать специфику развития той или иной страны, что поставило на повестку дня необходимость учета национальных факторов при использовании зарубежного опыта и выработке рекомендаций международными организациями в ходе разработки национальных социальных программ.

С другой стороны, трансфер знаний скорее связан с чисто техническими проблемами и подразумевает передачу технологий, движение знаний из кабинета в практику в ходе взаимодействия науки и производства, коммерциализацию знаний. Поэтому его использование в социальных науках означает придание процессу несколько механистического, детерминистского оттенка.

Однако и то, и другое подразумевает целенаправленную — и в этом смысле политическую — деятельность, что позволяет выделять и круг заинтересованных лиц, и используемые методы.

На наш взгляд, в такой ситуации необходим зонтичный термин, который бы позволил инкорпорировать различные аспекты, связанные с движением знания [Григорьева, Чубарова 2023]. Для этой цели предлагается использовать термин «передача знаний» как комплекс различных видов деятельности и механизмов, которые обеспечивают распространение и использование знания в другой институциональной среде, в той или иной сфере жизнедеятельности общества.

Методологические подходы к передаче знаний на международном уровне в контексте политического процесса

Необходимо отметить несколько методологических предпосылок данной работы.

Во-первых, в исследовании рассматривается не любое знание, а лишь то, которое служит основой, источником принятия политических решений, влияет на их формирование. Поэтому

важно определить не только, о каком знании идет речь — обыденном, научном, профессиональном, экспертном, но и о том, как оно используется, в данном случае — для достижения определенных политических целей.

При этом имеется в виду не просто информация, а научное знание, полученное по определенной методологии, хотя могут использоваться и другие формы знания, например основанные на индивидуальном опыте. В последнее время получил распространение подход доказательной политики, который «предполагает обоснование предлагаемых вариантов нормативно-правового регулирования, отдельных мер и мероприятий социально-экономической политики с помощью результатов научных исследований, научно обоснованных фактов и широкой доказательной базы» [Волошинская, Комаров 2015, 91].

Особенность состоит в том, что, когда возникает вопрос о передаче знаний, фактически речь идет о передаче практик — то, что получилось в одной стране, может быть реализовано и в другой. Но закономерно возникает вопрос, какое знание сосредоточено в этих практиках и насколько успешность этих практик доказана.

Принятие решений в управлении — если иметь в виду, что это технологическое преобразование политической власти в управление, — в самом общем виде включает в себя: выявление проблемы; разработку инструментов, которые могут быть использованы для ее решения; внедрение, действие и оценку результатов. Такая эвристическая модель позволяет проследить, как на каждом этапе происходит передача знаний, как задействованы в этом процессе различные заинтересованные стороны, какое решение может получить наибольшую поддержку и каков результат. В такой модели знания сопровождают весь процесс подготовки и принятия политического решения, и поэтому передача знаний может происходить на любой его стадии, тем самым из раза в раз актуализируя его.

Использование знания в политическом процессе, в зависимости от поставленных задач, можно объединить в два направления: технократическое, когда нужно найти новое решение существующих проблем, и идейно-политическое, когда во главу угла ставится стремление найти оправдание определенной позиции. Поэтому применение знания может или подкреплять существующую политику, или способствовать ее изменению.

Во-вторых, в исследовании речь идет именно о движении знаний на международном уровне, то есть между странами, или, точнее, о ситуации, когда источник знаний находится в одной стране, а получатель — в другой. При этом значима сила международного влияния той или иной страны, а также состав акторов, который неоднороден, включая носителей разных культур, в том числе и политической.

«Направленность» международной передачи знаний может быть различной. Например, циркуляция в среде ограниченного набора государств (например, ЕС, страны Центральной и Восточной Европы, БРИКС) или от развитых к развивающимся (с «севера на юг»), что рассматривается как распространение «лучших практик». Но в любом случае происходит движение знаний от разработчика к тому, кто будет его использовать, а исследования и их результаты оцениваются и потому, насколько они востребованы на политическом уровне.

На наш взгляд, международный обмен знаниями всегда вызван необходимостью изменений, использованием опыта других стран, которые сталкивались с подобными проблемами. Поэтому возможно выделение двух основных способов влияния знания на политический процесс, а именно «вползание знания» (*knowledge creep*), когда происходят постепенные, незначительные изменения в рамках существующих политических структур, и «сдвиг в знании» (*knowledge shifts*), когда трансформируются сами политические структуры и власть [Daviter 2015].

Например, влиятельные страны-доноры, глобальные финансовые учреждения, международные организации или транснациональные корпорации могут действовать с целью внести изменения в национальную политику, например включение так называемых специальных положений, выполнение которых становится условием для получения грантов, займов или других форм инвестиций [Stiglitz 2002, 6, 20, 60; Садовничий и др. 2012, 41–45].

Первоначально передача знаний осуществлялась в направлении от развитых государств в страны развивающегося мира. Но в последние годы исследователи обращают все большее внимание на тот факт, что наблюдается обратный процесс: в развивающихся странах создаются инновации, знания о которых включаются в политическую повестку других стран, в том числе развитых [Stone et al. 2020; Brazil and China in Knowledge and Policy Transfer Agents... 2022].

В-третьих, вопросы передачи знаний на международном уровне мало разработаны применительно к политическим решениям. В других сферах таких исследований гораздо больше. Так, знания играют важную роль в организационной теории, они рассматриваются как стратегический ресурс организации, и поэтому вопросы передачи знаний на уровне организации довольно хорошо разработаны, в том числе и проблема передачи знаний [Lee et al. 2022b].

Знания, как правило, генерируются экспертами в дисциплинах и/или профессиях. Они проиллюстрированы с использованием сложных инструментов исследования (расчетами, диаграммами, рисунками, понимание которых требует специальной подготовки), дающих теоретические и эмпирические результаты, которые «подводят лиц, принимающих решения», к практическим действиям. Поэтому экспертов, участвующих в этой передаче, можно сравнивать по их потенциалу, позициям в структуре власти и формальному статусу.

Важно понимать степень влияния идей и знаний в политическом процессе, как эта роль меняется или модифицируется в контексте развития в отличие от, например, научной политики, которая, как правило, сосредоточена на передаче и распространении исследований и их результатов. «Мягкая» передача политических знаний кажется относительно простой, но постоянная рециркуляция идей во многих контекстах усложняет сначала картографирование таких идей; то, как они структурируют мышление и реформируют политические программы правительств, а затем как воплощаются на практике.

Процессы генерации, синтеза, распространения и применения знаний описываются по-разному [Graham et al. 2006], но важно учесть, что политические процессы могут быть поняты только с учетом передачи знаний [Blyth 2002; Heinrich 2021]. Она же может стать стимулом для последующего принятия решений, проясняя их характер [Graham et al. 2006], а также для оценки их реализации и эффективности [Lee et al. 2022a]. При этом отмечается, что передача знаний более обширна, чем передача политики [Stone 2012], что, на наш взгляд, связано с тем, что знание может «пересечь границу», но не быть в итоге использованным. В то же время передача политики все-таки подразумевает, что процесс состоялся. Это объясняет растущий интерес к пониманию взаимодействия между передачей знаний и изменением политики.

Дискуссии конца 1970-х – начала 1990-х годов выявили различные модели, в рамках которых возможно осуществление передачи знаний: агентные модели, структурные модели и модели социального влияния. Агентные модели используют стратегии агрегирования последствий индивидуального выбора в результаты макроуровня; структурные модели демонстрируют причинное влияние определенных социальных структур или институтов (например, системы сбора налогов) на социальные изменения, позволяя с помощью методов структурного моделирования упростить решаемую задачу путем исследования внутренней структуры рассматриваемого объекта; с помощью моделей социального влияния индивиды корректируют свое поведение в соответствии

с требованиями социальной среды, включая распространение поведения или эмоций через группу, население или социальную сеть.

Международная передача научных знаний осуществляется различными способами: через миграцию научных кадров; научные конференции и другие формы профессиональных контактов и международного научного сотрудничества, включая совместную исследовательскую деятельность; привлечение иностранных ученых к реализации национальных и международных исследовательских программ; стажировки в зарубежных научных коллективах; создание исследовательских центров.

При этом необходимо сделать ряд уточнений: технологии и «носители знания» помогают идеям распространяться на международном уровне через различные каналы воздействия, а разработчики внутренней политики могут использовать эти знания для того, чтобы быть более информированными о глобальных политических тенденциях; передача знаний может иметь серьезные непредвиденные последствия, например принятие политических решений с плохо доказанным успехом или неудачная передача [Stone 2017]; переданные знания могут быть востребованы только через определенное время, обретая новый смысл.

Исследования взаимосвязи между распространением знания и последующими политическими изменениями, в которых показана важная роль знаний в изменении политики [Blyth 2002, 649–692; Béland 2005], распространены достаточно широко [Knowledge and Policy Change 2013]. Это достаточно устоявшееся взаимодействие. Отношения между знаниями и политикой являются линейными и кумулятивными. Важно понять, как знания будут в дальнейшем использоваться при разработке политики (и будут ли) и какие механизмы определяют то знание, которое будет в итоге выбрано из всех возможных вариантов.

В этот период особая роль отводится агентам знаний, которые обладают способностью определять проблемы, формировать климат дебатов, участвовать в установлении стандартов, нормотворчестве или в иной деятельности, например консультативной. Однако литература по использованию знаний подвергалась критике за предположения о том, что парадигматические сдвиги или изучение политики происходят по мере того, как идеи «просеиваются» в политическую атмосферу, а механизмы и агенты, посредством которых происходят изменения, недостаточно объяснены [Campbell, Pedersen 2011]. Деятельность отдельных лиц, команд, организаций и сетей играет центральную роль в понимании направлений и скорости, с которой происходит распространение знаний. При этом они не просто нейтральные «доказательства» или данные, работающие как технический вклад в управление глобальным порядком; знания представляют собой форму «технократической» власти, работающей над формированием политики и результатов по принципу «кто что получает».

Это сложное движение еще и потому, что вовлеченные в него эксперты и государственные органы создают «кодифицированное знание», то есть конкретный интеллектуальный и научный продукт, содержащийся в публикациях, материалах конференций, на веб-сайтах и в декларациях консультативных групп. Агенты знаний также производят «молчаливое знание» — общее понимание и общие идентичности, которые формируются и поддерживаются в «эпистатических» или «интерпретационных» сообществах.

Динамика передачи знания лучше всего объясняет, как участники политического процесса трансформируют цели и средства политики в соответствии с прошлым опытом и той новой информацией, которая появляется в результате проникновения нового знания. Зачастую кризис, революции и т. д. являются благодатным временем с точки зрения запроса на все иное, в том числе и на новое знание, что создает условия для его быстрой передачи. При этом производители знаний, агенты, сети знаний формируют разные конфигурации движения знания через различные каналы.

Следует отметить, что передача знаний методологически недостаточно плохо разработана в отличие от передачи политики. Поэтому представляется возможным использовать ставшую канонической методологию передачи политики Д. Доловица и Д. Марша как основу передачи знаний на международном уровне в контексте политического цикла, то есть необходимо ответить на следующие вопросы: какое знание передается; кто участвует в этой передаче; какие конкретные формы используются; какие возникают ограничения в ходе этого процесса, — и, наконец, дать оценку результата, которая часто формулируется в терминах успеха или неудачи. На этой основе авторы сформировали методологическую основу анализа передачи знаний на международном уровне и использовали ее при проведении исследования формирования социальной политики в России [Chubarova, Grigorieva 2020].

Для анализа передачи знаний необходимо, на наш взгляд, исходить из трех элементов.

Содержание передаваемого знания. Предполагается, что это «идея, практика или объект, которые воспринимаются как новые...» [Rogers 2003, 5]. Э. Роджерс определяет их как инновации, которые касаются государственной политики и тех элементов системы, посредством которых происходит распространение такого рода инноваций, предлагая пять атрибутов предполагаемых нововведений, которые могут повлиять на принятие/непринятие инновации:

- 1) относительное преимущество: воспринимается ли новая идея лучше, чем та, которую она должна заменить;
- 2) совместимость: степень восприятия как соответствующей существующим ценностям, прошлому опыту, институциональной среде;
- 3) сложность: трудность для понимания;
- 4) тестируемость: степень, до какой можно экспериментировать с инновацией (возможность проб);
- 5) наблюдаемость: доступность результатов реализации этой инновации (идеи) в другой стране.

Субъекты (акторы), участвующие в передаче знаний, от преподавателей и научных работников до политических игроков. Это могут быть как граждане, так и организации. Особо следует отметить исследователей, теории которых оказали существенное влияние на социальное развитие. Например, Дж.М. Кейнс был одним из тех, кто в равной степени представлял и научный, и политический мир. Его тезис о том, что «идеи экономистов и политических философов... более могущественны, чем это принято считать» и именно они «правят миром» регулярно повторяется у исследователей в разных контекстах [Keynes 1937, 209–223]. В качестве других известных ученых, которые распространяли идеи политики в других странах и сообществах, можно привести Д. Роулза (теория справедливости), М. Юнуса (распространение практики микрокредитования), Д. Стиглица (исследования в области микро- и макроэкономики).

Важную роль в передаче знаний играют международные организации, например Всемирный банк, ОЭСР, ООН и ее агентства, в последние годы АСЕАН, БРИКС. Это могут быть также неофициальные глобальные диалоги и элитные встречи, такие как Всемирный экономический форум (ВЭФ) в Давосе, которые транслируют политические идеи через, например, различные рабочие группы. Проведение как регулярных глобальных конференций, так и специальных целевых групп, объединяющих представителей бизнеса, неправительственных объединений, могут играть значительную роль в выборе того, какие именно знания должны быть переданы и с помощью каких механизмов.

Неправительственные акторы, включенные в процесс передачи знаний, как правило, имеют формализованный доступ к лицам, принимающим решения, могут влиять на формирование политики и способствовать проникновению различных идей. Они часто помогают в разработке социальных стратегий и стандартов.

В последнее время повышается значение сетей как средства распространения знаний, это новая социальная технология для ускорения и распространения глобальных норм, практик и моделей политики [Рекс, Theodore 2015, 336]. Если рассматривать политические сети как транснациональную структуру, они могут объединять агентов передачи, разделяющих сходные цели и объединяющих значительное число людей с разным политическим культурным опытом и политическими интересами.

Институциональная среда, в рамках которой осуществляется передача знаний, то есть система права, морали, этики и соответствующих им формальных и неформальных институтов. Иными словами, это фундаментальные политические, социальные и юридические правила, в рамках которых протекают процессы передачи знаний. В ходе этого процесса участники в результате обретения нового знания могут менять свои убеждения, отношения или ценности и в конечном счете свое поведение — в итоге приобретение знаний может формировать новую институциональную среду.

Применять знание можно по-разному [Greenberg et al. 2003], когда использование рассматривается как инструментальное/конкретное (прямое использование), концептуальное/просветительское (влияющее на понимание людей) или символическое/убеждающие (как средство мобилизации поддержки политики).

Таким образом, три элемента — содержание передаваемого знания, акторы, участвующие в этом процессе, и институциональная среда, поддерживающая или отторгающая новое знание, — отражают основные параметры процесса передачи знаний. Вместе с тем остается открытым вопрос о том, как конкретно осуществляется движение знаний в политическом процессе и как связаны между собой переменные. Представляется, ответ может быть получен в результате обращения к причинным механизмам как событиям, которые лежат между входом и выходом передачи знаний и объясняют логические связи внутри процесса.

Причинные механизмы и их роль в международной передаче знаний

Существенная проблема состоит в том, как обеспечивается связь между знанием, политическим решением и практикой. Для понимания того, как выстраивается подобная цепочка, исследователи используют такой метод, как причинный механизм (*causal mechanism*) — последовательность событий или условий, регулируемых определенными закономерностями [Mahoney 2000, 387–426]. По мнению У. Сэлмона, «причинные процессы, причинные взаимодействия и причинные законы обеспечивают механизмы, с помощью которых работает мир. Чтобы понять, почему происходят определенные вещи, нам нужно посмотреть, как они создаются этими механизмами» [Salmon 1982, 616–626] и как благодаря своим свойствам «они способны вызывать другие события или состояния» [Dupré, Cartwright 1988, 521–536].

В начале XXI века интерес к причинным механизмам актуализировался [Lindquist, Wellstead 2019]. Но, несмотря на это, среди исследователей нет единого подхода к их пониманию, и в литературе можно встретить взаимодополняющие, равно как и конкурирующие, определения. Так, Дж. Махони идентифицировал 24 различных определения причинных механизмов, предложенных социологами, политологами и философами, выделив три разных понимания термина [Mahoney 2001]. Позже в обзорной статье о причинных механизмах П. Хедстрём и П. Юликоски перечислили девять

«альтернативных определений» [Hedström, Ylikoski 2010]. Однако чаще всего причинные механизмы концептуализируются как связи между входами (независимые переменные) и результатом (зависимые переменные).

Понятия «причинный механизм» (*casual mechanism*) и «отслеживание процесса» (*process tracing*) очерчивают современные дебаты в политической науке о конкретной методологии качественных исследований [Beach 2016; Beach, Pedersen 2013; Bennett, Checkel 2015; Goertz 2017]. Метод отслеживания процесса активно используется в исторической науке как «инструмент для изучения причинных механизмов в кейс-стади-исследованиях» [Beach, Pedersen 2013, 2] и схватывает основное содержание метода, который призван показать механизм, посредством которого переменная X оказывается связанной с переменной Y.

К сожалению, появление данного исследовательского инструмента в начале 2000-х годов было практически не замечено отечественной политической наукой — авторам статьи не удалось найти работы российских авторов на эту тему. Одна из немногих [Турченко, Завадский 2017] дает краткий обзор роли метода отслеживания политики в политических исследованиях, подробно останавливаясь на процедуре и особенностях его применения в эмпирическом исследовании.

Объясняя действие причинных механизмов, Дж. Махони отмечает, что использует термин «механизм» «для обозначения фактора, вмешивающегося между причиной и результатом... причиной и последствиям; они являются конкретными событиями или конкретными значениями переменных. Механизмы отличаются от причины и следствия из-за их временного положения: они стоят между причиной и следствием во времени. Таким образом, в выражении $X \rightarrow M \rightarrow Y$ буквы относятся к событиям или конкретным значениям переменных, при этом X рассматривается как причина, M как механизм и Y как результат» [Mahoney 2015, 204-206], которые можно расположить в хронологическом порядке между причиной и следствием, то есть определенной подгруппой промежуточных переменных, при этом в цепи $X \rightarrow M \rightarrow Y$ стрелками обозначены элементы, которые еще недостаточно выяснены [Goertz 2017, 32]. При таком подходе переменные объясняются в терминах их временного положения в причинной цепи, что придает термину «механизм» аналитический статус.

Данный подход к передаче знаний, на наш взгляд, имеет много общего с идеей Д. Мертона о социологических теориях среднего уровня, которые являются «теориями, находящимися между малыми, но очень важными рабочими гипотезами, которые во множестве возникают в процессе исследования, и всеохватывающими систематическими попытками создать единую теорию, которая объяснит все наблюдаемое единообразие социального поведения, социальной организации и социальных изменений» [Merton 1968, 39].

Современные исследователи причинных механизмов и их роли для глобальной политики различают несколько направлений дискуссии, истоки которой следует искать в 1970-х гг. [Kuhlmann, Nullmeier 2022]. Одно из них связано с базовым положением аналитической социологии о том, что понимание коллективных процессов требует, чтобы исследователи уделяли внимание единицам, из которых состоят механизмы (агенты, их свойства, действия и отношения). Эмпирические исследования должны ориентироваться на действия/взаимодействия и то, как они разворачиваются во времени. При этом большую ценность представляют лонгитюдные данные с реляционной информацией, основывающиеся на том, что основными единицами социальных механизмов являются акторы, их действия и отношения. Например, методологические работы Т. Фаллетти стали результатом осмысления им собственного обширного исторического исследования революций, государственного развития и протестных событий [Falletti, Lynch 2009].

Выделение причинных механизмов как метода исследования передачи знания само по себе является приращением знания — от изначального описания механизма, прослеживания его пути

от «входа» до «выхода», появления в каждом конкретном случае определенного модуля до возможности конструировать совокупности различных модулей, складывающихся, когда результаты исследований можно группировать, выделяя более или менее однородные элементы и процессы, что позволит в дальнейшем использовать модульный подход в исследованиях такого рода.

Развитие этого знания в основном строится на создании объяснительных схем «как это возможно», которые направлены не на прямое объяснение каких-либо конкретных эмпирических фактов, а на выработку общего понимания того, как такой механизм может работать, причем в различных условиях.

В настоящее время усилился интерес к «судьбе» знаний, переданных в начале реформ в постсоциалистических странах. Это вызвало появление ряда исследований, оценивающих результаты политики в отношении развития как всего общества [Social Policy, Poverty, and Inequality... 2019; Causal Mechanisms in the Global Development... 2022], так и отдельных секторов [Садовничий и др. 2012; Khmelnitskaya 2015; Chubarova, Grigorieva 2021].

Хотя диапазон интересов специалистов достаточно широк, большинство исследований проводится по ставшей уже классической схеме. Например, прослеживаются причинные механизмы, с помощью которых можно объяснить введение базового социального страхования в Китае или программы страхования по безработице в Турции [Brink 2022; Öktem 2022]. Появились работы, целью которых является сравнение результатов передачи знаний по конкретным направлениям в различных регионах [Devereux 2022], сравнительный анализ стран из разных регионов [Brazil and China in Knowledge and Policy Transfer Agents... 2022] или на постсоветском пространстве [Heinrich 2021; Heinrich et al. 2022].

Использование причинных механизмов для анализа передачи гендерных знаний от международного сообщества в Россию с конца 1980-х годов до начала 2020 гг. [Chubarova, Grigorieva 2019] показало, что она состоялась по классической схеме: наличие в стране спроса на гендерное знание, интерес различных акторов к передаче, социальные условия продвижения знания на уровень принятия политического решения. Новое знание прижилось на иной национальной почве. Более того, в течение определенного времени был достигнут значительный успех в продвижении гендерного подхода в российских исследованиях, образовании и политике, но в дальнейшем вектор сменился на анализ положения женщин в отдельных областях социальной сферы, роли женщин в современном обществе. Рассмотренный пример показал, что передача знаний облегчает приобретение новых знаний и навыков, но их устойчивое применение в процессе принятия решений может быть проблематичным и требует приверженности политических субъектов, а также соответствующих институциональных условий. Передача знаний может выглядеть как «рациональный», научно обоснованный и даже технический процесс, но это прежде всего политический процесс, связанный с властными отношениями.

Заключение

Вопрос передачи знаний на международном уровне в контексте политического процесса привлекает внимание исследователей, причем просматриваются по крайней мере два вектора дальнейшего развития: методологический, который заключается в сочетании механического подхода (как возможность сведения изучаемых достаточно сложных явлений и процессов к простым механизмам) и качественных методологий, включая новые методы качественных исследований, с позиций разных дисциплин и в различных национальных контекстах; практический, соотносящий действия акторов политики со сложными причинно-следственными связями, завершенные/незавершенные примеры передачи знаний, которые противоречат общим гипотезам или

подтверждают их [Lee et al. 2022a]. Используя механистическую перспективу, можно проследить причинно-следственные процессы, которые активируют эффекты и помогают достичь желаемых целей. Причинные механизмы могут стать мощным аналитическим инструментом как для ученых, так и для практиков государственной политики, стремящихся к ее эффективности [Lindquist, Wellstead 2019].

Для дальнейшего прогресса исследований в рассматриваемой области необходимо достижение терминологического единства, и этому, на наш взгляд, будет способствовать предлагаемое определение передачи знаний, а причинный механизм необходимо рассматривать в рамках триады: знания — акторы — институциональная среда. В современных социальных исследованиях исходная методологическая посылка состоит в том, что разработка концепции, ориентированной на акторов, и модульный подход к причинным механизмам приобретают все большее значение, что приводит к более актор-центрированному пониманию причинного механизма.

Исследования в области социальных наук должны быть в состоянии объяснить как отдельные случаи, так и их комбинации, а это возможно, если использовать технологию комбинирования различных модулей. Сочетая ориентацию на процесс, акцент на акторах и модульность, концепция причинных механизмов открывает новые перспективы для исследований. Они могут быть полезны в макроколичественных сравнительных исследованиях глобальной передачи знаний в политике, а также в работах, ориентированных на изучение конкретных случаев, по отдельным странам и даже программам. Совершенно очевидно, что передача знаний способствует развитию научно-исследовательского потенциала исследований политики; передача знаний предоставляет возможность быстрого освоения новых технологий за счет приращения знания о них; наконец, передача знаний способствует сокращению времени на исследования и разработки, избегая повторов и позволяя совершать «скачки» как в теории, так и на практике.

Продвигая исследования в области глобальной политики, способные охватывать разные регионы, сектора и периоды времени, причинные механизмы могут использоваться в качестве нового объяснительного подхода, способного преодолеть некоторые недостатки исследований, ориентированные исключительно на конкретные случаи.

Список литературы:

Волошинская А.А., Комаров В.М. Доказательная государственная политика: проблемы и перспективы // Вестник ИЭ РАН. 2015. № 4. С. 90–102.

Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. Международная передача знаний // Политология. Новый лексикон / под ред. А.И. Соловьева. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023. С. 366–375.

Оруэлл Дж. Мысли в пути: Публицистика, эссеистика, критика. СПб.: Азбука, 2021.

Садовничий В.А., Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. От традиции к инновации: реформы здравоохранения в современном мире. М.: Экономика, 2012.

Сунгуров А.Ю. Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. М.: Политическая энциклопедия, 2015.

Турченко М.С., Завадская М.А. Каузальный механизм vs нагромождение фактов? Критерии оценки причинно-следственных связей в case studies // ПолиС. Политические исследования. 2017. № 2. С. 134–146. DOI: [10.17976/jpps/2017.02.09](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.09)

Фомин И.В. Проект «Трансфер знаний и конвергенция методологических традиций: Опыт междисциплинарной интеграции политических, биологических и лингвистических исследований» // Метод: московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 241–242.

- Beach D. It's All About Mechanisms — What Process-Tracing Case Studies Should Be Tracing // *New Political Economy*. 2016. Vol. 21. Is. 5. P. 463–472. DOI: [10.1080/13563467.2015.1134466](https://doi.org/10.1080/13563467.2015.1134466)
- Beach D., Pedersen R. *Process-Tracing Methods: Foundations and Guidelines*. MI: University of Michigan Press, 2013.
- Béland D. Ideas and Social Policy: An Institutional Perspective // *Social Policy & Administration*. 2005. Vol. 39. Is. 1. P. 1–18. DOI: [10.1111/j.1467-9515.2005.00421.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9515.2005.00421.x)
- Bennett A., Checkel J.T. *Process Tracing: From Philosophical Roots to Best Practices* // *Process Tracing: From Metaphor to Analytic Tool* / ed. by A. Bennett, J.T. Checkel. Cambridge, New York, Melbourne: Cambridge University Press, 2015. P. 3–37.
- Blyth M. *Great Transformations: Economic Ideas and Institutional Change in the Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Brazil and China in Knowledge and Policy Transfer Agents, Objects, Time, Structures and Power Structures and Power / ed. by O. Porto de Oliveira, C. Romano. Cham: Palgrave Macmillan, 2022.
- Brink T., Müller A., Liu T. The Introduction of Pension, Accident, and Health Insurance in Urban China // *Causal Mechanisms in the Global Development of Social Policies, Global Dynamics of Social Policy* / ed. by J. Kuhlmann, F. Nullmeier. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. P. 33–66.
- Campbell O., Pedersen T. Birding in the United Arab Emirates // *Birding World*. 2011. Vol. 24. P. 160–176.
- Causal Mechanisms in the Global Development of Social Policies, Global Dynamics of Social Policy* / ed. by J. Kuhlmann, F. Nullmeier. Cham: Palgrave Macmillan, 2022.
- Chubarova T., Grigorieva N. International Knowledge Transfer and Russian Social Policy: The Case of Gender Mainstreaming // *Global Social Policy*. 2021. Vol. 21. Is. 1. P. 96–116. DOI: [10.1177/1468018120969325](https://doi.org/10.1177/1468018120969325)
- Daviter F. The Political Use of Knowledge in the Policy Process // *Policy Science*. 2015. Vol. 48. P. 491–505. DOI: [10.1007/s11077-015-9232-y](https://doi.org/10.1007/s11077-015-9232-y)
- Devereux S. Policy Pollination as a Causal Mechanism Explaining Social Protection Adoption in Africa // *Causal Mechanisms in the Global Development of Social Policies, Global Dynamics of Social Policy* / ed. by J. Kuhlmann, F. Nullmeier. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. P. 203–236.
- Dolowitz D., Marsh D. *Learning from Abroad: The Role of Policy Transfer in Contemporary Policy-Making // Governance*. 2000. Vol. 13. Is. 1. P. 5–23. DOI: [10.1111/0952-1895.00121](https://doi.org/10.1111/0952-1895.00121)
- Dupré J., Cartwright N. *Probability and Causality: Why Hume and Indeterminism Don't Mix* // *Nous*. 1988. Vol. 22. Is. 4. P. 521–536.
- Falleti T.G., Lynch J.F. Context and Causal Mechanisms in Political Analysis // *Comparative Political Studies*. 2009. Vol. 42. Is. 9. P. 1143–1166. DOI: [10.1177/0010414009331724](https://doi.org/10.1177/0010414009331724)
- Freeman R. Learning in Public Policy // *The Oxford Handbook of Public Policy* / ed. by M. Moran, M. Rein, R.E. Goodin. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 367–388. DOI: [10.1093/oxfordhb/9780199548453.003.0017](https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199548453.003.0017)
- Goertz G. *Multimethod Research, Causal Mechanisms, and Case Studies. An Integrated Approach*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017.
- Graham I.D., Logan J., Harrison M.B., Straus S.E., Tetroe J., Caswell W. Lost in Translation: Time for a Map? // *Journal of Continuing Education in the Health Professions*. 2006. Vol. 26. Is. 1. P. 13–24. DOI: [10.1002/chp.47](https://doi.org/10.1002/chp.47)
- Greenberg D.H., Links D., Mandell M. *Social Experimentation and Public Policy Making*. Washington, DC: Urban Institute Press, 2003.
- Greenhalgh T., Wieringa S. Is It Time to Drop the 'Knowledge Translation' Metaphor? A Critical Literature Review // *Journal of the Royal Society of Medicine*. 2012. Vol. 104. Is. 12. P. 501–509. DOI: [10.1258/jrsm.2011.110285](https://doi.org/10.1258/jrsm.2011.110285)

- Hedström P., Ylikoski P. Causal Mechanisms in the Social Sciences // *Annual Review of Sociology*. 2010. Vol. 36. P. 49–67. DOI: [10.1146/annurev.soc.012809.102632](https://doi.org/10.1146/annurev.soc.012809.102632)
- Heinrich A. International Knowledge Transfer and Learning in Social Policy: The Case of the Post-Soviet Region // *Global Social Policy*. 2021. Vol. 21. Is. 1. P. 3–8.
- Heinrich A., Isabekova G., Pleines H. Causal Mechanisms in the Introduction of Mandatory Health Insurance in the Post-Soviet Region // *Causal Mechanisms in the Global Development of Social Policies, Global Dynamics of Social Policy* / ed. by J. Kuhlmann, F. Nullmeier. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. P. 141–165.
- Keynes J.M. The General Theory of Employment // *The Quarterly Journal of Economics*. 1937. Vol. 51. Is. 2. P. 209–223. DOI: [10.2307/1882087](https://doi.org/10.2307/1882087)
- Khmelnitskaya M. The Policy-Making Process and Social Learning in Russia: The Case of Housing Policy. London: Palgrave Macmillan, 2015.
- Knowledge and Policy Change / ed. by H. Lindberg. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013.
- Kuhlmann J., Nullmeier F. Introduction: A Mechanism-Based Approach to Social Policy Research // *Causal Mechanisms in the Global Development of Social Policies, Global Dynamics of Social Policy* / ed. by J. Kuhlmann, F. Nullmeier. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. P. 3–29.
- Lee S.-W., Kim E., Park K., Shin J.E. What Matters for the Successful Policy Transfer? Empirical Evidence from South Korea's Knowledge Sharing Program (KSP) // *Journal of Policy Studies*. 2022a. Vol. 37. Is. 3. DOI: [10.52372/jps37305](https://doi.org/10.52372/jps37305)
- Lee S.-L., Hung T.-K., Tian M. The Influence Mechanism of Source Experience of the Knowledge on the Knowledge Transfer Performance: The Role of Political Skill and Knowledge Barriers // *Frontiers in Psychology*. 2022b. Vol. 13. DOI: [10.3389/fpsyg.2022.980453](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.980453)
- Lendvai N., Stubbs P. Policies as Translation: Situating Trans-National Social Policies // *Policy Reconsidered: Meanings, Politics and Practices* / ed. by S.M. Hodgson, Z. Irving. Bristol: Policy Press, 2007. P. 173–189.
- Lindquist E., Wellstead A. Policy Process Research and the Causal Mechanism Movement: Reinvigorating the Field? // *Making Policies Work. First- and Second-order Mechanisms in Policy Design* / ed. by G. Capano, M. Howlett, M. Ramesh, A. Virani. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019. P. 14–38. DOI: [10.4337/9781788118194.00009](https://doi.org/10.4337/9781788118194.00009)
- Mahoney J. Beyond Correlational Analysis: Recent Innovations in Theory and Method // *Sociological Forum*. 2001. Vol. 16. Is. 3. P. 575–593.
- Mahoney J. Process Tracing and Historical Explanation // *Security Studies*. 2015. Vol. 24. Is. 2. P. 200–218. DOI: [10.1080/09636412.2015.1036610](https://doi.org/10.1080/09636412.2015.1036610)
- Mahoney J. Strategies of Causal Inference in Small-N Analysis // *Sociological Methods and Research*. 2000. Vol. 28. Is. 4. P. 387–424. DOI: [10.1177/0049124100028004001](https://doi.org/10.1177/0049124100028004001)
- Merton R.K. *Social Theory and Social Structure*. New York: Free Press, 1968.
- Mokhtar Kh.S., Rahman N.A. Understanding the Concept of Policy Transfer: A Systematic Literature Review Approach // *International Journal of Politics, Public Policy and Social Works (IJPPSW)*. 2020. Vol. 2. Is. 5. DOI: [10.35631/IJPPSW.25001](https://doi.org/10.35631/IJPPSW.25001)
- Öktem K.G. Causal Mechanisms in the Introduction and Development of Unemployment Insurance in Turkey // *Causal Mechanisms in the Global Development of Social Policies, Global Dynamics of Social Policy* / ed. by J. Kuhlmann, F. Nullmeier. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. P. 103–139.
- Peck J., Theodore N. *Fast Policy: Experimental Statecraft at the Thresholds of Neoliberalism*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2015.
- Rogers E. *Diffusion of Innovations*. New York: Free Press, 2003.

Salmon M. Error Correction Mechanisms // *The Economic Journal*. 1982. Vol. 92. Is. 367. P. 615–629.

Social Policy, Poverty, and Inequality in Central and Eastern Europe and Former Soviet Union / ed. by S. An, T. Chubarova, B. Deacon, P. Stubbs. Stuttgart: Ibidem Verlag, 2019.

Stiglitz J. *Globalization and Its Discontents*. New York: W. W. Norton & Company, 2002.

Stone D. Transfer and Translation of Policy // *Policy Studies*. 2012. Vol. 33. Is. 6. P. 483–499. DOI: [10.1080/01442872.2012.695933](https://doi.org/10.1080/01442872.2012.695933)

Stone D. Understanding The Transfer of Policy Failure: Bricolage, Experimentalism and Translation // *Policy & Politics*. 2017. Vol. 45. Is. 1. P. 55–70. DOI: [10.1332/030557316X14748914098041](https://doi.org/10.1332/030557316X14748914098041)

Stone D., Porto de Oliveira O., Pal L. Transnational Policy Transfer: The Circulation of Ideas, Power and Development Models // *Policy and Society*. 2020. Vol. 39. Is. 1. P. 1–18. DOI: [10.1080/14494035.2019.1619325](https://doi.org/10.1080/14494035.2019.1619325)

References:

An S., Chubarova T., Deacon B., Stubbs P. (eds.) (2019) *Social Policy, Poverty, and Inequality in Central and Eastern Europe and Former Soviet Union*. Stuttgart: Ibidem Verlag.

Beach D. (2016) It's All About Mechanisms — What Process-Tracing Case Studies Should Be Tracing. *New Political Economy*. Vol. 21. Is. 5. P. 463–472. DOI: [10.1080/13563467.2015.1134466](https://doi.org/10.1080/13563467.2015.1134466)

Beach D., Pedersen R. (2013) *Process-Tracing Methods: Foundations and Guidelines*. MI: University of Michigan Press.

Béland D. (2005) Ideas and Social Policy: An Institutional Perspective. *Social Policy & Administration*. Vol. 39. Is. 1. P. 1–18. DOI: [10.1111/j.1467-9515.2005.00421.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9515.2005.00421.x)

Bennett A., Checkel J.T. (2015) Process Tracing: From Philosophical Roots to Best Practices. In: Bennett A., Checkel J.T. (eds.) *Process Tracing: From Metaphor to Analytic Tool*. Cambridge, New York, Melbourne: Cambridge University Press. P. 3–37.

Blyth M. (2002) *Great Transformations: Economic Ideas and Institutional Change in the Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press.

Brink T., Müller A., Liu T. (2022) The Introduction of Pension, Accident, and Health Insurance in Urban China. In: Kuhlmann J., Nullmeier F. (eds.) *Causal Mechanisms in the Global Development of Social Policies, Global Dynamics of Social Policy*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 33–66.

Campbell O., Pedersen T. (2011) Birding in the United Arab Emirates. *Birding World*. Vol. 24. P. 160–176.

Chubarova T., Grigorieva N. (2021) International Knowledge Transfer and Russian Social Policy: The Case of Gender Mainstreaming. *Global Social Policy*. Vol. 21. Is. 1. P. 96–116. DOI: [10.1177/1468018120969325](https://doi.org/10.1177/1468018120969325)

Daviter F. (2015) The Political Use of Knowledge in the Policy Process. *Policy Science*. Vol. 48. P. 491–505. DOI: [10.1007/s11077-015-9232-y](https://doi.org/10.1007/s11077-015-9232-y)

Devereux S. (2022) Policy Pollination as a Causal Mechanism Explaining Social Protection Adoption in Africa. In: Kuhlmann J., Nullmeier F. (eds.) *Causal Mechanisms in the Global Development of Social Policies, Global Dynamics of Social Policy*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 203–236.

Dolowitz D., Marsh D. (2000) Learning from Abroad: The Role of Policy Transfer in Contemporary Policy-Making. *Governance*. Vol. 13. Is. 1. P. 5–23. DOI: [10.1111/0952-1895.00121](https://doi.org/10.1111/0952-1895.00121)

Dupré J., Cartwright N. (1988) Probability and Causality: Why Hume and Indeterminism Don't Mix. *Nous*. Vol. 22. Is. 4. P. 521–536.

Falleti T.G., Lynch J.F. (2009) Context and Causal Mechanisms in Political Analysis. *Comparative Political Studies*. Vol. 42. Is. 9. P. 1143–1166. DOI: [10.1177/0010414009331724](https://doi.org/10.1177/0010414009331724)

- Fomin I.V. (2018) Projekt «Transfer znaniy i konvergentsiya metodologicheskikh traditsiy: Opyt mezhdistsiplinarnoy integratsii politicheskikh, biologicheskikh i lingvisticheskikh issledovaniy» [The project “Knowledge transfer and convergence of methodological traditions: The experience of interdisciplinary integration of political, biological and linguistic research”]. *Metod: moskovskiy ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin*. Moscow: INION RAN. P. 241–242.
- Freeman R. (2006) Learning in Public Policy. In: Moran M., Rein M., Goodin R.E. (eds.) *The Oxford Handbook of Public Policy*. Oxford: Oxford University Press. P. 367–388. DOI: [10.1093/oxfordhb/9780199548453.003.0017](https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199548453.003.0017)
- Goertz G. (2017) *Multimethod Research, Causal Mechanisms, and Case Studies. An Integrated Approach*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Graham I.D., Logan J., Harrison M.B., Straus S.E., Tetroe J., Caswell W. (2006) Lost in Translation: Time for a Map? *Journal of Continuing Education in the Health Professions*. Vol. 26. Is. 1. P. 13–24. DOI: [10.1002/chp.47](https://doi.org/10.1002/chp.47)
- Greenberg D.H., Links D. Mandell M. (2003) *Social Experimentation and Public Policy Making*. Washington, DC: Urban Institute Press.
- Greenhalgh T., Wieringa S. (2012) Is It Time to Drop the ‘Knowledge Translation’ Metaphor? A Critical Literature Review. *Journal of the Royal Society of Medicine*. Vol. 104. Is. 12. P. 501–509. DOI: [10.1258/jrsm.2011.110285](https://doi.org/10.1258/jrsm.2011.110285)
- Grigorieva N.S, Chubarova T.V. (2023) Mezhdunarodnaya peredacha znaniy [International knowledge transfer]. In: Solov'yev A.I. (ed.) *Politologiya. Novyy leksikon*. Moscow: Izdatel'stvo “Aspekt Press”. P. 366–375.
- Hedström P., Ylikoski P. (2010) Causal Mechanisms in the Social Sciences. *Annual Review of Sociology*. Vol. 36. P. 49–67. DOI: [10.1146/annurev.soc.012809.102632](https://doi.org/10.1146/annurev.soc.012809.102632)
- Heinrich A. (2021) International Knowledge Transfer and Learning in Social Policy: The Case of the Post-Soviet Region. *Global Social Policy*. Vol. 21. Is. 1. P. 3–8.
- Heinrich A., Isabekova G., Pleines H. (2022) Causal Mechanisms in the Introduction of Mandatory Health Insurance in the Post-Soviet Region. In: Kuhlmann J., Nullmeier F. (eds.) *Causal Mechanisms in the Global Development of Social Policies, Global Dynamics of Social Policy*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 141–165.
- Keynes J.M. (1937) The General Theory of Employment. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 51. Is. 2. P. 209–223. DOI: [10.2307/1882087](https://doi.org/10.2307/1882087)
- Khmelnitskaya M. (2015) *The Policy-Making Process and Social Learning in Russia: The Case of Housing Policy*. London: Palgrave Macmillan.
- Kuhlmann J., Nullmeier F. (2022) Introduction: A Mechanism-Based Approach to Social Policy Research. In: Kuhlmann J., Nullmeier F. (eds.) *Causal Mechanisms in the Global Development of Social Policies, Global Dynamics of Social Policy*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 3–29.
- Kuhlmann J., Nullmeier F. (eds.) (2022) *Causal Mechanisms in the Global Development of Social Policies, Global Dynamics of Social Policy*. Cham: Palgrave Macmillan, 2022.
- Lee S.-W., Kim E., Park K., Shin J.E. (2022a) What Matters for the Successful Policy Transfer? Empirical Evidence from South Korea’s Knowledge Sharing Program (KSP). *Journal of Policy Studies*. Vol. 37. Is. 3. DOI: [10.52372/jps37305](https://doi.org/10.52372/jps37305)
- Lee S-L., Hung T-K., Tian M. (2022b) The Influence Mechanism of Source Experience of the Knowledge on the Knowledge Transfer Performance: The Role of Political Skill and Knowledge Barriers. *Frontiers in Psychology*. Vol. 13. DOI: [10.3389/fpsyg.2022.980453](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.980453)
- Lendvai N., Stubbs P. (2007) Policies as Translation: Situating Trans-National Social Policies. In: Hodgson S.M., Irving Z. (eds.) *Policy Reconsidered: Meanings, Politics and Practices*. Bristol: Policy Press. P. 173–189.
- Lindberg H. (ed.) (2013) *Knowledge and Policy Change*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.

- Lindquist E., Wellstead A. (2019) Policy Process Research and the Causal Mechanism Movement: Reinvigorating the Field? In: Capano G., Howlett M., Ramesh M., Virani A. (eds.) *Making Policies Work. First- and Second-order Mechanisms in Policy Design*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. P. 14–38. DOI: [10.4337/9781788118194.00009](https://doi.org/10.4337/9781788118194.00009)
- Mahoney J. (2000) Strategies of Causal Inference in Small-N Analyses. *Sociological Methods and Research*. Vol. 28. Is. 4. P. 387–424. DOI: [10.1177/0049124100028004001](https://doi.org/10.1177/0049124100028004001)
- Mahoney J. (2001) Beyond Correlational Analysis: Recent Innovations in Theory and Method. *Sociological Forum*. Vol. 16. Is. 3. P. 575–593.
- Mahoney J. (2015) Process Tracing and Historical Explanation. *Security Studies*. Vol. 24. Is. 2. P. 200–218. DOI: [10.1080/09636412.2015.1036610](https://doi.org/10.1080/09636412.2015.1036610)
- Merton R.K. (1968) *Social Theory and Social Structure*. New York: Free Press.
- Mokhtar Kh.S., Rahman N.A. (2020) Understanding the Concept of Policy Transfer: A Systematic Literature Review Approach. *International Journal of Politics, Public Policy and Social Works (IJPPSW)*. Vol. 2. Is. 5. DOI: [10.35631/IJPPSW.25001](https://doi.org/10.35631/IJPPSW.25001)
- Öktem K.G. (2022) Causal Mechanisms in the Introduction and Development of Unemployment Insurance in Turkey. In: Kuhlmann J., Nullmeier F. (eds.) *Causal Mechanisms in the Global Development of Social Policies, Global Dynamics of Social Policy*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 103–139.
- Orwell G. (2021) *Mysli v puti. Publitsistika, esseistika, kritika* [Thoughts are on the way. Journalism, essays, criticism]. Saint Petersburg: Azbuka.
- Peck J., Theodore N. (2015) *Fast Policy: Experimental Statecraft at the Thresholds of Neoliberalism*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Porto de Oliveira O., Romano C. (eds.) (2022) *Brazil and China in Knowledge and Policy Transfer Agents, Objects, Time, Structures and Power Structures and Power*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Rogers E. (2003) *Diffusion of Innovations*. New York: Free Press.
- Sadovnichiy V.A., Grigorieva N.S., Chubarova T.V. (2012) *Ot traditsii k innovatsii: reformy zdavookhraneniya v sovremennom mire* [From tradition to innovation: Healthcare reforms in the modern world]. Moscow: Ekonomika.
- Salmon M. (1982) Error Correction Mechanisms. *The Economic Journal*. Vol. 92. Is. 367. P. 615–629.
- Stiglitz J. (2002) **Globalization and Its Discontents**. New York: W.W. Norton & Company.
- Stone D. (2012) Transfer and Translation of Policy. *Policy Studies*. Vol. 33. Is. 6. P. 483–499. DOI: [10.1080/01442872.2012.695933](https://doi.org/10.1080/01442872.2012.695933)
- Stone D. (2017) Understanding The Transfer of Policy Failure: Bricolage, Experimentalism and Translation. *Policy & Politics*. Vol. 45. Is. 1. P. 55–70. DOI: [10.1332/030557316X14748914098041](https://doi.org/10.1332/030557316X14748914098041)
- Stone D., Porto de Oliveira O., Pal L. (2020) Transnational Policy Transfer: The Circulation of Ideas, Power and Development Models. *Policy and Society*. Vol. 39. Is. 1. P. 1–18. DOI: [10.1080/14494035.2019.1619325](https://doi.org/10.1080/14494035.2019.1619325)
- Sungurov A.Yu. (2015) *Kak vznikayut politicheskiye innovatsii: «fabriki mysli» i drugiye instituty-mediatory* [How political innovations arise: “Thought factories” and other intermediary institutions]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
- Turchenko M.S., Zavads kaya M.A. (2017) Casual Mechanism vs Pile of Facts: How to Evaluate Casual Links in Case Study Research. *Polls. Politicheskkiye issledovaniya*. No. 2. P. 134–146. DOI: [10.17976/jpps/2017.02.09](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.09)
- Voloshinskaya A.A., Komarov V.M. (2015) Vidence-Based Policy: Problems and Prospects. *Vestnik IE RAN*. No. 4. P. 90–102.

«Сияние жемчужин»: возможности и перспективы участия женщин в общественно-политической жизни в современном Китае

Чень Сыли

Соискатель, SPIN-код РИНЦ: [7998-6710](#), ORCID: [0009-0003-5553-2119](#), chensili@yandex.ru

Высшая школа культурной политики и управления в гуманитарной сфере (факультет), МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Михайлова Ольга Владимировна

Доктор политических наук, SPIN-код РИНЦ: [7242-2620](#), ORCID: [0000-0002-7394-8332](#), Mikhaylova@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

В статье поднимается проблема участия женщин в общественно-политической жизни современного Китая. Несмотря на предпринятые Коммунистической партией усилия по вовлечению женщин в экономическую и политическую активность, на сегодняшний день Китай отстает от мировых лидеров в этой сфере. Цель исследования — выявить и описать наиболее значимые факторы, не позволяющие снизить уровень гендерного неравенства в стране и сдерживающие рост представительства женщин в партийных и правительственных структурах. В центре внимания находится культура китайского общества как главный дискриминирующий фактор. Описывая несколько поколений китайских женщин начиная с образования КНР, авторы характеризуют разные подходы КПК к повышению уровня их вовлеченности в социально-политические процессы в стране. Сложности, связанные с разрушением гендерных стереотипов, сильнее всего проявляют себя в политической сфере, где до сих пор женщины крайне редко достигают лидерских позиций. Политика по-прежнему воспринимается как мужское дело, а участие в ней женщины не только конфликтует с выполнением ею семейных функций, но и может вызвать общественное порицание. Заметное изменение ситуации может произойти благодаря демонстрационному и накопительному эффектам, когда, с одной стороны, Коммунистическая партия расширит возможности для участия женщин в ее деятельности, дав тем самым самый важный политический сигнал обществу, и, с другой — все большее число женщин будут получать высшее образование и достигать карьерного успеха в социально-экономической сфере, а их активность вне семьи станет нормой.

Ключевые слова

Женщины в политике, гендерное неравенство, Китай, гендерная политика, культура Китая.

Для цитирования

Чень С., Михайлова О.В. «Сияние жемчужин»: возможности и перспективы участия женщин в общественно-политической жизни в современном Китае // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 107. С. 152–160. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-152-160

“Shine of Pearls”: Opportunities and Prospects for Women’s Participation in Socio-Political Life in Modern China

Chen Sili

PhD applicant, ORCID: [0009-0003-5553-2119](#), chensili@yandex.ru

Higher School of Cultural Policy and Management in the Humanities (Faculty), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Olga V. Mikhaylova

DSc (Political Sciences), ORCID: [0000-0002-7394-8332](#), Mikhaylova@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article raises the problem of women’s participation in the socio-political life of modern China. Despite the efforts made by the Communist Party to involve women in economic and political activity, today China lags behind world leaders in this area. The aim is to identify and describe the most significant factors constraining the reduction of gender inequality in the country and the growth of women’s representation in party and government structures. The authors focus on the culture of Chinese society as the main discriminating factor. Describing several generations of Chinese women, starting with the formation of the PRC, the authors characterize the different approaches of the CPC to increasing their involvement in socio-political processes in the country. The difficulties associated with the destruction of gender stereotypes are most obvious in the political sphere, where women still rarely achieve leadership positions. Politics is still perceived as a man’s business, and a woman’s participation in it not only conflicts with her family functions, but can also cause public censure. The authors believe that a noticeable change in the situation can occur due to demonstration and cumulative effects, when, on the one hand, the Communist Party expands opportunities for women to participate in its activities, thereby giving an important political signal to society, and, on the other hand, an increasing number of women receive higher education and achieve career success in the socio-economic sphere, and their activity outside the family will become the norm.

Keywords

Women in politics, gender inequality, China, gender politics, Chinese culture.

For citation

Chen S., Mikhaylova O.V. (2024) "Shine of Pearls": Opportunities and Prospects for Women's Participation in Socio-Political Life in Modern China. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 107. P. 152–160. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-152-160

Дата поступления/Received: 01.08.2024

Введение

В день образования Китайской народной республики (1949 г.) Всекитайский демократический женский фонд (с 1954 г. — Всекитайская федерация женщин) призвал поддержать создание новой политической системы, с появлением которой связывалось получение женщинами равных прав с мужчинами и возможность принять участие в строительстве нового Китая. Сделанное заявление подчеркивало приверженность Коммунисткой партии идее активного участия женщин во всех сферах жизни китайского общества (позднее Мао Цзэдун образно выразил это в своем выступлении фразой «женщины держат полнеба»).

За прошедшие десятилетия в этом направлении правительством реализовывалась государственная политика, направленная на повышение уровня экономической и политической активности женщин, однако именно в общественно-политической области результаты пока еще далеки от заявленных. Так, по состоянию на 2023 г. Китай занимает только 107 место в рейтинге 149 стран, согласно отчету Всемирного экономического форума «Глобальный гендерный разрыв 2023»; до сих пор женщины не представлены во многих правительственных организациях на руководящих должностях (114 место из 149)¹.

С момента образования Коммунистической партии в 1921 г. по настоящее время только несколько женщин были полноправными участницами Политбюро партии, но ни одна не входила в Постоянный комитет Политбюро. Среди них: Цзян Цин (JiangQing), жена Мао Цзэдуна, Е Цюань (YeQuan), жена тогдашнего преемника Мао Цзэдуна, Дэн Инчао (DengYingchao), жена Чжоу Эньлая, политического наставника Дэн Сяопина. Кроме них альтернативными членами стали У Гуйсянь (WuGuixian), которая под покровительством Цзян Цин вошла в состав Центрального комитета партии в 1969 г. в числе других представителей от народных масс, а также Чэнь Мухуа (ChenMuhua), которую до сих пор считают самой влиятельной женщиной периода реформ, так как она занимала такие значимые должности, как вице-премьер Государственного Совета, министр внешней торговли и экономического сотрудничества, руководитель Народного банка, а в 1988 г. возглавила Всекитайскую федерацию женщин.

На современном этапе численность женщин в представительном органе власти — Всекитайском собрании народных представителей — устоялась в пропорции 1:4 (24,9%) по состоянию на 1 марта 2023 г. (95 место в рейтинге 187 стран)². Похожее соотношение можно наблюдать и на должностях в системе партийного и государственного управления (число женщин возросло с 422 000 чел. в 1988 г. до 1 906 000 чел. в 2017 г.) и достигло 26,5% от общей численности чиновников. На 2018 г. зафиксировано 27,2% женщин — членов партии и 22% женщин на руководящих постах в государственных учреждениях³.

Очевидно, что многие исследователи задаются вопросом о причинах заметного отставания Китая от других стран в преодолении проблемы гендерного неравенства на фоне многолетнего успешного экономического развития, влекущего за собой, как правило, не только рост благосостояния населения, но и изменение ценностей и представлений о социальных ролях женщин и мужчин в обществе.

¹ Gender Gap Index 2023 // WEF [Электронный ресурс]. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2023.pdf (дата обращения: 22.05.2024).

² Monthly ranking of women in national parliaments // IPU Parline [Электронный ресурс]. URL: <https://data.ipu.org/women-ranking?month=3&year=2023> (дата обращения: 25.05.2024).

³ The State Council Information Office. Equality, Development and Sharing Progress of Women's Case in 70 years since New China Founding // The State Council Information Office [Электронный ресурс]. URL: http://english.scio.gov.cn/node_8014283.html (дата обращения: 25.05.2024).

Гендерно-ролевые установки традиционной китайской культуры

Исторически в Китае, в отличие от западных стран, тема социальной активности женщин попала в политическую повестку по инициативе Коммунистической партии в контексте революционных лозунгов и до сегодняшнего дня направляется ею в числе других приоритетов национального развития. В начале 2000-х Дж. Хауэлл для описания истории расширения возможностей политического участия женщин использовала понятие «государственный феминизм», определяя его как набор практически ориентированных стратегий для повышения социального статуса женщин, а также созданных с этой целью институциональных механизмов [Howell 2002]. Иными словами, как и в других сферах политики, государство обладает монополией на объяснение причин гендерного неравенства и разработку мер по его преодолению, содержание которых увязано с другими стратегическими задачами. Интерес к этому вопросу растет, когда требуется мобилизация женщин с целью проведения стремительных социально-экономических преобразований в стране, и ослабевает в периоды, когда, наоборот, требуется корректировка их численности на рынке труда.

Вместе с тем нельзя однозначно утверждать, что исключительно усилиями государства возможно регулировать столь масштабные социальные изменения в обществе. Конечно, приоритеты государства и проводимая им политика имеют значение, однако исследователи чаще пишут о культурном факторе, сохраняющейся традиционности современного китайского общества, препятствующей расширению политических возможностей женщин. И это остающееся влияние может как сдерживать политику партии, так и содействовать ей в продвижении женского вопроса. Культура изменяется крайне медленно, гендерные стереотипы не исчезли, социальные табу для женщин невозможно одномоментно отменить, и, как следствие, все инициативы и реализация законов, меняющих социальную роль женщин, сталкиваются с предрассудками и противодействием со стороны общества, а ставка женщин на экономическую и политическую активность приводит к усилению неравенства [Hofstede 2001].

Следовательно, существуют определенные проблемы гендерного неравенства в обществе, которые требуют решения со стороны как общества, так и государства. Считаем, что разработка соответствующих мер стратегической направленности поможет решить данные проблемы и закрепить роль женщины на основных общественно-политических должностных постах в качестве лидера и управленца.

Восходящая мобильность для женщин в китайском обществе серьезно ограничена в связи с устойчивостью гендерных стереотипов, основанных на традиционной культуре, которая несколько тысяч лет фиксирует безоговорочное доминирование мужчин. Ключевыми элементами традиционной культуры являются жесткая социальная иерархия, патриархальная семья и гармоничные социальные отношения. Каждому члену общества предписана социальная роль в соответствии с основными моральными принципами, которым необходимо следовать для поддержания мира, гармонии и порядка. Моральные обязательства каждого члена общества связаны с такими социальными институтами, как семья и государство. Старший член семьи обязан проявлять доброжелательность и заботу о подчиненном ему члене, а подчиненный член — послушание. При этом главная цель развития женщины — стать скромной и слабой, что является основой гармоничных отношений с мужем и его родственниками [Lee 1995]. Традиционная китайская женщина должна быть послушна отцу как дочь, мужу как жена и сыновьям во вдовстве, а также обладать четырьмя добродетелями (нравственность, правильная речь, скромность манер и усердие в работе). Как пишет Чанг Юнг, «добродетельная женщина должна подавлять свои эмоции и не желать ничего, кроме исполнения своего долга перед мужем. Скучать по мужу — это нормально, это добродетельно, но женщине не положено жаловаться... На самом деле хорошая женщина вообще не должна иметь точку зрения, а если и имеет, не должна была быть настолько наглой, чтобы о ней говорить» [Chang 1993, 123].

Культурные нормы играли и продолжают играть важную дискриминирующую роль, не позволяя уменьшить уровень гендерного неравенства, хотя мышление и модели поведения современных китайцев сильно изменились под влиянием значительных социально-экономических трансформаций. Динамику хорошо иллюстрирует типология, описывающая пять поколений женщин:

- 1) коммунистическое поколение (рожденные до 1940 г.), на жизнь которого выпало много скорби и тягот, для которого традиционные ценности имели наибольшее значение;
- 2) «потерянное поколение» (1940–1960 гг.), которое пережило много значительных социально-экономических изменений, в том числе «культурную революцию», разрушившую традиционную социальную систему, и экономические реформы;
- 3) «счастливое поколение» (1960–1970 гг.), в полной мере воспользовавшееся плодами экономических реформ и получившее больше возможностей для карьерного роста и индивидуальной свободы;
- 4) «трансформированное поколение» (1970–1980 гг.), которое стало свидетелем экономических преобразований и испытало влияние западных ценностей;
- 5) «поколение Е» (после 1980-х гг.), рожденные в результате политики «одна семья — один ребенок», они воспользовались плодами политической и экономической стабильности, на них больше, чем на другие поколения, оказали влияние глобализация и идеи феминизма [Li 2000].

Процесс изменения роли женщины в китайском обществе

Установки традиционной культуры продемонстрировали свою устойчивость еще в первые десятилетия интенсивного строительства новой китайской государственности. В 1949–1966 гг. в революционной логике классово-борьбы власти во главе с Мао Цзэдуном сделали ставку на мобилизацию всего населения страны для реализации коллективных целей, когда каждый должен был внести свой вклад, включая женщин. Наделение женщин равными правами с мужчинами стало частью грандиозного проекта по переходу к социалистическому строю, установлению приоритета коллектива над частными интересами.

В 1966–1976 гг. (период «культурной революции») женщин также рассматривали в качестве важной производительной рабочей силы, но с акцентом на то, что они могут выполнять те же виды работ, что и мужчины, то есть шло целенаправленное стирание гендерных различий. Женщины в тот период носили бесформенную одежду и вели себя точно так же, как мужчины. Женщины должны были полностью отдаться революции, и любая демонстрация права заниматься своими детьми подвергалась критике как признак разделения лояльности [Chang 1993].

Кардинальные изменения стали происходить в Китае с конца 1970-х гг., когда был взят политический курс на масштабные экономические преобразования. Однако на уровень гендерного равенства этот период оказал неоднозначное влияние. С одной стороны, была принята серия законов, защищающих социальный статус женщин и способствующих их эмансипации. С другой стороны, концептуально власти не исходили из идеи равенства мужчин и женщин, а рассматривали последних как более слабых и требующих особой защиты и поддержки (например, разный возраст выхода на пенсию). Помимо этого, все усилия и ресурсы государства были направлены на достижение внушительных экономических результатов, что отодвинуло на периферию внимание ко всем другим проблемам, а также предоставило большую свободу действий работодателям, которые чаще руководствовались не требованиями закона, а требованиями экономической результативности и эффективности. Работодатели были заинтересованы в сотрудниках, которые могут работать много и не будут отвлекаться на решение семейных проблем. В итоге приобретенные женщинами ранее возможности трудоустройства стали резко сокращаться.

Более того, на фоне модернизации и экономического развития акцент все больше смещается на осознание важности семьи как социального института, доминирует установка на реализацию женщинами прежде всего своих семейных обязанностей, а не стратегий по достижению профессионального роста и самовыражения. Поддержку приоритетам власти оказало общество, в котором, несмотря на годы «культурной революции», патриархальная семья сохранилась как важнейшая ценность, а массовый выход женщин на рынок труда воспринимался как угроза основам патриархальности. Гендерные предубеждения в обществе о превосходстве мужчины над женщиной усилила политика «одна семья — один ребенок» (1978–2015 гг.), ограничивающая рождаемость в целях снижения нагрузки на земельные, водные и энергетические ресурсы страны. В результате реализации этой политики увеличился уровень избыточной младенческой смертности, ухудшились показатели здоровья и выживаемости женщин, сократилась численность молодого населения. В 2015 г. политика в отношении одного ребенка была отменена, и на смену ей была введена политика в отношении двух детей [Li et al. 2019]. Пары поощрялись к рождению второго ребенка, и в результате такой политики в Китае дополнительно родилось 5,4 млн детей. В 2021 г. Коммунистическая партия провозгласила политику «одна семья — три ребенка» для борьбы с быстрым старением населения, поддержав и усилив тем самым традиционалистские установки в общественном сознании⁴.

Очевидно, что различия между женщинами времен Мао Цзэдуна и современными женщинами колоссальны. Современные женщины чувствуют себя более уверенно в жизни (прежде всего в городах), во-первых, благодаря возможности получать высшее образование (в том числе и за рубежом). Например, в 2018 г. 53% студентов бакалавриата составляли женщины [Tang, Norta 2021]. На рынок труда вышли профессионально подготовленные женщины — специалисты в различных областях, способные на равных конкурировать с мужчинами даже за управленческие позиции, в том числе в сфере политики и государственного управления. Во-вторых, женщины стали более финансово независимыми от мужчин, что значительно расширило их горизонты для реализации своих профессиональных стратегий, они стали позднее вступать в брак, но и чаще стали оставаться одиночками. В-третьих, политика «одна семья — один ребенок» повлияла на установки молодого поколения, ослабив влияние традиционных ценностей [Андрюшина, Григорьева 2024], повысив ценность дочерей, которые смогли не только получать образование, но и наследовать семейный бизнес. В то же время есть вероятность, что отмена этой политики (если она будет успешной) в будущем негативно повлияет на распределение социальных ролей, обострит конкуренцию между братьями и сестрами и в итоге снизит социальный статус женщины, ухудшит ее положение в семье [Sun, Li 2017]. Вместе с тем на молодое поколение китайских женщин продолжают оказывать сильное влияние старшие поколения, формально уже вышедшее на пенсию, но доминирующие при этом на управленческих должностях.

И все же объективно происходящие изменения не влекут за собой столь же значительных изменений в социальных отношениях. Традиционалистский тренд, общественное неприятие идей гендерного равенства ставят женщин, желающих самостоятельно определять свою личную и профессиональную судьбу, в ситуацию сложного выбора, угрожающего разрывом семейных связей [Luo, Chui 2018]. На женщин продолжает оказываться социальное давление, чтобы они выходили замуж, а не занимались исключительно построением карьеры. В 2007 г. Всекитайская федерация женщин использовала новое понятие «шенной» (shengnv) для характеристики образованных незамужних женщин старше 27 лет [Gaetano 2014].

⁴ Одна семья — три ребенка // Журнал «Китай» [Электронный ресурс]. URL: http://www.kitaichina.com/rshehui/202108/t20210819_800256008.html (дата обращения: 25.05.2024).

Проблемы участия женщин в политической сфере

В непросто социальном-культурном контексте женщины добиваются профессионального успеха в бизнесе, занимая руководящие позиции в компаниях, однако в общественно-политической сфере их продвижение на лидерские позиции крайне затруднено. Коммунистическая партия признает проблему недопредставленности женщин в партийных и правительственных структурах и начала ее решение с низового управленческого уровня, призвав принимать женщин на должности в местные органы власти. В частности, были законодательно установлены квоты, призванные существенно изменить ситуацию, что и произошло, но только формально, так как женщин стали принимать на должности, но исключительно в рамках установленной квоты и без дальнейшего расширения их участия в процессах принятия решений [Zeng 2014]. Более того, до 2016 г. размер квоты не был четко определен, поэтому она трактовалась вольно (например, в состав комитета должна входить одна женщина).

В Китае основной способ рекрутирования на политические позиции и должности в сфере государственного управления — назначения. Ключевую роль в отборе кандидатов играет партия, которая отдает приоритет мужчинам, что согласуется с общественной установкой в отношении политики как мужского дела. На ведущих партийных постах женщины появлялись несколько раз, последними по времени (с 1969 г.) членами Политбюро КПК стали Лю Яньдун (2007–2017 гг.) и Сунь Чуньлань (2012–2022 гг.); они не были ни женами политиков, ни героинями труда, а заняли свои позиции, пройдя длинный карьерный путь. Показательно, что после введения в 1987 г. выборов на сельском уровне ситуация с представительством женщин не улучшилась, избиратели не оказали им значимой поддержки, что косвенно подтверждает господствующие в обществе гендерные предрассудки, характерные для избирательного процесса и в других странах [Григорьева, Жохова 2022].

Политическое лидерство в западной традиции длительное время ассоциировалось с набором выдающихся качеств, которыми обладают мужчины. В китайской культуре лидерство также сопряжено с определенным набором качеств, которыми должен обладать мужчина для выполнения управленческих функций. Женщине эти качества несвойственны: когда она, например, проявляет решительность, то ее считают агрессивной и властной, если она ориентируется на построение карьеры, то ее считают плохой женой, потому что она много времени уделяет работе. Политическая деятельность ассоциируется с мудростью, которую мужчины приобретают с возрастом, они строят карьеру в молодые годы, приобретают опыт и значимые для ведения политической деятельности навыки, а женщины в молодые годы занимаются семьей и, когда освобождаются от этой обязанности, уже не рассматриваются в качестве достойных кандидатов для занятия лидерских позиций, так как у них нет опыта и физические способности не позволяют заниматься борьбой за посты [Tsang et al. 2011].

Для построения политической карьеры важным навыком является накопление социального капитала, выстраивание неформальных сетевых контактов со значимыми агентами, заключение соглашений о сотрудничестве и поддержке в различных ситуациях принятия решений, обмен ресурсами, привлечение сторонников и расширение числа последователей. Благодаря включенности в социальные сети создаются возможности для получения должностей в системе государственного управления. Вместе с тем накопление социального капитала происходит не на рабочем месте, а вне его, на неформальных мероприятиях, банкетах, личных встречах, участие в которых для женщин оказывается крайне затруднительно по нескольким причинам: наличие семейных обязательств, невозможность посещать неформальные мероприятия с участием мужчин по морально-этическим мотивам, нежелание мужчин развивать сетевые контакты с женщинами (если в официальном формате

взаимодействие с женщиной может быть вынужденным, то в неформальной обстановке полностью проявляются гендерные стереотипы) [Zheng et al. 2017]. Как результат, женщины испытывают дефицит профессиональных контактов, помогающих им продвигаться по карьерной лестнице в высоко конкурентной политической среде, получать необходимую поддержку и рекомендации, важные советы по грамотному поведению в различных ситуациях [Tian, Bush 2020]. Безусловно, с похожими проблемами женщины сталкиваются и в коммерческом секторе, но все-таки спектр руководящих должностей значительно шире, их число несравнимо больше, а специализированные профессиональные компетенции имеют большее значение.

По имеющимся статистическим данным, в 2013 г. среди 273 губернаторов и их заместителей 33 позиции занимали женщины, в 2018 г. — 31 из 276. Среди членов постоянных комитетов КПК на уровне провинций в 2011–2012 гг. — 36 из 375, а в 2016–2017 — 34 из 375. Возраст назначения на руководящие должности в провинциях у мужчин и женщин практически одинаковый (52,2 и 52 года соответственно). При этом с высокой долей вероятности можно предположить, что этим немногим женщинам во власти пришлось преодолеть более тернистый карьерный путь, чем мужчинам [Chen 2022].

Заключение

Недопредставленность женщин в современной политике и государственном управлении в современном Китае очевидна, но не является заданной. Столь сильное влияние многовековой традиционной культуры вызвано тем фактом, что молодое поколение в социальной структуре общества уступает по численности и влиянию на принятие решений. До сих пор при назначении на руководящие посты большое значение имеет не только политическая лояльность, но и возраст (чем старше, тем мудрее), ротация происходит очень медленно, модель рекрутирования содержит большое количество фильтров, а политический класс в публичном пространстве демонстрирует приверженность традиционным социальным представлениям о доминировании мужчин в политике в силу того, что его представители относятся к тем возрастным группам, для которых они являются важнейшим элементом культуры [Wang, Dai 2013]. Значимым представляется накопительный эффект, сохранение устойчивого тренда на получение женщинами высшего образования, научных степеней, руководящих должностей в коммерческих компаниях, что со временем сделает эту ситуацию привычной для общественного сознания и, как следствие, повысит к ним доверие на политических позициях.

Список литературы:

Андрюшина Е.В., Григорьева Н.С. Актуальные подходы к исследованиям неравенства женщин и мужчин в современном обществе // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 140–144. DOI: [10.21064/WinRS.2024.1.9](https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.1.9)

Григорьева Н.С., Жохова А.А. Политическая риторика женщин-лидеров в избирательной кампании по выборам президента Франции 2022 г. // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 48–58. DOI: [10.21064/WinRS.2022.4.5](https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.4.5)

Chang J. Wild Swans: Three Daughters of China. Glasgow: Flamingo, 1993.

Chen M. «Innocent Young Girls»: The Search for Female Provincial Leaders in China // The China Quarterly. 2022. Vol. 251. P. 751–775. DOI: [10.1017/S030574102200042X](https://doi.org/10.1017/S030574102200042X)

Gaetano A. «Leftover Women»: Postponing Marriage and Renegotiating Womanhood in Urban China // Journal of Research in Gender Studies. 2014. Vol. 4. Is. 2. P. 124–149.

Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organisations across Nations. London: Sage, 2001.

- Howell J. Women's Political Participation in China: Struggling to Hold Up Half the Sky // *Parliamentary Affairs*. 2002. Vol. 55. Is. 1. P. 43–56. DOI: [10.1093/parlij/55.1.43](https://doi.org/10.1093/parlij/55.1.43)
- Lee W. Women's Education in Traditional and Modern China // *Women's History Review*. 1995. Vol. 4. Is. 3. P. 345–367.
- Li H., Xue M., Hellerstein S., Cai Y., Gao Y., Zhang Y., Qiao J., Blustein J., Liu J. Association of China's Universal Two Child Policy with Changes in Births and Birth Related Health Factors: National, Descriptive Comparative Study // *BMJ*. 2019. Vol. 366. DOI: [10.1136/bmj.l4680](https://doi.org/10.1136/bmj.l4680)
- Li Y. Women's Movement and Change of Women's Status in China // *Journal of International Women's Studies*. 2000. Vol. 1. Is. 1. URL: <https://vc.bridgew.edu/jiws/vol1/iss1/3/>
- Luo M., Chui E. Gender Division of Household Labour in China: Cohort Analysis in Life Course Patterns // *Journal of Family Issues*. 2018. Vol. 39. Is. 12. P. 3153–3176. DOI: [10.1177/0192513X18776457](https://doi.org/10.1177/0192513X18776457)
- Sun J., Li J. Women in Leadership in China: Past, Present, and Future // *Current Perspectives on Asian Women in Leadership* / ed. by Y. Chao, R. Ghosh, J. Melean. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. P. 19–35. DOI: [10.1007/978-3-319-54996-5_2](https://doi.org/10.1007/978-3-319-54996-5_2)
- Tang L., Horta H. Women Academics in Chinese Universities: A Historical Perspective // *Higher Education*. 2021. Vol. 82. P. 865–895. DOI: [10.1007/s10734-020-00669-1](https://doi.org/10.1007/s10734-020-00669-1)
- Tian Z. Bush H. Half the Sky: Interwoven Resilience Process of Women Political Leaders in China // *Journal of Applied Communication Research*. 2020. Vol. 48. Is. 1. P. 70–90. DOI: [10.1080/00909882.2019.1704829](https://doi.org/10.1080/00909882.2019.1704829)
- Tsang A., Chan P., Zhang I. Reconciling Conflicts: the 'Accidental' Women Leaders in Contemporary China // *Affilia: Journal of Women and Social Work*. 2011. Vol. 26. Is. 3. P. 314–326. DOI: [10.1177/0886109911418441](https://doi.org/10.1177/0886109911418441)
- Wang Z., Dai W. Women's Participation in Rural China's Self-governance: Institutional, Socioeconomic, and Cultural factors in Jiangsu Country // *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*. 2013. Vol. 26. Is. 1. P. 91–118. DOI: [10.1111/j.1468-0491.2012.01605.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0491.2012.01605.x)
- Zeng B. Women's Political Participation in China: Improved or Not? // *Journal of International Women's Studies*. 2014. Vol. 15. Is. 1. URL: <https://vc.bridgew.edu/jiws/vol15/iss1/9/>
- Zheng C., Ai J., Liu S. The Elastic Ceiling: Gender and Professional Career in Chinese Courts // *Law and Social Review*. 2017. Vol. 51. Is. 1. P. 168–199.

References:

- Andryushina E.V., Grigorieva N.S. (2024) Current Approaches to the Study of Inequality Between Women and Men in Modern Society. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 1. P. 140–144. DOI: [10.21064/WinRS.2024.1.9](https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.1.9)
- Chang J. (1993) *Wild Swans: Three Daughters of China*. Glasgow: Flamingo.
- Chen M. (2022) «Innocent Young Girls»: The Search for Female Provincial Leaders in China. *The China Quarterly*. Vol. 251. P. 751–775. DOI: [10.1017/S030574102200042X](https://doi.org/10.1017/S030574102200042X)
- Gaetano A. (2014) «Leftover Women»: Postponing Marriage and Renegotiating Womanhood in Urban China. *Journal of Research in Gender Studies*. Vol. 4. Is. 2. P. 124–149.
- Grigorieva N.S., Zhokhora A.A. (2022) Political Rhetoric of Women Leaders in the French Presidential Election Campaign 2022. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 4. P. 48–58. DOI: [10.21064/WinRS.2022.4.5](https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.4.5)
- Hofstede G. (2001) *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations across Nations*. London: Sage.
- Howell J. (2002) Women's Political Participation in China: Struggling to Hold up Half the Sky. *Parliamentary Affairs*. Vol. 55. Is. 1. P. 43–56. DOI: [10.1093/parlij/55.1.43](https://doi.org/10.1093/parlij/55.1.43)

- Lee W. (1995) Women's Education in Traditional and Modern China. *Women's History Review*. Vol. 4. Is. 3. P. 345–367.
- Li H., Xue M., Hellerstein S., Cai Y., Gao Y., Zhang Y., Qiao J., Blustein J. and Liu J. (2019) Association of China's Universal Two Child Policy with Changes in Births and Birth Related Health Factors: National, Descriptive Comparative Study. *BMJ*. Vol. 366. DOI: [10.1136/bmj.l4680](https://doi.org/10.1136/bmj.l4680)
- Li Y. (2000) Women's Movement and Change of Women's Status in China. *Journal of International Women's Studies*. Vol. 1. Is. 1. Available at: <https://vc.bridgew.edu/jiws/vol1/iss1/3/>
- Luo M., Chui E. (2018) Gender Division of Household Labor in China: Cohort Analysis in Life Course Patterns. *Journal of Family Issues*. Vol. 39. Is. 12. P. 3153–3176. DOI: [10.1177/0192513X18776457](https://doi.org/10.1177/0192513X18776457)
- Sun J., Li J. (2017) Women in Leadership in China: Past, Present, and Future. In: Chao Y., Ghosh R., Melean J. (eds.) *Current Perspectives on Asian Women in Leadership*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 19–35. DOI: [10.1007/978-3-319-54996-5_2](https://doi.org/10.1007/978-3-319-54996-5_2)
- Tang L., Horta H. (2021) Women Academics in Chinese universities: A Historical Perspective. *Higher Education*. Vol. 82. P. 865–895. DOI: [10.1007/s10734-020-00669-1](https://doi.org/10.1007/s10734-020-00669-1)
- Tian Z., Bush H.R. (2020) Half the sky: Interwoven Resilience Processes of Women Political Leaders in China. *Journal of Applied Communication Research*. Vol. 48. Is. 1. P. 70–90. DOI: [10.1080/00909882.2019.1704829](https://doi.org/10.1080/00909882.2019.1704829)
- Tsang A., Chan P., Zhang L. (2011) Reconciling Conflicts: the 'Accidental' Women Leaders in Contemporary China. *Affilia: Journal of Women and Social Work*. Vol. 26. Is. 3. P. 314–326. DOI: [10.1177/0886109911418441](https://doi.org/10.1177/0886109911418441)
- Wang Z., Dai W. (2013) Women's Participation in Rural China's Self-Governance: Institutional, Socioeconomic, and Cultural Factors in a Jiangsu County. *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*. Vol. 26. Is. 1. P. 91–118. DOI: [10.1111/j.1468-0491.2012.01605.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0491.2012.01605.x)
- Zeng B. (2014) Women's Political Participation in China: Improved or Not? *Journal of International Women's Studies*. Vol. 15. Is. 1. Available at: <https://vc.bridgew.edu/jiws/vol15/iss1/9/>
- Zheng C., Ai J., Liu S. (2017) The Elastic Ceiling: Gender and Professional Career in Chinese Courts. *Law & Society Review*. Vol. 51. Is. 1. P. 168–199.

Эволюция структуры органов ОДКБ в контексте трансформации военно-политической обстановки на постсоветском пространстве

Хлопко Антон Павлович

Соискатель, SPIN-код РИНЦ: [6055-8284](https://elibrary.ru/ant-khlopko), ant-khlopko@rambler.ru

Среднерусский Институт управления — филиал РАНХиГС, Орёл, РФ.

Аннотация

Целью статьи является анализ основных факторов трансформации структуры органов ОДКБ как международной региональной организации в сфере безопасности с учетом обстоятельств, характеризующих военно-политическую обстановку на территории постсоветских государств. Для этого в статье решаются задачи по определению содержания функций ОДКБ в контексте меняющейся военно-политической обстановки на постсоветском пространстве, а также рассмотрению архитектуры органов ОДКБ и ее зависимости от трансформации военно-политической обстановки на постсоветском пространстве, развития структуры экспертных и аналитических органов ОДКБ. Архитектура органов управления ОДКБ представлена как результат сочетания функционального содержания деятельности организации и событий в сфере военно-политической безопасности государств — членов ОДКБ. В рамках статьи приводятся отдельные примеры из событий последних лет, обуславливающие конкретные военно-политические решения в области трансформации организационно-правовой основы деятельности ОДКБ. Развитие структуры организации во многом является результатом реагирования на трансформацию современных угроз и рисков для военно-политической безопасности государств — членов ОДКБ. На основании применения политического анализа (ивент-анализ, контент-анализ) прослеживается закономерная связь между мандатом ОДКБ и объективными обстоятельствами развития военно-политической обстановки на постсоветском пространстве. Отмечается неравномерная динамика в изменении архитектуры органов управления ОДКБ, выявлена особая роль подразделений и рабочих органов организации, отвечающих за оперативное реагирование на возникающие риски и угрозы. Потенциал развития систем региональной безопасности и дальнейшей интеграции государств — членов организации напрямую зависит от способности структур ОДКБ гибко реагировать на современные вызовы и угрозы. Изменения, которые происходят в органах военного и политического управления ОДКБ, свидетельствуют о стремлении организации поддерживать высокий уровень коллективной безопасности на постсоветском пространстве.

Ключевые слова

ОДКБ, постсоветское пространство, военно-политическая обстановка, коллективная безопасность, оборонительный союз.

Для цитирования

Хлопко А.П. Эволюция структуры органов ОДКБ в контексте трансформации военно-политической обстановки на постсоветском пространстве // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 107. С. 161–170. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-161-170

Evolution of CSTO Bodies' Structure in the Context of Transformation of Military and Political Situation in the Post-Soviet Space

Anton P. Khlopko

PhD applicant, ant-khlopko@rambler.ru

Central Russian Institute of Management — branch of RANEPa, Orel, Russian Federation.

Abstract

The aim of the article is to analyze the main factors of transforming the structure of CSTO bodies as an international regional organization in the field of security, taking into account the circumstances characterizing the military and political situation on the territory of the post-Soviet states. To do this, the article solves the tasks of determining the content of the CSTO functions in the context of the changing military and political situation in the post-Soviet space, as well as considering the architecture of the CSTO bodies and its dependence on the transformation of the military and political situation in the post-Soviet space, the development of CSTO expert and analytical bodies' structure. The architecture of the CSTO governing bodies is presented as the result of a combination of the functional content of the organization's activities and events in the field of military and political security of the CSTO member states. The article provides some examples of recent years, which determine specific military and political decisions in the field of transformation of the organizational and legal basis of the CSTO activities. The development of the organization's structure is largely the result of responding to the transformation of modern threats and risks to the military and political security of the CSTO member states. Based on the application of political analysis (event analysis, content analysis), a natural connection is traced between the CSTO mandate and the objective circumstances of the development of the military and political situation in the post-Soviet space. The uneven dynamics in the change of CSTO governing bodies' architecture is noted, the special role of the organization's departments and working bodies responsible for prompt response to emerging risks and threats is revealed. The potential for the development of regional security systems and further integration of the organization's member states directly depends on the ability of the CSTO structures to flexibly respond to modern challenges and threats. The changes that are taking place in the military and political management bodies of the CSTO indicate the organization's desire to maintain a high level of collective security in the post-Soviet space.

Keywords

CSTO, post-Soviet space, military and political situation, collective security, defensive alliance.

For citation

Khlopko A.P. (2024) Evolution of CSTO Bodies' Structure in the Context of Transformation of Military and Political Situation in the Post-Soviet Space. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 107. P. 161–170. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-161-170

Дата поступления/Received: 30.06.2024

Введение

Эволюция структуры любой международной организации во многом обусловлена совокупностью определенных факторов, характеризующих политические условия возникновения и развития этой организации. Не является здесь исключением и Организация Договора о коллективной безопасности (далее — ОДКБ), которая на протяжении всей истории своего существования была вынуждена реагировать на меняющуюся военно-политическую обстановку на постсоветском пространстве, адаптируясь к новым условиям в том числе посредством изменения внутренней структуры. Решение задач обеспечения коллективной безопасности в первую очередь зависит от военно-политической обстановки, складывающейся в зоне ответственности международной организации. Следовательно, исследование эволюции структуры органов ОДКБ обладает значительным потенциалом в деле познания закономерностей развития региональной организации.

Содержание функций ОДКБ в контексте меняющейся военно-политической обстановки на постсоветском пространстве

Перспектива реинтеграции вновь образованных суверенных государств на территории постсоветского пространства возникла практически сразу после распада СССР. Характер реинтеграционных процессов был весьма разнообразен и варьировался в зависимости от конкретных политических целей той или иной группы постсоветских государств. Пятнадцать вновь образованных государств имели различную геополитическую ориентацию и ставили перед собой разные внешнеполитические цели: некоторые из постсоветских государств практически встали на западный путь развития — такова историческая судьба прибалтийских стран, ориентированных полностью на западную модель политического развития; некоторые государства были открыты для перспективы экономической реинтеграции, а некоторые допускали для себя и возможность военно-политического объединения в рамках новой системы коллективной безопасности. Исторически учреждению ОДКБ предшествовал период действия Договора о коллективной безопасности (далее — ДКБ), подписанного 15 мая 1992 г.

ДКБ был подписан первоначально шестью государствами, а впоследствии к нему также присоединились Азербайджан, Грузия и Белоруссия. Последующее десятилетие развитие отношений внутри ДКБ сопровождалось кризисными явлениями, которые во многом были связаны с отсутствием единого понимания задач, которые был призван решать ДКБ. В результате уже в конце 1990-х годов Азербайджан, Грузия и Узбекистан отказались продлевать свое участие в ДКБ, а перед оставшимися участниками возникла необходимость качественного пересмотра формата военно-политической интеграции. Как итог, в начале нового десятилетия ДКБ был преобразован в полноценную международную региональную организацию — 14 мая 2002 г. было принято решение о создании ОДКБ [Меликян 2020].

Указанная трансформация стала следствием нескольких обстоятельств, характеризующих военно-политическую обстановку на постсоветском пространстве. В первую очередь стоит отметить смену политической власти в России на рубеже десятилетий, результатом которой стало переосмысление геополитической роли страны как в региональном, так и в мировом масштабе. Прежние, во многом не оправдавшие себя формы интеграционных процессов на постсоветском пространстве уже не отвечали новой роли России как «возвращающейся державы». Стоит также отметить ряд опасных с военной точки зрения инцидентов в Центральной Азии в конце 1990-х гг.

В августе 1999 г. боевики Исламского движения Узбекистана¹ осуществили вторжение в Баткенскую область Киргизии, что обнажило неподготовленность национальных правительств к отражению новой разновидности военных угроз. Активизация наркотрафика из Афганистана также свидетельствовала о необходимости поиска новых форм военно-политического взаимодействия государств региона. Параллельно с этими событиями развивалась ситуация на Северном Кавказе, связанная с началом проведения контртеррористической операции России на территории Чечни и приграничных районов. Сочетание этих обстоятельств стимулировало реформу ДКБ [Чернявский 2020].

На сегодняшний день ОДКБ объединяет шесть государств-членов — Россию, Белоруссию, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Армению. При этом Армения заявила о заморозке своего членства в 2024 г., хотя правовые рамки такого решения остаются весьма неопределенными в силу отсутствия соответствующего механизма в нормативно-правовой базе ОДКБ. На протяжении своей истории ОДКБ сталкивалась с рядом кризисных ситуаций, каждую из которых можно рассматривать в качестве испытания на прочность связей между государствами-членами. Заморозка членства Армении в ОДКБ является результатом одного из таких кризисов.

Функциональное насыщение деятельности ОДКБ также во многом определялось трансформацией военно-политической обстановки на постсоветском пространстве. ОДКБ позиционирует себя в качестве многофункциональной организации, что предполагает заметное разнообразие исполняемых ею функций. А.И. Никитин предлагает выделять две «корзины» функций ОДКБ, которые присутствовали на протяжении всей истории существования организации, при этом они исполняются не обособленно, а тесно переплетаются и взаимообуславливают друг друга. Первая «корзина» функций ОДКБ связана с необходимостью отражения новых угроз и вызовов, которые характерны для текущего этапа развития военно-политической обстановки на постсоветском пространстве. Речь идет прежде всего об угрозах, которые в ряде случаев напрямую не связаны с враждебной деятельностью иных государств, часто исходят от негосударственных акторов и являются результатом политической нестабильности в соседних странах. К этим вызовам относятся угрозы роста террористической и экстремистской активности; опасности, связанные с нелегальными миграционными потоками; риски внутренней политической дестабилизации в государствах — членах ОДКБ. Характер этих новых угроз обусловлен трансформацией военно-политической обстановки на рубеже столетий, которая привела к гибридизации рисков в сфере военной безопасности. Во многом эти угрозы являются следствием обострения ситуации на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, в том числе военной интервенцией США в Афганистан и дестабилизацией обстановки в этих регионах. Вторая «корзина» функций ОДКБ связана с созданием коллективных вооруженных сил и в целом общей военной инфраструктуры государств — членов ОДКБ, которая позволяет эффективно реагировать на угрозы для военной безопасности. Реализация этих функций в целом направлена на решение классических задач обеспечения коллективной безопасности, которые укладываются в общую логику формирования военно-оборонительного союза [Никитин 2016].

Архитектура органов ОДКБ и ее зависимость от трансформации военно-политической обстановки на постсоветском пространстве

Как и любой военно-оборонительный союз, ОДКБ имеет сложную структуру органов управления, которые могут быть разделены на политические органы и органы военного управления. Политические органы в основном определены Уставом ОДКБ: их основной каркас

¹ Организация признана террористической и запрещена на территории России.

остаётся неизменным на протяжении всей истории существования региональной организации, дополняясь комплексом органов вспомогательного (консультативного) характера и органов межгосударственного сотрудничества [Малиновский, Пашенко 2016].

Высшим органом политического управления является Совет коллективной безопасности ОДКБ (далее — СКБ), состав которого образуют главы государств-членов. Его компетенция предполагает решение наиболее принципиальных вопросов деятельности организации. СКБ осуществляет координацию деятельности государств-членов, однако ввиду объективных сложностей, связанных с проведением его заседаний, между сессиями СКБ функцию координации осуществляет Постоянный Совет ОДКБ. К числу постоянных органов ОДКБ относятся также Секретариат, возглавляемый Генеральным секретарем, и Объединенный штаб ОДКБ, который занимается решением вопросов военного сотрудничества. Отдельную ветку политических органов ОДКБ составляют консультативные (исполнительные) органы, такие как Совет министров иностранных дел, Совет министров обороны, Комитет секретарей советов безопасности [Тетерюк, Чижевский 2013].

Изменения в архитектуре политических органов ОДКБ относительно редко носят принципиальный характер: их система выстроена в соответствии с логикой оперативного управления деятельностью организации и направлена на определение стратегии действий государств-членов. Необходимость решения правовых вопросов оформления деятельности ОДКБ во многом обусловила появление Парламентской ассамблеи ОДКБ как органа межпарламентского сотрудничества. Вместе с тем подобные шаги слабо связаны непосредственно с изменением военно-политической обстановки на постсоветском пространстве, поскольку они стали результатом обособления ОДКБ от правовой системы Содружества Независимых Государств и необходимости активизации конструктивной работы по юридическому обеспечению деятельности организации. Гораздо более отчетливо влияние этого фактора прослеживается в рамках процесса построения так называемых горизонтальных военных систем — интеграции вооруженных сил по видам и родам войск. Структура военных группировок ОДКБ призвана решать оперативно-тактические вопросы, связанные с военной безопасностью государств-членов [Зверев 2020].

Первичной формой организации военных сил ОДКБ стало создание в 2001 г. Коллективных сил быстрого развертывания (далее — КСБР). Во многом этот шаг был напрямую связан с событиями в Баткенской области Киргизии и атаками террористов. Стало очевидно, что организация нуждается в военных силах, способных оперативно реагировать на возникающие военные угрозы. КСБР были созданы в относительно скромном формате: их численность первоначально составляла 1,5 тыс. военнослужащих. Зоной деятельности КСБР стал Центрально-Азиатский регион — наиболее уязвимое место, в котором активизировались террористические группировки. Впоследствии численность КСБР была увеличена до 5 тыс. военнослужащих, а их состав образовали десять батальонов: по три от России и Таджикистана, по два от Казахстана и Киргизии. Воинские подразделения, образующие КСБР, оставались в подчинении национальных оборонных ведомств, но их подготовка осуществлялась по совместному плану мероприятий. В 2004 г. в составе органов ОДКБ появился Объединенный штаб [Турлыбаева 2022].

Ограниченный потенциал КСБР потребовал от руководства организации решений, которые могли бы усилить военную составляющую оборонительного союза. Вторичной формой организации военных сил ОДКБ стало создание Коллективных сил оперативного реагирования (далее — КСОП). Их численность уже насчитывала от 17 до 22 тыс. военнослужащих, а зоной их деятельности стала вся зона ответственности ОДКБ. Предназначение КСОП носит полифункциональный характер: они могут быть использованы как для отражения внешней военной агрессии, так и для проведения

специальных операций в рамках антитеррористической борьбы, борьбы с транснациональной организованной преступностью, в том числе с наркотрафиком. Особенностью КСОР является также возможность их использования для ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций [Евсеев 2021].

С момента создания КСОР формат их существования не предполагал постоянного переподчинения военных сил политическим органам управления ОДКБ: состав КСОР образуют национальные воинские подразделения государств-членов, подчиняющиеся непосредственно своим национальным командованиям. Лишь в момент необходимости исполнения союзнических обязательств эти воинские подразделения осуществляют совместные действия по согласованию сторон ОДКБ. Иная ситуация существует в рамках НАТО: в этой организации наряду с военными силами, остающимися в национальном подчинении, существуют также объединенные вооруженные силы, переданные в подчинение Альянсу [Троицкий, Зиновьев 2018].

В июне 2010 г. в Кыргызстане вспыхнули массовые межэтнические столкновения, которые развивались в условиях политического кризиса, наступившего в результате государственного переворота и завершившегося свержением Президента К. Бакиева и формированием переходного технического правительства. Ситуация сопровождалась неоднозначной реакцией со стороны ОДКБ: официально Генеральный секретарь Н. Бордюжа заявил о невозможности вмешательства во внутренние дела Кыргызстана, что во многом было предопределено правовыми рамками деятельности организации. К этому моменту стало очевидно, что перечень угроз, предполагающих реакцию ОДКБ как региональной организации в сфере безопасности, просто не соответствует новым обстоятельствам развития военно-политической обстановки. В результате уже к концу года в руководящие документы ОДКБ были внесены изменения, допускающие возможность для реагирования на так называемые кризисные ситуации [Allison 2018].

Под кризисными ситуациями стали пониматься угрозы безопасности и стабильности, а также территориальной целостности и суверенитету государств — членов ОДКБ. Это позволяет констатировать закономерную связь между мандатом ОДКБ и объективными обстоятельствами развития военно-политической обстановки на постсоветском пространстве — классическая модель оборонительного союза, предполагающая реакцию исключительно в случае внешней агрессии, уже не соответствовала текущим политическим реалиям.

Итогом трансформации мандата ОДКБ стало, с одной стороны, расширение возможностей для коллективного реагирования на новые угрозы для военно-политической безопасности государств-членов, а с другой стороны, последующая неопределенность полномочий организации. Внешняя агрессия как фактор реагирования в рамках классического оборонительного союза отличается предельной четкостью основания для активизации механизма коллективной безопасности. В то время как угроза стабильности или суверенитету государства-члена является достаточно размытым понятием, содержание которого может варьироваться в зависимости от конкретной ситуации [Притчин 2022].

Миротворческий потенциал ОДКБ в полной мере был раскрыт в ходе участия сил организации в рамках подавления массовых беспорядков в Казахстане в январе 2022 г. В то время миротворческие силы ОДКБ были задействованы для охраны стратегически важных объектов государства, а также в целом для поддержания правопорядка. Эта миротворческая миссия стала дополнительной проверкой боеспособности военных сил ОДКБ, которые могут быть применены для выполнения поставленных задач по охране и защите важных объектов государства. Сохраняются риски для военной безопасности Таджикистана со стороны Афганистана, что выступает предпосылкой для поиска наиболее оптимальных форм структуры органов ОДКБ, способных эффективно реагировать на возникающие угрозы для коллективной безопасности.

Оперативность реагирования органов ОДКБ на возникающие военные угрозы во многом связано с точностью понятий, которые используются в основополагающих документах организации. Норма об агрессии как основании для незамедлительного реагирования со стороны государств-участников содержится в ст. 4 Договора о коллективной безопасности, которая предлагает понимать под ней вооруженное нападение, угрожающее безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету. В то время как ст. 8 Устава ОДКБ оперирует уже формулой «кризисные ситуации, угрожающие безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету государств-членов». В результате как понятие «агрессия», так и понятие «кризисная ситуация» являются нормативно неопределенными, поскольку квалификация конкретного события как агрессии или кризисной ситуации является предметом для усмотрения руководящих органов организации. Это является причиной известных различий в реагировании ОДКБ на похожие события, когда в одних случаях организация отвечала на запрос о помощи со стороны национального правительства, а в других случаях — нет.

Для преодоления этой неопределенности руководящие документы ОДКБ должны содержать относительно исчерпывающий перечень ситуаций, наступление которых должно делать неизбежным ответную реакцию государств — членов организации, что позволит укрепить уверенность союзников в безусловном предоставлении помощи, не зависящем от усмотрения руководства ОДКБ. Составление такого перечня целесообразно также дополнить точными определениями основных подразделений военных сил ОДКБ — Миротворческих сил, Вооруженных сил, которые позволят четко распределить их функции в рамках системы коллективной безопасности [Лаумулин, Шакен 2008, 135].

Дополнительным нормативным положением, обеспечивающим действенность и легитимность вмешательства со стороны ОДКБ в те или иные конфликты, могло бы стать правило об обязательном участии органов ОДКБ в работе правительственных комиссий по расследованию событий, представляющих угрозу для коллективной безопасности. Так, расследование массовых беспорядков в Казахстане велось силами национальных органов государства, в то время как органы ОДКБ могли бы также участвовать в этом процессе. Как известно, распространение информации о нападении на Казахстан многочисленной группы террористов (ок. 20 тыс. человек) в итоге не нашло подтверждения. Органы ОДКБ могут проводить дополнительные действия, направленные на установления обстоятельств кризисной ситуации, которая стала причиной для введения миротворческого контингента, а также делать вывод об обоснованности принятого решения, что может иметь значение для будущих решений в этой области.

Развитие структуры экспертных и аналитических органов ОДКБ

В ответ на процесс гибридизации современных угроз безопасности, включая активное применение информационных технологий криминальными структурами, ОДКБ активно разрабатывает новые направления, в рамках которых повышенное внимание уделяется вопросам миротворчества, антитеррористической деятельности, а также укреплению границ. ОДКБ активно работает над усилением информационной и политической составляющей своей деятельности. Создаются новые платформы для диалога, содействия укреплению доверия и прозрачности в оборонной политике.

В контексте адаптации к современным вызовам и угрозам ОДКБ активизировала свою работу по противодействию международному терроризму и экстремизму. В рамках межорганизационного взаимодействия была создана постоянно действующая экспертная группа, которая приступила к работе и имеет целью обеспечить более эффективный информационный обмен и координацию действий в области борьбы с терроризмом [Sokołowska 2023].

С учетом возрастающей роли информационных технологий и киберпространства как факторов национальной и международной безопасности усилия ОДКБ были направлены на укрепление информационной безопасности. В это направление работы вписывается создание рабочей группы по вопросам информационной политики и информационной безопасности при Комитете секретарей советов безопасности. Этот шаг демонстрирует признание информационных войн и киберугроз в качестве важных составляющих современной геополитической арены [Селезнев 2018].

Основной задачей рабочей группы является разработка согласованных подходов к обеспечению информационной безопасности стран ОДКБ, координация действий в сфере противодействия информационным вызовам и угрозам. В условиях усиливающегося информационного противостояния данная структура способствует синхронизации усилий государств-участников для эффективной защиты национальных информационных пространств. В целях координации совместных действий рабочая группа активно сотрудничает с различными органами власти и международными организациями для обеспечения комплексного подхода к проблемам информационной безопасности. Значительное внимание уделяется обмену опытом, проведению учений и тренировок, направленных на отработку действий в условиях информационных атак [Samroux 2012].

Продолжается активная работа с политологическими сообществами государств — членов организации, важность которой трудно переоценить. Развитие конструктивного диалога и взаимопонимания между представителями различных стран в рамках ОДКБ становится приоритетной задачей, направленной на совершенствование механизмов коллективной безопасности и разработку сбалансированных стратегических решений. Важным аспектом эволюции функций ОДКБ является углубление сотрудничества в сфере проведения аналитической работы. В рамках организации проводится обсуждение различных аспектов безопасности с помощью Научно-экспертного совета ОДКБ — платформы для диалога между учеными, экспертами и практиками, что позволяет прогнозировать не только вызовы и угрозы, но и потенциальные конфликты, разрабатывая стратегические рекомендации для принятия решений в сфере коллективной обороны и безопасности [Parezanović 2022].

Стоит отметить также создание и функционирование научно-аналитических семинаров, конференций, круглых столов. Их целью является методическое и аналитическое обеспечения деятельности в сфере военной безопасности. Координационное совещание главных наркологов государств — членов ОДКБ было создано с целью повышения эффективности взаимодействия стран в борьбе с наркоманией. Для достижения максимальной эффективности в профилактике незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ главные наркологи ОДКБ осуществляют обмен опытом и информацией между правоохранительными органами и специализированными наркологическими службами. Обсуждаются методы улучшения контрольно-пропускных процедур, обучение сотрудников в области выявления и предотвращения попыток незаконного перемещения наркотиков через границы государств-участников. Данная структура также осуществляет взаимодействие между компетентными органами государств — членов ОДКБ в целях проведения сбалансированной антинаркотической политики.

ОДКБ разрабатывает целевые программы (например, Целевая межгосударственная программа по укреплению таджикско-афганской границы) и проводит совместные тренировки и учения, что позволяет укреплять оперативное взаимодействие между государствами-членами. Коллективные силы быстрого реагирования проводят маневры «Рубеж», а миротворческие силы, в свою очередь, — учения «Нерушимое братство». Военные части участвуют также в специальных учениях с силами и средствами материально-технического обеспечения.

Активно формируются административно-правовые и организационные условия для встраивания Коллективного миротворческого потенциала ОДКБ в деятельность ООН по поддержанию мира. Здесь важнейшим компонентом стало введение института «координирующего государства», уполномоченного выступать от имени государств — членов организации в контактах с Секретариатом ООН по миротворчеству. Поэтому, по утверждению генсека ОДКБ И.Н. Тасмагамбетова, главная задача организации «на обозримую перспективу заключается в усилении роли и значимости Организации в меняющейся системе международных отношений, сохраняя приверженность устоявшимся принципам, приоритетам и при этом соответствуя современному контексту региональной и глобальной безопасности» [Тасмагамбетов 2024, 26].

Заключение

Структура органов ОДКБ активно трансформируется, гибко реагируя на меняющиеся условия военно-политической обстановки на постсоветском пространстве. Изменения в архитектуре органов военного и политического управления происходят неравномерно: в первую очередь изменениям подвергаются структурные подразделения, отвечающие за оперативное реагирование и аналитическое обеспечение деятельности организации. Между отдельными событиями в сфере военно-политической безопасности и изменением структурного облика ОДКБ прослеживается прямая каузальная обусловленность. ОДКБ претерпела значительные изменения в своей структуре и функциональных направлениях, особенно в последние несколько лет. С учетом современных вызовов и угроз, таких как терроризм, кибербезопасность и региональные конфликты, ОДКБ активно адаптируется, наращивает потенциал и разрабатывает новые механизмы международного взаимодействия. В целях дальнейшего развития структурной и функциональной составляющей ОДКБ в рамках трансформации военно-политической обстановки на постсоветском пространстве предлагается составление открытого перечня событий, предполагающих обязательное реагирование со стороны военных сил ОДКБ, что будет способствовать уверенности государств — членов организации в безусловном предоставлении помощи. Нормативное содержание руководящих документов ОДКБ должно быть дополнено определениями военных сил ОДКБ, которые позволят четко очертить зону их ответственности. Кроме того, результативность использования военных сил ОДКБ может быть подтверждена благодаря обязательному участию органов организации в работе правительственных комиссий по расследованию событий, в рамках которых ОДКБ задействовала свои военные силы.

Список литературы:

Евсеев В.В. ОДКБ и безопасность на постсоветском пространстве // Постсоветский материк. 2021. № 2. С. 13–24. DOI: [10.12345/2311-6412_2021_2_13](https://doi.org/10.12345/2311-6412_2021_2_13)

Зверев Ю.М. Военные учения России и Белоруссии как ответ на активизацию военной деятельности НАТО // Евразия.Эксперт. 2020. № 3–4. С. 13–22. DOI: [10.18254/S271332140013177-1](https://doi.org/10.18254/S271332140013177-1)

Лаумулин М., Шакен М. Казахстанско-российские отношения в контексте внешнеполитической стратегии Москвы // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 1(55). С. 130–144.

Малиновский О.Н., Пашенко И.Ю. Проблемы развития ОДКБ и повышения ее роли в обеспечении коллективной безопасности в Евразии // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 3–1. С. 17–21.

Меликян Г.Г. Место и роль ОДКБ в процессе строительства региональной системы безопасности после распада СССР // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 6. С. 31–35.

Никитин А.И. ОДКБ: эволюция функций и структур обеспечения безопасности // Ежегодник СИПРИ 2016. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 910–927.

- Притчин С.А. Политический кризис в Казахстане // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 1(54). С. 56–67. DOI: [10.20542/2073-4786-2022-1-56-67](https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-1-56-67)
- Селезнев И.А. ОДКБ и ШОС: институциональная роль в безопасности стран Центральной Азии // СОТИС — социальные технологии исследования. 2018. № 2(88). С. 63–70.
- Тасмагамбетов И.Н. ОДКБ: неизменные приоритеты в условиях меняющегося миропорядка // Международная жизнь. 2024. № 2. С. 18–27.
- Тетерюк А.С., Чижевский Я.А. Центральноазиатский трек российской внешней политики. Вариант сценарной разработки // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 3–4(34–35). С. 103–115.
- Троицкий Е.Ф., Зиновьев В.П. Организация договора о коллективной безопасности: становление, эволюция и кризис военно-политического союза // Русин. 2018. № 4(54). С. 335–351. DOI: [10.17223/18572685/54/20](https://doi.org/10.17223/18572685/54/20)
- Турлыбаева Д.Т. Этапы формирования и становления организации договора коллективной безопасности // Человеческий капитал. 2022. № 7(163). С. 75–82. DOI: [10.25629/HC.2022.07.08](https://doi.org/10.25629/HC.2022.07.08)
- Чернявский С.И. Содружество Независимых Государств как организация региональной безопасности // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7. № 2. С. 142–153. DOI: [10.24975/2313-8920-2020-7-2-142-153](https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-142-153)
- Allison R. Protective Integration and Security Policy Coordination: Comparing the SCO and CSTO // The Chinese Journal of International Politics. 2018. Vol. 11. Is. 3. P. 297–338. DOI: [10.1093/cjip/poy008](https://doi.org/10.1093/cjip/poy008)
- Camroux D. Regionalism in Asia as Disguised Multilateralism. A Critical Analysis of the East Asia Summit and the Trans-Pacific Partnership // The International Spectator. 2012. Vol. 47. Is. 1. P. 97–115.
- Parezanović M. Operacija ODKB u Kazahstanu 2022. godine // Baština. 2022. Br. 57. Str. 141–155. DOI: [10.5937/bastina32-39399](https://doi.org/10.5937/bastina32-39399)
- Sokołowska A. On the Role of the Collective Security Treaty Organization (CSTO) and Ensuring Security and Support for Armenia as Its Signatory During the Ongoing Armed Conflict with Azerbaijan // Gubernaculum et Administratio. 2023. Vol. 28. Is. 2. P. 95–111. DOI: [10.16926/gea.2023.02.07](https://doi.org/10.16926/gea.2023.02.07)

References:

- Allison R. (2018) Protective Integration and Security Policy Coordination: Comparing the SCO and CSTO. *The Chinese Journal of International Politics*. Vol. 11. Is. 3. P. 297–338. DOI: [10.1093/cjip/poy008](https://doi.org/10.1093/cjip/poy008)
- Camroux D. (2012) Regionalism in Asia as Disguised Multilateralism. A Critical Analysis of the East Asia Summit and the Trans-Pacific Partnership. *The International Spectator*. Vol. 47. Is. 1. P. 97–115.
- Chernyavskiy S.I. (2020) Community of Independent States as an Organization of Regional Security. *Problemy postsovetskogo prostranstva*. Vol. 7. No. 2. P. 142–153. DOI: [10.24975/2313-8920-2020-7-2-142-153](https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-142-153)
- Evseev V.V. (2021) CSTO and Security in the Post-Soviet Space. *Postsovetskiy materik*. No. 2 P. 13–24. DOI: [10.12345/2311-6412_2021_2_13](https://doi.org/10.12345/2311-6412_2021_2_13)
- Laumulin M., Shaken M. (2008) Kazakhstansko-rossiyskiye otnosheniya v kontekste vneshnepoliticheskoy strategii Moskvy [Kazakhstan and Russia: Relations as part of Russia's foreign policy strategy]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. No. 1(55). P. 130–144.
- Malinovsky O.N., Paschenko I.Yu. (2016) Problems of Development of the CSTO and Increase of its role in Ensuring Collective Security in Eurasia. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. Vol. 8. No. 3–1. P. 17–21.
- Melikyan G.G. (2020) Place and Role of the Collective Security Treaty Organization in the Process of Building a Regional Security System after the Collapse of the USSR. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. No. 6. P. 31–35.

- Nikitin A.I. (2017) ODKB: evolyutsiya funktsiy i struktur obespecheniya bezopasnosti [The CSTO: The evolution of security functions and structures]. *SIPRI Yearbook 2016. Armaments, Disarmament and International Security*. Moscow: IMEMO RAN. P. 910–927.
- Parezanović M. (2022) Operacija ODKB u Kazahstanu 2022. godine. *Baština*. Br. 57. Str. 141–155. DOI: [10.5937/bastina32-39399](https://doi.org/10.5937/bastina32-39399)
- Pritchin S.A. (2022) Political Crisis in Kazakhstan. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*. No. 1(54). P. 56–67. DOI: [10.20542/2073-4786-2022-1-56-67](https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-1-56-67)
- Seleznev I.A. (2018) ODKB i ShOS: institutsional'naya rol' v bezopasnosti stran Tsentral'noy Azii [The CSTO and the SCO: The institutional role in the security of the Central Asian countries]. *SOTIS — sotsial'nyye tekhnologii issledovaniya*. No. 2(88). P. 63–70.
- Sokołowska A. (2023) On the Role of the Collective Security Treaty Organization (CSTO) and Ensuring Security and Support for Armenia as Its Signatory During the Ongoing Armed Conflict with Azerbaijan. *Gubernaculum et Administratio*. Vol. 28. Is. 2. P. 95–111. DOI: [10.16926/gea.2023.02.07](https://doi.org/10.16926/gea.2023.02.07)
- Tasmagambetov I.N. (2024) ODKB: neizmennyye priority v usloviyah menyayushchegosya miroporyadka [CSTO: Unchanged priorities in a changing world order]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 2. P. 18–27.
- Teteryuk A.S., Chizhevskiy Ya.A. (2013) The Central Asian Track of Russian Foreign Policy. *Mezhdunarodnyye protsessy*. Vol. 11. No. 3–4(34–35). P. 103–115.
- Troitskiy E.F., Zinoviev V.P. (2018) The Collective Security Treaty Organisation: Emergence, Evolution and Crisis of the Military-Political Alliance. *Rusin*. No. 4(54). P. 335–351. DOI: [10.17223/18572685/54/20](https://doi.org/10.17223/18572685/54/20)
- Turlybayeva D.T. (2022) Stages of Formation and Formation of the Collective Security Treaty Organization. *Chelovecheskiy kapital*. No. 7(163). P. 75–82. DOI: [10.25629/HC.2022.07.08](https://doi.org/10.25629/HC.2022.07.08)
- Zverev Y.M. (2020) Military Exercises of Russia and Belarus as a Response to the Intensification of NATO Military Activities. *Evraziya. Ekspert*. No. 3–4. P. 13–22. DOI: [10.18254/S271332140013177-1](https://doi.org/10.18254/S271332140013177-1)

Региональная экономика
Regional economy

УДК 332.05

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-171-180

Влияние научной и инновационной активности на ВРП регионов России:
корреляционно-регрессионный анализ

Вареник Мария Сергеевна

Кандидат социологических наук, SPIN-код РИНЦ: [9117-7309](https://elibrary.ru/9117-7309), ORCID: [0000-0003-0351-2557](https://orcid.org/0000-0003-0351-2557), msvarenik@anspa.ru

Высшая школа государственного администрирования, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Для повышения эффективности стратегического управления научно-инновационным развитием регионов России важно понимать закономерности взаимного влияния уровня экономики регионов и инновационного развития. На основе множественного регрессионного анализа выявлены значимые корреляции между экономическими показателями и параметрами научной и инновационной деятельности. Исследование основывается на корреляционно-регрессионном анализе. Проанализирован массив данных по 77 регионам России, при этом исключены 8 малонаселенных регионов, экономика которых наиболее значительно связано с добычей полезных ископаемых, а также по 75 регионам из данной выборки, но без Москвы и Санкт-Петербурга. Поскольку санкции против России в 2022 году создали барьеры для публикационной активности российских ученых в международных изданиях, использован массив показателей научной и инновационной активности за 2021 год, в том числе число публикаций в Scopus, ученых в регионах РФ и данные раздела «Наука и инновации» из регионального сборника Росстата. Существует значительная положительная корреляция между научной и инновационной активностью и ВРП регионов России. Наиболее весомым фактором оказался показатель публикационной активности в области экономики, эконометрики и финансов. Модель объясняет 68% вариации ВРП на душу населения по регионам, что свидетельствует о важности научной и инновационной деятельности для экономического роста. Полученная формула регрессии показывает, что лишь при определенном уровне экономического развития научно-инновационная активность начинает оказывать существенное влияние на экономический рост. Это важно для учета в процессах управления пространственным размещением научного потенциала. Формула обобщенным образом дает определенный «стратегический рецепт» научно-инновационного развития российского региона: поддержка исследований конкретных экономических проблем, развитие прикладной науки, решающей конкретные производственные или иные проблемы, а также стремление к производству инновационной продукции. Данный результат может быть использован в формировании научно-инновационных составляющих региональных стратегий развития.

Ключевые слова

Корреляционно-регрессионный анализ, валовой региональный продукт (ВРП), научно-инновационная активность, регионы России, уровень экономики, стратегическое управление.

Для цитирования

Вареник М.С. Влияние научной и инновационной активности на ВРП регионов России: корреляционно-регрессионный анализ // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 107. С. 171–180. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-171-180

Impact of Research and Innovative Activity on Russian Regions' GRP: Correlation and Regression Analysis

Maria S. Varenik

PhD, ORCID: [0000-0003-0351-2557](https://orcid.org/0000-0003-0351-2557), msvarenik@anspa.ru

Higher School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

To improve the effectiveness of strategic management of Russian regions scientific and innovative development, it is important to understand the patterns of its mutual influence with the level of regional economies. Based on multiple regression analysis, significant correlations were identified between economic indicators and parameters of scientific and innovative activities. The study is based on correlation and regression analysis. The dataset analyzed covers 77 regions of Russia, excluding 8 sparsely populated regions whose economies are most significantly associated with mining, as well as 75 regions from this sample, but excluding Moscow and St. Petersburg. Since sanctions against Russia in 2022 created barriers to the publication activity of Russian scientists in internationally represented journals, an array of indicators of scientific and innovative activity for 2021 was used, including the number of publications in Scopus by scientists in the regions of the Russian Federation and data from the Science and Innovation section from the regional collection of Rosstat. There is a significant positive correlation between scientific and innovative activity and the Russian regions GRP. The most significant factor turned out to be the indicator of publication activity in the field of economics, econometrics and finance. The model explains 68% of the variation in GRP per capita by region, which indicates the importance of scientific and innovative activity for economic growth. The obtained regression formula shows that only at a certain level of economic development scientific and innovative activity begins to have a significant impact on economic growth. This is important for taking into account the spatial distribution of scientific potential in the management processes. The formula generally provides a certain "strategic recipe" for scientific and innovative development of a Russian region: support for research into specific economic problems, development of applied science that solves specific production or other problems, as well as the desire to produce innovative products. This result can be used in the formation of scientific and innovative components of regional development strategies.

Keywords

Correlation and regression analysis, gross regional product (GRP), scientific and innovative activity, regions of Russia, level of economy, strategic management.

For citation

Varenik M.S. (2024) Impact of Research and Innovative Activity on Russian Regions' GRP: Correlation and Regression Analysis. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 107. P. 171–180. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-171-180

Дата поступления/Received: 07.09.2024

Введение

Стратегические документы, утвержденные Президентом Российской Федерации в 2024 году (прежде всего Стратегия научно-технологического развития и Национальные цели развития России), ставят задачей укрепление научно-технической сферы и обеспечение технологического лидерства и суверенитета. В то же время на повестке дня, в том числе в рамках достижения Национальных целей, остается успешность пространственного развития нашей страны и снижение разрыва в уровне экономического развития между регионами страны. В этой связи чрезвычайно важен региональный аспект развития научно-инновационной сферы, которая в значительной степени сопряжена с инновационными и перспективными направлениями и формами экономического развития. Следовательно, важно рассмотреть возможность эффективного (на стратегическую перспективу) стимулирования роста экономики на основе науки и инноваций, для чего необходимо понимать присущие нашей стране закономерности взаимного влияния экономики в целом и ее научно-инновационной составляющей.

Наиболее простым подходом для выявления таких закономерностей является корреляционно-регрессионный анализ. Данный вид анализа важен для оценки наиболее значимых факторов, влияющих на обеспечение экономического роста и определения соответствующих закономерностей и подходов к выработке стратегии развития экономики на различных уровнях и целевых ориентиров данного процесса [Митяков и др. 2021].

Цели устойчивого развития (ЦУР) Организации Объединенных Наций считают обеспечение экономического роста одним из приоритетов развития, при этом в рамках достижения ЦУР 8 «Достойный труд и экономический рост» ставится задача обеспечения экономического роста и повышения производительности за счет инноваций¹.

Обзор литературы

В целом корреляционно-регрессионный анализ широко используется в зарубежных работах. Так, Д. Герцер показал, что расходы на НИОКР в процентах от ВВП положительно влияют на экономический рост посредством усиления совокупных факторов производительности [Herzer 2022], причем в развивающихся странах эта связь была прочнее. Ранее эта связь была уже установлена для развивающихся стран [Betarelli et al. 2020], а затем Л. Соэте с коллегами установили ее для стран ОЭСР [Soete et al. 2022]. Показано, что с экономическим ростом тесно связано развитие фондовых рынков [Caporale et al. 2015]. С точки зрения показателя экономического развития в данных работах отмечается, что ВВП (ВРП) до сих пор остается одним из наиболее распространенных способов его измерения [Zhang, Fargher 2022]. При этом имеются ограничения: констатация прошлого роста не предполагает роста дальнейшего [Fraumeni 2022]. Имеются и другие способы измерения экономической активности, например через плотность освещения на ночных снимках планеты Земля [Henderson et al. 2011].

¹ Promote inclusive and sustainable economic growth, employment and decent work for all // Sustainable Development Goals [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/economic-growth/> (дата обращения: 02.09.2024).

Множество работ посвящено изучению роста регионов и отраслей России посредством выявления корреляций и регрессий. Данный подход применяется в различных задачах: так, Н.П. Горидько и Р.М. Нижегородцев рассмотрели закономерности влияния ВВП в определенный год и объем факторов производства в последующие годы [Горидько, Нижегородцев 2011]. Они же совместно с О.Л. Олисаевой изучили регрессии производственных функций типа Кобба-Дугласа с учетом факторов капитала, труда и информации для Республики Северная Осетия — Алания [Горидько и др. 2011]. С использованием корреляционно-регрессионного анализа показана положительная взаимосвязь инвестиций в основной капитал, численности занятого в экономике населения, добычи нефти и газа с ростом ВВП [Козинова 2016]; определялись направления инвестиционного развития отраслей экономики регионов Центрального федерального округа [Крупко и др. 2018]; было показано влияние малого бизнеса на развитие регионов через изменение структуры их экономики [Крыжановская, Степанова 2019]. Для ЦФО выявлены также наиболее значимые факторы роста экономики этих субъектов и была построена соответствующая цифровая модель [Гусарова и др. 2018].

Корреляционно-регрессионный анализ активно применяется для изучения развития экономики предприятий. Так, В.Л. Поздеев разработал многофакторные регрессионные модели, демонстрирующие влияние отдельных факторов на конечные результаты деятельности предприятия [Поздеев 2005]. Взаимовлияние различных факторов производства на предприятиях аналогичным методом изучала Д.Е. Харитоновна [Харитоновна 2016]. Данный подход хорошо зарекомендовал себя в кросс-страновом и глобальном анализе экономического роста и динамики. Например, на основе его применения определено влияние больших циклов мировой экономики, состояния мирового рынка нефти, различных геополитических тенденций и др. на развитие фондового рынка в России (индекс ММВБ) [Дарда, Устинов 2016].

Показатели инновационного роста и развития многочисленны и часто изучаются на различных срезах, в том числе межрегиональном, посредством регрессионного анализа. Более того, было показано что данный подход является наиболее распространенным при изучении патентной статистики [Кравцов 2017].

Инновационное развитие призвано повышать производительность отраслей экономики, однако это не всегда в российских реалиях можно показать четко: так, на примере Нижегородской области не было однозначно выявлено положительное влияние для всех отраслей экономики [Говерник, Митяков 2013]. В работе Н.А. Мурашовой получена модель множественной регрессии для показателей инновационного развития регионов Приволжского федерального округа за 2005–2015 годы. Выявлено, что положительная корреляция показателей инноваций и уровня экономики характерна лишь для некоторых регионов. Так, Башкортостан обнаружил множественную корреляционную взаимосвязь объема инновационной продукции, внутренних затрат на исследования и разработки, а также затрат на технологические инновации [Мурашова 2020].

В настоящей работе для корреляционного анализа и последующего построения множественно-регрессионной модели рассматривается взаимовлияние ВРП (в рублях) на душу населения и показателей «Наука и инновации» из сборника Росстат за 2021–2022 гг. по регионам России², а также публикационной активности ученых в различных субъектах РФ³.

Данные и методы

Из исследования исключены 8 добывающих регионов: Ненецкий автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Республика Саха (Якутия), Сахалинская область, Чукотский автономный округ, Еврейская автономная область,

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022. М.: Росстат, 2022.

³ Российская наука в цифрах: 2023. М.: НИУ ВШЭ, 2023.

Магаданская область, в которых зафиксированы очень высокие значения ВРП на душу населения и относительно низкая научно-инновационная активность.

Была сформирована выборка из 77 регионов, по которым имелись данные по выбранному автором перечню показателей:

- ВРП на душу населения (в рублях), 2021–2022 гг.
- количество публикаций в изданиях, индексируемых в Scopus, на душу населения, 2021 г., а также количество публикаций Scopus по основным отраслям науки, на душу населения, 2021 г. (данные взяты из БД Scopus для последнего года до введения санкций против России, затронувших публикационную активность российских ученых. Поисковая система данной базы позволяет более точно получать информацию по публикационной активности организаций, расположенных в определенных городах, в отличие от поисковой системы РИНЦ, а также учитывать публикации по отдельным отраслям науки).
- 18 групп показателей сборника Росстата «Регионы России. Социально-экономические показатели» по разделу 19. «Наука и инновации» (отнесены на душу населения, руб., отн. единиц или %), 2021–2022 гг.

Далее были получены и исследованы корреляции всех показателей науки и инноваций с ВРП на душу населения, а затем — множественная линейная регрессия взаимозависимости уровня экономики от данных показателей.

Результаты и обсуждение

На первом этапе для проверки модели на предмет мультиколлинеарности была построена корреляционная матрица исследуемых показателей для соответствующего года и выбраны показатели, которые наибольшим образом коррелируют с ВРП на душу населения и при этом наименьшим между собой. Мультиколлинеарность возникает, когда два или более предиктора в модели сильно коррелируют друг с другом, что может затруднить оценку и интерпретацию коэффициентов регрессии.

Таким образом, в модели были использованы следующие входные данные (Таблица 1). Результирующим показателем y является ВРП на душу населения (2021 г.) по регионам России, а роль факторных переменных x_1, x_2, x_3 и x_4 играют: количество публикаций Scopus по предметной области «экономика», «эконометрика» и «финансы» (на душу населения, 2021 г.); внутренние текущие затраты на исследования и разработки (ВТЗИР): прикладные исследования (в рублях / количество исследователей и преподавателей, 2021 г.); объем инновационных товаров, работ, услуг (в рублях, на душу населения, 2021 г.); уровень инновационной активности организаций (в %, 2021 г.).

Таблица 1. Корреляционная матрица переменных модели⁴

	ВРП на душу населения (в рублях), 2021 г.	Публикации Scopus по отраслям науки: экономика, эконометрика и финансы, на душу населения, 2021 г.	ВЗИР: прикладные исследования (в рублях / количество исследователей и преподавателей), 2021 г.	19.18. Объем инновационных товаров, работ, услуг, в рублях, на душу населения, 2021 г.	19.15. Уровень инновационной активности организаций, 2021 г.
ВРП на душу населения (в рублях), 2021 г.	1				
Публикации Scopus по отраслям науки: экономика, эконометрика и финансы, на душу населения, 2021 г.	0,68	1			

⁴ Составлено автором.

ВТЗИР: прикладные исследования (в рублях / количество исследователей и преподавателей), 2021 г.	0,53	0,33	1		
19.18. Объем инновационных товаров, работ, услуг, в рублях, на душу населения, 2021 г.	0,54	0,27	0,35	1	
19.15. Уровень инновационной активности организаций, 2021 г.	0,2	0,19	0,19	0,54	1

Далее рассмотрим результаты регрессионного анализа (Таблица 2) и соответствующую формулу множественной регрессии.

Таблица 2. Регрессионный анализ исследуемой модели (А — регрессионная статистика, Б — показатели дисперсионного анализа, В — переменные, коэффициенты и статистические показатели формулы регрессии)⁵

А)

Показатели	Значения
Множественный R	0,82
R-квадрат	0,68
Нормированный R-квадрат	0,66
Стандартная ошибка	184052,5
Наблюдения	77

Б)

	df	SS	MS	F	Значимость F	F-критерий Фишера (табл.)
Регрессия	4	5,15E+12	1,28E+12	38,04	4,45E-17	2,49
Остаток	72	2,4E+12	33875325761			
Итого	76	7,59E+12				

В)

Переменные	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение	Нижние 95%	Верхние 95%	Нижние 95.0%	Верхние 95.0%
У-пересечение: ВРП на душу населения (в рублях), 2021 г.	412556,12	51094,73	8,07	1,11E-11	310700,63	514411,61	310700,64	514411,61
Переменная x ₁ : публикации Scopus по отраслям науки: экономика, эконометрика и финансы, на душу населения, 2021 г.	8837679649	1211770260	7,29	3,17E-10	6422059818	1,12E+10	6,42E+09	1,12E+10
Переменная x ₂ : ВТЗИР: прикладные исследования (в руб. / количество исследователей и преподавателей), 2021 г.	0,36	0,1	3,33	0,001	0,14	0,58	0,14	0,58
Переменная x ₃ : объем инновационных товаров, работ, услуг, в рублях, на душу населения, 2021 г.	3,11	0,63	4,92	5,22E-06	1,85	4,37	1,85	4,37
Переменная x ₄ : уровень инновационной активности организаций, 2021 г.	-10365,16	4723,82	-2,19	0,03	-19781,93	-948,38	-19781,93	-948,38
		t-табл.	1,99					

⁵ Составлено автором.

В результате расчетов было получено уравнение множественной регрессии:

$$y = 412556,12 + 8837679649,2 \cdot x_1 + 0,36 \cdot x_2 + 3,11 \cdot x_3 - 10365,16 \cdot x_4. \quad (1)$$

Высокое значение F-статистики свидетельствует о том, что модель имеет значимую объяснительную способность. Р-значение — $<0,05$, следовательно, гипотеза о статистической незначимости уравнения в целом отвергается, и мы можем утверждать, что на основании имеющихся данных построенная линейная модель регрессии значима.

Как следует из Формулы 1, регионы с ВРП на душу населения меньше 400 тыс. руб. не зависят от уровня развития региональной научно-инновационной сферы, что может указывать на то, что только интенсивное развитие науки в регионах влияет на экономический рост. Среди переменных выделяется публикационная активность в сфере экономик — 100 публикаций в Scopus на 1 млн. сопровождаются (по формуле) подушевой экономический рост сразу на 80 тыс. руб. Важно, что каждая тысяча рублей расходов на прикладные исследования на одного ученого может дать увеличение ВРП на душу населения на 360 руб. Увеличение производства инновационных товаров, проведение работ и оказание услуг дают в три раза больший в денежном выражении рост ВРП на душу населения. Однако парадоксально, что уровень инновационной активности организаций и предприятий демонстрирует статистически отрицательное влияние на экономический рост. Это может свидетельствовать о том, что сама по себе инновационная активность не обязательно соответствует результативности внедрения инноваций для экономического роста. Интересно также, что такие показатели, как патентная активность и разработка производственных технологий, не попали в формулу, являясь, по-видимому, вторичными по отношению к научной исследовательской активности, внедрение (прямое или косвенное) результатов которой в экономическую жизнь может происходить и без новых изобретений и технологий, а сразу на основе нового знания и корректировки производственного процесса. R^2 — коэффициент, равный 0,68, указывает на то, что модель объясняет 68% вариации независимых переменных, включенных в модель. Статистическая значимость уравнения проверена с помощью коэффициента детерминации и критерия Фишера.

Формула «общими штрихами» описывает созависимость научно-инновационного и общеэкономического развития. В этой связи важно выявить картину соответствия ее значений реальному уровню экономики регионов (Рисунок 1).

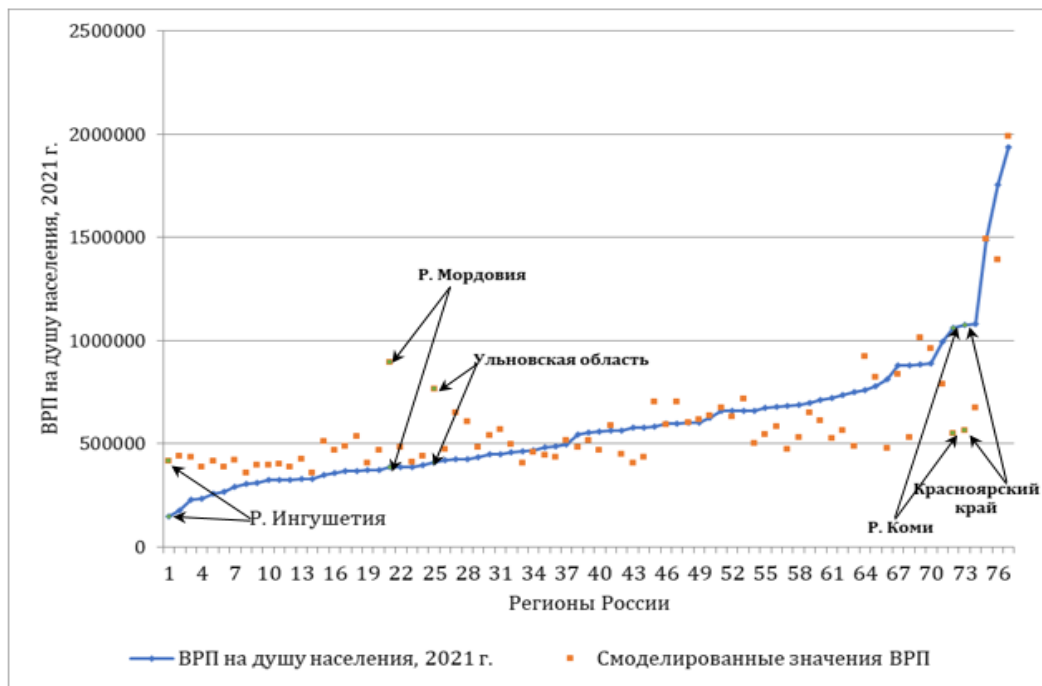

Рисунок 1. Соотношение исходных и смоделированных значений ВРП (в рублях) на душу населения по 77 регионам России, 2021 г.⁶

При использовании всех показателей за 2022 г., кроме числа публикаций по регионам в Scopus, использованных за 2021 год (поскольку в 2022 году началось санкционное давление на Россию), показатель x_4 «Уровень инновационной активности организаций, 2022 г.» невозможно включить в множественную регрессию. Таким образом, R^2 составит 0,62, что всего на 0,06 ниже, чем за 2021 г. Уравнение множественной регрессии несколько изменится и примет следующий вид:

$$y = 402442 + 10016224382,9 \cdot x_1 + 0,3 \cdot x_2 + 2,2 \cdot x_3 \quad (2)$$

В целом Формула 2 близка к Формуле 1 за 2021 год, однако укрепились зависимость уровня экономики от публикационной активности, но снизилась для показателей инновационной активности и финансирования прикладной науки.

Москва и Санкт-Петербург являются регионами сосредоточения как минимум половины научного потенциала страны, в этой связи важно рассмотреть результаты моделирования влияния научно-инновационного потенциала без этих регионов в выборке.

В ходе расчетов была получена следующая формула множественной регрессии (для 2021 года):

$$y = 428775,54 + 6515750829 \cdot x_1 + 0,36 \cdot x_2 + 2,96 \cdot x_3 - 9690,89 \cdot x_4 \quad (3)$$

Как видим, коэффициенты Формул 1 и 3 весьма близки по значению, однако выявленный уровень R^2 оказался на две десятых ниже, чем в более полной выборке (0,48). Таким образом, взаимовлияние научно-инновационного потенциала крупнейших городов России и уровня их экономики является значительно более сильным и значимым.

Заключение

Результаты исследования наглядно демонстрируют тот факт, что регионы, активно развивающие научно-исследовательскую и инновационную деятельность, обладают более высоким

⁶ Составлено автором.

уровнем экономического развития. Это особенно проявляется там, где высока публикационная активность в сфере экономических наук.

Полученные формулы показывают, что лишь при определенном уровне экономического развития научно-инновационная активность начинает оказывать существенное влияние на экономический рост. Это важно учитывать в процессах управления пространственным размещением научного потенциала.

Вместе с тем формулы обобщенным образом дают «стратегический рецепт» научно-инновационного развития российского региона: поддержка исследований конкретных экономических проблем, развитие прикладной науки, решающей конкретные производственные или иные проблемы, а также стремление к производству инновационной продукции (но не к общему росту доли инновационно активных организаций). Данный рецепт может быть довольно универсальным для научно-инновационных составляющих региональных стратегий развития. При этом при стратегическом планировании необходимо исследовать конкретные закономерности инновационного обеспечения экономического роста каждого региона.

Для достижения устойчивого экономического развития регионов России и решения общефедеральных задач развития страны необходимо продолжать поддерживать и стимулировать научные исследования и инновации, что в долгосрочной перспективе будет способствовать повышению уровня жизни населения и укреплению технологического суверенитета страны.

Список литературы:

Гоберник Н.С., Митяков С.Н. Методика оценки влияния инновационной активности промышленных предприятий на их устойчивое развитие // Статистика и экономика. 2013. № 1. С. 32–35.

Горидько Н.П., Нижегородцев Р.М. Феномен «роста на ожиданиях»: регрессионный анализ и релятивистская концепция времени в экономике // Вестник экономической интеграции. 2011. № 12. С. 11–27.

Горидько Н.П., Нижегородцев Р.М., Олисаева О.Л. Регрессионный анализ факторов экономического роста региона как инструмента выявления ключевых направлений государственного регулирования // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2011. № 14(87). С. 164–177.

Гусарова О.М., Кузменкова В.Д., Комаров П.И. Цифровые модели социально-экономического развития региональных субъектов // Фундаментальные исследования. 2018. № 8. С. 42–47.

Дарда Е.С., Устинов Е.А. Факторы развития фондового рынка российской федерации: статистическая оценка // Инновации и инвестиции. 2016. № 10. С. 70–74.

Козина К.Т. Эконометрический анализ валового внутреннего продукта России и его взаимосвязей с инвестициями в основной капитал, численностью занятого в экономике населения, добычей нефти и газа // Экономический анализ: теория и практика. 2016. № 2(449). С. 183–196.

Кравцов А.А. Развитие исследований инновационных процессов на основе патентной статистики: аналитический обзор // Журнал новой экономической ассоциации. 2017. № 3(35). С. 144–169. DOI: [10.31737/2221-2264-2017-35-3-7](https://doi.org/10.31737/2221-2264-2017-35-3-7)

Крупко А.Э., Фетисов Ю.М., Рогозина Р.Е. Интерпретация корреляционно-регрессионного анализа основных факторов развития экономики ЦФО // ФЭС: Финансы, Экономика. 2018. Т. 15. № 12. С. 22–29.

Крыжановская О.А., Степанова А.Р. Анализ основных тенденций развития малого бизнеса в Российской Федерации // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2019. № 4(42). С. 14–18.

Митяков С.Н., Митяков Е.С., Митякова О.И., Яковлева Г.Н. Инструментарий оценки инновационной деятельности в регионах: корреляционно-регрессионный анализ // *Инновации*. 2021. № 1(267). С. 60–67. DOI: [10.26310/2071-3010.2021.267.1.009](https://doi.org/10.26310/2071-3010.2021.267.1.009)

Мурашова Н.А. Методологические основы обеспечения инновационной деятельности экономических систем. Н. Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т. им. П.Е. Алексеева, 2020.

Поздеев В.Л. Методы оценки финансовой устойчивости предприятий // *Экономический анализ: теория и практика*. 2005. № 24(57). С. 54–58.

Харитонов Д.Е. Корреляционно-регрессионный анализ в экономике // *Контентус*. 2016. № 8(49). С. 176–179.

Betarelli A.A, Faria W.R., Montenegro R.L.G., Bahia D.S., Gonçalves E. Research and Development, Productive Structure and Economic Effects: Assessing the Role of Public Financing in Brazil // *Economic Modelling*. 2020. Vol. 90. P. 235–253. DOI: [10.1016/j.econmod.2020.04.017](https://doi.org/10.1016/j.econmod.2020.04.017)

Caporale G.M., Rault C., Sova A.D., Sova R. Financial Development and Economic Growth: Evidence from 10 New European Union Members // *International Journal of Finance and Economics*. 2015. Vol. 20. Is. 1. P. 48–60. DOI: [10.1002/ijfe.1498](https://doi.org/10.1002/ijfe.1498)

Fraumeni B.M. Gross Domestic Product: Are Other Measures Needed? // *IZA World of Labor*. 2022. DOI: [10.15185/izawol.368.v2](https://doi.org/10.15185/izawol.368.v2)

Henderson V., Storeygard A., Weil D.N. A Bright Idea for Measuring Economic Growth // *American Economic Review*. 2011. Vol. 101. Is. 3. P. 194–199. DOI: [10.1257/aer.101.3.194](https://doi.org/10.1257/aer.101.3.194)

Herzer D. The Impact of Domestic and Foreign R&D on TFP in Developing Countries // *World Development*. 2022. Vol. 151. DOI: [10.1016/j.worlddev.2021.105754](https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2021.105754)

Soete L., Verspagen B., Ziesemer T.H.W. Economic Impact of Public R&D: An International Perspective // *Industrial and Corporate Change*. 2022. Vol. 31. Is. 1. P. 1–18. DOI: [10.1093/icc/dtab066](https://doi.org/10.1093/icc/dtab066)

Zhang L., Fargher N. Aggregate Accounting Earnings, Special Items and Growth in Gross Domestic Product: Evidence from Australia // *Accounting and Finance*. 2022. Vol. 62. Is. 2. P. 2467–2496. DOI: [10.1111/acfi.12871](https://doi.org/10.1111/acfi.12871)

References:

Betarelli A.A, Faria W.R., Montenegro R.L.G., Bahia D.S., Gonçalves E. (2020) Research and Development, Productive Structure and Economic Effects: Assessing the Role of Public Financing in Brazil. *Economic Modelling*. Vol. 90. P. 235–253. DOI: [10.1016/j.econmod.2020.04.017](https://doi.org/10.1016/j.econmod.2020.04.017)

Caporale G.M., Rault C., Sova A.D., Sova R. (2015) Financial Development and Economic Growth: Evidence from 10 New European Union Members. *International Journal of Finance and Economics*. Vol. 20. Is. 1. P. 48–60. DOI: [10.1002/ijfe.1498](https://doi.org/10.1002/ijfe.1498)

Darda E.S., Ustinov E.A. (2016) Faktory razvitiya fondovogo rynka rossiyskoy federatsii: statisticheskaya otsenka [Factors in the development of the stock market of the Russian Federation: Statistical assessment]. *Innovatsii i investitsii*. No. 10. P. 70–74.

Fraumeni B.M. (2022) Gross Domestic Product: Are Other Measures Needed? *IZA World of Labor*. DOI: [10.15185/izawol.368.v2](https://doi.org/10.15185/izawol.368.v2)

Gobernik N.S., Mityakov S.N. (2013) Method of Assessment of Innovation Activity Impact of Industrial Organizations on Their Development. *Statistika i ekonomika*. No. 1. P. 32–35.

Goridko N.P., Nizhegorodtsev R.M., Olisaeva O.L. (2011) Regression Analysis of Factors for Economic Growth of the Region as an Instrument to Reveal Key Directions of Macroeconomic Adjustment. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. No. 14(87). P. 164–177.

- Goridko N.P., Nizhegorodtsev R.M. (2011) Fenomen «rosta na ozhidaniyakh»: regressionnyy analiz i relyativistskaya kontseptsiya vremeni v ekonomiki [The phenomenon of “growth on expectations”: Regression analysis and the relativistic concept of time in the economy]. *Vestnik ekonomicheskoy integratsii*. No. 12. P. 11–27.
- Gusarova O.M., Kuzmenkova V.D., Komarov P.I. (2018) Digital Model of Socio-Economic Development of Regional Actors. *Fundamental'nyye issledovaniya*. No. 8. P. 42–47.
- Henderson V., Storeygard A., Weil D.N. (2011) A Bright Idea for Measuring Economic Growth. *American Economic Review*. Vol. 101. Is. 3. P. 194–199. DOI: [10.1257/aer.101.3.194](https://doi.org/10.1257/aer.101.3.194)
- Herzer D. (2022) The Impact of Domestic and Foreign R&D on TFP in Developing Countries. *World Development*. Vol. 151. DOI: [10.1016/j.worlddev.2021.105754](https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2021.105754)
- Kharitonova D.E. (2016) Korrelyatsionno-regressionnyy analiz v ekonomike [Correlation and regression analysis in economics]. *Kontentus*. No. 8(49). P. 176–179.
- Kozinova K.T. (2016) Econometric Analysis of Gross Domestic Product of Russia and Its Relations to Investment in Fixed Assets, Volume of Employment in the Economy, and Oil and Gas Production. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika*. No 2(449). P. 183–196.
- Kravtsov A.A. (2017) Development of the Patent-Based Researches on Innovation Processes: Analytic Review. *Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*. No. 3(35). P. 144–169. DOI: [10.31737/2221-2264-2017-35-3-7](https://doi.org/10.31737/2221-2264-2017-35-3-7)
- Krupko A.E., Fetisov Yu.M., Rogozina R.E. (2018) Interpretation of Correlation and Regression Analysis of the Main Factors of Economic Development of the CFD. *FES: Finansy, Ekonomika*. Vol. 15. No. 12. P. 22–29.
- Kryzhanovskaya O.A., Stepanova A.R. (2019) Analysis of the Main Trends in the Development of Small Business in the Russian Federation. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii*. No. 4(42). P. 14–18.
- Mityakov S.N., Mityakov E.S., Mityakova O.I., Yakovleva G.N. (2021) Regional Innovation Assessment Toolkit: Correlation-Regression Analysis. *Innovatsii*. No. 1(267). P. 60–67. DOI: [10.26310/2071-3010.2021.267.1.009](https://doi.org/10.26310/2071-3010.2021.267.1.009)
- Murashova N.A. (2020) *Metodologicheskiye osnovy obespecheniya innovatsionnoy deyatel'nosti ekonomicheskikh sistem* [Methodological foundations for ensuring innovative activities of economic systems]. N. Novgorod: Nizhegorod. gos. tehn. un-t. im. R.E. Alekseeva.
- Pozdeev V.L. (2005) Metody otsenki finansovoy ustoychivosti predpriyatiy [Methods for assessing the financial stability of enterprises]. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika*. No. 24(57). P. 54–58.
- Soete L., Verspagen B., Ziesemer T.H.W. (2022) Economic Impact of Public R&D: An International Perspective. *Industrial and Corporate Change*. Vol. 31. Is. 1. P. 1–18. DOI: [10.1093/icc/dtab066](https://doi.org/10.1093/icc/dtab066)
- Zhang L., Fargher N. (2022) Aggregate Accounting Earnings, Special Items and Growth in Gross Domestic Product: Evidence from Australia. *Accounting and Finance*. 2022. Vol. 62. Is. 2. P. 2467–2496. DOI: [10.1111/acfi.12871](https://doi.org/10.1111/acfi.12871)

Особенности пространственной трансформации регионов Российской Федерации

Сергеев Степан Сергеевич

Ассистент, SPIN-код РИНЦ: [2233-5970](https://elibrary.ru/author_index.aspx?query=sergeevss), ORCID: [0000-0002-7872-0193](https://orcid.org/0000-0002-7872-0193), sergeevss@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Пространственная трансформация как форма изменения организации экономического пространства в настоящее время недостаточно изучена и не нашла системного применения в практике управления регионами. При этом необходимость преодоления региональных разрывов, обеспечения перехода экономики к шестому технологическому укладу определяет актуальность поиска новых управленческих инструментов. Настоящее исследование направлено на решение этой проблемы и имеет своей целью определение и обоснование особенностей процессов пространственной трансформации, проявляющихся в российских регионах. Проведен анализ теоретических подходов отечественных и зарубежных исследователей к понятию пространственной трансформации; осуществлен контент-анализ российской нормативной правовой базы; эмпирическую основу составили данные ЕМИСС, Росстата и ГИСП «Атлас промышленности», для обработки которых использованы методы статистического анализа и графический метод. Определено, что пространственная трансформация представляет собой изменение пространственной организации экономики региона, способствующее формированию новых отраслей специализации и переходу к новому технологическому укладу, либо обеспечивающее такой переход изменение системы распределения производительных сил и отраслевой специализации региона. На основе анализа результатов использования промышленных парков, технопарков и кластеров как инструментов управления пространственной трансформацией выявлены ее особенности в регионах ЦФО РФ: регионы-лидеры (Калужская, Рязанская области) обеспечили рост производства и доли обрабатывающих производств в ВРП; в регионах, использующих указанные инструменты недостаточно (Брянская область) или формально (как в случае с фармацевтическим кластером в Ярославской области), потенциал пространственной трансформации реализуется в меньшей мере. Осуществление пространственной трансформации в регионе обеспечивает дифференциацию и устойчивость экономики, снижает риски развития и степень влияния кризисов. Полученные результаты могут быть использованы при изучении влияния пространственной трансформации на социально-экономические системы мезоуровня, в том числе на человеческий капитал регионов; в поиске и исследовании других способов и инструментов пространственной трансформации; при определении контуров управления пространственной трансформацией региона.

Ключевые слова

Пространственная трансформация, пространственная организация экономики, пространственное развитие, промышленные парки, технопарки, промышленные кластеры.

Для цитирования

Сергеев С.С. Особенности пространственной трансформации регионов Российской Федерации // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 107. С. 181–193. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-181-193

Peculiarities of Spatial Transformation of the Russian Federation Regions

Stepan S. Sergeev

Assistant, ORCID: [0000-0002-7872-0193](https://orcid.org/0000-0002-7872-0193), sergeevss@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

Spatial transformation as a form of change in the organisation of economic space is currently insufficiently studied and has not found a systematic application in the practice of regional management. At the same time, the need to overcome regional gaps and ensure the transition of the economy to the sixth technological order determines the relevance of the search for new management tools. The present study is aimed at solving this problem and focuses on identifying and substantiating the features of spatial transformation processes manifesting in Russian regions. The analysis of theoretical approaches of domestic and foreign researchers to the concept of spatial transformation and a content analysis of the Russian regulatory legal framework were carried out; the empirical basis was made up of data from EMISS, Rosstat and "Atlas of Industry", for processing which statistical analysis methods and a graphical method were used. It is determined that spatial transformation is a change in the spatial organization of the region's economy, contributing to the formation of new branches of specialization and the transition to a new technological order, or a change in the system of distribution of productive forces and sectoral specialization of the region, which provides such a transition. Based on the analysis of the results of using industrial parks, technoparks and clusters as tools for managing spatial transformation, its peculiarities in the regions of the Central Federal District of the Russian Federation are revealed: the leading regions (Kaluga and Ryazan regions) ensured the growth of production and the share of manufacturing industries in GRP; in regions that use these tools insufficiently (Bryansk region) or formally (as in the case of the pharmaceutical cluster in the Yaroslavl region), the potential for spatial transformation is realized to a lesser extent. The implementation of spatial transformation in the region ensures the differentiation and stability of the economy, reduces the risks of development and the impact of crises. The results obtained can be used to study the impact of spatial transformation on the socio-economic systems of the meso-level, including on the human capital of the regions; in the search and research of other methods and tools of spatial transformation; in determining the contours of managing the spatial transformation of the region.

Keywords

Spatial transformation, spatial organisation of the economy, spatial development, industrial parks, technoparks, industrial clusters.

For citation

Sergeev S.S. (2024) Peculiarities of Spatial Transformation of the Russian Federation Regions. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 107. P. 181–193. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-181-193

Дата поступления/Received: 16.09.2024

Введение

Актуальность исследования вопросов пространственного развития России с ее сложной пространственной организацией экономики, высокой степенью межрегиональной дифференциации, характеризующейся неравномерным распределением производительных сил, человеческого капитала, материальных и нематериальных ресурсов, различиями в уровне научно-технологического развития регионов и их готовности к переходу к новому технологическому укладу, не вызывает сомнений. Организация и развитие экономического пространства современной России закрепили статус самостоятельной категории, требующей системного управленческого воздействия, в связи с утверждением Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года¹ в качестве одного из основных документов стратегического планирования на федеральном уровне, разрабатываемых в рамках целеполагания по территориальному принципу, и стратегий пространственного развития на региональном и местном уровнях.

В то же время понятие пространственной трансформации как одной из форм изменения организации экономического пространства к настоящему моменту не было исследовано в достаточной мере, как и не получило соответствующего развития в управленческом и правовом поле. Так, в упомянутой Стратегии трансформация пространственной организации экономики рассматривается только как одна из тенденций пространственного развития России; понятие «пространственная трансформация» отсутствует в федеральной нормативной правовой базе и встречается лишь в единичных документах субъектов Российской Федерации и муниципальных образований: в стратегиях социально-экономического развития до 2030 года Краснодарского края и Республики Северная Осетия — Алания (причем в последнем регионе принята приоритетная программа «Пространственная трансформация Алании»); в отдельных решениях и постановлениях органов местного самоуправления в указанных субъектах РФ, принятых в развитие положений региональных законодательных актов (г. Владикавказ в Северной Осетии, Северский район в Краснодарском крае), и в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре (г. Сургут, г. Нягань, г. Нижневартовск). Следует отметить, что указанные нормативные правовые акты были приняты в последние годы, а управление пространственными трансформациями на региональном и местном уровнях пока не обрело устойчивого характера, хотя и в более ранних документах присутствуют упоминания о необходимости учета «современных подходов к пространственной трансформации» (Республика Бурятия, 2003 г.) и о том, что «большинство муниципальных образований Российской Федерации» не готовы «к реализации крупных проектов по пространственной трансформации» (г. Чита, 2011 г.)².

В этой связи исследование пространственной трансформации как самостоятельной экономической категории, ее влияния на социально-экономические системы регионов России и возможностей ее реализации для целей регионального развития представляет научный интерес и имеет потенциал для дальнейшего изучения.

¹ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/552378463> (дата обращения: 11.09.2024).

² По результатам контент-анализа нормативных правовых актов в ФГИС «Нормативные правовые акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.minjust.ru> (дата обращения: 02.09.2024).

Цель настоящего исследования заключается в теоретическом и аналитическом обосновании особенностей процессов пространственной трансформации, проявляющихся в российских регионах. Для достижения этой цели требуется решить следующие задачи: определить понятие пространственной трансформации и его отличия от понятия пространственного развития на основе анализа существующих теоретических подходов; обосновать наличие процессов пространственной трансформации в экономике и выявить их особенности в субъектах Российской Федерации (на примере регионов Центрального федерального округа).

Теоретические подходы к понятию пространственной трансформации

В постсоветский период на систему регионального управления большое влияние оказали разрыв хозяйственных связей, существовавших ранее, переустройство экономической системы государства, внутренние и внешние экономические кризисы, обусловленные различными причинами и усилившие тенденцию к диспропорциям экономического развития регионов. Расширение теоретических положений сформировало пространственный подход в государственном управлении как на макро-, так и на мезо- и микроуровнях.

Отечественные и иностранные исследователи рассматривают вопросы развития и трансформации различных аспектов функционирования территорий, в том числе пространственного. Но если в отношении развития авторами предложено множество вариантов трактовок, то трансформация как характеристика происходящих в социально-экономической сфере процессов остается без должного уточнения: что она собой представляет и чем отличается от развития.

И.Н. Вякина и Е.С. Анисимова связывают пространственное развитие территорий с происходящей цифровой трансформацией, которая, по мнению авторов, предусматривает разработку стратегии трансформации по нескольким направлениям — образование, здравоохранение, социальная сфера, транспорт, городская среда и государственное управление [Вякина, Анисимова 2022], но не уточняют, как именно проявляется трансформация.

Е.М. Королькова, сравнивая цифровизацию и цифровую трансформацию бизнеса (что применимо не только на микро-, но и на макроуровне), первую связывает с внедрением новых информационных технологий и заменой старого оборудования и программного обеспечения на новое, в то время как цифровая трансформация предполагает модернизацию бизнес-процессов [Королькова 2020]. Автор не уточняет, в чем заключается отличие цифровой трансформации от цифрового развития, цифровой модернизации или цифрового совершенствования. В контексте представленного исследования данные термины выглядят синонимами.

Другое трактование цифровизации и цифровой трансформации предлагают Ю.С. Положенцева, М.Г. Клевцова и Е.Д. Леонтьев, связывая цифровизацию с внедрением цифровых технологий во все сферы жизни человека, а цифровую трансформацию — с изменениями в жизни, управлении, способах мышления и природе человека, вызываемыми цифровыми технологиями [Polozhentseva et al. 2019]. Несмотря на иное восприятие термина «цифровизация», авторы, как и Е.М. Королькова, четко не разграничивают трансформацию, развитие, совершенствование и модернизацию.

Более точный подход к содержанию понятия «трансформация» приводит М.К. Кудайкулов, используя данный термин в отношении изменений экономических систем. Автор рассматривает первичную и возвратную трансформации, характеризующие процессы смены способов ведения хозяйственной деятельности: первичная трансформация — переход от капиталистических способов ведения хозяйственной деятельности к плановым социалистическим; возвратная трансформация — наоборот, переход от социалистических методов управления экономикой к капиталистическим.

В данном аспекте М.К. Кудайкулов обосновывает отличие трансформационных процессов смены экономических систем от их эволюционных изменений (процессов развития и модернизации) [Кудайкулов 2013].

Рассматривая понятие пространственной трансформации, многие исследователи упоминают ее как факт, сопровождающийся различными процессами, или описывают механизм осуществления пространственной трансформации, но не раскрывают смысл содержания самого понятия «пространственная трансформация» и его отличия от пространственного развития или совершенствования пространственной организации (структуры).

У П.С. Дружинина пространственная трансформация представлена как согласование экономических интересов соседствующих территорий, для осуществления которого должны быть разработаны единые нормы и требования к реализации планов пространственной организации экономических субъектов, учитывающих интересы всех сторон. При этом должны быть проведены мероприятия по анализу материальных потребностей всех участников предпринимательских структур вовлеченных регионов, определению свободных территорий; разработана программа по их использованию для развития межрегионального сотрудничества, обеспечению всей необходимой инфраструктурой и согласованию стратегических планов развития смежных регионов [Дружинин 2018].

Зарубежные ученые связывают инфраструктурные изменения в городах с трансформацией городской среды, которая предполагает использование пространственного мультикритериального анализа при планировании размещения объектов и прогнозировании развития городской структуры [Caprioli, Bottero 2021]. В другой работе авторы рассматривают пространственную структурную трансформацию, сопровождающую агломерационные процессы в регионах Мексики, как результат размещения промышленных объектов и расширения агломераций в промышленно развивающихся регионах [Jordaan, Garduño-Rivera 2024].

Пространственную трансформацию связывают с изменением подходов к реализации градостроительной политики в постсоциалистических странах: авторы представляют пространственную трансформацию как разрастание городов (процессы внешнего расширения), уплотнение городов (внутреннее расширение) и сокращение городов. Исследователи отмечают изменение правил землепользования и снижения плотности за счет большей урбанизации территорий, вызванной факторами деиндустриализации, рождаемости и миграционными процессами [Miljanović et al. 2023].

Анализируя индустриальные и специальные экономические зоны, ученые отмечают, что в современной науке не сформирована теоретическая база исследования социально-пространственной трансформации территорий, и подходят к данному вопросу в рамках своей узкой научной специализации, например, связывая социально-экономические, политические и культурные изменения с временными пространственными измерениями. Но сами авторы не приводят точного определения предложенной проблемы социально-пространственной трансформации специальных экономических зон [Kumera, Woldetensae 2023].

В своем исследовании китайские ученые представили механизм пространственной трансформации специализированных деревень, рассматривая их как форму кластера трех видов — сельскохозяйственных, промышленных и сервисно-ориентированных. В исследовании представлено три этапа трансформации, характеризующие эволюцию сельскохозяйственных территорий Китая: переход от неспециализированных деревень к специализированным (первая трансформация), снижение роли специализированных деревень и сокращение их количества (вторая трансформация) и внедрение электронной коммерции в специализированных деревнях (третья трансформация).

Для описания каждой трансформации авторами предложен механизм, состоящий из блоков: движущие силы экономических и социальных изменений, эволюционный процесс пространственной структуры специализированных деревень и механизм трансформации их пространственной структуры. Механизм пространственной трансформации обусловлен сменой основных акторов и заинтересованных сторон, изменениями условий ведения деятельности и отраслевой специализации [Xiao et al. 2024].

Обзор исследования цифровой и пространственной трансформации показал, что отсутствует единое понимание термина «трансформация», механизма ее реализации и отличий трансформации от развития, совершенствования и модернизации. Если под пространственным развитием понимается изменение организации пространства (его структурных характеристик, плотности и т. д.), основанное на модификации социально-экономических процессов в пределах территории и влекущее за собой переход на новый качественный уровень экономических процессов и хозяйственной деятельности, осуществляемой в его границах [Суворова 2019, 59], или совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития³, то под пространственной трансформацией предлагается понимать изменение системы распределения производительных сил и отраслевой специализации региона, способствующее переходу территории от одного технологического уклада к другому, или изменение пространственной организации региона, способствующее переходу к новому технологическому укладу и формированию новых отраслей специализации.

Одним из способов пространственной трансформации можно назвать организацию кластеров, индустриальных парков и технопарков на территории региона. Но трансформационные процессы проявляются не в факте их существования на бумаге, а в том, что на организации и предприятия, функционирующие в рамках кластеров, индустриальных парков и технопарков, будет приходиться значительная доля выпускаемой в регионе продукции.

Анализ особенностей пространственной трансформации регионов Центрального федерального округа

В своей работе Н.Ю. Сорокина и Ю.В. Латов выделили 6 типов старопромышленных регионов в зависимости от потенциала постиндустриального развития: от высокоперспективных с потенциалом диверсификации экономики (1 тип) до малоперспективных с точки зрения индустриального развития с высокой потребностью в федеральной поддержке (6 тип) [Сорокина, Латов 2018].

В настоящем исследовании проведен анализ старопромышленных регионов с позиции трансформационных процессов, происходящих в их экономике. Базой для анализа служат данные восьми регионов из представленной Н.Ю. Сорокиной и Ю.В. Латовым типологии: Калужской (1 тип), Липецкой (2 тип), Ярославской (3 тип), Белгородской, Рязанской, Тульской (4 тип), Брянской (5 тип) и Воронежской (6 тип) областей [Там же, 15].

Относительно новые инструменты организации производительных сил (кластеры, индустриальные парки и технопарки) использованы в семи из восьми регионов (см. Таблицы 1, 2). В Брянской области, по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), был зарегистрирован один индустриальный парк, но только в 2021 г. По состоянию на осень 2024 г. в ГИСП «Атлас промышленности» в данном регионе нет индустриальных парков или технопарков, так же как и монорегиональных (действующих в одном субъекте РФ) кластеров.

³ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/552378463> (дата обращения: 11.09.2024).

В развитии Брянской области не наблюдается ориентация на промышленную сферу ни в отношении производства материальных благ, ни в отношении индустриальных услуг.

Таблица 1. Количество индустриальных парков и промышленных технопарков в регионах Центрального федерального округа, ед.⁴

Субъект РФ	2020		2021		2022		2023	
	ИндП	ТехП	ИндП	ТехП	ИндП	ТехП	ИндП	ТехП
Белгородская область	7	0	6	0	6	0	6	1
Брянская область	0	0	1	0	0	0	0	0
Воронежская область	5	3	6	2	6	2	6	2
Калужская область	10	1	10	0	11	1	11	1
Липецкая область	4	2	4	2	3	2	3	2
Рязанская область	4	1	4	1	3	0	3	0
Тульская область	1	0	1	0	1	2	1	2
Ярославская область	6	1	6	1	4	1	4	1
РФ	258	73	306	90	310	106	322	110

Лидерами по изменению пространственной организации производительных сил с применением индустриальных парков, технопарков и кластеров в анализируемой группе регионов являются Калужская и Рязанская области. По состоянию на 2023 год в Калужской области преобладают индустриальные парки — 11 против 1 технопарка и 2 кластеров, а в Рязанской области кластеры — 7 монорегиональных и 6 межрегиональных кластеров против 3 индустриальных парков. На Калужскую область приходится 3,5% от количества всех индустриальных парков страны, а на Рязанскую область — более 10% от общей численности кластеров.

Таблица 2. Количество кластеров в регионах Центрального федерального округа, ед.⁵

Субъект РФ	2020		2021		2022		2023	
	монорег.	межрег.	монорег.	межрег.	монорег.	межрег.	монорег.	межрег.
Белгородская область	0	2	0	2	0	2	0	4
Брянская область	0	0	0	0	0	0	0	1
Воронежская область	1	1	1	1	1	1	1	1
Калужская область	2	0	2	0	2	0	2	0
Липецкая область	1	1	1	1	1	2	1	4
Рязанская область	5	1	7	1	7	3	7	6
Тульская область	0	2	0	2	0	3	1	3
Ярославская область	1	0	1	0	1	0	1	1
РФ	66		67		80		124	

Индустриальные парки Калужской области и монорегиональные кластеры Рязанской области вносят значительный вклад в создание и функционирование рабочих мест региона: 3–3,5% и 2,5–3,5% соответственно (см. Рисунки 1, 2). Сложность учета вклада кластеров в обеспечение рабочими местами региона заключается в отсутствии полноты и актуальности данных, характеризующих работу кластеров в экономике региона. На Рисунке 2 представлены данные только

⁴ Составлено автором на основе: Количество индустриальных (промышленных) парков // ЕМИСС Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/60746> (дата обращения: 13.09.2024); Количество промышленных технопарков // ЕМИСС Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/60738> (дата обращения: 13.09.2024). Примечание: ИндП — индустриальный парк; ТехП — промышленный технопарк.

⁵ Составлено автором на основе: Парки и кластеры // Атлас промышленности [Электронный ресурс]. URL: <https://gisp.gov.ru/gisip/#/sections/parks/map/36.494527.55.234452/6/parks:wkWIC?lng=ru> (дата обращения: 15.09.2024). Примечание: монорег. — монорегиональный кластер; межрег. — межрегиональный кластер.

по 11 кластерам из 4 регионов, которые были официально зарегистрированы до 2020–2022 гг. и разместили информацию о результатах своей деятельности в ГИСП «Атлас промышленности». В представленной выборке не учтены кластеры Липецкой и Ярославской областей, действующие с 2016 г. и 2019 г. соответственно, а также 3 кластера Белгородской, Калужской и Тульской областей, зарегистрированные в 2023–2024 гг. Неполнота данных о функционировании кластеров указанных регионов не позволяет полностью оценить вклад предприятий, входящих в кластеры, в производительные силы регионов. Но показатели доли рабочих мест индустриальных парков и кластеров Калужской и Рязанской областей отражают изменения в пространственной организации производительных сил этих территорий.

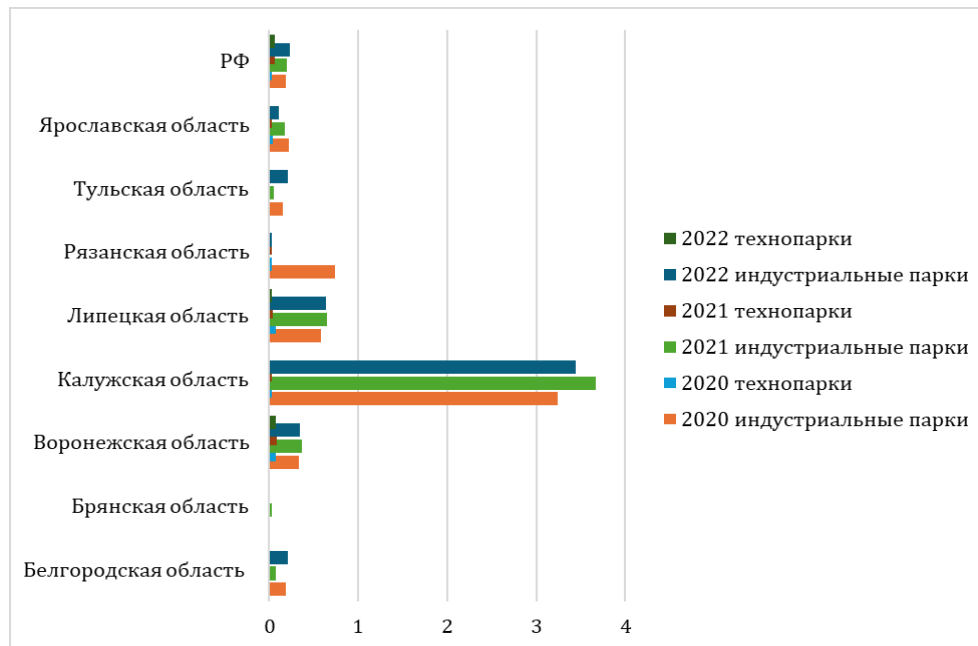

Рисунок 1. Доля рабочих мест, созданных резидентами индустриальных парков и промышленных технопарков, в общем количестве рабочих мест, %⁶

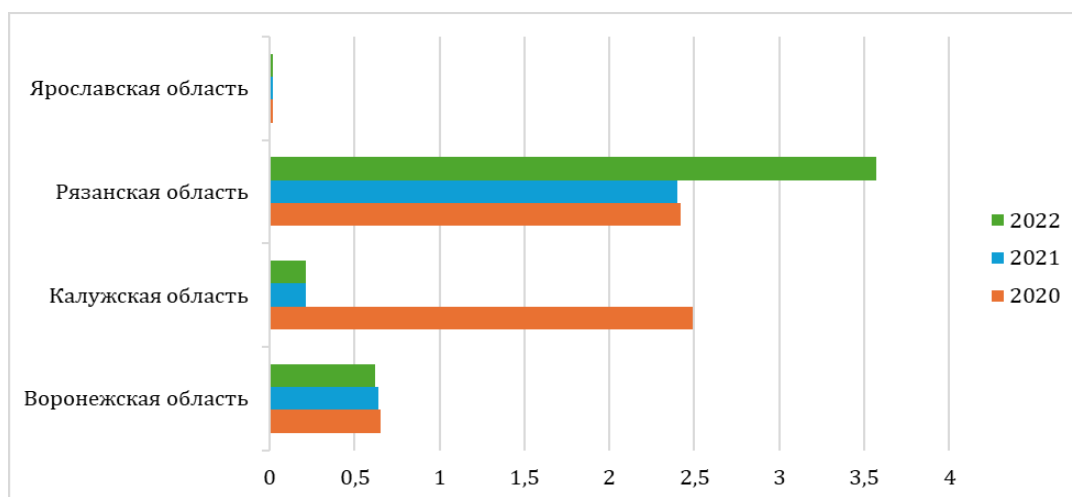

Рисунок 2. Доля рабочих мест кластеров в общей совокупности рабочих мест региона, %⁷

⁶ Составлено автором на основе: Количество рабочих мест, созданных резидентами, осуществляющими деятельность в индустриальных (промышленных) парках // ЕМИСС Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/60741> (дата обращения: 13.09.2024); Количество рабочих мест, созданных резидентами, осуществляющими деятельность в промышленных технопарках // ЕМИСС Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/60734> (дата обращения: 13.09.2024); Количество рабочих мест на всех видах работ по производству товаров и услуг (в среднем за год) с 2017 г. // ЕМИСС Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58992> (дата обращения: 13.09.2024).

⁷ Составлено автором на основе: Парки и кластеры // Атлас промышленности [Электронный ресурс]. URL: <https://gisip.gov.ru/gisip/#/sections/parks/map/36.494527,55.234452/6/parks:wkWIC?lng=ru> (дата обращения: 15.09.2024); Количество рабочих мест на всех видах работ по производству товаров и услуг (в среднем за год) с 2017 г. // ЕМИСС Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58992> (дата обращения: 13.09.2024).

Если доля рабочих мест, которая приходится на индустриальные парки и кластеры, у регионов-лидеров составляет порядка 3%, то доля отгруженных товаров собственного производства участников индустриальных парков и кластеров в валовом региональном продукте Калужской и Рязанской областей, рассчитанном по методике ВДС (валовая добавленная стоимость), превышает 10%. На Рисунке 3 доля отгруженных товаров собственного производства калужских индустриальных парков превышает 100% от ВДС региона в 2021 г. — расчет проведен на основе данных Минпромторга России, размещенных в ЕМИСС. Несмотря на то, что разница в объеме производства индустриальных парков в 2022 г. почти в 7 раз меньше, чем в 2021 г., показатели в 2023 г. демонстрировали восстановление и практически пятикратный рост. Отсутствие резких изменений в данных ВДС Калужской области в 2021–2022 гг. позволяет сделать предположение, что в 2021 г. не были учтены все произведенные индустриальными парками товары и услуги как отдельный показатель. Относительно большая доля в региональной ВДС приходится на собственное производство индустриальных парков Воронежской (около 3% в 2021–2022 гг.), Липецкой (4–6% в 2020 и 2022 гг.) и Тульской (2,5% и 7,5% в 2020 и 2022 гг. соответственно) областях.

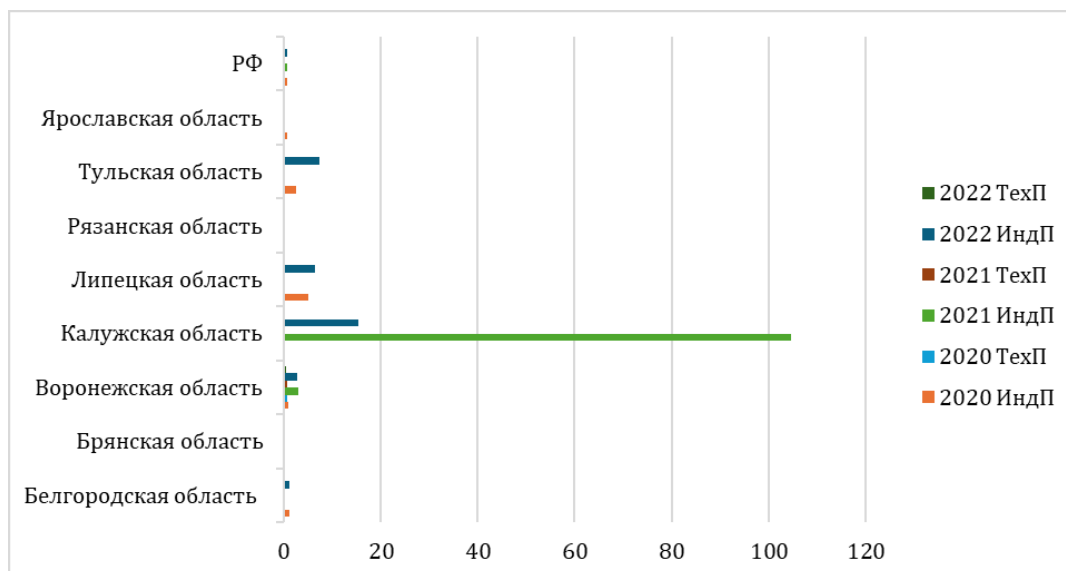

Рисунок 3. Доля отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами резидентов индустриальных парков и промышленных технопарков в ВДС региона, %⁸

Значительна доля товаров собственного производства предприятий кластеров в Рязанской и Калужской областях (см. Рисунок 4). В Рязанской области наблюдается значительное увеличение доли отгруженных участниками промышленных кластеров товаров собственного производства (до 31%) за счет зарегистрированного в 2021 г. медицинского кластера Рязанской области, данные по деятельности которого представлены только по состоянию на 2022 г. Данные Калужского фармацевтического кластера в рассматриваемом периоде представлены только по состоянию на 2020 г., что обусловило значительное снижение доли кластеров в ВДС региона (с 14% до 0,6%) в 2021–2022 гг., несмотря на то, что количество кластеров в области не сократилось.

⁸ Составлено автором на основе: Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами резидентов, осуществляющих деятельность в индустриальных (промышленных) парках // ЕМИСС Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/60740> (дата обращения: 13.09.2024); Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами резидентов, осуществляющих деятельность в промышленных технопарках // ЕМИСС Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/60733> (дата обращения: 13.09.2024); ВРП ОКВЭД 2 (с 2016 г.) // Росстат [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_OKVED2_s2016.xlsx (дата обращения: 15.09.2024).

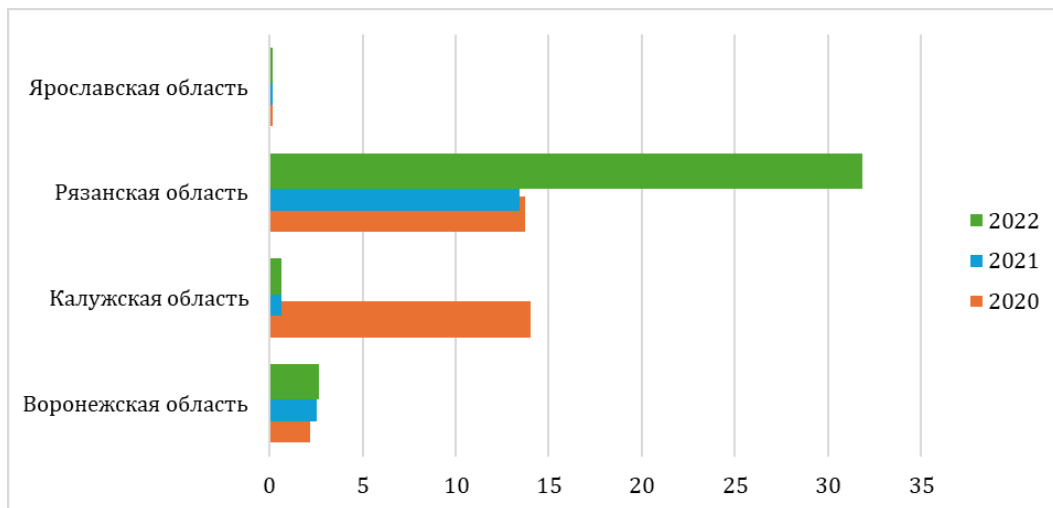

Рисунок 4. Доля отгруженных участниками промышленного кластера товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в ВДС региона, %⁹

На основе анализа данных производства и социально-экономических показателей ряда регионов еще 10 лет назад К.В. Павлов отнес Калужскую и Рязанскую области к депрессивным старопромышленным регионам, как и Воронежскую и Ярославскую области, к опорным старопромышленным — Белгородскую и Липецкую (из представленной выборки) [Павлов 2014]. Критериями депрессивности регионов были названы спад производства, неблагоприятное и ухудшающееся положение в социальной сфере, низкий или неустойчивый уровень финансово-бюджетной обеспеченности. Изменение подхода к организации производительных сил региона за счет использования таких инструментов, как промышленные кластеры, индустриальные парки и технопарки, позволило регионам обеспечить рост производства (см. Рисунок 5). Незначительное снижение индекса физического объема ВРП в Рязанской области было зафиксировано в 2014–2016 гг., но начиная с кризисного 2020 г. данный показатель имел положительные значения. В Калужской области падение этого показателя наблюдалось в 2013, 2015, 2020 и 2022 гг. При этом значения 2020 и 2022 гг. коррелируют с общероссийскими и обусловлены жесткими противопандемийными ограничениями в 2020 г. и уходом западных компаний в 2022 г.

Воронежская и Ярославская области в течение аналогичного периода демонстрировали повышение физических объемов производства с разными темпами роста с практически отсутствием положительных значений в 2015 (Воронежская и Ярославская области) и 2019 (Ярославская область) годах. В кризисные 2020 и 2022 годы, так же как и в Калужской области, в данных регионах наблюдался спад производства.

Реализация промышленной политики за счет расширения использования индустриальных парков и кластеров как инструментов пространственной трансформации позволила регионам обеспечить увеличение доли обрабатывающей промышленности в структуре ВРП (см. Рисунок 6).

Активная политика Калужской области по развитию индустриальных парков и кластеров позволила обеспечить увеличение доли обрабатывающей промышленности в ВРП, которая даже в кризисные годы составляла не менее трети от всего объема. Доля обрабатывающей промышленности в Калужской области превышает аналогичный показатель в Рязанской и Ярославской областях. В Воронежской области обрабатывающая промышленность и сельское хозяйство являются основными отраслями, связанными с производственными процессами (не сферы услуг).

⁹ Составлено автором на основе: Парки и кластеры // Атлас промышленности [Электронный ресурс]. URL: <https://gisip.gov.ru/gisip/#/sections/parks/map/36.494527,55.234452/6/parks:wkWIC?lng=ru> (дата обращения: 15.09.2024); ВРП ОКВЭД 2 (с 2016 г.) // Росстат [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_OKVED2_s2016.xls (дата обращения: 15.09.2024).

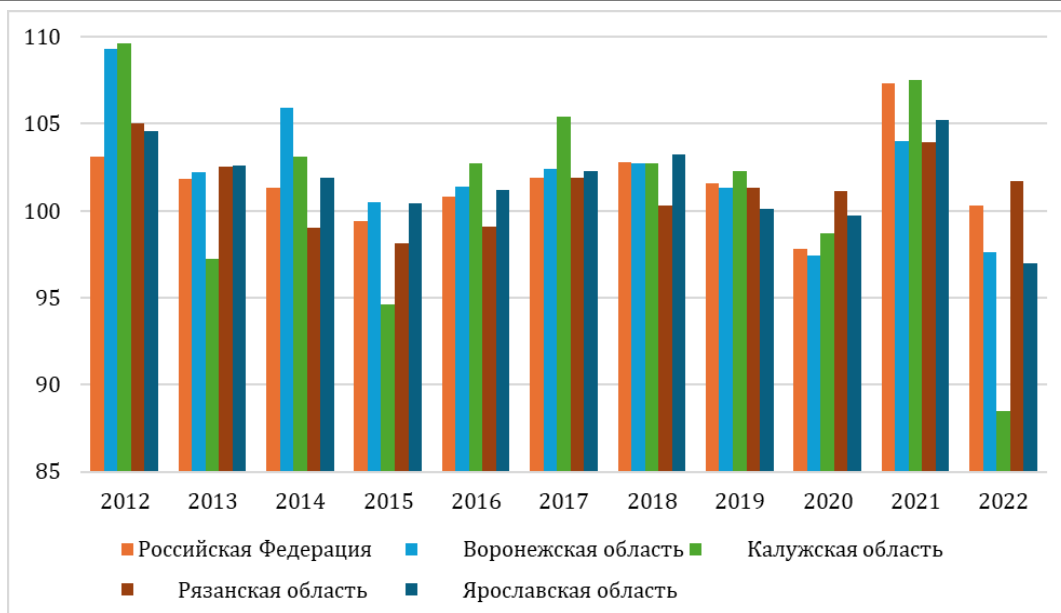

Рисунок 5. Индексы физического объема валового регионального продукта, %¹⁰

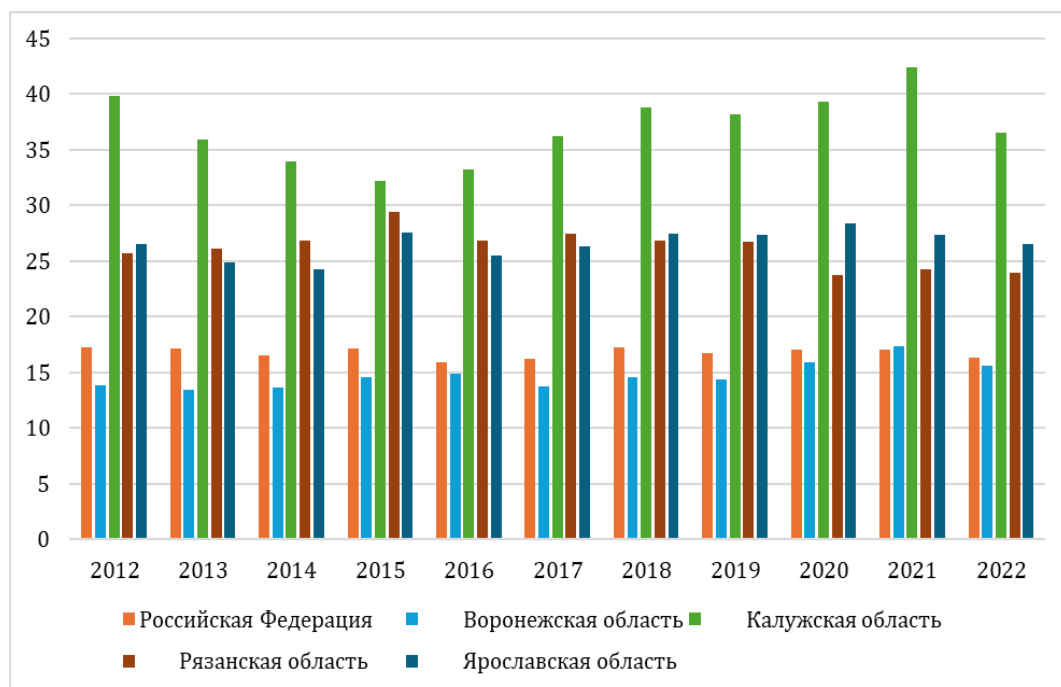

Рисунок 6. Доля обрабатывающей промышленности в валовом региональном продукте, %¹¹

Заключение

Пространственная трансформация регионов представляет собой длительный процесс. С одной стороны, требуется совершенствование нормативной правовой базы по внедрению новых инструментов пространственной организации производительных сил, таких как индустриальные парки и промышленные кластеры, с другой — проведение переговоров между публичной властью и бизнесом по освоению данных инструментов на конкретной территории. Активное участие

¹⁰ Составлено автором на основе: Индексы физического объема валового регионального продукта (ОКВЭД 2) // ЕМИСС Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59449> (дата обращения: 13.09.2024); Индексы физического объема валового регионального продукта в основных ценах (ОКВЭД-2007) // ЕМИСС Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31083> (дата обращения: 13.09.2024).

¹¹ Составлено автором на основе: Валовой региональный продукт в основных ценах (ОКВЭД 2) // ЕМИСС Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61497> (дата обращения: 13.09.2024); Валовой региональный продукт в основных ценах (ОКВЭД-2007) // ЕМИСС Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61497> (дата обращения: 13.09.2024).

региональных властей позволило Калужской области расширить производственную базу и привлечь большой объем инвестиций в основной капитал (18–44% в год в период 2008–2022 гг.¹²), в том числе иностранных. Развитие индустриальных парков и промышленных кластеров способствует отраслевой дифференциации региональной экономики.

Напротив, низкий уровень вовлеченности региональных властей негативно сказывается на развитии производственной базы и не способствует пространственной трансформации производительных сил региона. Попытка организации фармацевтического кластера в Ярославской области была совершена в 2009 г., но в течение следующего десятилетия было открыто только несколько площадок по выпуску продукции и не была сформирована цепочка предприятий, отвечающих за полный цикл: разработка — апробация — производство. В итоге это негативно сказалось на инвестиционной привлекательности региона.

Пространственная трансформация региональной экономики способствует укреплению связей между производителями как за счет формирования цепочек поставок, так и за счет реализации совместных проектов по созданию конечного продукта. При этом обеспечивается дифференциация региональной экономики, что способствует снижению рисков влияния кризисов на уровень доходов всех участников (население, бизнес, регион). Например, уход иностранных компаний автомобильной отрасли из Калужской области привел к падению индекса промышленного производства в 2022–2023 гг. до 26–27% по данному направлению, но это падение компенсировалось значительным ростом производства в отрасли «Компьютеры и периферийное оборудование» на 147–215% в тот же период за счет изменения структуры спроса¹³.

Проведенное исследование позволило охарактеризовать особенности процессов пространственной трансформации, проявляющихся в регионах России. Полученные результаты могут быть использованы при изучении влияния пространственных трансформаций на социально-экономические системы мезоуровня, в том числе на человеческий капитал регионов; в поиске и исследовании других способов и инструментов пространственной трансформации; при определении контуров управления пространственной трансформацией региона.

Список литературы:

Вякина И.В., Анисимова Е.С. Перспективы и риски цифровой трансформации регионов в контексте безопасности пространственного развития России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2022. Т. 18. № 8(413). С. 1496–1511. DOI: [10.24891/ni.18.8.1496](https://doi.org/10.24891/ni.18.8.1496)

Дружинин П.С. Классификация территорий для целей реализации пространственной трансформации деятельности локализованных экономических систем // Экономика и предпринимательство. 2018. № 7 (96). С. 486–489.

Королькова Е.М. Цифровая трансформация как стратегическая трансформация бизнеса // Приоритетные векторы развития промышленности и сельского хозяйства: материалы III Международной научно-практической конференции. Том III. Макеевка: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донбасская аграрная академия», 2020. С. 125–130.

Кудайкулов М.К. Теоретическое обоснование «первичной трансформации» как база проведения «возвратной трансформации» // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2013. Т. 13. № 5. С. 140–144.

¹² Доля инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте // Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Macr5-2.xlsx> (дата обращения: 15.09.2024).

¹³ Информационно-аналитические материалы, срочные публикации и комментарии. Промышленное производство // Калугастат [Электронный ресурс]. URL: <https://40.rosstat.gov.ru/folder/159571> (дата обращения: 15.09.2024).

Павлов К.В. Старопромышленные регионы: социально-экономические и экологические особенности функционирования и развития. Ижевск: Ижевский институт компьютерных исследований, 2014.

Сорокина Н.Ю., Латов Ю.В. Эволюция старопромышленных регионов в экономике России // Вопросы регулирования экономики. 2018. Т. 9. № 1. С. 6–22. DOI: [10.17835/2078-5429.2018.9.1.006-022](https://doi.org/10.17835/2078-5429.2018.9.1.006-022)

Суворова А.В. Пространственное развитие: содержание и особенности // Journal of New Economy. 2019. Т. 20. № 3. С. 51–64. DOI: [10.29141/2658-5081-2019-20-3-4](https://doi.org/10.29141/2658-5081-2019-20-3-4)

Caprioli C., Bottero M. Addressing Complex Challenges in Transformations and Planning: A Fuzzy Spatial Multicriteria Analysis for Identifying Suitable Locations for Urban Infrastructures // Land Use Policy. 2021. Vol. 102. DOI: [10.1016/j.landusepol.2020.105147](https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2020.105147)

Jordaan J.A., Garduño-Rivera R. Municipality Manufacturing Agglomerations Unveiled: Exploring Spatial Structural Transformation in Mexico Under Import Substitution and Trade Liberalization // Applied Geography. 2024. Vol. 168. DOI: [10.1016/j.apgeog.2024.103317](https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2024.103317)

Kumera E., Woldetensae B. Socio-Spatial Transformation: The Case of Eastern Industry Zone and Bole Lemi-1 Special Economic Zones, Central Ethiopia // Heliyon. 2023. Vol. 9. Is. 5. DOI: [10.1016/j.heliyon.2023.e15817](https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e15817)

Miljanović D., Vuksanović-Macura Z., Doljak D. Rethinking the Spatial Transformation of Postsocialist Cities: Shrinking, Sprawling or Densifying // Cities. 2023. Vol. 140. DOI: [10.1016/j.cities.2023.104443](https://doi.org/10.1016/j.cities.2023.104443)

Polozhentseva Yu., Klevtsova M., Leontyev E. Effects of the Economic Space Digitalization in the Context of Modern Society Transformation // Economic Annals-XXI. 2019. Vol. 180. Is. 11–12. P. 78–87. DOI: [10.21003/ea.V180-09](https://doi.org/10.21003/ea.V180-09)

Xiao J., Qiao J., Han D., Ma Y., Zhu Q., Wang W. Spatial Distribution and Transformation Mechanism of Specialized Villages in Typical Agricultural Areas: Case Study of Henan province, China // Habitat International. 2024. Vol. 146. DOI: [10.1016/j.habitatint.2024.103034](https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2024.103034)

References:

Caprioli C., Bottero M. (2021) Addressing Complex Challenges in Transformations and Planning: A Fuzzy Spatial Multicriteria Analysis for Identifying Suitable Locations for Urban Infrastructures. *Land Use Policy*. Vol. 102. DOI: [10.1016/j.landusepol.2020.105147](https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2020.105147)

Druzhinin P.S. (2018) Classification of Territories for the Purposes of Spatial Transformation of Localized Economic Systems. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. No. 7(96). P. 486–489.

Jordaan J.A., Garduño-Rivera R. (2024) Municipality Manufacturing Agglomerations Unveiled: Exploring Spatial Structural Transformation in Mexico Under Import Substitution and Trade Liberalization. *Applied Geography*. Vol. 168. DOI: [10.1016/j.apgeog.2024.103317](https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2024.103317)

Korolkova E. (2020) Digital Transformation as a Strategic Business Transformation. *Prioritetnyye vektory razvitiya promyshlennosti i sel'skogo khozyaystva: materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Tom III*. Makeyevka: Gosudarstvennoye obrazovatel'noye uchrezhdeniye vysshego professional'nogo obrazovaniya "Donbasskaya agrarnaya akademiya". P. 125–130.

Kudaykulov M.K. (2013) Teoreticheskoye obosnovaniye "pervichnoy transformatsii" kak baza provedeniya "vozvratnoy transformatsii" [Theoretical justification of "primary transformation" as a basis for carrying out "return transformation"]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo universiteta*. Vol. 13. No. 5. P. 140–144.

Kumera E., Woldetensae B. (2023) Socio-Spatial Transformation: The Case of Eastern Industry Zone and Bole Lemi-1 Special Economic Zones, Central Ethiopia. *Heliyon*. Vol. 9. Is. 5. DOI: [10.1016/j.heliyon.2023.e15817](https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e15817)

Miljanović D., Vuksanović-Macura Z., Doljak D. (2023) Rethinking the Spatial Transformation of Postsocialist Cities: Shrinking, Sprawling or Densifying. *Cities*. Vol. 140. DOI: [10.1016/j.cities.2023.104443](https://doi.org/10.1016/j.cities.2023.104443)

Pavlov K.V. (2014) *Staropromyshlennyye regiony: sotsial'no-ekonomicheskkiye i ekologicheskkiye osobennosti funktsionirovaniya i razvitiya* [Old industrial regions: Socio-economic and ecological peculiarities of functioning and development]. Izhevsk: Izhevskiy institut komp'yuternykh issledovaniy.

Polozhentseva Yu., Klevtsova M., Leontyev E. (2019) Effects of the Economic Space Digitalization in the Context of Modern Society Transformation. *Economic Annals-XXI*. Vol. 180. Is. 11–12. P. 78–87. DOI: [10.21003/ea.V180-09](https://doi.org/10.21003/ea.V180-09)

Sorokina N.Yu., Latov Yu.V. (2018) Evolution of Old Industrial Regions in the Economy of Russia. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki*. Vol. 9. No. 1. P. 6–22. DOI: [10.17835/2078-5429.2018.9.1.006-022](https://doi.org/10.17835/2078-5429.2018.9.1.006-022)

Suvorova A.V. (2019) Spatial Development: Essence and Specifics. *Journal of New Economy*. Vol. 20. No. 3. P. 51–64. DOI: [10.29141/2658-5081-2019-20-3-4](https://doi.org/10.29141/2658-5081-2019-20-3-4)

Vyakina I.V., Anisimova E.S. (2022) Prospects and Risks of Russian Regions' Digital Transformation in the Scope of Security of Spatial Development. *Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost'*. Vol. 18. No. 8(413). P. 1496–1511. DOI: [10.24891/ni.18.8.1496](https://doi.org/10.24891/ni.18.8.1496)

Xiao J., Qiao J., Han D., Ma Y., Zhu Q., Wang W. (2024) Spatial Distribution and Transformation Mechanism of Specialized Villages in Typical Agricultural Areas: Case Study of Henan province, China. *Habitat International*. Vol. 146. DOI: [10.1016/j.habitatint.2024.103034](https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2024.103034)

Стратегия цифровой экономики
Digital economy strategy

УДК 167/168, 004.8

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-194-205

Коллизии методологии и эпистемологии в науке о данных

Петрунин Юрий Юрьевич

Доктор философских наук, профессор, SPIN РИНЦ: [2206-8155](https://orcid.org/2206-8155), ORCID: [0000-0003-4218-2255](https://orcid.org/0000-0003-4218-2255), petrunn@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Возникшая относительно недавно наука о данных (Data Science) заняла достойное место в структуре наук. Применение науки о данных показало выдающиеся возможности решения многих сложных задач в различных сферах деятельности. Основой ее успеха стала новая методология познания, включающая в себя концепции и методы больших данных (Big Data), искусственного интеллекта (Artificial Intelligence), междисциплинарного подхода (информатики, статистики, математики, социальных и гуманитарных наук). Новая научная парадигма Data Science кардинально трансформирует научную методологию и поэтому нуждается в обосновании. Для решения поставленной задачи используются наукометрический метод, методы case-study, сравнительный анализ, методологический и эпистемологический анализ. В статье рассматриваются случаи методологических и эпистемологических коллизий, препятствующих эффективности применения науки о данных, их причины и следствия. Конкретно анализируются примеры совершенствования поисковых систем в интернете, оптимизации управления научными исследованиями, работы автомобильных навигаторов в мегаполисах. В результате проведенного исследования выделяются две группы противоречий между методологией и эпистемологией науки о данных. Первая группа связана с субъективными причинами дилемм, вторая — с объективными. В первой группе преобладают методологические причины возникающих конфликтов, во второй — эпистемологические причины возникающих противоречий. На взгляд автора, объективные парадоксы являются более сложными. Они затрагивают глубокие вопросы философии науки. В любом случае выделенные противоречия ведут к снижению потенциала науки о данных, приводят к ошибочным решениям и ложным прогнозам, и они должны быть устранены.

Ключевые слова

Наука о данных, парадигма науки о данных, методология науки о данных, эпистемология науки о данных, отраслевая наука о данных, ранжирование данных, принятие решений.

Для цитирования

Петрунин Ю.Ю. Коллизии методологии и эпистемологии в науке о данных // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 107. С. 194–205. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-194-205

Collisions of Methodology and Epistemology in Data Science

Yuriy Yu. Petrunin

DSc (Philosophy), Professor, ORCID: [0000-0003-4218-2255](https://orcid.org/0000-0003-4218-2255), petrunin@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

Data Science, which emerged relatively recently, has taken its rightful place in the structure of sciences. The application of data science has shown outstanding possibilities for solving many complex problems in various fields of activity. The basis of its success was a new methodology of cognition, including the concepts and methods of Big Data, Artificial Intelligence, an interdisciplinary approach (computer science, statistics, mathematics, social and humanitarian sciences). The new scientific paradigm of Data Science radically transforms scientific methodology and therefore needs to be substantiated. To solve the problem, the scientometric method, case-study methods, comparative analysis, methodological and epistemological analysis are used. The article considers cases of methodological and epistemological collisions that hinder the effectiveness of data science, their causes and consequences. Specifically, examples of improving search engines on the Internet, optimizing the management of scientific research, and the operation of car navigators in megacities are analyzed. As a result of the conducted research, two groups of contradictions between the methodology and epistemology of data science are distinguished. The first group is associated with subjective causes of dilemmas, the second — with objective ones. In the first group, methodological reasons for the emerging conflicts prevail, while in the second group — epistemological reasons for the emerging contradictions. In the author's opinion, objective paradoxes are more complex. They touch upon deep questions of the philosophy of science. In any case, the identified contradictions lead to a decrease in the potential of data science, lead to erroneous decisions and erroneous forecasts, and they must be eliminated.

Keywords

Data science, data science methodology, data science epistemology, industry data science, data ranking, decision making.

For citation

Petrunin Yu.Yu. (2024) Collisions of Methodology and Epistemology in Data Science. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 107. P. 194–205. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-194-205

Дата поступления/Received: 18.10.2024

Введение

Термин Data Science (наука о данных; наука, основанная на данных/выводимая из данных) был предложен в 1974 году датским ученым в области компьютерных наук лауреатом премии Алана Тьюринга П. Науром [Naur 1974]. (Первоначально Наур называл новую науку datalogy [Naur 1966].) Речь шла о соединении математики, информатики, статистики и новых алгоритмов анализа эмпирических данных с целью получения глубоких знаний. Как точно высказался один из главных редакторов международного журнала Data Science Journal М. Майерник, «наука о данных возникла как набор методов, инструментов и навыков, которые можно применять для извлечения экономической или интеллектуальной ценности из растущих массивов данных» [Mayernik 2023].

Начиная со второго десятилетия XXI столетия интерес к науке о данных стремительно растет как в академическом сообществе, так и в обществе в целом (Рисунок 1 и Рисунок 2). Практика науки о данных в социально-экономической сфере показала отличные результаты в таких направлениях, как ритейл, медицина, финансовая и банковская сфера, строительство, транспорт, коммуникации, медиа и развлечения, образование, производство и природные ресурсы, управление, энергетика и коммунальные услуги, индустрия аутсорсинга¹.

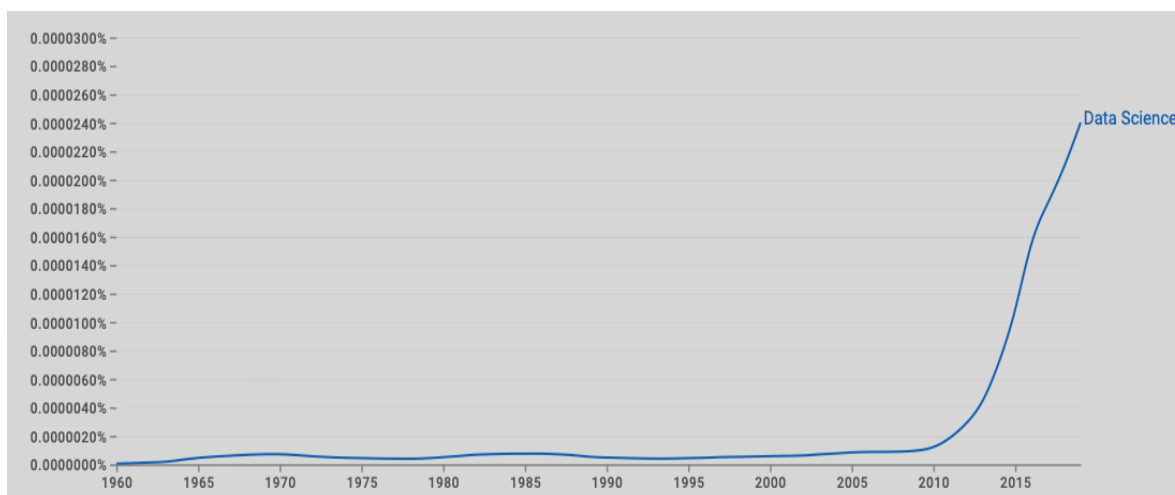

Рисунок 1. Динамика использования словосочетания Data Science в Google Ngram Viewer по годам в процентах от всех слов²

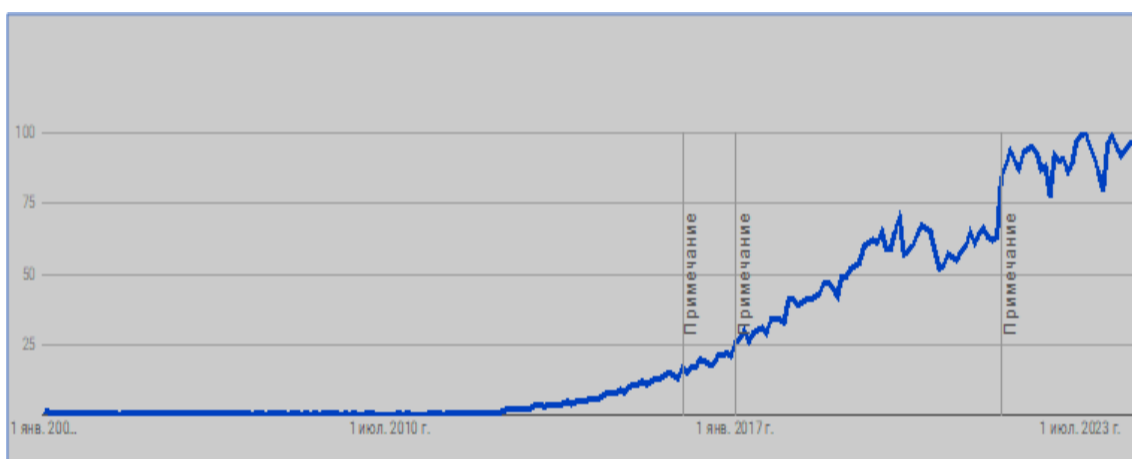

Рисунок 2. Популярность запроса Data Science за последние 20 лет по месяцам³

¹ 11 Industries That Benefits the Most from Data Science // Geeks for Geeks [Электронный ресурс]. URL: <https://www.geeksforgeeks.org/11-industries-that-benefits-the-most-from-data-science/> (дата обращения: 01.09.2024).

² График построен по запросу автора 14.07.2024.

³ Построено Google Trends по запросу автора 14.07.2024.

Прогрессу науки о данных способствовало появление таких новых концепций сбора и обработки данных, как большие данные (Big Data, BD) и интернет вещей (Internet of Things, IoT), а также всеобщая цифровизация и прорывные алгоритмы искусственного интеллекта (Artificial Intelligence, AI): искусственные нейронные сети (Artificial Neural Networks, ANN), машинное обучение (Machine Learning, ML), глубинное обучение (Deep Learning, DL), большие лингвистические модели (Large Language Models, LLM) и др.

Как ответ на современные глобальные вызовы модернизируются учебные программы вузов, появляются новые курсы, например «Введение в Data Science», «Цифровая экономика», «Информационная безопасность и цифровой суверенитет в государственном и муниципальном управлении» и т. д. [Петрунин и др. 2024].

Важнейшей частью науки о данных стала новая методология познания действительности. Это неизбежно следует из междисциплинарного происхождения науки о данных и открытия ранее неизвестных инструментов изучения социальной и природной реальности. Наука о данных представляет собой не только эффективную прикладную науку, но и фундаментальную науку, активно осмысливающую свое место среди других академических дисциплин. За последние годы было опубликовано множество статей, посвященных методологическим [Петрунин 2016; Lebedev 2019], эпистемологическим [Desai et al. 2022; Pietsch 2022; Campagnolo 2021; Symons, Alvarado 2022; Lowrie 2017] и онтологическим [McQuillan 2018] аспектам и проблемам науки о данных. В научных публикациях и дискуссиях были отмечены не только позитивные моменты развития новой науки, но и сделаны критические замечания, особенно специалистами из области социально-гуманитарных наук, в отношении методологического и эпистемологического фундамента данной отрасли знаний, его определенной противоречивости и недостаточной обоснованности [Китчин 2017; Кочедыков 2023]. Таким образом, задача «укрепления» данного основания, его уточнения и выделения перспектив развития остается весьма актуальной.

В данной статье речь пойдет о некоторых возникающих коллизиях при использовании науки о данных в социальной сфере, связанных с нестыковкой методологических и эпистемологических подходов, снижающих полезность и эффективность новой науки.

Парадигма науки о данных

Творцы новой академической дисциплины выводят парадигму науки о данных из эволюции научного познания в целом [The Fourth Paradigm 2009; Zhang 2023]. Первый исторический этап человеческого познания определяется ими как эмпирический, связанный с описанием феноменов/явлений реальности (в том числе и математическое описание, например, в астрономии). Этот этап начался в античности и продлился до эпохи Ренессанса.

Сущность второго этапа выражается в теоретическом подходе и связанном с ним построении объяснительных концепций изучаемых объектов. Если первая парадигма может быть охарактеризована как в целом индуктивная, то сменившая ее в результате научной революции XVII века парадигма основывается на гипотетико-дедуктивной методологии. Этот период длился до появления вычислительной техники в XX веке. Вычислительная наука становится парадигмой третьего этапа. Компьютеры позволяют строить модели сложных явлений действительности (в том числе и социальных, цифровых двойников реальных объектов или процессов), верифицировать параметры модели, интерпретировать результаты моделирования и прогнозировать течение/поведение изучаемых процессов.

С возникновением концепции больших данных начинается четвертый этап эволюции научного познания. Происходят важные методологические и эпистемологические изменения.

Поскольку в очень больших объемах данных стирается различие между выборкой и генеральной совокупностью, то отпадает необходимость в априорных теориях/гипотезах. «Применение методов, свободных от исходных предположений, позволяет данным самим “говорить” о себе, не завися от предубеждений и моделей мышления человека» [Китчин 2017, 122]. «Ученым больше нет необходимости делать обоснованные предположения, формулировать гипотезы и конструировать модели, а затем проверять их на основе экспериментальных данных или примеров» [Prensky 2010].

Новая парадигма позволяет исключить человеческий элемент из анализа данных, а вместе с ним и сопутствующую необъективность. Система не ждет, пока ей зададут вопрос или нацелят ее на анализ конкретных взаимосвязей в данных, а вместо этого самостоятельно выявит закономерности. Более того, «добыча данных (data mining) обнаруживает такие закономерности и взаимосвязи, которые мы и не подумали бы искать»⁴. Используемые методы искусственного интеллекта уже подтверждают такой поворот событий в математике, физике, экономике.

Аналитические методы, используемые в новой парадигме, — искусственные нейронные сети, машинное обучение и др. — в значительной степени отходят от классической рациональности научного познания: прежде всего воспроизводимости (полной или частичной) полученных результатов и прозрачности выводов, что не исключает получение истинных утверждений [Петрунин 2024].

Последнюю, четвертую парадигму принято называть «парадигмой, исследующей данные» (data exploration (eScience)) [The Fourth Paradigm 2009]: от датчиков с адронных коллайдеров или датчиков расходов воды в квартире, от активности социальных сетей или навигаторов в айфоне до обычных, но с каждым годом увеличивающихся объемов статистических данных. Фактически для вышедшей на первый план научной дисциплины весь мир — данные. Американский философ, логик и математик Уиллард Ван Орман Куайн писал, что «существовать — значит быть значением переменной» [Quine 1948]. Неплохо подходит для слогана науки о данных.

Новые задачи науки о данных

Взрывное развитие науки о данных уверенно решает не только поставленные ранее задачи. Некоторые традиционные задачи, которые считались второстепенными для науки, вышли на первый план. Например, в классической науке главная цель — разработка каузальной теории/модели для объяснения закономерностей окружающего мира. Из верифицированной теории можно сделать прогноз динамических процессов этого мира. В науке о данных статус прогнозирования существенно изменяется: во-первых, существуют корреляционные зависимости между переменными, которые не являются каузальными. Во-вторых, открытие некаузальных связей между переменными не означает ненужности полученных результатов. Обнаружение связей между переменными само по себе является фундаментом принятия решений. Например, обнаруженная связь между переменными «доверие/недоверие к начальству» и «вероятность/прогнозирование в ближайшие несколько лет увольнения сотрудника» вполне полезна для управления персоналом, хотя не обоснована никакой теорией [Петрунин, Силуянова 2018]. Повысить зарплату, готовить смену, искать нового сотрудника — выбор из палитры действий руководства организации зависит от анализа данных. Экономические или демографические тренды Росстата также построены на данных временных рядов, которые используют математические модели и, как у астрономов античности вычисление движение планет, основаны на длительных наблюдениях, а не на открытии причинных моделей изучаемых процессов. Эти прогнозы важны не только для предвидения будущего, но и для оценки принимаемых государственных решений/программ. Таким образом, прогнозирование в науке о данных оказывается необязательно связанным с каузальными моделями.

⁴ Big data 'Eureka!' don't just happen // Harvard Business Review [Электронный ресурс]. URL: http://blogs.hbr.org/cs/2012/11/eureka_doesnt_just_happen.html (дата обращения 01.09.2024).

Но кроме известных ранее появились и задачи, которые прежде вообще не считались научными. В первую очередь это относится к ранжированию, или рейтингованию. Ранжирование есть оценивание совокупности объектов/субъектов на основе данных и их упорядочивание на основе этих оценок. Ранжирование лучших книг или фильмов за последние сто лет, игроков в бейсболе или футболе, стран с самым высоким индексом счастья или индексом депрессии кажется лишь популярным приложением к серьезной науке. Однако, например, для выбора того, какому студенту повысить стипендию или как организовать оптимизацию поиска в интернете, нужно оценить (ранжировать) учащихся на основе их академических оценок, количества выступлений на научных конференциях, спортивных достижений, а сайты — по релевантности к запросу.

Задача ранжирования/рейтингования является основой для другой новой задачи, особенно в социально-гуманитарных науках, — задачи принятия решений. Рассматривая возникшие отраслевые разделы науки о данных, такие как доказательная медицина, доказательная политика, экономика данных, можно увидеть, что ранжирование стало фундаментом принятия управленческих решений в здравоохранении, в менеджменте, финансовой стратегии, в государственной политике. Рейтингование/ранжирование становится важнейшим механизмом оптимизации таких решений.

Сложность задачи ранжирования связана с неоднозначностью методик оценивания, их многомерностью и динамичностью из-за постоянно меняющихся данных⁵. В связи с этим актуальными проблемами становятся вопросы методологии и эпистемологии науки о данных. Попробуем уточнить эти важные понятия, их различие и взаимосвязь.

Методология разрабатывает и применяет инструменты/методы исследования для познания мира или его отдельных фрагментов/процессов. Система таких методов образует методологические концепции. Самыми универсальными в истории науки стали гипотетико-дедуктивная и индуктивная методологии. Наука о данных считается неоиндуктивизмом, поскольку базируется на эмпирических данных.

Эпистемология занимается вопросами истинности добытого знания. Она существенно связана с методологическими аспектами любой науки. Например, статистические органы меняют методы расчета определенных показателей, чтобы более точно отразить объект познания. Это методология. Однако, что именно отражают эти статистические показатели, насколько истинно получаемое используемой методологией знание, является вопросом эпистемологии. Например, насколько разные статистики (бедности, уровня образованности, экономического неравенства) отражают реальную бедность, образованность, экономическое неравенство населения той или иной страны. На таких агрегированных данных строятся графики динамики показателей, которые позволяют определить правильность принимаемых решений.

Чем, например, измерять уровень бедности страны? Средним уровнем дохода граждан страны? Однако во многих странах со средним высоким доходом граждан соседствует высокий уровень бедности. Почему это происходит? Известно, что средняя арифметическая адекватно отражает выборку только при условии нормального (гауссовского) распределения значений переменной. Получается, что при значительном разбросе доходов граждан средняя арифметическая не может быть объективным показателем типичного дохода. Гораздо лучше для этого подходит медиана или иногда мода. Поэтому базы статистических данных перешли от средней арифметической доходов к медиане и/или моде доходов, которые более точно и объективно характеризуют доходы населения и, соответственно, долю бедных в государстве. Данную задачу можно решить и другими способами, изменив методологию расчета показателей.

⁵ Например, самый яркий пример перманентного пересмотра показателя ВВП изложен в [Астафьева, Турунцева 2021].

Методология и эпистемология данных

Рассмотрим несколько примеров методологически-эпистемологических коллизий, возникающих в задаче ранжирования, и, как следствие, необоснованности и неэффективности принятия решений в разных отраслях науки о данных:

- 1) поисковых системах;
- 2) управлении наукой;
- 3) использовании систем навигации.

Поисковые системы в интернете. Обратим внимание на Рисунок 1 и Рисунок 2 в начале статьи. Если первый график более-менее точно отражает объективные процессы в языке, то на втором графике четко видны три перпендикулярных отрезка с названием «Примечание» и указанными датами по оси X. Они означают изменения методики расчета запросов Google Trends по термину Data Science. Остановимся на последнем перерасчете. В 2023 году произошли очередные обновления в поисковиках и сервисах «Яндекса» и Google. Полная картина апдейта поисковых алгоритмов неизвестна широкой публике. Компании делают объявления лишь о существенных изменившихся принципах и уточненных приоритетах. Это делается потому, что, зная методологию расчета ранжирования, можно использовать ее для достижения более высокого рейтинга сайта, что фактически приводит к искажению объективности данных, манипуляции ими. Это очень важный момент/аспект задачи ранжирования/рейтингования: знание методологии ранжирования может ухудшать ее эпистемологическую значимость, то есть полезность для принятия решений.

Разумеется, дополнительная информация все-таки раскрывается пользователями и становится известной миру. Простой пример — алгоритм ранжирования компании «Яндекс»⁶. С некоторыми инновациями большинство может согласиться как с разумными и важными: например, повышение рейтинга сайта, если после его посещения пользователь не переходит на другие адреса, — это означает, что он нашел ответ на интересующий его вопрос. Или другие примеры: повторное посещение сайта поднимает позиции последнего; добавление адреса сайта в закладки поднимает позиции сайта, уменьшает позиции в рейтинге малополезного контента (в котором присутствуют заимствованные материалы и компиляции) и т. д. Обратим внимание: использование чужого контекста не только приводит учащихся к неудовлетворительным оценкам, граждан к штрафам за плагиат, но и всех пользователей интернета к напрасной потере времени, а менеджеров к ошибочному принятию решений, основанных на «мусорных» данных.

Но есть в стратегии поисковых алгоритмов «Яндекса» и сомнительные инновации. Например, ссылки на «Википедию» повышают рейтинг. «Википедия», конечно, имеет свои достоинства: оперативные обновления, полнота описания, широкий кругозор, качественные иллюстрации и др. Но, с другой стороны, идеологическая ангажированность, грубые ошибки во многих актуальных темах, анонимность авторов, ведущая к безответственности, известны многим профессионалам, критикующим раскрытие конкретных тем за их ненаучность и неквалифицированность.

Что касается Google, то там тоже много похожего. Приведем более животрепещущие примеры, на которых Google сфокусировался. Речь идет о генеративном искусственном интеллекте (ГИИ). Как относится к сгенерированным текстам? Позиция компании исходит из того, что «системы ранжирования Google необходимы для того, чтобы преимущество в результатах поиска получал уникальный контент высокого качества, который соответствует стандартам E-E-A-T (опыт, компетентность, авторитетность и достоверность) ... Качество контента для нас гораздо

⁶ Утечка кода Яндекса: стали известны факторы ранжирования // Promo Pult [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.promopult.ru/seo/utechka-koda-yandeksa-stali-izvestny-factory-ranzhironaniya.html> (дата обращения 01.09.2024).

важнее того, каким способом он создан»⁷. Из позиции компании следует, что ГИИ может открыто использоваться, если соответствует стандартам, указанным выше. Если сгенерированный текст не соответствует декларируемым требованиям, то это нужно рассматривать как спам.

Обратим внимание также на то, что AI-компании планируют выдавать результаты поиска на запрос пользователя не в виде списка адресов интернета, а в готовом текстовом или графическом виде. В настоящее время так работает ГИИ. При этом очевидно, что готовый «ответ» не имеет ссылок на первичные источники вообще либо указывает расплывчатые ссылки: например, на фамилию автора, название книги или статьи, научной школы и т. п. Мы уже убедились в том, что ChatGPT «не дружит» со ссылками. Но ссылки на источники, особенно в социально-гуманитарных науках, — фундамент любого исследования. Элиминация ссылок или хотя бы умаление их значимости приводят к невозпроизводимости и нефальсифицируемости результатов, что является отказом от классической эпистемической рациональности. Правда, OpenAI обещает уделить должное внимание ссылкам на источники информации в [SearchGPT Prototype](#). Посмотрим, сбудутся ли эти обещания.

Непрозрачность ранжирования материалов интернета ИИ-поисковиком также вызывает сомнения у ведущих экспертов. «Ладно, если сервис будет что-то не то рекомендовать, но главное — не сможет находить нужные страницы или статьи... В таком случае некорректные материалы поднимаются вверх»⁸.

Управление наукой. Государственное (и не только государственное) управление научными исследованиями нуждается в правильной оценке отдельных ученых и научных организаций (коллективов), чтобы различными способами (через гранты, премии, наградную политику и т. п.) мотивировать наиболее важные и перспективные направления науки. В частности, для объективного оценивания уровня исследователя, коллектива, журнала используются системы (платформы) научного цитирования, которые агрегируют различные статистики публикационной активности, формируют на основе этой статистики рейтинги журналов, академических институтов, отдельных ученых. К таким базам относятся WoS, Scopus, РИНЦ и др. Остановимся подробнее на отечественной платформе РИНЦ и рейтинговании научных журналов.

В течение последних 15 лет методики для рейтинга менялись: появлялись новые наукометрические показатели/статистики (как количественные, так и качественные: импакт-фактор, индекс общественного признания и др.) и методологии расчета интегрального показателя Science Index. На основе этого формировалась группа ведущих высокорейтинговых журналов (так называемое ядро РИНЦ⁹). В марте 2023 года была проведена кардинальная реформа показателя Science Index, существенно увеличившая влияние журналов из ядра РИНЦ. Конечно, совершенствование статистик и методологии расчета интегрального индекса необходимы для более объективной картины научного ландшафта и исключения влияния вненаучных факторов на рейтингование. Однако введение инноваций в 2023 году привело к тому, что некоторые журналы опустились или поднялись в рейтинге на несколько порядков. Конкретный пример: в августе 2022 года Российский индекс научного цитирования РИНЦ обновил информацию за предыдущий год, и журнал «Государственное управление. Электронный вестник» занял 24-е место в общем рейтинге SCIENCE INDEX и 2-е место в рейтинге SCIENCE INDEX по тематике «Организация и управление». В марте 2023 года (без нового обновления статистик РИНЦ) он оказался на 1310-м месте.

⁷ Правила Google Поиска в отношении контента, созданного искусственным интеллектом // Центр Google [Электронный ресурс]. URL: <https://developers.google.com/search/blog/2023/02/google-search-and-ai-content?hl=ru> (дата обращения 01.09.2024).

⁸ OpenAI займется поиском. Каковы ожидания от SearchGPT // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6862192?ysclid=m0ait8rkrp1699417636> (дата обращения 01.09.2024).

⁹ Формировались и другие группы ведущих журналов.

Похожая ситуация произошла с журналом «Вопросы философии». Журнал считался очень авторитетным и в международном рейтинге входил в категорию Q2. Последние 10–15 лет этот журнал занимал высокие позиции и в отечественном рейтинге РИНЦ: от первого места до десятого. С приснопамятного марта 2023 года он сместился на 124 место (на август 2024 г.), то есть на порядок ниже. Объяснения для этого могут быть только два: либо старые методы оказались *чрезвычайно* неадекватными (то есть были сформированы непрофессионалами), либо новые методы были пролоббированы вошедшими в ядро РИНЦ журналами¹⁰. Иначе объяснить мегаизменения рейтингов многих журналов невозможно.

Но инновация не только привела к новым методам расчета рейтинга журналов, но и пересчитала все предшествующие показатели журналов за прошедшие 10 лет, то есть переписала всю архивную историю прошлого. Можно ли переписывать историю? Можно, если новое описание ближе к истине. Например, современные методы анализа данных могут быть более точными в оценке потери населения США во время Великой депрессии с 1929 по 1933 гг. Но репутация научного журнала или отдельной статьи является изначально субъективной, контекстуально и культурно-исторически зависимой, а ее радикальный пересмотр является искажением прошлого («переписывание истории»).

В эпистемологии эта проблема обозначается как дилемма антикваризма и презентизма. Презентизм представляет собой методологию, описывающую прошлые события современным терминами и представлениями/знаниями. Антикваризм ориентирован на понимание прошлого в терминах и представлениях/знаниях изучаемого периода времени. Классическая иллюстрация этой дилеммы — вопрос «Открыл ли Колумб Америку?». С современной точки зрения правильный ответ — да. С точки зрения XV века правильный ответ — нет, потому что командор и его команда не знали никакой Америки, не стремились открывать Новый Свет. Их задача была достигнуть Индии, опираясь на представления о шарообразности Земли. Именно это было главной целью путешествия Колумба¹¹.

Возвращаясь к рейтингованию научных журналов, повторим, что научная репутация в конкретный промежуток времени определяется (относительно) независимыми общественными институтами, в данном случае РИНЦ. Пересмотр прошлого новыми инструментами и методологиями не соответствует реальной истории, а скорее является подгонкой временных рядов, скрывающих странные пертурбации динамики авторитета научных публикаций.

В области управления наукой и образованием есть и другие подобные примеры. Так, при прохождении преподавателем конкурса или вхождении в члены диссертационного совета ВАК также в 2023 г. были введены повышенные требования по количеству публикаций — за 5 лет 8 статей, но вводились они таким образом, что это условие начинало действовать с момента публикации новых требований. То есть введенные правила распространились на прошлое.

Распространение новой методологии расчета статистических показателей на прошлое — типичный пример *когерентной теории истины*, идеалом которой является согласованность/непротиворечивость всех утверждений о некотором фрагменте реальности.

Рассмотренный пример можно обозначить как *проблему эпистемического антикваризма-презентизма в науке о данных*.

¹⁰ Эффект Матфея — «богатые становятся еще богаче, бедные — еще беднее».

¹¹ Впрочем, есть и другие версии цели Колумба. «Его идеи о форме Земли, — писал академик В.И. Вернадский, — были очень странными. Не отличаясь, подобно другим великим мореплавателям того времени, достаточным астрономическим и математическим образованием и не будучи в состоянии ориентироваться в громоздком и неудобном аппарате того времени, Колумб думал сделать из своих наблюдений вывод о том, что Земля не имеет форму шара, а форму груши, и на узком ее конце находится возвышение, которое Колумб считал местом входа в рай. Он развивал, следовательно, теорию, которую проповедовали многие церковные писатели того времени... — о литосфере, плавающей в гидросфере, с несовпадающими центрами, т. е. придерживался того воззрения, которое всецело разрушалось его великим открытием» [Вернадский 1981, 160].

Перенос новых методов обработки первичных данных на предшествующую статистику могут приводить к серьезным искажениям динамики социальных процессов и неверной оценке прошлого. Одним словом, данные действия относятся к эпистемологии.

Особенно это касается рефлексивных систем, или систем с рефлексией. Системы с рефлексией относятся к саморегулируемым (самоорганизованным). В естественных науках данные достаточно четко отделены от методологии их познания. Астроном, наблюдающий за движением звезд, геолог, собирающий горный материал, биолог, коллекционирующий экземпляры растений или живых существ, не аффилированы с предметом исследования. Любое рейтингование в социальных системах неизбежно связано с часто даже не осознаваемой предвзятостью анализа отобранного эмпирического материала (данных) или в худшем случае манипулированием данными в своих интересах.

Системы автомобильной навигации в мегаполисе. Другая методологически-эпистемологическая коллизия в науке о данных проявляется при управлении мегаполисом на основе концепции «умный город» и связана с оперативной обработкой данных и ее целью. Яркой иллюстрацией этой дилеммы является работа автомобильного навигатора. Водитель едет на машине, навигатор указывает ему оптимальный маршрут по времени на основе собранной информации¹². Программа показывает водителю несколько вариантов решений, указывая вероятное время достижения цели движения в минутах (типичная задача ранжирования и прогнозирования). Причем современные системы навигации постоянно отслеживают ситуацию на улицах города и могут в любой момент предложить водителю выбранный ранее маршрут заменить на лучший. Однако часто бывают случаи, когда водитель согласен с выбором нового маршрута и готов сменить направление движения, но в последний момент перед изменением маршрута вдруг на мониторе появляется надпись «то же время» (как и по ранее выбранной траектории движения). Причем только что навигатор уверял, что изменение маршрута укоротит его на 10–15 минут. Как это возможно?

Очевидно, можно выделить несколько причин парадокса.

Первое предположение (гипотеза) состоит в том, что вычисление стохастических транспортных потоков миллиона машин (плюс светофоры, ДТП и др. обстоятельства) представляет собой очень сложную и не очень предсказуемую задачу. Однако мгновенные изменения в предлагаемых оптимальных путях (различающихся более чем на 15–20% времени в дороге) — весьма маловероятные события.

Второе предположение (гипотеза) состоит в том, что подсказки навигатора служат не обнаружению лучшего маршрута для конкретного водителя, а служат оптимизации транспортных потоков в целом. Но что хорошо для всех, не обязательно хорошо для конкретного водителя. Он честно оплачивает работу навигатора с целью получить оптимальный маршрут для себя, а не для города, а городское управление транспортными потоками осуществляется за его счет. Данная гипотеза подтверждается личным опытом автора статьи. Когда мы едем на двух машинах с супругой на дачу, то часто бывают случаи, когда навигатор одной и той же компании «Яндекс» показывает нам разные маршруты. При этом расстояние между нашими машинами колеблется от 50 до 100 метров. Обращаю внимание, что высчитанная компьютером разница указывает уменьшение времени достижения цели на 15–20 минут.

Другой, неальтернативной гипотезой может быть следующее объяснение. Почему в последний момент перед изменением маршрута транспортного средства выводится сообщение «то же время»? Простой ответ, основанный на водительском опыте, говорит о том, что когда большинство участников автомобильного движения ориентируется на навигаторы, то они свернут туда, где маршрут короче. Но тогда будет разгружаться первоначальный маршрут, и часто по нему можно

¹² В мире и России существуют несколько баз оперативных данных о загруженности дорог.

добрать до цели быстрее. Парадокс оптимизации транспортных потоков индивидуальных субъектов/ агентов (даже если их решения основываются на оперативных данных о загрузке дорог) состоит в том, что их знание о наименее загруженных дорогах влияет на изменение этой загруженности. Получается, что знание о еще не наступившем будущем влияет на это будущее. Можно назвать такую *проблему в науке о данных эпистемологически-футурологической*.

Заключение

Теория и практика науки о данных имеет не только проблемы в обосновании, но и некоторые трудно разрешимые противоречия, особенно в социально-гуманитарных дисциплинах. Сформировавшиеся ключевые задачи науки о данных — ранжирование, обоснование принятия решений, прогнозирование — выявили конфликты между методологией и эпистемологией данной науки. При этом можно выделить две группы коллизий. Первая связана с субъективными причинами, вторая — с объективными. В качестве типичных примеров первого типа можно привести изменения ключевых показателей для принятия решений, детерминированных самими решениями соответствующих органов управления. Под эти решения модернизируются и задачи рейтингования/ ранжирования, и «ожидаемое» прогнозирование.

Во вторую группу можно отнести случаи, связанные с объективными дилеммами, такими как, например, влияние знания о будущем на реальные будущие события, что приводит к логическому парадоксу. Или случай выбора презентистского подхода к архивным данным, приводящего к сослагательному варианту истории (переписыванию истории) либо к антикваристскому подходу, ведущему к социальному мультиверсу (несоизмеримости прошлого и настоящего). Ясно, что оба результата противоречат рациональному научному методу и подрывают потенциальные возможности Data Science.

Как говорится в известном высказывании, есть три вида лжи: просто ложь, чудовищная ложь и статистика. Мы должны сделать все, чтобы наука о данных не превзошла свою «прабабушку» в отрицательном рейтинге.

Список литературы:

- Астафьева Е.В., Турунцева М.Ю. Пересмотры ВВП: данные и оценка статистических свойств // Экономический журнал ВШЭ. 2021. Т. 25. № 1. С. 65–101. DOI: [10.17323/1813-8691-2021-25-1-65-101](https://doi.org/10.17323/1813-8691-2021-25-1-65-101)
- Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М.: «Наука», 1981.
- Китчин Р. Большие данные, новые эпистемологии и смена парадигм // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2017. № 44. С. 111–152.
- Кочедыков И.Е. Об опыте применения больших данных в политической науке // Политическая наука. 2023. № 4. С. 226–251. DOI: [10.31249/poln/2023.04.09](https://doi.org/10.31249/poln/2023.04.09)
- Петрунин Ю.Ю. Искусственный интеллект и методологические вопросы управления знаниями // Философские науки. 2016. № 8. С. 67–74.
- Петрунин Ю.Ю. Искусственные нейронные сети в экономике: математический инструмент, модель или методология? // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2024. № 4. С. 92–113. DOI: [10.55959/MSU0130-0105-6-59-4-5](https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-4-5)
- Петрунин Ю.Ю., Агаян Г.М., Бухарин В.В., Григорян А.А., Шевцова И.В., Шикина Г.Е. Интеграция математических методов и цифровых технологий как основа создания комплекса фундаментальных курсов в подготовке современных управленческих кадров // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2024. Т. 21. № 1. С. 139–167. DOI: [10.55959/MSU2073-2643-21-2024-1-139-167](https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2024-1-139-167)

Петрунин Ю.Ю., Силюянова Ю.А. Статистические и нейросетевые методы в исследовании управленческих проблем в организации // Нейрокомпьютеры: разработка, применение. 2018. № 10. С. 39–47.

Campagnolo G.M. Participative Epistemology in Social Data Science: Combining Ethnography with Computational and Statistical Approaches // *International Journal of Social Research Methodology*. 2021. Vol. 25. Is. 3. P. 391–403. DOI: [10.1080/13645579.2021.1892379](https://doi.org/10.1080/13645579.2021.1892379)

Desai J., Watson D., Wang V., Taddeo M., Floridi L. The Epistemological Foundations of Data Science: A Critical Review // *Synthese*. 2022. Vol. 200. DOI: [10.1007/s11229-022-03933-2](https://doi.org/10.1007/s11229-022-03933-2)

Lebedev S. Methodology of Neo-inductivism: Critical Analysis // *Proceedings of the 4th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2019)*. 2019. DOI: [10.2991/iccessh-19.2019.2](https://doi.org/10.2991/iccessh-19.2019.2)

Lowrie I. Algorithmic Rationality: Epistemology and Efficiency in the Data Sciences // *Big Data & Society*. 2017. Vol. 4. Is. 1. DOI: [10.1177/2053951717700925](https://doi.org/10.1177/2053951717700925)

Mayernik M.S. Data Science as an Interdiscipline: Historical Parallels from Information Science // *Data Science Journal*. 2023. Vol. 22. DOI: [10.5334/dsj-2023-016](https://doi.org/10.5334/dsj-2023-016)

McQuillan D. Data Science as Machinic Neoplatonism // *Philosophy and Technology*. 2018. Vol. 31. P. 253–272. DOI: [10.1007/s13347-017-0273-3](https://doi.org/10.1007/s13347-017-0273-3)

Naur P. *Concise Survey of Computer Methods*. Lund: Studentlitteratur, 1974.

Naur P. The Science of Datalogy // *Communications of the ACM*. 1966. Vol. 9. Is. 7. P. 485. DOI: [10.1145/365719.366510](https://doi.org/10.1145/365719.366510)

Pietsch W. *On the Epistemology of Data Science. Conceptual Tools for a New Inductivism*. Cham: Springer, 2022. DOI: [10.1007/978-3-030-86442-2](https://doi.org/10.1007/978-3-030-86442-2)

Premsky M.H. Sapiens Digital: From Digital Immigrants and Digital Natives to Digital Wisdom // *Italian Journal of Educational Technology*. 2010. Vol. 18. Is. 2. DOI: [10.17471/2499-4324/277](https://doi.org/10.17471/2499-4324/277)

Quine W. *On What There Is* // *Review of Metaphysics*. 1948. Vol. 2. Is 5. P. 21–38.

Symons J., Alvarado R. Epistemic Injustice and Data Science Technologies // *Syntheses*. 2022. Vol. 200. DOI: [10.1007/s11229-022-03631-z](https://doi.org/10.1007/s11229-022-03631-z)

The Fourth Paradigm: Data-Intensive Scientific Discovery / Ed. by T. Hey, S. Tansley, K. Tolle. Redmond: Microsoft Research, 2009.

Zhang L. Looking Back to the Future: A Glimpse at Twenty Years of Data Science // *Data Science Journal*. 2023. Vol. 22. Is. 7. DOI: [10.5334/dsj-2023-007](https://doi.org/10.5334/dsj-2023-007)

References:

Astafieva E.V., Turuntseva M.Yu. (2021) Revisions of GDP: Data and Assessment of Statistical Properties. *Ekonomicheskij zhurnal VShE*. Vol. 25. No. 1. P. 65–101. DOI: [10.17323/1813-8691-2021-25-1-65-101](https://doi.org/10.17323/1813-8691-2021-25-1-65-101)

Campagnolo G.M. (2021) Participative Epistemology in Social Data Science: Combining Ethnography with Computational and Statistical Approaches. *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 25. Is. 3. P. 391–403. DOI: [10.1080/13645579.2021.1892379](https://doi.org/10.1080/13645579.2021.1892379)

Desai J., Watson D., Wang V., Taddeo M., Floridi L. (2022) The Epistemological Foundations of Data Science: A Critical Review. *Synthese*. Vol. 200. DOI: [10.1007/s11229-022-03933-2](https://doi.org/10.1007/s11229-022-03933-2)

Hey T., Tansley S., Tolle K. (eds.) (2009) *The Fourth Paradigm: Data-Intensive Scientific Discovery*. Redmond Microsoft Research.

Kitchin R. (2014) Big Data, New Epistemologies and Paradigm Shifts. *Big Data & Society*. No. 44. P. 111–152.

- Kochedykov I.E. (2023) On Big Data Application for Political Science Research. *Politicheskaya nauka*. No. 4. P. 226–251. DOI: [10.31249/poln/2023.04.09](https://doi.org/10.31249/poln/2023.04.09)
- Lebedev S. (2019) Methodology of Neo-inductivism: Critical Analysis. *Proceedings of the 4th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2019)*. DOI: [10.2991/iccessh-19.2019.2](https://doi.org/10.2991/iccessh-19.2019.2)
- Lowrie I. (2017) Algorithmic Rationality: Epistemology and Efficiency in the Data Sciences. *Big Data & Society*. Vol. 4. Is. 1. DOI: [10.1177/2053951717700925](https://doi.org/10.1177/2053951717700925)
- Mayernik M.S. (2023) Data Science as an Interdiscipline: Historical Parallels from Information Science. *Data Science Journal*. Vol. 22. DOI: [10.5334/dsj-2023-016](https://doi.org/10.5334/dsj-2023-016)
- McQuillan D. (2018) Data Science as Machinic Neoplatonism. *Philosophy and Technology*. Vol. 31. P. 253–272. DOI: [10.1007/s13347-017-0273-3](https://doi.org/10.1007/s13347-017-0273-3)
- Naur P. (1974) *Concise Survey of Computer Methods*. Lund: Studentlitteratur.
- Naur P. (1966) The Science of Datalogy. *Communications of the ACM*. Vol. 9. Is. 7. P. 485. DOI: [10.1145/365719.366510](https://doi.org/10.1145/365719.366510).
- Petrinin Yu.Yu. (2016) Artificial Intelligence and Knowledge Management Methodological Questions. *Filosofskiye nauki*, No. 8. P. 67–74.
- Petrinin Yu.Yu. (2024) Artificial Neural Networks in Economics: Mathematical Tool, Model or Methodology? *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*. No. 4. C. 92–113. DOI: [10.55959/MSU0130-0105-6-59-4-5](https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-4-5)
- Petrinin Yu.Yu., Agayan G.M., Bukharin V.V., Grigoryan A.A., Shevtsova I.V., Shikina G.E. (2024) Integration of Mathematical Methods and Digital Technologies as the Basis for the Creation of a Set of Fundamental Courses in the Training of Modern Management Personnel. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo)*. Vol. 21. No. 1. P. 139–167. DOI: [10.55959/MSU2073-2643-21-2024-1-139-167](https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2024-1-139-167)
- Petrinin Yu.Yu., Siluyanova Y.A. (2018) Statistical and Neural Network Methods for Analyzing Indicators of Healthy Administration. *Neyrokomp'yutery: razrabotka, primeneniye*. No. 10. P. 39–47.
- Pietsch W. (2022) On the Epistemology of Data Science. Conceptual Tools for a New Inductivism. Cham: Springer. DOI: [10.1007/978-3-030-86442-2](https://doi.org/10.1007/978-3-030-86442-2)
- Premsky M.H. (2010) Sapiens Digital: From Digital Immigrants and Digital Natives to Digital Wisdom. *Italian Journal of Educational Technology*. Vol. 18. Is. 2. DOI: [10.17471/2499-4324/277](https://doi.org/10.17471/2499-4324/277)
- Quine W. (1948) On What There Is. *Review of Metaphysics*. Vol. 2. Is 5. P. 21–38.
- Symons J., Alvarado R. (2022) Epistemic Injustice and Data Science Technologies. *Syntheses*. Vol. 200. DOI: [10.1007/s11229-022-03631-z](https://doi.org/10.1007/s11229-022-03631-z)
- Vernadskiy V. I. (1981) *Izbrannyye trudy po istorii nauki* [Selected works on the history of science]. Moscow: "Nauka".
- Zhang L. (2023) Looking Back to the Future: A Glimpse at Twenty Years of Data Science. *Data Science Journal*. Vol. 22. Is. 7. DOI: [10.5334/dsj-2023-007](https://doi.org/10.5334/dsj-2023-007)

Социология управления
Sociology of management

УДК 35.082

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-206-222

Квалификационный и компетентностный подходы на государственной гражданской службе: квалификация как базис, компетенция как цель

Зайцева Татьяна Вячеславовна

Доктор экономических наук, профессор, SPIN код РИНЦ: [6358-5492](https://orcid.org/0000-0001-8213-4907), ORCID: [0000-0001-8213-4907](https://orcid.org/0000-0001-8213-4907), zaytv@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

На сегодняшний день в мире существуют два основных подхода к профессиональной подготовке, отбору кандидатов на замещение должностей гражданской службы, а также последующему развитию государственных гражданских служащих. Первый, исторически более ранний и ставший также более традиционным, — подход к формированию будущего специалиста с ориентацией на квалификационные требования планируемой должности. В этом случае за основу берутся факты, касающиеся профессиональной подготовки и обучения гражданских служащих, которые могут быть проверены через тестирование/экзамен или подтверждены документально иным способом. Второй подход получил название компетентностного, так как в его основу легла совершенно новая категория, описывающая высокую профессиональную состоятельность сотрудника, — компетентность. Компетенции, составляющие компетентность, в отличие от квалификационных требований, труднее поддаются формализации и проверке. Важно понимать особенности каждого из этих подходов для их дальнейшего осознанного применения в системе подготовки государственных служащих. В статье рассматриваются отличительные черты, преимущества и ограничения как квалификационного, так и компетентностного подходов в контексте формирования кадрового потенциала, привлечения, профессиональной подготовки и развития государственных служащих. Проводится анализ текущего состояния практики развития государственных служащих в государственных организациях, выделяются наиболее распространенные ошибки в применении каждого подхода, а также рассматривается их потенциал для повышения эффективности и качества предоставления государственных услуг. В результате сравнения и сопоставления этих парадигм формулируются рекомендации по их совместному применению в государственных организациях. Статья позволяет всесторонне рассмотреть и оценить влияние квалификационного и компетентностного подходов на формирование высокоэффективной и адаптивной государственной службы, что в конечном итоге приведет к улучшению функционирования государственных учреждений и предоставлению результативных государственных услуг.

Ключевые слова

Управление кадрами государственной службы, квалификационные требования, компетентностный подход, компетенции, развитие государственных гражданских служащих.

Для цитирования

Зайцева Т.В. Квалификационный и компетентностный подходы на государственной гражданской службе: квалификация как базис, компетенция как цель // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 107. С. 206–222. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-206-222

Qualification-Based versus Competency-Based Approaches in the Public Service:
Qualification as a Foundation, Competency as a Goal

Tatiana V. Zaytseva

DSc (Economics), Professor, ORCID: [0000-0001-8213-4907](https://orcid.org/0000-0001-8213-4907), zaytv@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

Contemporary public service development relies on two prominent approaches for professional training, candidate selection, and subsequent career development. The first approach, historically prevalent and now considered traditional, emphasizes qualifications. This model centers on the professional preparation and training of civil servants, often assessed through standardized testing, examinations, or documentary verification. The second, more recent approach, known as the competency-based approach, introduces a distinct category to describe a high level of professional proficiency — competence. Unlike qualification requirements, competencies are less readily formalized and assessed. It is crucial to understand the unique characteristics of each approach to ensure their effective and purposeful implementation in public service training programs. This article delves into the distinctive features, advantages, and limitations of both the qualification-based and competency-based approaches within the context of public service personnel development, recruitment, training, and career progression. It analyzes current practices within public organizations, highlighting common errors in the application of each approach, while also examining their potential to enhance the efficiency and quality of public service delivery. A comparative analysis of these paradigms provides recommendations for their integrated application within public organizations. This article aims to foster a comprehensive understanding of the impact of qualification-based and competency-based approaches on the development of a highly effective and adaptive public service. Ultimately, this will contribute to improved functioning of public institutions and the provision of impactful public services.

Keywords

Public service personnel management, qualification requirements, competency-based approach, competencies, development of public civil servants.

For citation

Zaytseva T.V. (2024) Qualification-Based versus Competency-Based Approaches in the Public Service: Qualification as a Foundation, Competency as a Goal. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 107. P. 206–222. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-206-222

Дата поступления/Received: 20.09.2024

Введение

Эффективность функционирования государственных организаций напрямую зависит от качества их кадрового состава. Обеспечение бесперебойной работы государственных учреждений и предоставление качественных государственных услуг требуют значительных инвестиций в привлечение, профессиональную подготовку и расширение кадрового потенциала государственных служащих. Динамичное развитие государственной службы стимулирует постоянный поиск новых методов улучшения качества деятельности государственных служащих и создаваемых ими общественно полезных результатов [Васильева 2019; Шаранов и др. 2021]. В современных условиях необходима адаптация систем привлечения, подготовки и развития государственных служащих к изменяющимся реалиям и вызовам, что требует комплексного анализа существующих подходов и поиска оптимальных решений.

К настоящему моменту в системе управления кадрами государственной службы господствуют два подхода: квалификационный и компетентностный, которые применяются независимо друг от друга и «завязаны» на разные административные и управленческие процедуры. Квалификационный подход, уходящий корнями в традиционные модели образования, ориентируется на формализованные знания и квалификации. Он в первую очередь делает акцент на получении конкретных знаний и технических навыков, необходимых для соответствия конкретной должности [Гришина, Карманова 2023]. Компетентностный подход, в свою очередь, учитывает более широкий спектр умений и способностей, необходимых для успешного выполнения задач в рамках должности, независимо от формальных квалификаций (например, дипломов или сертификатов об образовании). Он направлен на формирование у сотрудников не только знаний и навыков, но и установок, мотивации, мировоззрения, необходимых для адаптации к изменяющимся организационным требованиям и сложным рабочим средам. Современные исследования расширяют рамки привычных представлений о квалификации, включая такие аспекты, которые могут быть описаны только в формате компетенций: эмоциональный интеллект, навыки межличностного общения, критическое мышление и др. Эти новые подходы способствуют созданию более адаптивной и эффективной системы обучения и развития кадров в государственной сфере [Зайцева и др. 2014]. При этом в научном сообществе и в практике часто происходит смешение понятий «квалификация» и «компетенция», что приводит к некорректным решениям при найме, а также обучении и развитии государственных служащих [Ярошенко, Ковалев 2018; Хвалыга 2020].

Смешивание квалификационных требований и компетенций порождает три основных блока проблем:

- нарушение законодательства: отказ в найме на государственную службу из-за слабой проявленности определенных компетенций является противозаконным при условии, что квалификационные требования соблюдены. В статье 22 Закона № 79-ФЗ¹ записано:

¹ Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 N 79-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 04.09.2024).

«Претенденту на замещение должности гражданской службы может быть отказано в допуске к участию в конкурсе в связи с несоответствием *квалификационным требованиям* к вакантной должности гражданской службы (*курсив наш. — Т. З.*)»;

- неадекватная оценка: подмена квалификационных требований компетенциями при найме на государственную службу создает предпосылки для субъективных решений. Статья 27 Закона № 79-ФЗ требует прозрачности и объективности кадровых процедур, в то время как оценка компетенций может быть субъективной и трудноизмеримой, о чем будет более подробно сказано ниже;
- ограничение потенциала: наоборот, сфокусированность только на формальных квалификациях может ограничить профессиональный потенциал государственного служащего при определении программ обучения. Применение компетентностного подхода существенно расширяет возможности для определения сильных и слабых мест в подготовке государственных служащих и подбора целевых программ обучения.

Становится очевидной необходимость более четкого понимания возможностей и ограничений квалификационного и компетентностного подходов в государственной гражданской службе (ГГС), а также правового статуса компетенций. Необходимо развести эти методы и четко определить зоны их допустимого и желательного применения как с правовой, так и с управленческой точек зрения. Глубокий анализ показывает, что в некоторых областях управления кадрами государственной службы эти подходы следует применять отдельно, в то время как, например, в таких областях, как наставничество, дистанционное обучение и самообразование, важно использовать различные методики обучения с применением обоих подходов [Джафаров, Обухова 2023].

Методология исследования

Методология исследования основывается на смешанном методологическом подходе, сочетающем количественные и качественные методы исследования, включая контент-анализ Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ), Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее — Закон № 79-ФЗ), нормативных актов, определяющих квалификационные требования к должностям, а также соответствующих документов по профессиональным стандартам. Для более глубокого понимания текущей практики, опыта применения и влияния квалификационного и компетентностного подходов на эффективность работы государственных служащих осуществляется разбор конкретных случаев их применения в разных государственных учреждениях (кейс-анализ).

Результаты исследования

В современном мире управление государственным аппаратом предполагает наличие не только определенного уровня квалификации у сотрудников, но и способности применять полученные знания и навыки в решении конкретных задач. В условиях, когда требования к государственным служащим постоянно меняются, применение как квалификационного, так и компетентностного подходов становится особенно актуальным. В то же время отсутствие четкого теоретического осмысления различий квалификационного и компетентностного подходов, которые порождаются в том числе различным правовым статусом формальных квалификаций и компетенций, создает ряд существенных управленческих проблем и правовых коллизий. Для преодоления указанных вызовов в настоящей статье реализована попытка выявить различия компетентностного и квалификационного подходов в управлении кадрами на государственной гражданской службе. Предварительный анализ исследований и практик применения обоих подходов с учетом положений Закона № 79-ФЗ и ТК РФ

позволил выделить следующие критерии для сравнительного анализа: фокус оценки, состав (содержание), критерии отбора и оценки, способ проверки, измеримость результатов, правовой статус, административный статус.

Квалификационный подход исходит из предположения, что, только обладая определенными знаниями и умениями на установленном уровне, человек может эффективно выполнять свои обязанности. Соблюдение квалификационных требований становится важнейшим инструментом, обеспечивающим соответствие кадров потребностям государственных структур и требованиям общества. Идея создания четко формализованных фильтров для попадания на государственную службу по уровню профессиональной подготовки не только способствуют улучшению качества кадров, но и обеспечивает стабильность, профессионализм и ответственность в системе государственного управления.

Ключевые знания и умения, а также требуемые личностные характеристики закрепляются за должностями и получают название квалификационных требований. Квалификационные требования на государственной гражданской службе — это набор обязательных характеристик, отражающих уровень профессионального образования, стаж гражданской службы или стаж работы по специальности, а также профессиональные знания и навыки, наличие которых необходимо для замещения должностей государственной гражданской службы. Профессионально-квалификационные требования к государственным гражданским служащим устанавливаются документами трех уровней: Законом № 79-ФЗ; Указом Президента Российской Федерации от 27 сентября 2005 года № 1131 «О квалификационных требованиях к стажу государственной гражданской службы (государственной службы иных видов) или стажу работы по специальности для федеральных государственных гражданских служащих», а также правительственными нормативно-правовыми актами и актами отдельных государственных органов.

В развитие данных документов Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации на основе «Перечня должностей и видов профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих Российской Федерации» подготовило справочник квалификационных требований к претендентам на замещение должностей государственной гражданской службы. Справочник рекомендуется использовать федеральным государственным органам, государственным органам субъектов Российской Федерации при составлении должностных регламентов гражданских служащих в части установления квалификационных требований для замещения должностей гражданской службы, которые затем используются для оценки профессионального уровня гражданских служащих или претендентов на замещение должностей государственной гражданской службы в ходе таких кадровых процедур, как отбор, включение в резерв или назначение на должности [Васильева 2019].

Квалификационные требования в государственной службе — это требования, предъявляемые к специальностям, направлениям подготовки, знаниям и умениям, которые необходимы для замещения должностей государственной гражданской службы с учетом области и вида профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих. Во всех без исключения развитых странах законодательство четко устанавливает формализованный перечень квалификационных требований к кандидатам на замещение должностей государственной гражданской службы. Например, согласно Закону № 79-ФЗ претендовать на должности гражданской службы могут лишь владеющие русским языком совершеннолетние граждане, соответствующие квалификационным требованиям к уровню профессионального образования, стажу гражданской службы или работы по специальности, к направлению подготовки, знаниям и умениям и специальности. Как было сказано выше, ряд квалификационных требований (к уровню образования,

стажу гражданской службы или работы по специальности) устанавливается Федеральным законом и Указами Президента Российской Федерации в зависимости от категории и группы должностей гражданской службы. Остальные требования, касающиеся знаний, навыков и умений кандидата, а также образовательного профиля, законодательством не регламентированы, а их установление и содержание оставлены на усмотрение конкретных государственных органов.

Роль квалификационных требований в системе управления кадрами государственной гражданской службы многогранна и включает:

- обеспечение профессионализма: четкие требования к образованию, опыту работы и специализированным знаниям гарантируют, что на государственные должности будут назначены специалисты, обладающие необходимой квалификацией для эффективного выполнения своих обязанностей;
- равные возможности для попадания на государственную службу: наличие формализованных критериев для отбора снижает риски протекционизма, кадровой коррупции и фаворитизма при формировании кадрового состава государственных органов и создает равные возможности для граждан при попадании на государственную службу;
- повышение эффективности работы: квалифицированные ГГС способны принимать более взвешенные решения, эффективнее решать поставленные задачи и оптимизировать использование ресурсов;
- создание прозрачной системы отбора: квалификационные требования обеспечивают прозрачность и объективность процесса отбора и назначения ГГС, снижая риск коррупции и субъективизма;
- повышение доверия граждан: граждане более склонны доверять государственным структурам, когда они уверены в профессионализме и компетентности служащих. Четкие квалификационные требования способствуют формированию такого доверия;
- установление стандартов качества: требования к квалификации становятся стандартом, к которому стремятся кандидаты, что стимулирует повышение их профессионального уровня.

Таким образом, подход к отбору и профессиональной подготовке на основе квалификационных требований обладает рядом значимых преимуществ. Он формализован и основывается преимущественно на проверке документов, подтверждающих уровень образования, стаж и опыт работы, а также наличие ключевых знаний. Например, в рамках государственной службы РФ к таким ключевым знаниям могут относиться знание Конституции страны, законодательства о государственной гражданской службе, профильного законодательства, регламентирующего конкретные области и виды деятельности государственного органа, а также специфических научно-практических областей, необходимых для исполнения служебных обязанностей.

Если говорить о классификации квалификационных требований, то те из них, которые не зависят от области и вида деятельности гражданского служащего, определяются как базовые. Они включают в себя знание государственного языка, основ Конституции, законодательства о государственной службе конкретной страны (в большинстве стран сюда также относят законодательство о противодействии коррупции), владение навыками в сфере информационно-коммуникационных технологий, требования к уровню образования и стажу гражданской службы, общие и управленческие навыки, характерные для всех областей и видов профессиональной деятельности на гражданской службе [Волкова и др. 2022; Шаранов и др. 2021].

Квалификационные требования, которые зависят от области и вида деятельности, получили название профессионально-функциональных. Они, в свою очередь, подразделяются на функциональные (зависят от функциональных обязанностей гражданского служащего) и профессиональные (требования к специальностям, направлениям подготовки, знаниям, умениям и навыкам, необходимым для исполнения обязанностей в рамках конкретной области и вида деятельности)². В большинстве стран, так же как и в РФ, список таких требований утверждается документом, имеющим форму справочника квалификационных требований к специальностям, направлениям подготовки, знаниям и умениям с учетом области и вида профессиональной служебной деятельности ГГС. Наглядным примером может служить британский справочник National Vocational Qualifications (NVQs) (Национальная классификация квалификационных стандартов), который был разработан и принят в Великобритании одним из первых в Европе³.

В чем же состоят особенности применения квалификационного подхода? Важным достоинством подхода к обучению, найму и последующему профессиональному развитию на основе квалификационных требований является его полная прозрачность и предсказуемость. Формализованные квалификационные требования создают четкие ориентиры как для разработчиков программ обучения и профессионального развития, так и для кадровиков при последующем отборе [Ситников, Гавриков 2022; Бойко, Барменкова 2024].

Вторым важным достоинством квалификационного подхода является установление базовых, системных ограничений по квалификационному признаку, которые не позволяют проникать на государственную службу тем, кто может нанести ей вред низким уровнем профессионализма или отсутствием конкретных знаний. До вступления в силу Закона № 79-ФЗ и Указа Президента случались прецеденты, когда, например, одну из ведущих должностей в строительном комплексе г. Москвы занимал человек с неполным средним образованием. Не редкостью были и заместители министров без всякого профильного образования или даже с незавершенным высшим образованием.

Наконец, третье важнейшее достоинство данного подхода — законодательное закрепление квалификационных ограничений на вход в государственную службу. Формализованный статус квалификационных требований позволяет применять их не только в качестве официального эталона/фильтра при проведении обучающих и кадровых мероприятий. Они также становятся законным основанием для проведения проверок, в том числе с привлечением сил прокуратуры. Установленные требования превращаются в непререкаемые аргументы для увольнения неквалифицированных работников. Таким образом, создание правовой основы и справочников квалификационных требований является огромным шагом вперед на пути к снижению кадровых рисков государственной службы.

Однако самого по себе наличия справочника квалификационных требований недостаточно для гарантированного снижения рисков непрофессионализма. Например, исследования, проведенные в РФ 5 лет спустя после утверждения нового поколения квалификационных требований, обнаружили, что ряд государственных гражданских служащих не соответствует даже базовым квалификационным требованиям. Так, анализ 1238 деловых писем показал, что зачастую в деловой переписке государственные служащие не соблюдают нормы русского языка. Наиболее часто допускаемые служащими ошибки — грамматические (27%), орфографические (26%), пунктуационные (22%), ошибки при оформлении (10%), фактические (5%), нарушение абзацного деления текста (4%),

² Методический инструментарий по установлению квалификационных требований для замещения должностей государственной гражданской службы. Версия 3.2 // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://rostrud.gov.ru/upload/iblock/32e/metod_ins.pdf (дата обращения: 16.06.2024).

³ After the QCF: A New Qualifications Framework. P. 4 // Gov.uk [Электронный ресурс]. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/461401/after-the-qcf-a-new-qualifications-framework-decisions-on-conditions-and-guidance-for-the-rqf.pdf (дата обращения 19.06.2024).

логические (3%), речевые (2%), стилистические (1%) [Котлярова 2017]. Кроме того, наблюдается явная этическая безграмотность государственных служащих в их общении как с руководителями и подчиненными, так и с коллегами и гражданами [Там же].

Для усиления положительного эффекта от введения квалификационных требований на государственной службе важно дополнять их контролем практики применения. В тех странах (например, в США и большинстве стран Евросоюза), где существуют специальные органы, ответственные за государственную службу (обычно в статусе министерств или агентств), аудит исполнения квалификационных требований осуществляется ими. В тех странах, где отсутствуют такие специальные органы (в частности, в РФ и во многих странах постсоветского пространства), такими полномочиями наделяется прокуратура.

В то же время подход на базе квалификационных требований обладает и заметными ограничениями. Основной недостаток состоит в узости трактовки состава требований, необходимых для исполнения обязанностей на должностях госслужбы. Иными словами, обратной стороной возможности установления четких стандартов и, следовательно, формальной проверки квалификационных требований является отрезание целого пласта явлений, которые не поддаются столь четкой формализации, но тем не менее оказывают существенное влияние на эффективность и качество деятельности государственных служащих. К таким явлениям можно отнести способности (общие и специальные); черты характера; ценностные ориентации; мотивацию; сложившиеся паттерны поведения; наработанные навыки и автоматизмы, выходящие за рамки узкопрофессиональных или функциональных, но оказывающие влияние на эффективность исполнения обязанностей; даже общий кругозор и многое другое.

Другим недостатком подхода к управлению кадрами на основе квалификационных требований является его негибкость. В динамично меняющемся мире квалификационные требования должны быть гибкими и адаптироваться к изменяющимся потребностям. Но на практике пересмотр и обновление квалификационных требований происходит крайне редко. Например, квалификационные требования к специальностям, направлениям подготовки, знаниям и умениям, которые необходимы для замещения должностей ГГС с учетом области и вида профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих за последнее десятилетие пересматривались всего дважды: в 2017 году (Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 16 «О квалификационных требованиях к стажу государственной гражданской службы или стажу работы по специальности, направлению подготовки, который необходим для замещения должностей федеральной государственной гражданской службы») и в 2022 году (Федеральный закон от 29.12.2022 № 645-ФЗ, который внес изменения в статью 12 Закона № 79-ФЗ).

Из такого недостатка квалификационного подхода к управлению кадрами государственной гражданской службы вытекает и другой недостаток: несоответствие установленных квалификационных требований реальным потребностям государственных структур. Требования могут отрываться от практики, запаздывать или слишком узко трактовать набор необходимых квалификаций для обеспечения эффективности государственного управления.

Таким образом, квалификационные требования играют роль «несжимаемого остатка» базового, профессионального и функционального набора знаний, навыков и умений, которыми обязан обладать государственный служащий для того, чтобы быть допущенным к исполнению своих профессиональных обязанностей.

С появлением компетентностного подхода данные ограничения квалификационного подхода были частично преодолены [Чепухалина 2021]. Компетентностный подход, который нашел свое применение в современной системе подготовки кадров для государственной службы,

начал использоваться с конца 60-х годов. Его отличает более широкая трактовка требований, которым следует соответствовать перспективным кандидатам или действующим специалистам для эффективного исполнения своих служебных обязанностей. Суть компетентного подхода состоит в создании расширенной (по сравнению с квалификационными требованиями) модели показателей, характеризующих содержание конкретной профессии и определяющих уровень успешности ее осуществления [Васильева 2021]. Формируемая модель показателей получила название «модель компетенций». В сжатом виде компетентный подход реализуется через разработку модели компетенций, которая, в свою очередь, основана на подходах к определению характеристик сотрудника, критически необходимых для его результативной деятельности [Медведева 2020]. Созданная модель компетенций применяется затем для формирования портрета нужного организации работника, для оценки и обучения сотрудников, а также для их вознаграждения [Галиакберова 2020].

Таким образом, первое отличие квалификационных требований от компетенций состоит в том, что квалификационные требования определяют нижнюю грань, выше которой возникает возможность осуществления определенной профессиональной деятельности. А установленная для данной профессии или должности модель компетенций — это набор стандартов, при наличии и использовании которых создаются предпосылки для высокого качества ее осуществления. Следовательно, квалификационные требования входят обязательным компонентом в состав модели компетенций и закрывают собой ту область, которая относится к минимально необходимому набору знаний, навыков и умений, наличие которых существенно снижает риск возникновения критических ошибок в рамках исполнения установленных обязанностей. В то же время необходимые знания и навыки в квалификационном и компетентном подходах трактуются по-разному. В квалификационном подходе учитываются только те знания и навыки, которые могут быть подтверждены документами (диплом, сертификат, результаты проверки через применение формализованной процедуры аттестации и др.), то есть формальные квалификации. В компетентном подходе учитывается самый широкий спектр знаний и навыков, которые могут не иметь статус формальных квалификаций.

В настоящий момент среди исследователей отсутствует единое понимание понятия «компетенция». Более того, состав компетенций постоянно обновляется, в него добавляются все новые и новые компоненты по мере развития теории и практики. На данном этапе можно привести определение компетенций, которое включает в себя те элементы, которые больше не вызывают споров и сомнений со стороны экспертов. В таком узком толковании под *компетенциями* понимается совокупность знаний, умений и навыков, а также мотивации, способностей и личностных особенностей человека, которые способствуют успешной реализации профессиональной деятельности. В свою очередь, компетентность представляет собой способность эффективно выполнять должностные обязанности, опираясь на опыт, имеющиеся компетенции, во взаимодействии внутри организации и с внешней средой. Для целей настоящей статьи введем также определение понятия модели компетенций, под которой будем понимать иерархический перечень, в котором зафиксирован конкретный набор компетенций, определенных в соответствии с требованиями к должности [Мартынков и др. 2021; Сюрдюкова 2023].

Компетенции создают некий эталонный набор того, что способствует лучшему исполнению определенной профессиональной деятельности. Однако мало было придумать идею эталонного набора индивидуализированных показателей/компонентов, необходимых для повышения эффективности труда. Исследователям и практикам предстояло: 1) решить в каких терминах и категориях описывать данный эталонный набор; 2) понять, каким способом и на каких этапах

системы пожизненного обучения его формировать и развивать; 3) создать технологии выявления и оценки компетенций; 4) продумать аргументированный (достаточный, но не избыточный) набор административных шагов/последствий в случае выявления нехватки компетенций у конкретного сотрудника.

Таким образом, введение компетентного подхода позволило реализовать новый взгляд на вопрос профессионализма: от минимального соответствия (квалификационные требования) перейти к обязательным предпосылкам профессиональной успешности (компетенции). Это было важным шагом вперед и существенным развитием теории развития кадрового потенциала организации. Роль компетенций в системе управления кадрами государственной гражданской службы также многопланова и открывает следующие возможности:

- 1) более эффективное выполнение служебных обязанностей: компетенции отражают не только знания и навыки, но и умение их применять на практике, решать сложные задачи в условиях неопределенности и ограниченных ресурсов. Это приводит к повышению эффективности работы государственных органов;
- 2) принятие качественных управленческих решений: компетенции, такие как аналитическое мышление, стратегическое планирование и принятие решений, обеспечивают принятие обоснованных и эффективных решений, учитывающих интересы общества и государства;
- 3) эффективное взаимодействие и коммуникация: компетенции в области коммуникации, работы в команде и сотрудничества способствуют продуктивному взаимодействию государственных служащих между собой, с представителями общественности и другими заинтересованными сторонами;
- 4) стимулирование профессионального роста: определение необходимых компетенций позволяет создавать программы обучения и развития государственных служащих, направленные на повышение их профессионального уровня и соответствие современным требованиям;
- 5) укрепление служебной культуры: компетенции способствуют формированию позитивной и профессиональной культуры внутри государственных органов, основанной на принципах эффективности, этики и ответственности.

В то же время компетентный подход обладает и рядом ограничений. Первое важнейшее ограничение связано с правовым статусом категории «компетенция». Контент-анализ Закона № 79-ФЗ показал, что термин «компетенция» упоминается в законе один раз, но и то в значении «полномочия» (статья 18 пункт 3): «осуществлять профессиональную служебную деятельность в рамках установленной законодательством Российской Федерации компетенции государственного органа». В ТК РФ данный термин упоминается 6 раз и опять исключительно в значении «полномочия» (статьи 5, 8, 22, 45, 345). В статье 219 данный термин используется как качественная характеристика: «Обучение по охране труда — процесс получения работниками, в том числе руководителями организаций, а также работодателями — индивидуальными предпринимателями знаний, умений, навыков, позволяющих формировать и развивать необходимые компетенции с целью обеспечения безопасности труда, сохранения жизни и здоровья».

Таким образом, понятие «компетенция», понимаемое как характеристика уровня профессиональной успешности человека, отсутствует в правовом поле трудового законодательства и законодательства государственной гражданской службы. Ни в одном из указанных базовых документов нет указаний на допустимость использования результатов оценки уровня компетенций для принятия решений о судьбе персонала. Следовательно, все административные решения,

принятые со ссылкой на уровень компетенций соискателя или действующего государственного служащего (найм, увольнение, повышение в должности и т. п.), являются незаконными.

Многие авторы уже давно обратили внимание на зыбкий правовой статус категории «компетенция» в российском законодательстве и предлагают свои решения для правового закрепления профессиональных компетенций. Минтруд России совместно с подведомственными НИИ активно разрабатывает и внедряет профессиональные стандарты, которые устанавливают более широкий набор требований к знаниям, навыкам и умениям государственных и муниципальных служащих. Однако на сегодняшний день в правовом поле отсутствуют профессиональные стандарты, четко определяющие необходимый и/или минимальный набор компетенций и навыков для государственных и муниципальных служащих. Это означает, что нет официально утвержденных и действующих документов, которые бы регламентировали, какие знания, умения и личностные качества должны быть у данных категорий сотрудников. Следовательно, нет законодательно закрепленных критериев для оценки их квалификации и профессиональной подготовки при принятии решения о найме или увольнении, продвижении по службе.

Второе ограничение компетентного подхода проистекает из отсутствия единого мнения по составу компетенций. Разные научные школы в России и за рубежом предлагают свое видение составляющих компетенций. Например, по определению Министерства труда и социальной защиты РФ, компетенция — это «комплекс проявляемых в поведении гражданского служащего профессиональных и личностных качеств, свидетельствующий о наличии необходимых для эффективного и результативного исполнения должностных обязанностей знаний, умений, а также опыта профессиональной деятельности»⁴. По мнению Е.А. Васильевой, «компетенция в профессиональном аспекте понимается как совокупность профессиональных знаний, умений и навыков, а также личностных качеств, обеспечивающих эффективную трудовую деятельность [Васильева 2019, 332]. Согласно другому подходу, под профессиональной компетенцией понимаются «профессионально статусные возможности по осуществлению человеком государственных, социальных и личностных полномочий в профессиональной деятельности» [Ярошенко, Кавалев 2018, 174]. Как показывает даже данный беглый анализ, состав компетенций в понимании разных авторов существенно различается. Более того, некоторые авторы настаивают на том, чтобы термин «компетенция» применялся исключительно в значении «полномочия». А степень профессиональной готовности, по их мнению, следует определять понятием «компетентность» [Там же].

Отсутствие единого мнения в этом вопросе существенно затрудняет задачу сквозного подхода к формированию, проверке и последующему развитию компетенций [Рысаев 2018; Алдошин 2023].

Второе ограничение связано с диагностикой компетенций. Даже в узком трактовании компетенций, которое признается всеми учеными и практиками, наличие такого компонента, как личностные характеристики, создает существенные сложности для их выявления и проверки. Здесь важно заметить, что личностные характеристики также входят в состав квалификационных требований. Но, так же как и в случае со знаниями, навыками и умениями, в квалификационном подходе учитываются только те личностные характеристики, которые получили документальное подтверждение (например, характеристика с места работы, результаты формализованной процедуры аттестации и др.).

⁴ Методический инструментарий по установлению квалификационных требований для замещения должностей государственной гражданской службы. С. 9 // Минтруд РФ [Электронный ресурс]. URL: https://rostrud.gov.ru/upload/iblock/32e/metod_ins.pdf (дата обращения: 16.06.2024).

В компетентностном подходе в расчет берутся не личностные характеристики человека, а скорее свойства личности, в том числе черты характера, задатки и способности, установки и мотивация и т. д. Большинство подобных личностных характеристик имеют расплывчатые границы, слабо поддаются формализации и поэтому проверяются с использованием методов, которые имеют высокую степень субъективизма. Это, в свою очередь, создает сложности для системы образования, в том числе высшей школы. Идеология компетентностного подхода требует постоянного мониторинга прогресса в формировании заданного набора компетенций на разных этапах обучения. Однако вопрос инструментария подобных проверок до сих пор остается до конца не решенным. Ощущается явный недостаток методического обеспечения и отсутствия стандартизации компетенций [Мирошникова, Шангереев 2021].

Третьим ограничением компетентностного подхода является отсутствие нулевого значения — иными словами, наличие континуума в проявленности той или иной компетенции [Фирсов, Дзиковский 2022]. Для сравнения: при установлении квалификационных требований всегда имеется четкая граница, которая определяет присутствие или отсутствие критически важного знания или навыка. Наличие такой границы является ключевым условием применения квалификационных требований. В случае с компетенциями мы всякий раз имеем дело со шкалой (размерность шкалы может варьироваться от 3 до 10 единиц в зависимости от подхода). При проведении диагностики определяется степень выраженности компетенции у данного человека. Варианты, когда какая-то компетенция не представлена вообще, на практике у здорового человека не встречаются (ибо это означало бы некую грань психической или телесной патологии). Объективное отсутствие нижней «проходной» границы нормы исключает возможность увольнения по формальному признаку. По этой причине все решения на базе компетенций, которые применяются в образовании, профессиональном отборе или развитии, носят рекомендательный характер. Например, известная модель базовых компетенций государственных служащих CAF (Common Assessment Framework), разработанная и широко применяемая в странах Евросоюза, имеет форму самооценки и является добровольной к применению.

Четвертое ограничение компетентностного подхода состоит в том, что отсутствие у компетенций четких границ создает объективную невозможность придания им формального правового статуса, который, в частности, позволял бы увольнять работников с критически низким уровнем компетентности. По этой причине в разных странах все методические разработки по управлению кадрами госслужбы, которые базируются на компетенциях, всегда начинаются и заканчиваются фразами, что компетентностные модели носят характер ориентира и не могут служить формальным основанием для карьерных изменений или увольнения. Максимум, на котором информация о степени проявленности компетенций у конкретного служащего может быть использована для принятия административных решений, — составление программ профессионального развития и доподготовки, а также включение или невключение работника в резерв на выдвижение.

Применение компетентностного подхода на государственной службе, несомненно, несет в себе большой потенциал для повышения эффективности и качества работы. Однако, как и любая инновация, он требует тщательного анализа и учета возможных ошибок. Помимо выделенных ранее ограничений компетентностного подхода, анализ и обобщение исследований позволили выявить ряд ошибок в практике применения данного подхода на государственной гражданской службе:

- 1) декларативность компетенций. Возникает из-за несоответствия реального наполнения рабочего места и установленных для него компетенций [Иконникова и др. 2020];

- 2) пересекающиеся компетенции. Возникают из-за использования схожих индикаторов для разных компетенций или нечеткого определения границ компетенций [Ярошенко, Ковалев 2018];
- 3) многокомпонентные компетенции. Возникают при использовании излишне многословных индикаторов [Ярошенко, Ковалев 2018; Васильева 2021];
- 4) противоречивые компетенции. Возникают из-за использования утверждений с противоречивыми смыслами [Ярошенко, Ковалев 2018; Васильева 2021];
- 5) несоответствие компетенций требованиям должности. Возникают в случае игнорирования управленческих компетенций при составлении профилей компетенций для руководителей [Васильева 2021];
- 6) излишние компетенции. Сопоставление профессионального стандарта и стандарта высшего образования выявляет наличие излишних компетенций, преимущественно в области аналитической и экспертной деятельности [Там же];
- 7) путаница в оформлении моделей компетенций. Отсутствие единых норм и шаблонов при оформлении компетенций приводит к применению самых различных, не всегда информативных способов документирования компетенций [Волкова и др. 2022].

Как же соотносятся между собой понятия «квалификационные требования» и «компетенции»? Можем ли мы сказать, что один подход является продолжением другого? Проведенный анализ позволяет однозначно утверждать, что квалификационный и компетентностный подходы в управлении кадрами государственной службы не совпадают. Они имеют множество базовых различий, хотя и оперируют схожими категориями (например, знания, навыки, личностные характеристики). Однако, как это было подробно рассмотрено выше, даже выделенные пересекающиеся категории трактуются обоими подходами по-разному. Проиллюстрируем соотношение понятий компетенции и квалификационные требования с помощью диаграммы Венна — Эйлера (Рисунок 1).

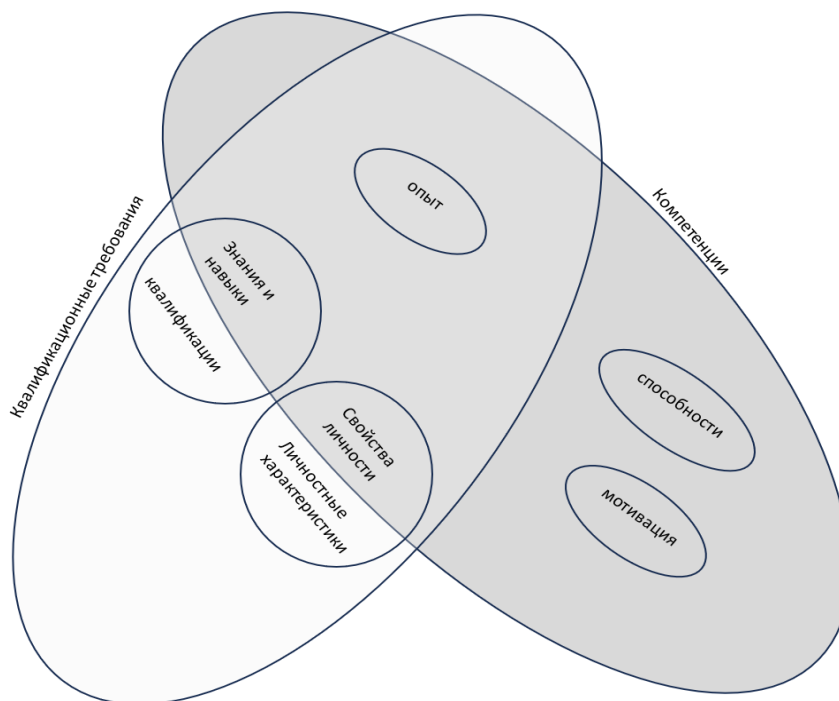

Рисунок 1. Соотношение понятий «квалификационные требования» и «компетенции»⁵

⁵ Составлено автором.

Означает ли все вышесказанное, что применение одного из двух подходов исключает возможность применения другого? Ответ — нет. Совместное применение квалификационного и компетентностного подходов позволит существенно обогатить практику управления кадрами государственной службы и повысит ее эффективность. Однако крайне важно учитывать возможности и ограничения каждого из этих подходов во избежание правовых или управленческих ошибок.

Подводя итоги, можно суммировать выделенные базовые отличия в подходах к обучению, найму и профессиональному развитию государственных служащих на основании квалификационных требований и с использованием компетентностного подхода. Напомним, что для сравнительного анализа были выделены и применены следующие критерии сравнения: фокус оценки, состав, требуемая степень проявленности, правовой статус, способ проверки, измеримость результатов, административный статус (Таблица 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ практики применения квалификационных требований и профессиональных компетенций⁶

Критерии сравнения \ Подходы	Квалификационные требования	Компетенции
Фокус оценки	Ориентирован на формальные показатели: наличие дипломов, сертификатов, стажа работы, пройденных курсов повышения квалификации и т. п. Фокус на то, что сотрудник знает и умеет делать теоретически, согласно формальным требованиям.	Сосредоточен на практических навыках и поведенческих характеристиках, необходимых для успешного выполнения должностных обязанностей. Фокус на то, как сотрудник применяет свои знания и умения на практике, демонстрируя конкретные результаты.
Состав	Требования к образованию, опыту и профессиональным навыкам, личным характеристикам (учитываются только те, которые указываются в формализованных документах, например характеристика с предыдущего места работы).	Знания, навыки, умения, свойства личности (в узком понимании) + мотивация, опыт и способности (в широком понимании).
Требуемая степень проявленности	В минимальном объеме, необходимом для допуска к исполнению обязанностей.	В объеме, необходимом для качественного и успешного исполнения обязанностей.
Правовой статус	Устанавливаются законодательно через набор законов и подзаконных актов разного уровня.	Устанавливаются через внутриорганизационные стандарты.
Способ проверки	Подтверждаются официальными документами (диплом об образовании, трудовая книжка с указанием стажа и т. п.), формализованными экзаменами или медицинским освидетельствованием.	Подтверждаются серией проверок и испытаний в зависимости от состава и направленности компетенции (центры оценки, структурированные интервью, психологическое тестирование и т. п.).
Наличие четких границ / измеримость результатов	Устанавливаются четкие границы присутствия/отсутствия проверяемого знания, навыка или умения.	При диагностике применяются шкалы разной размерности, где нулевое значение не используется.
Административный статус	Отсутствие установленного квалификационного требования может служить основанием для увольнения.	Отсутствие компетенции, выраженной в должной степени, не может служить основанием для увольнения.

Таким образом, квалификационный и компетентностный подходы имеют ряд существенных отличий и по составу устанавливаемых требований, и по практике применения, и по решаемым управленческим задачам. В то же время при одновременном применении они хорошо дополняют друг друга, снимая множество кадровых рисков и способствуя неуклонному наращиванию профессионализма государственных служащих.

⁶ Составлено автором.

Выводы

Проведенное исследование ясно показывает необходимость синтеза компетентностного и квалификационного подходов в развитии кадрового потенциала государственных служащих. Квалификация, являясь фундаментом профессиональной подготовки, не всегда способна отразить динамичные требования современной государственной службы. В то время как компетентностный подход, сфокусированный на практических навыках и адаптивности, может не иметь достаточно прочной теоретической основы.

Исследование подчеркивает преимущества комплексного подхода, который объединяет развитие компетенций и выполнение квалификационных требований. Такое совмещение создает более полную и эффективную стратегию развития, повышающую навыки и знания государственных служащих и одновременно обеспечивающую их соответствие меняющимся потребностям государственного сектора.

Ключевым моментом для государственных учреждений является создание условий для реализации этого синтеза. Необходимо пересмотреть существующие системы квалификации, включив в них необходимые компетенции наряду с традиционными знаниями и навыками. Важно разработать целевые программы профессионального развития, которые выходят за рамки стандартного академического преподавания и фокусируются на развитии практических навыков, критического мышления, навыка решения проблем и лидерских компетенций. Необходимо интегрировать методы оценки, включая оценку достижений, реальные проекты наряду с традиционными экзаменами и сертификациями. Следует поощрять культуру непрерывного обучения и развития в государственном секторе, предоставляя возможности для постоянного профессионального развития, наставничества и обучения среди коллег.

Внедрение такого интегрированного подхода позволит государственному сектору подготовить свои кадры для эффективного решения современных вызовов, обеспечить высокое качество государственных услуг и создать более эффективное, «отзывчивое» и ориентированное на граждан управление.

Список литературы:

Алдошин М.О. Профессиональное развитие кадров государственного и муниципального управления Московской области посредством компетентностного подхода // Управление экономическими системами. 2023. № 3(43). С. 4–8.

Бойко А.Н., Барменкова Н.А. Новые подходы и технологии кадрового обеспечения государственной гражданской службы // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2024. № 1. С. 80–91. DOI: [10.33983/2075-1826-2024-1-80-91](https://doi.org/10.33983/2075-1826-2024-1-80-91)

Васильева Е.А. Профессиональная деятельность государственных служащих: компетентностный подход // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12. № 4. С. 329–349. DOI: [10.21638/spbu12.2019.403](https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.403)

Васильева Е.А. Формирование компетенций государственных служащих: социологический анализ // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 9(89). С. 15–24. DOI: [10.24158/spp.2021.9.1](https://doi.org/10.24158/spp.2021.9.1)

Волкова А.Г., Власов А.Б., Кремер К.И. Направления и проблемы в применении компетентностного подхода к деятельности государственных служащих // Вестник МГЭИ (on line). 2022. № 2. С. 5–15. DOI: [10.37691/2619-0265-2022-0-2-5-15](https://doi.org/10.37691/2619-0265-2022-0-2-5-15)

Галиакберова Э.З. Базовые требования к профессиональной компетентности государственных гражданских служащих // Молодой ученый. 2020. № 4(294). С. 109–112.

Гришина К.В., Карманова Е.Д. Оценка квалификации государственных и муниципальных служащих // Материалы Афанасьевских чтений. 2023. № 4(47). С. 96–99.

Джафаров М.Р., Обухова Л.А. Профессиональное обучение государственных гражданских служащих Республики Дагестан // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 5. № 12(141). С. 86–93. DOI: [10.36871/ek.up.p.r.2023.12.05.011](https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2023.12.05.011)

Зайцева Т.В., Опарина Н.Н., Панова Е.А. Формирование квалификационных требований к государственным гражданским служащим на основе компетентностного подхода // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 46. С. 277–290.

Иконникова И.В., Идрисов Р.И., Стажинский Я.С. Компетентностный подход и его место в управлении содержанием квалификационных требований к государственным гражданским служащим // Russian Economic Bulletin. 2020. Т. 3. № 6. С. 34–39.

Котлярова О.В. Коммуникативная компетентность современного государственного служащего // Вестник Московского государственного областного университета. 2017. № 4. С. 8–17. DOI: [10.18384/2310-7278-2017-4-8-17](https://doi.org/10.18384/2310-7278-2017-4-8-17)

Мартынков Е.О., Сушкова И.В., Трещевская Н.Ю. Об актуальности совершенствования профессионального развития государственных гражданских служащих на основе компетентностного подхода (на примере управления государственной службой и кадров правительства Воронежской области) // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2021. № 4. С. 11–15.

Медведева Н.В. Профессионально-личностный профиль государственного гражданского служащего: оценка личностных качеств // Личность: ресурсы и потенциал. 2020. № 4(8). С. 40–46.

Мирошникова Е.А., Шангереев В.И. Роль компетентностного подхода в повышении качества кадрового потенциала государственной службы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 3–2(54). С. 217–221. DOI: [10.24412/2500-1000-2021-3-2-217-221](https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-3-2-217-221)

Рысаев И.Ш. Компетентностный подход в подготовке современных руководителей: проблемы и перспективы // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2018. № 6(144). С. 76–81.

Ситников М.А., Гавриков Ф.А. Теоретические аспекты подготовки государственных служащих Российской Федерации // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2022. № 4(46). С. 82–85.

Сюрдюкова Е.В. Теоретические подходы к изучению компетенции специалиста // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/28PSMN623.pdf>

Фирсов М.В., Дзиковский А.С. Правовое закрепление универсальных профессиональных компетенций руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18. № 2. С. 104–109.

Чепухалина М.А. Ключевые компетенции государственного служащего будущего (коллективный портрет госслужащего нового времени) // Инновации и инвестиции. 2022. № 1. С. 60–64.

Шаранов Ю.А., Бородавко Л.Т., Рожков А.А. Рациональные пределы в развитии системы подготовки кадров в органах внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 2(92). С. 219–226.

Ярошенко Г.В., Ковалев Н.Ю. Противоречия внедрения компетентностного подхода в практику профессионализации государственной гражданской службы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 3. С. 174–179. DOI: [10.22394/2079-1690-2018-1-3-174-179](https://doi.org/10.22394/2079-1690-2018-1-3-174-179)

References:

Aldoshin M.O. (2023) Professional Development of the Personnel of the State and Municipal Administration of the Moscow Region through a Competence-Based Approach. *Upravleniye ekonomicheskimi sistemami*. No. 3(43). P. 4–8.

Boiko A.N., Barmenkova N.A. (2024) New Approaches and Technologies of Staffing State Civil Service. *Menedzhment i biznes-administrirovaniye*. No. 1. P. 80–91. DOI: [10.33983/2075-1826-2024-1-80-91](https://doi.org/10.33983/2075-1826-2024-1-80-91)

- Chepkhalina M.A. (2022) Key Competencies of a Civil Servant of the Future (Collective Portrait of a Civil Servant of the New Time). *Innovatsii i investitsii*. No. 1. P. 60–64.
- Dzhafarov M.R., Obukhova L.A. (2023) Professional Training of Civil Servants of the Republic of Dagestan. *Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya*. Vol. 5. No. 12(141). P. 86–93. DOI: [10.36871/ek.up.p.r.2023.12.05.011](https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2023.12.05.011)
- Firsov M.V., Dzikovsky A.S. (2022) Legal Consolidation of Universal Professional Competencies of Heads of Territorial Bodies of Federal Executive Bodies. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki*. Vol. 18. No. 2. P. 104–109.
- Galiakbekova E.Z. (2020) Bazovyye trebovaniya k professional'noy kompetentnosti gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh [Basic requirements for professional competence of civil servants]. *Molodoy uchenyy*. No. 4(294). P. 109–112.
- Grishina K.V., Karmanova E.D. (2023) The Identity of the Criminal and the Victim of Crime in Modern Society. *Materialy Afanas'yevskikh chteniy*. No. 4(47). P. 96–99.
- Ikonnikova I.V., Idrisov R.I., Stazhinsky Ya.S. (2020) Competence Approach and Its Place in Managing the Content of Qualification Requirements for Public Civil Servants. *Russian Economic Bulletin*. Vol. 3. No. 6. P. 34–39.
- Kotlyarova O.V. (2017) Communicative competence of modern civil servants. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. No. 4. P. 8–17. DOI: [10.18384/2310-7278-2017-4-8-17](https://doi.org/10.18384/2310-7278-2017-4-8-17)
- Martynkov E.O., Sushkova I.V., Treshchevskaya N.Y. (2021) On the Relevance of Improving the Professional Development of State Civil Servants on the Competence Based Approach (on the Example of the Civil Service and Professional Development of the Government of the Voronezh Region). *Vestnik Voronezhskogo instituta ekonomiki i sotsial'nogo upravleniya*. No. 4. P. 11–15.
- Medvedeva N.V. (2020) Professional and Personal Profile of the State Civil Society Employee: Assessing Personal Qualities. *Lichnost': resursy i potentsial*. No. 4(8). P. 40–46.
- Miroshnikova E.A., Shangereev V.I. (2021) The Role of the Competence Approach in Improving the Quality of the Personnel Potential of the Civil Service. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. No. 3–2(54). P. 217–221. DOI: [10.24412/2500-1000-2021-3-2-217-221](https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-3-2-217-221)
- Rysaev I.Sh. (2018) Competence-based Approach in the Training of Modern Leaders: Problems and Prospects. *Ekonomika i upravleniye: nauchno-prakticheskiy zhurnal*. No. 6(144). P. 76–81.
- Sharanov Y.A., Borodavko L.T., Rozhkov A.A. (2021) Rational Limits in the Development of the Personnel Training System in the Internal Affairs Bodies. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. No. 2(92). P. 219–226.
- Sitnikov M.A., Gavrikov F.A. (2022) Teoreticheskiye aspekty podgotovki gosudarstvennykh sluzhashchikh Rossiyskoy Federatsii [Theoretical aspects of professional development of Russian civil servants]. *Rossiyskaya nauka i obrazovaniye segodnya: problemy i perspektivy*. No. 4(46). P. 82–85.
- Syurdyukova E.V. (2023) Theoretical Approaches to the Study of a Specialist's Competence. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*. Vol. 11. No. 6. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/28PSMN623.pdf>
- Vasilieva E.A. (2019) Professional Activities of Civil Servants: A Competency-Based Approach. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. Vol. 12. No. 4. P. 329–349. DOI: [10.21638/spbu12.2019.403](https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.403)
- Vasilieva E.A. (2021) Formation of Competencies of Public Employees: Sociological Analysis. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. No. 9(89). P. 15–24. DOI: [10.24158/spp.2021.9.1](https://doi.org/10.24158/spp.2021.9.1)
- Volkova A.G., Vlasov A.B., Kremer K.I. (2022) Directions and Problems in the Application of the Competence Approach to the Activities of Civil Servants. *Vestnik MG·EI (on line)*. No. 2. P. 5–15. DOI: [10.37691/2619-0265-2022-0-2-5-15](https://doi.org/10.37691/2619-0265-2022-0-2-5-15)

Yaroshenko G.V., Kovalev N.Yu. (2018) Contradictions of Implementation of the Competencial Approach in the Practice of Professionalization of the State Civil Service. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski*. No. 3. P. 174–179. DOI: [10.22394/2079-1690-2018-1-3-174-179](https://doi.org/10.22394/2079-1690-2018-1-3-174-179)

Zaytseva T.V., Oparina N.N., Panova E.A. (2014) Qualification Requirements for Civil Servants: The Competence Approach. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 46. P. 277–290.